

Ворон
Ольга

Инициатор

Роман — финалист конкурсов "Трансильвания", "Триммера", "Партенит". Здесь — в первоначальном варианте.

Вампиры и церковь... Кажется, что это несовместимо. Но, ведь, не зря же церковь веками так мягко обходит все вопросы, связанные с существованием касты бессмертных! Вам кажется, что они в них не верят? А, может быть, просто они ими... живут? Льётся кровь и ломаются судьбы, проходят тысячелетия веры и безверия. И на земле среди людей живут нелюди. Но "человечность" — это не только о человеке.

Глава 1. Начало

Инициатор: во имя отца.

Религия — это убеждение, что все происходящее с нами необычайно важно. И именно поэтому она будет существовать всегда.

Чезаре Павезе

*Я однажды проснусь, а вокруг — мир другой
Светел, чист, бесконечно прекрасен,
А на троне высоком — царица Любовь,
А на меньшее я не согласен!*

Н.Носков

1. Начало.

Листва городских деревьев уже потеряла весенний лоск, но пьянящий запах пробуждения растекался в воздухе. Казалось, что он липкой паутиной расползается по пространству, обволакивая дома, машины, киоски, готические фонарные столбы и ограду, и ловит прохожих. И люди тут же становятся похожи на мух в растительном масле — замедляются, лениво шевеля лапами и оглядываясь в поисках киоска с мороженым или квасом и свободной скамейки. Весна в этом году пришла поздно, в который раз напугав мир мифом о ледниковом периоде, но, наступив, придавила небывалой жарой, превратив город в одну большую песочницу — пыль, пыль, пыль...

Алиса стояла возле бокового входа в городской парк и делала вид, что разглядывает витрину модельного бутика на другой стороне улицы. Застывшие в нелепо-подтянутых позах манекены, кружевные тряпки, знаменующие переход на летнее время; во всём — строгий минимализм, будто материал так дорог, что жалко потратить лишний сантиметр для прикрытия наготы. А по всему стеклу витрины пунктирами клякс от пейнтбольных шарикови отдельно, краской, чёрный крест с золотыми лучами и надпись — «Жечь сук!». Ниже строчкой иероглифического ребуса название команды «защитников церкви». Ничего занимательного, но взгляд зацепился, сознание схватилось за решение задачи — хоть какое-то развлечение. Впрочем, ответ пришёл раньше, чем линии сложились в символы, — «сыны Единой» — и Алиса потеряла интерес к надписи.

Невыносимая жара вынуждала прятать лицо в тени широкополой шляпы, а глаза под солнцезащитными очками, и одеться пришлось соответствующе — в модельный костюм с юбкой чуть ниже колена и босоножки. Алисе очень хотелось скинуть тесную обувь, переодеться в любимое длинное платье, а вместо изящной сумочки прихватить потёртый городской рюкзак, но вносили свои коррективы жара и назначенная встреча.

Из парка неслась музыка, роковыми раскатами диссонирующая с вязким состоянием окружающего мира. Сперва Алисе казалось, что в кафе неподалёку работает недобросовестный ди-джей, но вскоре зазвучала новостная заставка радио, и в её глазах это извинило получившийся контраст.

— Победа партии «Единой Церкви» на выборах, — это победа, в первую очередь, духовности нашего народа, которая поднимет Россию на качественно новый уровень развития, позволив достичь небывалых высот. Наша страна всегда была известна природными богатствами и духовностью людей, и именно это... — знакомый голос Президента оборвался — кто-то из работников кафе переключил канал. Но по всем радиостанциям новости передавали одновременно — хочешь или нет, а слушать придётся.

— ...решение синода «Единой Церкви» участвовать в политической борьбе было не только оправданным, но и необходимым, чтобы доказать понятное каждому верующему — что любая власть от бога...

— ...Единая Церковь сможет объединить людей перед лицом угрозы терроризма и...

— ...взрывное устройство, заложенное в школьный автобус, было успешно обезврежено силами...

— ...Григорий Мирошенко выступил против инициативы Единой Церкви о принудительном введении чипов контроля представителям религиозных меньшинств...

— ...двадцать пять человек убитыми, шестьдесят раненых, среди них...

— ...областной суд отказался рассматривать дело о нарушении тайны исповеди и не принял иска о ...

— ...регион потрясло появление нового маньяка-Потрошителя...

— ...явлено очередное чудо раскаяния...

Наконец радио поймало мелодию, и мозаика новостей закончилась. Алиса прикрыла глаза — в ушах звучали обрывки, шорохи, бессмысленные словосочетания. Требовалось усилие, чтобы вытрясти их из головы. Принятый перед выходом стимулятор восприятия действовал отлично, концентрируя сознание на полученной головоломке. Алиса сунула руку в сумку, уже размышляя, не принять ли четверть дозы антидота, но краем взгляда заметила выходящий из парка патруль. Двое полицейских обходили владения, внимательно оглядывая прохожих. Пришлось выпрямиться, капризно прикусить губу и недовольно посмотреть на часы. Патруль прошёл мимо. Но переключение отвлекло от мозаики, складывающейся в голове. Это было хорошо: принять антидот значило снизить возможности восприятия.

Нужный автомобиль Алиса заметила, как только он вынырнул из-за поворота, лишь потом увидела на лобовом стекле знакомый знак чёрного креста в золотом круге. Она не могла бы объяснить, почему опознала машину, возможно, просто привыкла, что служители этого уровня предпочитали старые огромные джипы, словно подчёркивая данный обет аскезы. Впрочем, Алиса знала и то, что ветхость таких драндулетов обычно оказывалась обманчивой.

Автомобиль остановился в десятке шагов до неё, заняв свободную нишу у обочины. Сомнений не осталось. Алиса подошла к машине и потянулась к опущенному стеклу, из-за которого приятно подуло свежестью.

— Доброго дня, отец. Исповедуете?

Священнику оказалось едва ль под сорок. Как положено — короткие ухоженные волосы, борода, больше напоминающая щетину-переростка, строгий деловой костюм с чёрно-золотым значком на лацкане и привычная полуулыбка. Только необычные глаза — голубые, словно зачерпнувшие краску с неба. Глаза ангела. «Линзы», — отметила Алиса. Общее впечатление от священника складывалось благоприятное — профессионализм ощущался.

— Присаживайтесь, — мягко улыбнулся «отец», указывая на место рядом.

Она не заставила себя ждать. Опустилась в кресло, закрыла дверь и подняла стекло —

как и положено для рабочих машин церкви — хорошо тонированное. Исповедадьня на колёсах была готова. Теперь к ней вряд ли подойдут близко. Даже патрульные штраф побоятся выписать. В этом проявлялось несомненное преимущество встреч на территории волонтеров «Единой Церкви».

Устроив на коленях сумку, Алиса положила сверху друг на друга ладони, так, чтобы остались видны на левом запястье два шрама крест-накрест. Называть имя уже не требовалось. «Отец» мазнул взглядом по отметине, потянулся к бардачку и вытянул пачку мятных конфет.

— Угощайтесь.

Отступление от правил, но явного повода отказываться не было, и она положила под язык одну. Ментоловый взрыв ударил в небо, заколол иголочками холодка, на время освежая забитую пылью носоглотку. Алиса знала, что это ненадолго. Всего лишь суррогат свежести. Настоящей в мегаполисе не найти. Даже тут, в прохладе работающего кондиционера, ощущалось психологическое давление жары, с которой через десять-пятнадцать минут снова придётся встретиться. При воспоминании об этом, ей захотелось быстрее всё закончить и спрятаться обратно в убежище, в старенький домик на краю города, сырой и прохладный даже в такую пору.

— Как мне вас называть?

— Батюшка, — легко отозвался «Отец», внимательно оглядывая сквозь тёмные окна улицу. — У нас с вами общение короткое — большего не потребуется.

— Устраивает, — откинувшись в кресле, она прикрыла глаза. Знала, что посторонних их встреча не заинтересовала. Не до того сейчас обычным людям — жара их утомляет. А непосторонних тут не было. Если бы оказались — столкновение произошло ещё тогда, когда она стояла в ожидании встречи.

Убедившись в спокойствии мира вокруг, Батюшка вытянул с заднего сиденья ноутбук, положил на приборную доску и ввёл код.

Когда на экране засветились данные, Алиса, извинившись, переставила компьютер себе на колени. Священник не перечил. И, пока она рассматривала сменяющиеся на экране картинки, отвернувшись, разглядывал улицу и пожёвывал в зубах палочку деникотиновой сигареты. А Алиса сконцентрировалась на восприятии. Информация, как всегда, шла единым потоком, без возможности контролировать её. Запустил программу и считываешь. Каждый предыдущий слайд исчезал из памяти машины сразу, как только заменялся на экране следующим — не остановить, не посмотреть повторно, не задержать, не...

Алиса смотрела на мелькающие с огромной скоростью картинки, в которых неподготовленный человек смог бы различить только множество хаотически разбросанных на белом экране чёрных точек и чёрточек, и впечатывала в память образы, ещё не зная, что ей даст полученное сообщение. Последний раз экран мигнул кратковременной вспышкой белого в чёрную крапинку и потух. Всё.

Откинувшись на спинку, Алиса закрыла глаза ладонями. От усталости под веками бились ослепительные пульсары. Лились слёзы, стирая пыль с лица, но глаза не успокаивались. Да и не в глазах одних было дело — в голове сами собой вспыхивали белые полотнища в полмира с чёрными чёрточками и точками, соединяющимися в уродливые образы и снова распадающимися. Сознание искало ключ к полученному сообщению. От этого болела голова, сбивалось бешено стучащее сердце и лихорадило.

— Вы в порядке?

Она встряхнулась и отняла руки от лица:

— Большой заряд. Пройдёт.

Алиса чувствовала на себе оценивающий взгляд Батюшки, явно про себя решающего — стоит ли вмешиваться или нет. И ему, несомненно, не хотелось помогать. А ей — принимать его помощь.

— Съешьте антидот, — посоветовал он.

«Дилетант» — подумала Алиса.

— Нет, — Она покачала головой и сухо прокомментировала: — Он смазывает распределение информации.

Батюшка пожал плечами и протянул ей пачку денег. Рука, не смотря на жару, была затянута в перчатку. Алиса не пересчитывая, сунула в сумку, по толщине и цвету определив, что сумма достойная.

— Контроллер? — спросила она.

— Да, инки пришлют человека, — отозвался Батюшка.

— Место встречи? Пароль?

— Он вас знает, он вас найдёт.

— Логично, — кивнула Алиса. — Ещё информация?

— Нет, — покачал Батюшка головой и, вытянув из кармана приготовленную монету, сунул в щель аппарата, установленного перед пассажирским креслом. На дисплее высветилась дата, время, код машины и слова благодарности за пожертвование, снизу высунулся язык жёлтого, под старину, листика.

Алиса промолчала — оба хорошо понимали, какими монетами могла бы расплатиться она. Не для церкви такие деньги.

— С богом, — кивнул Батюшка напутственно. Привычного для окончания исповеди — «Иди и не греш», — не прозвучало.

— Аминь, — коротко ответила Алиса, дёрнула бумагу, разорвавшуюся чётко по линии перфорации, и, последний раз вдохнув искусственной свежести импортного кондиционера, вышла на душную улицу.

Патруль скучал справа, у стоянки. Прохожий — юноша в белой широкой рубашке, под которой могло скрываться оружие, — прошёл неосмотрительно близко. Две девушки выпорхнули из бутика, оживлённо переговариваясь и раскладывая по сумкам покупки. Навстречу им прошла дама в сером закрытом платье до щиколоток и синем платке, скрывающем лоб и шею. В доме напротив в окошке сверкнуло. Из кафе неслись латинские ритмы. Солнце жарило прямой наводкой...

Автомобиль за её спиной завёлся, маневрируя, выбрался на трассу и, глухо ворча форсированным движком, ушёл в сторону центра города.

Опустив глаза, Алиса взглянула на прихваченный листик. На искусственно состаренной бумаге стилизованным шрифтом был напечатан текст «Отче наш», а ниже, в две строки — благодарность за использование услуг Единой Церкви, дата, время, код аппарата. То ли чек, то ли индульгенция.

— С богом, — задумчиво повторила Алиса и, сунув листок в сумку, направилась в парк. Идти к убежищу через тень было гораздо приятнее.

...

Дом.

Взойдя на крыльцо, Алиса поднялась на цыпочки и стянула из-под резного наличника окна ключ. Рассохшаяся дверь, как обычно, поддавалась с трудом.

Вошла в сумрак и тишину старого дома и, скинув надоевшие туфли под дранное кресло у порога, дальше, в комнату, пошла босиком, радуя ноги холодком скрипучих половиц. Сквозь давно не мытые окна пробивался слабый свет, рассеянный густыми липами, и казалось, что в доме навечно поселился сумрак. Он заполнял всё пространство, повисая меж тончайших, прозрачных лучей густой подвижной массой. Он раздвигал стены, скрывая в полутени массивную мебель ещё советской эпохи. И только в дальнем углу синий глазок индикатора ноутбука, примостившегося на кемпинговом стульчике, отталкивал вязкую смесь тени и света от разложенных вещей — спальника, рюкзака и десятка тёмных бутылок.

Алиса на ходу разделась, стаскивая надоевший костюм с пропотевшего тела. Под одеждой оказались плоские ножны со скрытыми в них клинками, чёрными ремнями прижатые на бёдрах. Алиса отстегнула крепления, уронив ножи на пол, и сама рухнула на спальник, с наслаждением вытягиваясь.

Потянулась к бутылке, стоящей неподалёку, жадно стала пить. Из уголка губ вниз побежала густая струйка чёрно-красного цвета. Блаженно откидываясь, Алиса стёрла подтёк, слизнула капли с пальцев. Потянуло в сон, и она прикрыла глаза. Сложила руки на животе, запрокинула голову и задышала глубже. Опущенные веки затрепетали, тело стало подёргиваться, сопровождая тяжёлую работу сознания. Потом даже едва уловимые движения прекратились, а дыхание стало неприметным. Если бы в этот момент Алису увидел врач, то не замедлил бы проверить пульс и, возможно, начал реанимировать, не определив биения. Но был бы неправ. Сердце билось. Так редко, так едва ощутимо, что не всякий специалист смог бы это определить.

Солнце уходило к закату, лучи пробивали мутные окна, всё также стремясь пронзить сумрак комнаты, словно воины-копейщики лавину конницы. Но постепенно проигрывали. Спадали жара и деревья в окнах, казалось, выпрямлялись, загорая мощными плечами крон старый домишко.

Алиса очнулась, лишь когда подоконники запятнали розовые блики, пробивающегося через листву закатного света. Внезапно едва заметно дёрнулась и снова замерла. Спустя почти минуту по телу от ступней вверх пошла судорога, до уродливости напрягающая мышцы; лицо исказилось, губы раздались, обнажая стиснутые зубы, сквозь которые просачивалась тёмная жидкость. Выгнувшись дугой, Алиса застонала. Лишь чуть смогла расслабиться, как новая волна судорог побежала по ней, изгибая и корёжа. Сознание овладело телом, лишь когда ей удалось разорвать кольцо сцепленных рук. Словно замок раскрылся — тело тут же стало послушным. Не открывая глаз, Алиса повернулась на бок, с трудом подтянула под себя ноги и встала не четвереньки. Горлом и носом пошла чёрно-красная рвота. Позывы оказались недолгими — пустой желудок сотрясался, но литься оказывалось нечему.

Алиса утёрла рот и села, без сил привалившись к стене. Сжалась в комочек, охватив колени трясущимися руками. По лицу текли слёзы, плечи вздрагивали, тело сотрясалось от холода и плача. Шла реакция. Взгляд, хаотично мечущийся по сумраку, раскрашенному в

красные и золотые тона, преследовали тексты, фотографии, схемы. Сознание собрало полученные фрагменты в единые картины, и теперь перед глазами стояли образы. Десять фотопортретов — профиль и фас. Пять схем — карта города, схема подъездов, планы зданий, графики патрулирования. Модели машин, описание. Но главное, на что взгляд наткнулся, как бы не метался — три десятка служебных снимков с мест преступлений. Девушки. Прекрасные своей юностью и незащищённостью. Растерзанные. Окровавленные тела с изрезанной символами и словами кожей, с вскрытыми животами и порванными внутренностями. Их лица, и после того, как замерли сердца, остались искривлены ужасом — смерть не дала освобождения.

Потому и слёзы текли неостановимо, да хотелось уткнуться в подушку, стать маленькой и неприметной и сбежать так, чтобы никто не увидел, не остановил.

Тихо щёлкнул ноутбук, посигналив полученным сообщением. Вздрыгнув, Алиса потянулась к компьютеру, нащупала пробел, включая монитор. На экране мигало жёлтое окошко с именем. «Гроссмейстер». Наскоро утерев слёзы, Алиса открыла сообщение.

— «Где ты? Скоро сеанс. Ты участвуешь?»

Алиса потянулась к клавиатуре и тут же одёрнула грязные пальцы. Пришлось подняться и бежать на кухню, совмещённую с ванной. Открыла кран — по старой, расколотой сидячей ванне громко забила тонкая струйка воды. Алиса отмылась, вздрагивая от холода. Убралась в комнату, окончательно заморозив пальцы. И лишь потом села перед ноутбуком, закуталась в спальник, и набрала ответ:

— «Привет, Влад. Я уже тут. А ты участвуешь или судишь?»

— «Не то и не другое»

— «Тогда, пожалуй, я не в игре»

— «Что-то случилось? Тебя сегодня долго не было...»

Алиса облизала губы. Уже не в первый раз подмывало поговорить с сетевым другом по душам, но всякий раз сдерживало то, что прекрасно понимала, откуда берётся это желание. Увы, именно то, что Влад оставался до сих пор незнакомцем, далёким и неясным, и заставляло стремиться к нему с надеждой на понимание, которое не могла бы обрести среди обычных людей. К нему тянуло с откровенностью, как тянет к случайному попутчику в поезде, к священнику на исповеди или психотерапевту в кабинете...

— «Работа», — коротко ответила она.

— «Не знал, что ты работаешь. Думал, ты студентка»

Алиса удивлённо приподняла бровь и усмехнулась, отбивая вопрос:

— «Серьёзно? А что ещё думал?»

— «Извини. Признаю — невежливо с моей стороны. В нашей среде не принято раскрываться»

Сквозь окно ещё проникали розовые и золотые лучи, но сумрак становился плотнее, и Алиса включила торшер, в ветхой ткани которого скрывалась тусклая жёлтая лампа.

— «Я не обиделась. А что ты ещё про меня думал?»

— «Если честно, я не особенно задумывался об этом. Предполагал, что ты живёшь в мегаполисе, получаешь высшее образование и на досуге играешь. Больше ничего»

— «Спасибо за честность»

— «Не за что. Если не секрет, кем ты работаешь? У тебя очень странный график занятости — не знаю профессий, для которых было бы характерна в основном ночная активность»

Алиса покусала ноготь и перевела взгляд на окно. Среди золотистых бликов показалось белое девичье лицо с распахнутыми тусклыми глазами и перекошенным страданием порванным ртом. Быстро отвела взгляд и набрала ответ:

— «И очень хорошо, что не знаешь!»

Контакт Гроссмейстер некоторое время молчал. Алисе уже показалось, что Влад обиделся на её резкий ответ, но тут же пришло сообщение:

— «Ну, нет! Не поверю — так и знай!»

— «Во что?»

— «Девушка, молодая, возможно — студентка, занятость ночная, и так не хочет о ней говорить... Объяснить, о какой профессии можно подумать? Так вот — я не поверю!»

Если бы не куча смущённых смайлов, Алиса, возможно, не поняла бы. Фыркнула и, улыбаясь, ответила:

— «Фи, Влад!»

— «Вот и замечательно! Просто прекрасно! Значит, я был прав!»

Она улыбалась в монитор, ощущая, что там, далеко, в неизвестной дали, незнакомый, но такой близкий человек, тоже улыбается в экран.

— «Ах, да это была «вилка»?! Как бы я не ответила — у тебя был готов ответ, тебя извиняющий! Если бы я сказала «да», ты бы заявил, что всё равно не веришь, и я была бы рада твоему ответу. А сказала «нет», — так ты, вроде, о том же и говорил. Так? Играешь?»

— «Ну... Вся наша жизнь — игра. Правда?»

— «С тобой — несомненно».

— «Так кем же ты работаешь?»

Алиса задумчиво оглядела комнату. Сумрак за пределами жёлтого круга лампы стусутился, и в нём едва проглядывали очертания мебели. А за окнами поднимался ночной ветер, веющий прохладой с северо-запада. И в этом миропорядке всё было правильно. Кроме неё. Но она такая, какая была теперь, никогда бы не появилась, если бы не раковая опухоль человечества...

— История не знает сослагательных. Личная история — тоже, — усмехнулась Алиса и наклонилась к компьютеру.

— «Ответ на ответ. Устраивает?»

— «Обмен?»

Она усмехнулась. Да, это был, несомненно, обмен. Но, не видя доски, не могла сказать — насколько равнозначный. Просто любопытство — первый шаг к пониманию.

— «Хорошо, согласен. Работа? Я не знаю, что это такое. За меня работают другие люди. А я сижу в старом замке, периодически от нечего делать играю в сети в стратегические игры. Устраивает?»

— «Ты — миллионер?»

— «Можно сказать и так. Во всяком случае, нужды не испытываю, могу себе позволить любую роскошь или блажь и работой не занят»

— «Я тебе не верю. Миллионерам нечего делать в сети»

— «Как сказать, Аля. Честно говоря, тут можно найти собеседников по душе, а это немало. Ну, и, если уж честно, то мы не очень хорошо друг друга поняли. Ты, возможно, считаешь, что я богатый дядька с толстым кошельком и солидным пузом от лени, но это не так. Денег на руках у меня фактически нет. Занятий, кроме сетевых игр, достаточно, хотя их и сложно назвать работой в том смысле, который вкладывают люди. Ну и последнее — верь

или не верь, но жить на свете иногда бывает очень тоскливо. И возможность жить в роскоши не заменяют живости существования».

Алиса сглотнула и поддёрнула спадающий с голых плеч спальный. Почему-то на миг представился Влад — эдакий пожилой, но ещё вполне крепкий мужчина, в солидном красивом фраке, окружённый роскошной обстановкой прекрасного гостиного зала, сидит возле огромного окна в ярких витражах и смотрит в монитор персонального ноутбука, украшенного вензелями из драгоценных камней. По углам комнаты стоят люди в серых одеяниях, готовые по любому слову или жесту подбежать к хозяину комнаты — подать, отнести, помочь. А он сам... сидит на инвалидном кресле. Алиса замотала головой, прогоняя видение. Чего она не хотела, так чтобы такие вот картинки, возникающие в голове случайно, оказывались реальностью.

— «Верю. Одиночество — страшный зверь»

— «Тогда — твоя очередь», — написал сообщение Гроссмейстер.

Алиса в волнении облизала губы. Врать или нет?

— «Моя работа? Я — уборщица», — быстро отбила она.

Уборщица. Только убираться приходится не в клозетах. Но об этом Владу говорить не стоило.

...

Глава 3 Воспоминание о Смерти

— Жаль девочку, жаль... Ну, вы понимаете?

Святослав Семёнович, учитель по православной этике, стоял в стороне, рядом с неизвестным в добротном чёрном костюме и шрамом на подбородке и шёпотом выговаривался. Он был уверен, что Алиса, ушедшая в себя ещё когда выносили гроб, не услышит. Но она слышала каждое слово. Так получалось, что ощущала всё происходящее рядом, пропуская сквозь себя, как воду. Слышала и не слушала, не запоминала. Но через годы в сознании звучало всё слово в слово.

— Я как раз в школу пришёл работать, когда у неё отец погиб, — с искренней болью в голосе выговаривался Святослав Семёнович. — Он газовиком был, тянул газопровод по сёлам области. Шесть дней недели на маршруте, потом всего на сутки домой, и так почти год — только в зимний период дома. Вахтовый метод. Она его почти и не видела. Погиб он в автомобильной катастрофе — на машине газовые баллоны взорвались при аварии. Тогда показалось, что Алечка и не горевала. Но она после похорон, как в школу вернулась, сразу ко мне пришла и спросила, что Библия говорит о смерти... Тогда я понял, что она просто ещё не познала её. Я объяснил, как мог.

Отец умер в год, когда в школе ввели преподавание Закона Божьего. Она запомнила это потому, что преподаватель православной этики Святослав Семёнович — молодой, красивый, подтянутый мужчина, — показался ей тогда воплощением всего правильного на земле, сдвинув в тень образ папы, которого ей удавалось видеть едва ли раз в неделю. Может быть, поэтому его гибель не стала для Алисы страшной раной. Лишь странное понимание неизвестного пугало по ночам. Именно тогда она решила спросить Святослава Семёновича о том, что такое смерть. Конечно, он ей не отказал. И долго рассказывал удивительно красивые, яркие истории о замысле творца, загробном мире и том, как люди будут жить после второго пришествия. Домой Алиса пришла позднее обычного и захлёб стала пересказывать матери только что услышанное. Уставшая мама отстранилась от ванной, в которой стирала бельё, села на бортик и, закурив, долго слушала, не перебивая. Когда дочь замолчала, пылливо взглядываясь в неё, мать сбросила пепел в раковину и вздохнула: «Смерть — это никогда, доча. Никогда, и больше ничего».

Смерть — это никогда. Понять слова матери она смогла лишь несколько лет спустя, когда потеряла последнего близкого человека. Это случилось весной, когда цвели вербы. Мать не любила эту пору за распутицу и начинающуюся аллергию. Но, стоя над свежей ямой в грязной земле, Алиса поняла пронзительно и ярко, что мать уже никогда не будет мучить аллергия, и никогда не помешает распутица.

На холмики жирной земли летели новые комья, заваливая соседние могилы — такие же свежие, такие же чёрные... А Алиса не хотела смотреть на гроб, стоящий невдалеке. До кладбища ей наедине с ним не позволяли остаться сердобольные старушки-соседки, а теперь уже не хотелось. Её настигло понимание «Никогда» и того, что оно актуально лишь для живых. Мёртвым всё равно. Им «никогда» не приносит боли, и это их счастье.

— У неё никого больше нет. Оба родителя были приезжие, родственники далеко, связь с ними потерянна, — продолжал шептать угрюмому незнакомцу Святослав Семёнович. — А девочке всего четверть в школе осталось до конца неполной средней и куда она? Хорошая

девочка, спокойная, волевая. Нехорошо было бы потерять...

Батюшка, невесть кем вызванный из ближайшей церкви, хорошо поставленным басом затянул речь, в которой Алиса не могла различить ни слова, а суетливые, чуть подвыпившие работники кладбища подхватили верёвки и протянули под гробом. Провожающие — соседки да приятельницы мамы по работе — подошли ближе.

— «Вот и всё, — подумала Алиса, — Последняя четверть. Нужно искать работу. Где у неё лежала сберкнижка? А Пашка, зараза, не пришёл. Интересно — меня отправят в детский дом или я уже взрослая? А весна в этом году поздняя...».

Она размышляла, а в грудной клетке громко тукало: «Ни-ког-да, ни-ког-да, ни-ког-да».

— Алисочка, деточка, — Марья Матвеевна из четвёртого подъезда подошла сзади и зашептала жалостливо, со всхлипом: — Ты ж не стой, деточка. Ты землю возьми да кинь на гроб. Положено так. За-вроде как пухом покрываешь.

Алиса послушно наклонилась и подняла комок жирной земли. По пальцам раскатилась влажная прохлада, налипла, словно тесто. И Алиса замерла, вглядываясь в чёрную массу в ладони.

— Вот видите? Видите?! Я же говорил! — взволновано шептал Святослав Семёнович неизвестному. А тот подался вперёд из тени, внимательно вглядываясь в закаменевшую девочку, казалось, размышляющую над чем-то. Но Алиса не размышляла. Мыслей не было. Только ощущение — яркое, заполняющее всё её существо — чувство земли в руке. Она не просто ощущала, она всем телом чувала холод и влагу, жирность и рыхлость каждой крупинки...

— Деточка, — всплеснула руками Марья Матвеевна, — да что ж ты?! Тебя ж все ждут!

Алиса вздрогнула и швырнула комок вниз. Земля гулко шлёпнулась на дощатую крышку. И тут же священник вновь забасил, а пришедшие проводить женщины начали бросать комья и отходить. Алиса тоже отступила.

— Что скажите? — встревожено спросил Святослав Семёнович.

— Подходит, — ответил незнакомец. И в его голосе Алисе послышались металлические нотки вынесения вердикта. Она обернулась, чтобы посмотреть на того, кто осмеливался решать, чего она стоит, но удивлённо застыла. Успев неприметным движением развернуться, неизвестный уже шагал по основной аллее кладбища, неумолимо отдаляясь. Всё, что Алиса успела заметить, лишь крепкую коренастую фигуру, коротко стриженную голову на толстой шее и тяжёлый шаг уверенного в себе человека.

Спустя сутки прибыла машина, и Святослав Семёнович, любимый учитель по православной этике, не отходивший от Алисы всё время с момента смерти матери, передал воспитанницу молчаливым мужчинам в чёрном, пообещав, что «всё будет хорошо».

Глава 4 Прогулка

Чёрное длинное платье с широкой юбкой, но без рукавов. Красная рубашка, узлом завязанная под грудью. На ногах ботинки с высокой шнуровкой. Плеер на поясе и лёгкий рюкзак на одном плече. Алиса посмотрела на себя в зеркало и поправила прядь спавших волос. Прогулка обещала быть долгой.

На улице стало прохладнее и темнее, хотя город ещё жил полной жизнью — светились вывески магазинов, кафе и развлекательных центров, возле которых скапливались люди, по освещённым паркам и аллеям бродили парочки, по дорогам мчались машины. Алиса шла, не задумываясь о маршруте, как всегда, по наитию выбирая следующий шаг. Ей захотелось посмотреть подсветку дальнего памятника — прошла к нему и полюбовалась. Захотелось пить — дошла до кафе. Потом потянуло в сторону большого городского озера, откуда доносилась громкая ритмичная музыка. Она шла, казалось, без цели. Но в голове неотступно возникали план города, схемы дорог, фотографии домов и мест преступлений. Не зная адресов, она шла, точно чувствуя зов прошлых трагедий.

Ещё налево, поворот направо к странно изогнутому тополию, потом за ряд гаражей...

Вытащив наушники, Алиса осмотрелась. Она не вглядывалась в окружающий мир — понимала, что это бесполезно и за давностью ничего нового ей не узнать. Она осязала, она пропитывалась чувством места, ища отличия, заставившие сатанистов выбрать для мессы именно его. И запоминала ощущения.

Запах машинного масла и полыни. Ветер вдоль гаражей. Гаражи повсюду. Ощущение пустоты, тянущей живот вниз и лёгкое свербение в ладонях. И неуловимое почти чувство одиночества.

Снова надела наушники и повернулась на выход из тупичка. Следующее место должно быть в другом углу района. Теперь дорога шла прямо по проспекту — хорошо освещённому и полному прогуливающимися людьми.

Алиса взглянула на фонари вдоль дороги, уходящие вдаль жёлтыми бусинами, и снова включила плеер. По ушам жёсткой тёркой ударил тяжёлый металл, и тело само запросило движения. Ей нравилась музыка для войны, и это иногда угнетало ощущением своей греховности, но вот в такие дни, когда война становилась реальностью, иного и не хотелось.

Она шагала в темпе, бьющейся в голове сотней взрывов, мелодии, а взгляд её скользил поверх лиц прохожих, такой отстранённый, такой чужой, что у встречных появлялось желание уступить дорогу. Во взгляде Алисы читалась юность — жестокая подростковая магия желания боли и любви, когда и то и другое одинаково желанно. И никому не хотелось быть причиной ни первого, ни второго.

Когда свернула с проспекта под старинную арку во дворы, приглушила звук, но выключать любимую мелодию не стала. Место оказалось пустынным — среди брошенных зданий, на подгнившей сцене поломанной детской площадке. Полгода назад, именно здесь местные бомжи нашли приколотую клинками к земле, словно бабочку, распятую девушку.

Алиса огляделась, запоминая место и ощущения от него. Холод, сырость, запах старости и усталости, пустота под сердцем и тоска.

До третьего места добиралась почти час по дворам, внутренним чутьём выбирая путь среди домов, гаражей и малопроезжих участков, заставленных машинами и заваленных

мусором. Для Алисы это не было новостью — где бы ей ни приходилось работать, она всегда замечала, что окраины городов отличались грязью и непланомерными застройками, и потому притягивали духовные отбросы человечества.

На саму точку вышла неожиданно — завернула за угол и оказалась там. Край заброшенного парка, поваленное чугунное ограждение, сколотые кирпичи столбов, огромные массивные деревья в два-три обхвата. И компания крепких бритоголовых парней, по очереди пинками отправляющие пивные бутылки из неаккуратного рядка в каменную кладку возле низкорослого шиповника. Бутылки впечатывались в кирпичи и разлетались осколками. Алиса тенью скользнула за спинами увлечённых забавой мужчин. Ещё несколько шагов, и они останутся так далеко сзади, что расстояние отобьёт у них желание искать в уходящей жертву на вечер. Ещё шаг... Новая бутылка, сверкнув боком в неярком свете, отлетела к кустарнику и с немелодичным звоном разбилась. Куски брызнули в стороны. А за кустарником вздрогнуло что-то живое, испуганное, сжатое в комок, забившееся и кусающее кулак, чтобы не кричать.

Алиса остановилась. Вытащила наушники. Рванула шнур из гнезда и прибавила громкости плееру. Музыка для войны. Добротный динамик задребезжал, гвоздями вгоняя в мужской пьяный смех соло старого доброго рока. И Алиса почувствовала, как биение динамика задаёт ритм для будущего движения. Но сперва нужно было прислушаться, поймать темп, поймать ощущение.

По бледным впалым щекам висящая на блестящих ниточках подтёков влага.

Расправляющиеся плечи деланно лениво разворачивающихся парней.

Ветер, легкой рукой трогающий волосы.

Равнодушный мутный оконный свет хрущёвок.

И ещё — взгляд. Пустой. Спокойный. Посторонний.

Она на мгновение запнулась, почувствовав этот взгляд в спину. Взгляд небрежный, но от ощущения того, что его обладатель понимает и предчувствует её действия, засвербело в пояснице тонкой струйкой пота. Ей захотелось переиграть происходящее, остановиться, отшагнуть, нажать клавишу отмены...

Сзади окликнули.

И она обернулась, уже создав на лице тренированную улыбку. Удивление, наивность, доверчивость сливались в один образ милой девочки. Сейчас её бы не узнал давешний священник-волонтёр, и, приняв за подростка, мягко пожурил бы за шатание по городу в комендантский час и за руку отвёл домой. Хотя — нет. Не удалось бы ему взять её за руку. Девичье тело уверенно наливалось мощью, невидимой снаружи, и готовилось к рывку. Состояние перестройки уже давно вошло в привычку и не меняло пульса Алисы. Просто ещё один рывок. Ещё одна игра на поражение.

— Ты!

Пошатываясь, один из парней двинулся к ней.

«Главарь. Приоритетная цель», — равнодушно определила Алиса, тренированно вскидывая удивлённые глаза и двигаясь к противнику.

Стронулся с места ещё один.

«Шестёрка. Последняя цель» — отметила Алиса, зацепив его краем взгляда, но смотря на главаря, шаря руками по поясу и промахиваясь мимо плеера, словно не в состоянии нащупать и выключить бьющую по ушам музыку.

— Выруби музон, дура! — рявкнул главарь.

Алиса смущённо пожалала плечами, показывая, что ничего не слышит.

Главарь сплюнул и шагнул ближе.

Ещё двое шагнули за ним.

«Вторичные цели», — отметила Алиса: — «Если девочка в кустах сообразит и побежит — обойдёмся бла-бла...»

— Ты!

Главарь потянулся к ней, намереваясь сорвать плеер с пояса. Плеер Алисе было жалко, но ради лишних секунд для притихшего за кустами испуганного создания, она могла себе позволить эту потерю. Серая в неверном свете рука потянулась распахнутым спрутом, замедленно проплывая к её животу. Эта рука не представляла опасности, и Алиса лишь едва сдвинула корпус, позволяя схватить плеер вскользь, так и не прикоснувшись к телу. Ладонь рванула аппарат, и ремень натянулся, сдавливая талию. Трах! — поясок не выдержал, разорвавшись. Секунда — и оружий динамик хрястнулся об асфальт и затрещал под неистово бьющим каблуком. Музыка заглохла.

Главарь сплюнул под ноги на черные и блестящие осколки и набычился на застывшую девушку. Алиса подняла глаза, и он опустил кулаки, неуверенно поводя плечами. В огромных девичьих глазах плескалась море детской обиды и одиноким парусником качался вопрос «За что?».

Существо в кустах зашевелилось, но двинулось не в сторону освободившегося выхода из парка, а к намечающейся драке. Это уничтожило последние сомнения в Алисе — «бла-бла не обойдётся».

Она опустилась на корточки, разглядывая детали плеера россыпью на асфальте. Мужчины перед ней остановились — для них ещё оставалось неравнозначным футболивать бутылки пива или бить беззащитного человека ногами. И эта заминка их спасала.

Алиса распрямилась пружиной. Всё, что успел увидеть главарь — белое лицо с застывшей полуулыбкой и прикрытыми глазами, внезапно появившееся из темноты. Ударившую снизу вверх в горло руку заметить уже не мог. Да и никто, наверное, не смог бы... Спустя доли секунды главарь безвольным мешком свалился на дорогу, закрывая своим оплывшим телом дорогу «шестёрке», ещё изумлённо застывшему на месте.

Второй удар Алиса направила вправо. Рывок — пальцы коснулись нервного узла, с хирургической точностью нащупав его в путанице сосудов и мышц. Молодой мужчина рухнул, завалившись назад.

Прыжок — ладонь вошла в шею едва успевшему приподнять руки третьему, умело ткнув в нервный узел, словно щёлкнув выключателем. Человек оплыл, ноги подогнулись. Упал.

Алиса повернулась к «шестёрке». Побежит — хорошо. Не побежит...

Он побежал. Сумасшедшим взглядом мазнул по белому кукольному лицу и рванул на выход, едва вписываясь в поворот за воротами.

Всё.

Прикрыв глаза, Алиса замерла на мгновение, выходя из боевого режима.

— Будем считать это разминкой, — проворчала она едва слышно, внимательно прислушиваясь к ощущениям тела. Взгляда, так тревожившего её перед «разминкой», теперь она не ощущала. Одновременно это и напрягало и успокаивало.

Подошла к кустам.

— Эй? Выходи. Ты в безопасности.

Ветки зашевелились, выкатились мелкие камешки на асфальт и из-за покорёженного

шиповника вылезло существо, которое более напоминало животного, чем человека. Длинные всклокоченные волосы, пропотевшие лохмотья, грязное воняющее помойкой и гноем тело.

Алиса вскинулась:

— Бет?!

Гневно зашипела и плюнула в его сторону.

Существо отшатнулось, закрываясь руками, словно от летящего камня. Но это только больше разозлило Алису.

— Тварь! — бешено зашипела она. — Если бы я знала!..

Одним едва заметным прыжком подлетела к грязному созданию и пнула ногой, не особо целясь, зная, что всё равно попадёт — у выродков всё тело всегда болит и ломит. Так и получилось — «бет» взвыл и, словно собака от пинка, загрёб всеми четырьмя, чтобы вновь скрыться в кустах.

Алиса шагнула следом — в ладони появился, словно из ниоткуда, чёрный метательный нож.

Бет вскрикнул, непонятно как заметив в темноте оружие с антибликовым покрытием, и, петляя, рванул на четвереньках к выходу из парка.

Взъерошенное, драное создание бежало вдоль старой кирпичной кладки забора, а нож Алисы то взлетал в воздух, то опускался в руку, надёжно прихватывающей рукоять. Алиса размышляла. И, когда бет высунулся в ворота, став на мгновение хорошо виден на фоне серого асфальта дороги, решение уже было принято. Она остановила быстрое движение и опустила руку. Пусть бежит. Бету некуда скрыться в этом мире ни от людей, ни от себя.

Глава 5 Странный

Последние точки проведения обрядов Алиса обошла за несколько оставшихся до рассвета часов. Везде, вроде бы, одно и то же — разруха, мусор, малолюдые, но она так и не смогла найти логики в выборе сатанистами мест ритуальных убийств, не смогла вычленить тот особенный элемент, который бы отличал эти места от тысяч таких же, разбросанных по нищим районам города. И это наводило на печальные размышления.

Обратно в убежище она вернулась одновременно с тем, как солнце показало багряный край над горизонтом и окна домов окрасились в красное золото. Начинался ещё один день убийственного зноя.

Дома — бутылочка тёмной жидкости. Заглянула в сеть, но «Гроссмейстер» уже отсутствовал. Спать не хотелось, поэтому взялась пересматривать карты незнакомого ей города, чтобы найти логику в действиях сатанистов. Работала без воодушевления, не особо рассчитывая на результат. На экране мелькали карты, перед глазами стояли фотографии и схемы, в памяти всплывали образы только недавно посещённых мест. Открыла сайт погоды и лишней раз убедилась, что до полнолуния осталось совсем немного — два дня. Уже в эту ночь луна стала округлой.

Чтобы развеяться, встала, помахала руками, плавно двинулась, разминаясь. Едва приметное движение — в ладонях появились ножи. Окидывая взглядом квартиру, Алиса перебрасывала клинки в руках — подкидывала и хватала уже в обратном положении, потом снова подбрасывала. Появлялось ощущение, что нож просто висит в воздухе, и только рука ходит вокруг него туда-сюда, чтобы взять точно за рукоять. Наконец Алиса нашла то, что искала — косяк двери вполне подходил для метания.

Раз! Бросок!

Два! Бросок!

Снова нырок руки к телу и новые ножи появились из складок платья.

В этот раз бросила одновременно.

Четыре ножа лепестками нераспустившегося бутона засели в деревянном косяке. Алиса направилась забрать оружие и услышала тихий шорох под дверь. Взяла два ножа и скрыла в волнистых складках широкой юбки. К двери подходила осторожно — переставляя босые ноги крест-накрест, наступая сперва на ребро стопы, а потом умело перекатываясь с пятки на носок — ни одна из певучих досок прихожей не скрипнула под её шагами. Подойдя к двери, прислушалась на мгновение, и, не услышав больше ни звука, рванула дверь.

Солнце. Листья. Жидкий дощатый забор. Заросшие дур-травой заброшенные грядки. Земля, забывшая хозяйскую руку. Каменная тропинка до калитки. Рассохшееся крыльцо. И пушистая рыжая мордочка котёнка, выглядывающая из-за ступеньки. Алиса хмуро огляделась — вокруг никого. Присела на корточки, протянула руку, и котёнок тут же вылез на крыльцо и потянулся носом к ладони.

— Ну и как тебя занесло сюда? — задумчиво спросила Алиса. — Где твоя мама? Где хозяйева?

Котёнок понюхал пальцы и шёрстка его стала приподниматься от напряжения, он вытянулся на лапах, пытаясь выгнуться, как взрослый, но только странно раздувшись.

Алиса усмехнулась:

— Что, животина, плохо пахнет? Так не всем молоком пахнуть... Кто-то должен и вот

так.

Поднялась и ушла в дом. Котёнок же не убежал, продолжив, любопытствуя, обнюхивать косяки двери. Вскоре Алиса вернулась, неся тарелочку из найденного в шкафу старого сервиза. В нём густой лужей растекался йогурт.

— Вот, рыжик. Больше ничего нет.

Котёнок привередничать не стал — голодное брюхо сразу заставило забыть о неприятном запахе, идущем от рук, подавших еду. Рыжая пушистая мордочка сунулась в розовую массу и маленький язычок жадно заработал, слизывая йогурт с тарелки.

Алиса присела на самый край крыльца, подальше от малыша, и замерла, стараясь не мешать. Нечасто ей удавалось вот так отдохнуть душой. Котёнок ел, растопырив все лапы, словно боясь, что упадёт на еду и не сможет съесть всё. И прямо на глазах надувался — рыжие пушистые бока раздавались, хвостик опускался. Чтобы доесть последнее с тарелки, «рыжик» решил забраться внутрь и наступил передней лапой на край. И перевернул бы её, но Алиса выстрелила рукой и успела положить палец на другую сторону блюда. Малыш дошёл до самых последних сладких кусочков, слизнул и тут же, не вылезая, бухнулся, тяжело поводя раздутыми боками. Тихо засмеявшись, Алиса почесала котёнку пузо, пока он не обращал внимания на её присутствие. На рыжей мордочке приоткрылся глаз и снова закрылся.

— Обжорка, — покачала головой Алиса.

— Доброго утра, хозяйка!

Напряжённым комком Алиса вскочила на ноги. Редко кто мог подойти к ней настолько тихо. Это внушало серьёзные опасения.

За калиткой стоял пожилой человек в рясе с широким крестом на груди, и Алиса, прежде чем ответить, замерла, настороженно оглядывая его. Невысокий, худощавый, скорее высушенный годами, чем худой от рождения, с лицом, изрезанным морщинами, и дряхлыми тонкими руками. Именно эти руки, небрежно положенные на доски дверцы, и почти успокоили Алису. Тонкие запястья с опухшими больными суставами никак не походили на руки бойца.

Старик улыбнулся:

— Я не вовремя? Я просто проходил мимо и увидел вас. Понимаете, дом давно пустует, и я уж думал, совсем никто в нём не поселится...

— Здравствуйте, — наконец разлепила губы Алиса.

— Вы позволите? — не дожидаясь ответа, он открыл ветхую калиточку и вошёл во двор. — Да вы не бойтесь! Я — отец Владимир, священник тутошнего прихода и наставник здешней школы... Не смотрите, что район вымирает — детки тут есть и им тоже надо учиться, вот я и учу счёту да письму. А у меня тут церковь, — старенькая, уже ветшалая, но большая, старой постройки, даже с колоколенкой, но звонарь умер по старости и лестница обвалилась, вот и нет звона малинового по утрам теперь. Да и собирать им уже некого...

Священник дошёл до крыльца и присел с другой стороны от тарелки с разлёгшимся котёнком. Сел и пальцем пощекотал малыша под горлышком. Котёнок, не открывая глаз, замурлыкал. Отец Владимир поднял на Алису глаза — серые, выгоревшие глаза старца:

— А вы, наверное, родственница Ангилины Павловны?

— Да, — кивнула Алиса и села со своей стороны от котёнка. Её уже начала напрягать тихая улыбка отца Владимира. Она не походила на профессиональную, была слишком искренней, слишком мирной. А врать таким священникам Алиса не любила.

— Внучка?

— Внучка, — вздохнула Алиса и представилась, понимая, что теперь священник не уйдёт, не поговорив с новенькой на территории своего прихода. Оставалась надежда, что внучек у неизвестной ей Ангелины Павловны народилось много, и всех священник мог не знать.

— И надолго вы, Алиса? — спросил отец Владимир, с улыбкой поглаживая сытого малыша и доводя его мурлыканье до срывающегося по малолетству истомного рыка.

— На пару дней.

— Это правильно, — вздохнул священник. — Правильно. Если есть возможность уехать — надо ехать. Если есть возможность сделать свою жизнь — надо делать. А тут не получится. Все, кто мог, уже уехали. Остались только те, кто хочет помереть здесь. Для кого тут — родина.

Алиса молча наблюдала за руками гостя и слушала.

— Думаете, Алиса, какой странный священник, да? — улыбнулся отец Владимир и сам себе покивал: — Да, да. Положено выслушивать исповеди, сердцем облегчать понимание, а он тут разговорился так, что рта не даёт открыть.

Возразить даже ради приличия она не успела. Гость махнул рукой и снова улыбнулся:

— Странный, да, Алиса, странный. Не спорьте. Вам, современным, мы все странными кажемся... Посмотрите вокруг, — он провёл рукой и Алиса безотчётно, словно под влиянием «приказной речи», огляделась. — Видите заборчик? Весь покосился, штакетник уже погнулся от дождей, надо бы менять, да некому. За ним, всего в метрах ста, вон за тем домиком, уже проходит автострада, сюда тянут дорогу... А в другую сторону посмотрите — там ещё стоит старая колонка, и из неё берут воду в те дома, куда воду так и не провели. А тут ваш домик... Старый, но крепкий. Стоит, ветшает помаленьку... Так всегда бывает, когда нет хозяина. Дома очень быстро теряют волю к жизни, если рядом нет людей, — отец Владимир нахмурился, думая о чём-то своём, потом усмехнулся невесело: — Оттого и странные. Живые и мёртвые в одном месте, друг друга поддерживающее. Отмирающее прошлое и задавливающее будущее. Философия прошлой жизни — вот и всё, что укрепляет нас в вере и надежде. Философия да традиции... Раз гость приехал, то ему и почёт, и помощь — таков закон гостеприимства. А чем тут помочь, если девушка в трауре да с такой печальной улыбкой кормит котёнка на пороге заброшенного дома? Сразу понятно — не от счастливой жизни такое. Вот и надо познакомиться, да о себе рассказать. О своих бедах. Может, захочет поделиться в ответ...

Смотреть на неё священник не стал, не захотел подталкивать к выводам и действиям, а занялся котёнком, заботливо взяв его на ладонь и переложив себе на колени. Алиса опустила глаза, рассматривая складки чёрного платья. «Вот как, — подумала она, — Траур... Но, может, он не так уж и не прав? Только траур не по кому-то конкретному. Может, по себе? Или по тем, кто?»

Кивнув своим мыслям, Алиса поднялась и пригласила гостя в дом. Отец Владимир с радостью согласился, прихватив на ладонях спящего котёнка. Проходя мимо косяка с торчащими в две стороны боевыми ножами скрытого ношения, покачал головой, но промолчал.

«Странный, — подумала Алиса. — Странный, и от того — опасный». Но не настолько, чтобы не попить с ним чай.

...

Глава 6 Разговор

Когда прошли на кухню, Алиса предложила гостю подождать, а сама вышла и кинулась шарить в платяном шкафу в поисках мягкой материи. В результате придирчивого отбора взяла старую кофту цыплячьего цвета, свернула мягким пуфиком и положила на кухне в угол. Отец Владимир, мгновенно сориентировавшись, бережно положил на импровизированную подстилку спящего котёнка. Сытый малыш даже не проснулся. Отец Владимир поднял голову, улыбнувшись Алисе, и та не сдержала ответной улыбки. И тут же, словно смутившись, спохватилась и занялась чаем.

В чужом доме Алиса более-менее освоилась ещё в первые часы после приезда, поэтому очень уж растерянно шарить по шкафчикам в поисках подходящей посуды не пришлось. Пока закипал старенький чайник со следами пайки, Алиса разложила на столе скудные запасы: с десятков галетного печенья и несколько конфет. Зато чашки и блюдца для чая оказались знатными — тонкий фарфор шоколадного цвета с изящным рисунком белоснежных лилий, покрытых брызгами золотистых пылинок на лепестках. Отец Владимир долго крутил в руках чашечку, качая головой в восхищении, да и самой Алисе приятно было сознавать, что она действительно собирается сесть и попить чай, как это бывает в семьях или среди близких знакомых людей... Вместо того, чтобы вновь питаться только поддерживающим бульоном и хватать куски на бегу, наконец, она никуда не спешила и могла себе позволить несколько минут спокойного чаепития.

— Вы, Алиса, наверное, студентка? — спросил отец Владимир, заметно тяготясь молчания.

— Заочница, — коротко ответила она.

— А специальность?

— Учитель духовной этики.

— О! — отец Владимир изумлённо всплеснул руками, откидываясь на спинку стула. — Так мы с Вами коллеги! Я лет пять преподавал закон божий, а потом, как школу закрыли, стал преподавать тутошним деткам все предметы, что требуются для поступления в среднюю школу. Может, захотите остаться на время — рассказать деткам что-нибудь? Им будет интересно увидеть новое лицо!

Чайник закипел, и Алиса поспешила открыть шкафчик, чтобы найти заварку — точно помнила, что она была. Жестяная коробочка с рисунком слона оказалась в самом дальнем углу. Алиса вытащила, открыла и переложила в чайничек пару ложечек сухих листьев.

— Я понимаю, — улыбнулся гость. — Это неожиданное предложение, да и время требует и силы... Но вы, Алиса, подумайте. Дети везде дети, и те, кому вы будете преподавать потом, и те, с которыми можете сейчас пообщаться. И если в сердце есть любовь к ним — а она несомненно есть, — то нет разницы, кто будет перед вами...

Алиса молча разлила заварку по чашкам и подлила кипятка. Заговорила, только сев на стул возле окна маленькой кухни, из которого легко просматривался сад и вход во двор.

— Дело не в том, бедные они или нет, — сказала она, не глядя на гостя. — Просто я плохой учитель. Скажем даже так — я поступила на тот факультет, на котором у меня была возможность делать как можно меньше, а оценки получать неплохие.

Священник удивлённо приподнял бровь, задумался.

— Алиса, не сочтите мой вопрос...

— Нет, я не имею склонностей к преподаванию и получаю оценки просто по «блату», — вздохнула она и криво усмехнулась — Не беспокойтесь, я не настолько лжец и не собираюсь работать учителем там, где действительно нужны знания. Просто требуется какое-никакое образование...

Закинула в чашечку пару ложек сахара, удивляясь странному травяному запаху чая, несколько знакомому, но ещё не узнаваемому. Отец Владимир тоже едва заметно принюхался к своей чашке, но ничем не выказал неудовольствия. Запах свежести и мягкости обволакивал, но странно вызывал тревогу. Гость первый отхлебнул из своей чашки и потянулся за печеньем. Алисе ничего не оставалось, как тоже глотнуть своего чая. Тягучей горечью опалило рот. Лицо мгновенно исказилось, побелело и покрылось испариной. Горло словно схватило тисками и сердце забултыхалось в грудной клетке. Скрюченными руками она потянулась через стол к священнику, спокойно наблюдающему за ней, склонив голову. Но не достала — ладони, трансформируясь, почти дотянувшись до края столешницы, скребнули по деревянному столу, пробороздив полосы, и заостенели в напряжении. Алиса потеряла сознание.

Когда она очнулась, долго лежала, не шевелясь, стремясь в полной неподвижности успеть осознать своё новое положение.

Она лежала в углу комнаты, неловко скрючившись. Руки и ноги умело стянуты широким скотчем с начертанием неясных символов, полукругом вокруг стоят свечи, лежат свитки с письменами, от которых на неё веяло горячим воздухом, а за ними простиралось широкое свободное пространство, усыпанное солью. Её священник не пожалел, усыпав чуть ли не весь пол комнаты — невдалеке лежали горкой смятые мешки, и несколько целых, оставленных про запас. Сам отец Владимир сидел перед кемпинговым стульчиком с ноутбуком и шарил среди её файлов. В одной руке держал чашку с нарисованными лилиями, другой сноровисто двигал мышью. На носу сидели очки, лоб хмурился, и уже не было постоянной мягкой улыбки — только морщины возле сурово сжатых губ оставались. Но окончательно Алиса поняла, как ошибалась, когда увидела, что священник сидит на коленях и пятках, как отдыхают народы дальнего востока. И было хорошо заметно, что для гостя, внезапно оказавшегося противником, эта позиция привычна и удобна, даже несмотря на весьма преклонный возраст.

— С пробуждением, нечисть, — холодно поприветствовал отец Владимир, не отрываясь от рассматривания на экране чего-то, невидимого девушке. — Итак, ты студентка педагогического, тебе по документам восемнадцать лет, ты родом из Рязани, чистокровная русская, приехала сюда позавчера на вечернем поезде, от которого сохранился билет, любишь играть в сети в шахматы, много общаешься с неким Гроссмейстером и к нему равнодушна. Твоя электронная библиотека состоит из книг, часть из которых верующим запрещена для чтения, а из музыки ты предпочитаешь бунтарский рок прошлого века. Также знаю, что свой компьютер ты чистишь очень тщательно, не оставляя никаких рабочих документов. Теперь я хочу услышать то, чего не знаю.

И повернулся к ней, приподняв очки. Два старомодных поблёскивающих кружочка зависли на морщинистом лбу.

Алиса смотрела прямо, неохотно признаваясь себе, что не разглядеть ловушку было полным дилетантством. Наконец, молчать стало уже невыносимо.

— Что это было? — хрипя напряжённым голосом, спросила она.

— Цветы дикого чеснока и лепестки ночной розы.

Алиса стиснула зубы — судя по всему, ему хватило времени, пока она возилась с лежанкой для котёнка.

— Как вы убедились?

— Дом, который ты выбрала для лежбища, является собственностью церкви, — священник обвёл пальцем окружающее, — и раньше принадлежал Марфе Сергеевне, моей прихожанке.

Отвела взгляд — так просто попалась, не удосужившись выучить имени бывшей хозяйки дома...

— За что?

Священник удивлёно приподнял брови:

— Здесь тоже живут люди, нечисть. И я призван пастырем им.

— Понятно, — Алиса закрыла глаза и облизала губы.

Отец Владимир закрыл крышку ноутбука и, поднявшись, подошёл ближе к девушке.

— Надеюсь, объяснять не нужно, что, если я не услышу ответов, то вполне могу принять на себя ответственность экзорциста, заранее считая твоё появление тут несанкционированным?

Алиса дёрнулась, открывая глаза. Снова облизала кровоточащие от болезненной сухости губы.

— Кто вы?

— Ты отравилась, а не память потеряла! — холодно усмехнулся отец Владимир.

— Я помню, — прошептала она. — Но обычный приходской священник не способен...

Священник посмотрел на неё, прищурившись, и покачал головой:

— Тебе будет легче, если я назовусь инквизитором? Или уполномоченным на отчетку и упокоение нечестии? Или миродарителем?

— Будет.

Отец Владимир пожал плечами и сухо произнёс:

— Это был риторический вопрос, но раз ты ответила, то не стану скрывать.

Он распахнул пиджак и расстегнул рубашку. Белый рубец известной формы всё объяснил ей.

Бывший инквизитор. Если инквизитор может быть бывшим...

Алиса облизала губы вновь — кровь из трещин не унималась, просачиваясь и стекая неровными тончайшими струями-нитями на подбородок. Убрать их не было возможности, и это занимало её мысли не меньше, чем поставленный выбор или продолжающееся жжение в глотке.

— Нечисть, у тебя мало времени, — отец Владимир подошёл ближе, и соль закрипела под мягкими подошвами сандалий. — Я не склонен задерживать брэнное существование тебе подобных в земной обители. Кто ты? Кто тебя инициировал? Откуда ты сбежала?

Девушка прикрыла глаза и выдохнула:

— Алиса Горская, инициатор, рязанская епархия, отряд владыки Мирослава Бородинского. Здесь нахожусь по послушанию владыки, для устранения или инициации группы лиц, производящих богомерзкие обряды с истязанием людей. Всё.

Отец Владимир отошёл и сел за стол, задумчиво погладил по мощной дубовой столешнице, словно пробуя ладонью деревянные волокна.

— Много изменилось за годы, — усмехнулся он нехотя, — если в инициаторы стали брать девок! В мои времена инициаторами становились только мужчины старше пятидесяти

и с хорошим бойцовским опытом.

Алиса не ответила, оставшись безучастна. Священник кинул на неё задумчивый взгляд и продолжил:

— Допустим, ты инициатор. Как подтвердишь?

Не открывая глаз, Алиса отозвалась, медленно и неохотно проговаривая слова:

— Если вы были инквизитором, то для вас не секрет, что инициатор проводит разведывательную работу самостоятельно, поскольку имеет для этого подготовленное мышление. Для того, что бы не сковывать действия инициатора, а также отвести от Матери нашей Праведной Церкви подозрения, действия инициатора не сопровождаются документацией.

Отец Владимир кивнул, соглашаясь, и прошёлся по комнате. Соль мерно заскрипела.

— Однако, известно, что инициатор не работает один, а всегда находится под контролем Инквизитора. Где он?

— Не знаю, — отозвалась Алиса, снова облизав губы. — Я думала, что это — вы.

Священник задумчиво отошёл к окну и взгляделся в тихо шелестящий сад.

— Подождём. Если кто-нибудь дёрнет твой поводок, то я освобожу тебя. Если нет — пеняй на себя, тебе зачтётся и ложь.

— Я не лгу, — устало отозвалась Алиса. — Вчера я получила задание, в ночь прошла точки обрядов. Послезавтра — полнолуние и может произойти ещё одно убийство, если я не высчитаю его место и не остановлю ублюдков.

Священник, не оборачиваясь на пленницу, поморщился:

— Выбирай слова, нечисть. В отличии от тебя, это — люди. А ты, хоть и, возможно, на службе, но тварь бездушная.

— Пусть так. — Алиса едва заметно пожала плечами. — Если я не остановлю их, то будет ещё одна смерть. Скажите, отец, что больше отяготит Вашу душу — гибель невинной девушки на сатанистском ритуале или радость от моего убийства?

Священник чуть повернул голову, краем глаза наблюдая за девушкой, явно впадающей в сонное состояние.

— Если твой ведущий проявится быстро — ты успеешь.

— Если... — ответила она. — Я — существо бездушное. Пусть ваша душа, отец, принимает ответственность. Вы — человек.

И закрыла глаза.

...

Глава 7 Воспоминание о Восхождении

— Вставай, детка.

В этот раз девочек поднимала сестра Софья, добрая старушка, пользующаяся всеобщей любовью. С подносом в руках, она проходила возле коек и, трогая за плечо каждую из послушниц, уходила дальше, оставляя на тумбочки стаканы с минеральной водой из монастырской скважины. Вода всегда была свежей, студёной настолько, что сводило зубы, и едва отдавала вкусом тухлятины, но, как им объясняли, от этого менее живительной не становилась.

Скинув тонкое шерстяное одеяло, Алиса в десяток мелких глотков сцедила свою порцию и начала быстро одеваться — в помещении итак было прохладно и влажно, от ледяной воды начинало лихорадить, и по опыту она знала — чем быстрее окажешься на улице, тем быстрее сможешь согреться движением. Надела тренировочные брюки и рубаху, поверх них — подрясник, подпоясалась и, не оглядываясь на так же быстро и молча собирающихся девочек, выскочила из спальни.

Только во дворе поняла, что ещё глубокая ночь. Звёзды сидели в прорехах меж туч огромными пятнами, чуть подрагивая от гонимой ветром дымки. Хлопая себя ладошками по плечам и прыгая на месте, девочки ждали наставника, ради которого их подняли в неурочное время в хмурую осеннюю ночь. Впрочем, об урочном времени им пришлось давно забыть. В первый же день в монастыре мать Ольга попросила всех новоприбывших отдать ей на хранение свои часы, а потом показала на настенный хронометр и сказала: «Для вас есть только Жизнь и Смерть. А всё что между ними — Время. Научитесь его ценить, а не считать». С тех пор о том, когда есть, когда спать, когда бежать на уроки, они узнавали только от старших сестёр.

Во двор вышла настоятельница мать Ольга, — чрезмерно дородная и оттого страдающая телесной немощью женщина, — на зависть послушницам одетая в рясу и добротный овчинный полушубок. За ней мелкими шажками двигалась сухонькая старушка, так не похожая на прежних наставниц группы. Может быть своей раскованностью или тем, что, ни на шаг не отставая от игуменьи, она и не опережала её, когда та останавливалась, не в силах совладать с оплывшими ногами на неровностях каменного двора. И лицо у новой наставницы было особым — спокойным, едва заметно улыбающимся, а не с вечно недовольными опущенными уголками рта. Девочки без команды споро встали в шеренгу и нестройно поприветствовали мать игуменью — зубы не попадали на зубы от холода. Мать Ольга строго оглядела строй и, со значением подняв вверх указательный палец, произнесла:

— Сестра Пелагея. Ваш новый наставник.

Мать Ольга ещё раз оглядела строй, нахмутив широкие брови, словно предупреждая послушниц о тщании и усердии в овладении новой наукой, и, величественно кивнув сестре Пелагее, направилась обратно в помещение, где, возле входа, её ждала помощница с шалью в руках.

Сестра Пелагея не стала ждать, когда она уйдёт. Подошла ближе и улыбнулась:

— Замёрзли, девочки?

— Замёрзли, — разноголосьем зажатых от холода голосов, ответили послушницы.

— Сейчас погреемся, — кивнула сестра и скинула рясу, под которой оказалась такая же чёрная тренировочная форма, как у учениц. — Снимайте!

Девочки одна за другой начали раздеваться, с неохотой вылезая из уже нагретых одежек. Когда все остались мёрзнуть в тонкой форме, сестра Пелагея просто предложила:

— Побежали?

И первая рванулась в сторону задней калитки. Девочки, сбиваясь с ритма и спотыкаясь костенеющими ногами, побежали следом. Сестра Пелагея бежала легко и воздушно, казалось, что её что-то поддерживало на весу или помогало оттолкнуться от земли, настолько у неё это выходило ладно. Выбежав за калитку, она не повела группу по обычному для них утреннему маршруту вокруг ограждения, а, вместо этого, направилась в сторону гор, у подножья которых и располагался монастырь и их, базировавшийся на его территории, женский подростковый религиозно-спортивный лагерь-пансионат «Светлица».

В тот день в монастырь они не вернулись. Сестра Пелагея бежала по горным тропам, убегая вперёд и вынуждая догонять или падать и умирать на маршруте. Девочки плакали, карабкаясь по осыпям вверх или слетая по ним вниз, обдирая тело до крови. Шёл дождь, и слёзы путались с дождевой водой, грязью и известью, намешенной с камней ногами и руками, но кровь от разбитых коленей и ладоней нельзя было спутать. Алиса несколько раз срывалась — один раз скользнула ногой на обрыве, а другой — не рассчитав от слабости расстояния, не смогла схватиться за ветку, которую присмотрела для опоры. И скатывалась вниз, под ноги бредущим вверх подругам, от усталости не будучи не только в состоянии помочь или задержатся, но и просто заметить, что на земле не ствол поваленного дерева, а человек, такой же, из плоти и крови. Она, скуля и стискивая зубы, на четвереньках карабкалась наверх, сквозь слёзы смотря на исчезающие среди жёлтых деревьев чёрные фигуры и боясь потерять их из виду. И догоняла.

Потом вдруг прекратился ливень, и неожиданно сестра Пелагея остановилась на голом обрыве, с которого вся земля впереди лежала, словно на божьей ладони. Вывалившись следом, девочки упали на белые камни, жадно хватая ртами воздух, а с ним вместе, словно манну небесную — солнечный свет, золотой, вселенски сильный свет, пронзающий до самой сути, до самого нутра, дрожащего натянутым канатом позвоночника. И они плакали уже не от боли и усталости... Но от чего — даже спустя годы Алиса не смогла бы объяснить. И сестра Пелагея ходила вокруг них и тоже плакала. Она брала в сильные и по-матерински нежные ладони их лица и целовала в лоб, говоря что-то ласковое и жизнеутверждающее, но ничто не сохранилось в их памяти. Ничего, кроме самого состояния окружения солнцем, восхождения к нему, опьянения им.

Хотя нет. Одно Алиса всё-таки запомнила.

Всё возможно, чему мы позволяем быть...

...

Глава 8 Охота

— Подъём!

Носок сандалии ткнул Алису меж рёбер. Вздогнув, она тут же стиснула зубы и открыла глаза. Отец Владимир стоял в нескольких шагах от неё, и сердце Алисы переполошено сорвалось в дикий ритм — священник за время её вынужденного сна переоделся в новую рясу и поверх возложил большой серебряный крест. Так облачались перед неторжественными обрядами. С трудом удержав на лице прежнее угрюмое выражение, она постаралась принять сидячее положение.

— Время позднее, — коротко сказал отец Владимир. — На связь с тобой не вышли. У тебя есть, что ещё сказать мне, нечисть?

Подняв глаза, Алиса покачала головой.

— Ты упорствуешь в своём ответе?

Алиса с усилием разлепила губы, усушившиеся за время вынужденного сна в единую массу, и глухо отозвалась:

— Много за мной грехов, отец, но не ложь вам.

Несколько мгновений он внимательно рассматривал её, а потом проворчал:

— Будь ты человеком, я бы сказал, что ты не лжёшь.

И замолчал, оставив недосказанным то, что итак было ясно обоим — твари, подобные ей, но уже перешедшие барьер, славились изворотливостью, тонким актёрским умением и неслабым рассудком, и даже священник, обученный для таинства исповеди, может оказаться слабее их возможностей. Алиса не отвела взгляда:

— Вы разбудили меня, чтобы поговорить или чтобы начать обряд?

Задумчиво оглядев её, словно принимая решение, отец Владимир наконец подошёл ближе и склонился почти до лица:

— Сегодня последняя ночь, когда ты можешь искать место будущего обряда?

Помолчав, Алиса кивнула.

— Я готов дать тебе возможность исполнить послушание... Пойдёшь со мной под печатью.

Дыхание Алисы оборвалось, взгляд лихорадочно заметался. Священник внимательно наблюдал за изменениями на лице пленницы, выглядывая за страхом и облегчением, смешанными в единую смесь, нечто большее.

— Это-то хоть снимете? — скривившись в неловкой усмешке, Алиса показала глазами на ленты скотча на руках и ногах.

Отец Владимир протянул к ней открытую ладонь, на которой лежала красного металла перстень с печаткой. Закрыв глаза, Алиса приподняла плечи и отвернула голову в сторону, подставляя шею. Священник взял недогоревшую тонкую свечу и наклонил над выбранным местом — ключичной ямочкой на плече девушки. Со свечи, чернея на лету, закапал воск, заполняя углубление, выстланное нежной кожей. Алиса сидела, не шевелясь, словно не замечая горячих капель. И лишь когда медная печать втиснулась в тёплую восковую подушку, она вздрогнула и закусил губу, сдерживая стон. Ей казалось, что нечто злое, острое буравится внутрь неё, пролезая сквозь мышцы в грудную клетку и оплетая сердце. Печать была поставлена.

Священник разрезал скотч, и Алиса, хмурясь от боли, начала тереть руки и ноги, сквозь

едва терпимую ломоту возвращая им чувствительность. Только теперь она заметила, что соль в комнате сметена по углам. Отец Владимир вытащив из косяка торчащие ножи, бросил их на стол, где уже лежала пара, которую он забрал у Алисы, пока она была без сознания. Обернулся:

— Пошли, — и отодвинулся от прохода.

Алиса рывком поднялась и двинулась из комнаты. Хотела пройти на кухню — умыться и глотнуть воды, но священник схватил за плечо вооружённой перстнем рукой, и швырнул к дверям мгновенно ослабевшую девушку. Молча поднявшись на крыльце, Алиса одёрнула платье и вышла в сад.

Отец Владимир держался сзади, и в каждый момент движения она чувствовала его внимательный взгляд и тонкую ниточку, соединяющую её левую ключицу и сердце под ней с перстнем-печаткой в ладони священника.

Когда проходили двор, залитый вечерним светом, Алиса успела заметить рыжий клубочек под далёкими кустами смородины и невесть отчего порадоваться тому, что котёнок не ушёл.

По городу шли быстро. Алиса стремилась за короткое оставшееся время вновь обойти все известные уже точки, по-новому взглянув на них. В голове за долгий сон систематизировались все приметы и параметры мест, на которых проходили обряды, и теперь требовалось лишь убедиться в забрезжившей догадке. Шли по нагретым за день улицам, и девушке всё казалось, что вокруг пустыня, ссушивающая кожу и отнимающая силы. Но двигалась она всё также легко и пружинисто, подчас вынуждая старика за спиной срывать дыхание, догоняя её. Впрочем, бывший инквизитор не сильно потерял физическую форму за годы безобидной работы учителем.

Когда прошли в парк, Алиса невольно оглядела место бывшей «разминки» — на асфальте ещё валялись осколки её плеера, но больше ничего не указывало на произошедшее. Это позволило удовлетворённо кивнуть своим мыслям, поскольку ничьи жизни даже случайно в тот раз отнимать она не собиралась. Бета за кустами, естественно, уже не было.

— Я помню это место, — вздохнул за спиной священник. — Его показывали по местному вещанию.

Алиса обернулась, но, взглянув на своего конвоира, перевела взгляд дальше. На широкие ворота парка, давно открытые настежь и ржавеющие в этом, заклинившем, положении. Широкие, высокие, просторные...

— Мы болтаемся без толку, — угрюмо сказал отец Владимир, оглядываясь. — Столько времени прошло с тех пор, что уже ничего нельзя отыскать. Тебя прислали слишком поздно. Или рано. Возможно, если завтра пройдёт новый обряд, то ты сможешь найти что-то на его месте...

— Именно потому, что логика расследования событий инициатором отлична от человеческой, — монотонно, словно статью конституции, заговорила Алиса, — для удобства работы инициатор действует в одиночку, во избежание напрасной траты сил и угнетения со стороны инквизитора. Инициатор использует изменённым восприятием остаточные эманации окружающей среды в точках нарушения человеческого этического пространства и восстанавливает в воображении ход событий, благодаря чему способен вычислить нарушителей этического пространства, становясь свидетелем, наблюдающим событие в искривленной реальности. Инквизитор же является судьей и использует данные ему святым обращением способности во благо человечества и церкви. Инициатор выполняет волю

инквизитора при исполнении приговора.

Отвечая, она всё ещё вглядывалась в арку ворот. В голове собирались в картинку и снова распадались образы.

Отец Владимир хмуро оглядел её, ненавязчиво потёр подбородок печаткой и спросил:

— Ты видишь хоть что-то, что может объединять эти места?

— Въезд, — коротко отозвалась она и двинулась обратно к входу в парк.

Там, в жёлтом свете вечернего сумрака ей уже явственно представлялась машина. Она подходила всё ближе и перед взглядом складывались и разбегались линии.

«Легковая?», — силуэт спортивной машины.

«Нет, не хватило бы места...», — силуэт задрожал и распался на волнистые линии.

«Микроавтобус?», — линии сложились в известный контур, который тут же стал заполняться разноцветными пятнами, словно сознание пробовало подобрать цвет. Но что-то не складывалось, не получалось — линии наползали друг на друга, толкались, искривлялись, что-то внутри мешало им окончательно оформить картинку.

«Нет», — внезапно одёрнула себя Алиса, почувствовав собственную неуверенность. — «Это был грузовик».

Машина возникла в сознании почти мгновенно. Грузовая «Газель», из которой, словно на притормозившей киноленте с выключенным звуком, замедленно выскакивали молодые люди. Оставшиеся в кузове скинули вниз тело, перемотанное верёвками и скотчем; обмякшее, оно только дёрнулось при падении. Водитель подхватил тело и потащил в парк, живо оглядываясь и скрывая лицо под форменной кепкой с большими козырьками. Когда мужчины прошли совсем близко, Алиса вгляделась в салатовую кепку с чёрной эмблемой.

— Стилизованное «М» в круге, — сказала она.

Священник встрепенулся и удивлённо посмотрел на неё.

— Благотворительный Торговый дом «Милосердие» — одна из дочерних организаций Единой Церкви в нашем городе.

Алиса наблюдала. Водитель скинул пленницу на асфальт, живо сдёрнул с неё связывающие верёвки, оставив только полоски скотча на лице, запястьях и щиколотках, и, не оборачиваясь, побежал к «Газели». Машина завелась и растворилась в пространстве, когда Алиса отвела от неё взгляд. Вокруг привезённой девушки остались только те мужчины, что выпрыгивали из кузова. Судя по всему, сектанты. Они рисовали знаки и символы для обряда, но как-то слишком суетливо — не было в их движениях торжественности, так необходимой ритуалам. И, пока они носились тенями вокруг, инициатор подошла ближе к лежащей и, присев на корточки перед невидимой никому, кроме неё, вгляделась в жертву. Белое лицо измученной девушки, запятнанное темнеющими синяками, изборождённое следами ногтей, кожа в кровоподтёках, на грязной сорочке расплывались кровавые пятна, но более всего окровавлены оказались ноги. Девушку насиловали долго, но более страшное истязание её ещё ждало.

Алиса распрямилась и ещё раз окинула взглядом подвижные образы своего воображения. Досматривать до конца намерения у неё не возникло.

— Жертву и сектантов привозили работники «Милосердия», — сказала Алиса. — Её насиловали и избивали не здесь. Здесь только проходил последний акт — добивание.

Священник опустил голову, размашисто перекрестился и хмуро оглядел окружающее пространство, словно в надежде, что, как и инициатор, сможет увидеть то, что происходило здесь когда-то. Это не было желанием видеть омерзительное, — в его взгляде таилась угроза,

знакомая Алисе по другим непримиримым борцам инквизиции.

Взяв себя в руки, отец Владимир повернулся к Алисе:

— В этом районе есть миссия благотворительного социального питания от «Милосердия», — сухо сообщил отец Владимир и отмахнул рукой направление.

Она снова двинулась первой. Теперь скорость движения увеличилась — кровь Алисы кипела, словно у гончей, идущей по следу. Она ощущала тонкий запах движения невидимой «Газели» на дороге и шла за ней, выглядывая очертания на фоне деревьев, кустарников, домов и плакатов.

Отец Владимир догнал её на повороте и тяжело спросил:

— Может, проще доехать?

Алиса остановилась и осмотрелась. В нескольких шагах находилась парковка. Лёгкий рывок в сторону машин, выбор по неосязаемым параметрам наиболее пригодной. Закрыв глаза, Алиса надавила на дверцу к месту водителя, и замок внутри сухо щёлкнул. Села, обрушила кулак на приборную доску — сигнализация пискнула и тут же замолкла, — и открыла дверь священнику:

— Садитесь.

Подобрав рясу, Отец Владимир забрался на пассажирское кресло и угрюмо сообщил:

— Вообще-то, я имел ввиду общественный транспорт...

Повернувшись, Алиса равнодушно спросила:

— Пойдём на трамвай?

— Поехали, — мрачно приказал священник, и она завела машину.

Когда впереди в просвете между рядами тополей появилась светящаяся в темноте огромная зелёная «М», вписанная в круг, Алиса припарковала машину возле тополиной аллеи. Вышли, глядя в здания впереди.

— Один въезд на территорию, — рассуждала вслух то ли для себя, то ли для священника Алиса, — Головное здание и девять второстепенных складских. Шесть выездов. Машина могла идти с любой точки...

И замерла от ощущения знакомого сверлящего взгляда меж лопаток.

Разворот.

Одна рука привычно ушла к груди, заряжаясь для боя, другая мощным рывком смахнула отца Владимира, толкнув себе за спину.

Чёрная кряжистая фигура шагнула из густой тени дома, опасно приближаясь.

Отец Владимир, быстро восстановив равновесие, сноровисто прижал локти к корпусу, выставляя вперёд внезапно оказавшиеся в руках стилеты.

Неизвестный подошёл на расстояние рывка и опустил капюшон:

— Хорошая работа, Алиса. Доброй ночи, святой отец.

Руки девушки опустились, и, она скованно склонилась в полупоклоне, пролепетав:

— Доброго здоровья, командор Борислав.

«Он вас знает. Он вас найдёт».

Теперь её не удивляло тяжёлое чувство опасности от преследовавшего последние дни взгляда.

...

Глава 9 Война

Печать отец Владимир снял сразу. Молча наложил руки и легко скovyрнул восковую печатку с вздрогнувшей девушки — только розовое пятно осталось на коже.

— Машину мы вычислить не смогли, но то, что сектанты используют места не для всей процедуры, а только для её окончания, стало ясно с самого начала, — степенно говорил командор Борислав, тяжёлой широкой походкой двигаясь рядом с отцом Владимиром.

Алиса, не вмешиваясь в разговор людей, шла чуть впереди, выбирая наиболее короткую и безопасную дорогу к дому.

Отец Владимир покосился на товарища:

— Полагаешь, что место обряда найдено?

— Не сомневаюсь, — кивнул командор. — Завтра можно будет поставить точку.

— Будешь поднимать команду или надеешься справиться своими силами?

— Её хватит, — кивнул на задеревеневшую спину девушки отец Борислав.

Отец Владимир покачал головой и так же отстранённо спросил:

— Девица не производит впечатления... Ну, да ладно. Много поменялось за время, как меня удалили из Ордена, так, может и таковой уровень уже достаточен. Как точку-то намерен искать?

Командор пожал плечами и едва заметно улыбнулся:

— Предполагаю, что территория, которую надо проверить, вряд ли превышает гектар... Алиса?

Девушка на мгновение закрыла глаза, вдыхая свежий ночной воздух, словно колонку новостей:

— Девять тысяч шестьсот пять квадратных метров.

— Не чрезвычайно большая площадь, — удовлетворённо кивнул наставник, — Вполне покрываемая двумя инквизиторами. Как считаете, отец Владимир?

Священник вытащил из глубин рясы платок и аккуратно обмакнул запотевший лоб. Улыбнулся поклонившимся прохожим, благословил, но глаза оставались настороженными. Он размышлял, прекрасно понимая, что стоит за предложением.

— Да, — наконец, ответил он. — Думаю, что для двоих это немного.

Наставник Борислав кивнул.

— Тогда предлагаю завтра встретиться уже здесь. Южный сектор оставлю за вами, отец.

— Премного благодарен, — чинно склонил голову священник.

— Когда они начнут, мы придём, — уверенно подвёл черту командор. — Запах боли будет нас вести.

Идущая впереди Алиса дёрнулась и, на ходу чуть повернувшись к мужчинам, проинформировала:

— Опасность для предполагаемой жертвы превышает допустимые значения.

Наставник кивнул и пояснил в одеревенелую спину девушки, продолжающей движение:

— Войны без жертв не бывает, Алиса. А мы на войне. Пусть это война лишь в таких редких прорывах выходит на столкновение жизни и смерти в мире телесном. Это война за души, и война в душах. И девушка, которая будет мучиться завтра, и которую мы спасём, если будем усердны и богу это будет угодно, всего лишь воплощение этой войны.

Воплощение и наша жертва светлomu, что укрепит силу божьего замысла.

Она прошла несколько шагов, не меняя спокойного выражения лица, а потом отозвалась:

— Я не понимаю.

— Ты знаешь о битве добра и зла, для которой тебя готовили, что же ты хочешь понять больше? — терпеливо спросил Наставник, косясь на молчаливо шагающего отца Владимира.

— Как жертва тёмному становится жертвой светлomu?

Наставник усмехнулся, понимая, что она не видит, но чувствует его усмешку.

— Вопрос наивен, но корректен — в ином случае я бы указал на послушание очищения... — и вдохнув ночного воздуха, ответил, понизив голос: — От того, каким был обряд — во славу божью или во славу его противнику, — зависит преумножение силы тёмного или светлого в мире. Но бог есть высшее, породившее и светлое и тёмное, потому, если обряд и проводился во славу хозяина преисподней, но наши деяния его остановят, а девушка умрёт, то обряд смерти во имя злого станет с божьей и нашей помощью обрядом жертвоприношения одной для остановки прихода дьявола и спасения многих. Значит, душа её будет очищена от грехов прожитой жизни и вознесена к светлomu, как мученица за святое дело.

Алиса склонила голову. Отец Борислав удовлетворённо повернулся к коллеге и улыбнулся на его настороженный взгляд:

— Она действительно молода. Только второй год как инициирована.

Священник понимающе кивнул, а потом поинтересовался:

— С каких пор стали брать настоль юных девушек?

Наставник тонко улыбнулся, словно ведя светскую беседу за чашечкой кофе:

— Практику инициации людей в зрелом возрасте, с хорошей боевой подготовкой и опытом нам пришлось прекратить, как малоэффективную. Большие дивиденды приносит подготовка людей в период пика полового развития, конечно, держа под контролем сексуальную энергию и направляя её на инициацию. Такие бойцы менее профессиональны, да, меньше знают и умеют на момент инициации, но зато фактически без обучения легко овладевают интуитивными практиками. А у Алисы высокие возможности в этой сфере, тем более, что им ещё суждено развиваться, — пояснил наставник, с едва заметной гордостью смотря в напряжённо выпрямленную спину ученицы: — Но пониманием девочка ещё чисто дитя.

— Гармония баланса, — кивнул отец Владимир и вздохнул: — Но странно слышать такое сравнение о представителе нечистого рода, который уже пригубил и не раз жизни человеческой... — и перекрестился, словно отвращая дурное.

Брат Борислав бросил быстрый косой взгляд на коллегу и негромко отозвался:

— Грех ли то, что сердце отдаю своим ученикам, кем бы ни суждено им быть?

Отец Владимир промолчал. И заговорил лишь когда прошли довольно далеко от места неловких фраз.

— Во всём этом деле наиболее обидно, — вздохнул он, избегая продолжения скользкой темы: — что змея отложила яйца в корзине среди птичьих.

Брат Борислав не ответил, только плечи дёрнулись, словно наставник сдержал желание обернуться на исчезающие за поворотом вывески «Милосердия». Разговор вновь не завязался, и далее двигались в молчании.

На одном из дорожных переходов, когда остановились на светофоре, Алиса

почувствовала пустоту за спиной и резко обернулась назад. За ней стоял только отец Владимир, напряжённо уставившийся на резко остановившуюся девушку. Алиса посмотрела мимо него на улицу, освещённую огнями и полную праздного люда. Вывески. Машины. Пьяный сброд. Наставник исчез.

— Ушёл, — констатировала Алиса, отворачиваясь к дороге.

И только теперь отец Владимир, порядком вымотанный тяжёлой ночью, понял, что произошло, и всю дальнейшую дорогу провёл в задумчивости.

— Пойдёте со мной или вас сопровождать? — не глядя на попутчика, безучастно спросила Алиса, когда вошли в свой район на главную развилку.

Отец Владимир устало отмахнулся:

— Иди, отдыхай. Завтра понадобятся все твои способности... Инициатор...

Алиса, по-военному развернувшись, направилась в сторону своего убежища.

Первое, что она почувствовала, подойдя к дому — странное телесное ощущение тепла и запах сладости, растекающийся по воздуху. От этого запаха кружило голову и хотелось встать на четвереньки и ползти к его источнику. Алиса встряхнулась и разжала инстинктивно до судороги сжатые кулаки. День без поддерживающего питания сказывался — даже лёгкий запах крови, затёртый среди ароматов цветущих лип, мог довести до потери ориентации и человеческого вида. Открыв калитку, зашла во двор — запах тянулся с угла дома. Подступая ближе, напряглась, готовясь в любой момент к атаке, но вокруг было тихо. И, лишь подойдя ближе, почувствовала живое и мёртвое рядом.

Завернула за угол.

Рыжик игрался с длинным хвостом растерзанной до неузнаваемости серой тушки. Он то подцеплял голый хвост лапой и подбрасывал в воздух, то ловил, прижимая всем телом, когда тот отлетал.

— Так, — Алиса опустилась на корточки рядом с котёнком. — Что тут у тебя, доблестный охотник?

Рыжик вздыбился, почувствовав девушку рядом, но быстро успокоился, не видя от неё агрессивных движений. Алиса же ткнула в розовую шкурку пальцем и слизнула с ногтя смазанный кровяной след.

— Убили часа полтора назад, — задумчиво сказала она котёнку, топорщившему усы на добычу. — Выжрали внутри всё, кроме кишок. Крови почти нет.

Вывод напрашивался только один.

— Бет, — криво усмехнулась Алиса.

Вскочила на ноги и понюхала воздух. Остаточный запах помойки и гноя тянулся шлейфом к полуразвалившейся постройке овина. Алиса ощерилась и двинулась к нему, зная, что бежать от неё бесполезно, обороняться — тоже, да и не будет бет способен ни на то, ни на другое.

Дверь она, не церемонясь, сорвала с петель. В овине повисала густая темнота, но движение живого тела, смердящего и часто дышащего от испуга, она ощутила сразу. Ощерилась и зашипела предупреждающе — волосы её приподнялись у корней, клыки заострились, когти на ладонях мгновенно выросли и закаменели.

Бет заскрёбся, стремясь найти выход из ловушки, в которую сам себя загнал, но тщетно — доски у овина ещё были достаточно крепки, чтобы не выпустить. Он всё-таки попытался — размахиваясь и шипя от боли, замолотил по стене кулаками и сумел пробить дыру.

— Смерти ищешь, отребье господне? — прошипела Алиса и одним рывком оказалась

рядом с тёмной скрюченной фигурой, ставшей хорошо видной на фоне улицы. Схватила за холку, жёсткими пальцами проминая мышцы до позвоночника, и швырнула тварь к двери. Бет закричал, опрокидываясь на спину, заскрёб руками-лапами, стремясь отодвинуться от неторопливо, словно кошка к мышке, приближающейся девушки, но тщетно. Алиса прыгнула, схватила железной рукой за плечо, втискивая пальцы под ключицу, и поволокла из овина. Бет извивался и причитал что-то нечленораздельное, будто силы покинули его и осталась только надежда на мольбу и милосердие.

Алиса выволокла обвисающее мешком существо на сумрачный предутренний свет и, швырнув под ноги, оглядела. Бет, дрожа и зажимаясь, лежал, стараясь не шевелиться, и только из-под длинной косматой грязной чёлки за ней следили глаза — чёрные, испуганные, с кипельными белками, страшно контрастировавшими на фоне тёмно-фиолетовых кругов, в провале которых сидели.

— Смерти ищешь? — снова прошипела Алиса и склонилась ближе к бету.

— Ищу, — дёрнулся острый кадык по тощему горлу.

А во взгляде появилась сумасшедшая надежда.

— Зачем пошёл за мной? Что задумал? Отвечай!

Она не угрожала, но бет сжался, не в силах отвести взгляда от её глаз — бешенных, огромных, тёмных — в которых сейчас дрожал зрачок, заметно вытягиваясь по вертикальным полюсам.

— Защитила, — тихо-тихо, почти на грани слышимости прошептал он. — С тобой — спокойно.

Алиса свела губы, скрывая острые хищные зубы, и выпрямилась. Ярость угасла так же неожиданно, как и появилась.

— Это — мой — дом, — отдельно сказала она. — Уходи! Или пеняй на себя!

Бет не стал перечить. Не выпуская её из поля зрения, он развернулся и боком, боясь подставить покалеченную, кровоточащую спину, начал медленно настороженно продвигаться в сторону выхода. Лицо его вытянулось и казалось в этот момент уже не испуганным, а уставшим и очень старым, не смотря на то, что морщины его не безобразили, но кожа высохла и черты заострились как у тяжёлого больного в последние часы. Он и чудился похожим на того, кто лежит на предсмертном ложе и в изнеможении от брэнного существования зовёт смерть, но та, словно издеваясь, не приходит, лишь досуха выжимает все соки жизни из тела. На миг он показался Алисе сходным с её матерью за день до смерти... И она, сплюнув под ноги, приказала:

— Стой!

Когда бет, вздрогнув всем телом, замер, Алиса уже пожалела о сказанном, но отступить не собиралась.

...

Глава 10 Бет

Алиса открыла дверь в дом, оставленную незапертой, и посмотрела на прижавшегося к стене бета, таращившегося пустыми глазами.

— Войди, — коротко бросила она.

Бет сжался ещё больше, настороженно смотря исподлобья.

— Ну! — рывкнула Алиса.

Восток уже алел, и встречать на улице рассвет и поднимающихся на работу соседей в нынешнем положении ей не хотелось. А бет всё задерживался, боясь открытого портала в дом, в уют и чужое личное пространство. Зашипев что-то нечленораздельное, Алиса схватила существо, смердящее помойкой и казавшееся более всего похожее на запаршивевшую обезьяну, и втолкала в дверной проём. Бет особо и не сопротивлялся, только зажимался и пытался уберечь кровоточащие плечо и хребет.

Алиса захлопнула дверь, накинула крючок и удовлетворённо вздохнула — «дома!».

— На кухню, — хмуро приказала она бету и тот покорно поплёлся в указанном направлении.

«Интересно, там окно открыто? — с надеждой подумала Алиса, — Хоть бы сбежать догадался что ли...». А сама направилась в комнату — переодеться.

Когда она вышла на кухню — в чёрном спортивном костюме, несмотря на облегание, неплохо скрывающим, как всегда, притянутые к телу, клинки, — бет сидел в центре кухни, сжавший в комок и, казалось, боялся прикоснуться к чему-либо и случайно осквернить. Алиса вздохнула — окно оказалось открытым.

«Ну, не дурак ли?», — с досадой подумала она и показала на короткую ванну рядом с плитой:

— Снимай всё и залезай туда.

Простейшие команды он понимал хорошо, а стеснений уже не оставалось — подрагивающими руками стал расстёгивать пуговицы. Алиса нахмурилась, постукивая когтём по столешнице и, не поднимая глаз, бет заторопился. Вскоре он сидел перед ней обнажённым, лишь на шее болталась верёвочка с большим круглым медальоном. Потемневшее от грязи, пота и внутреннего гниения тощее тело, помеченное чёрными синяками бывших избиений, в язвах и незаживающих ссадинах, дурно смердящее и паршиво выглядящее.

Сморщив нос, Алиса прошла вокруг, оглядывая и ощущая настороженный чёрный взгляд, следящий за каждым её движением исподлобья. Ей хотелось саму себя одёрнуть и напомнить, как и откуда берутся такие твари, как эта, но всё стоял перед глазами последний взгляд матери.

— Туда, — махнула Алиса рукой и негаданный гость, горбатясь в ожидании удара в спину, полез в ванну.

Старая, с отбитой эмалью, она была прохладной, и бет сжался в комок, заметно задрожав, и обхватил себя руками.

— Всё лишь начинается, — хищно усмехнулась Алиса.

Бет промолчал, сжавшись ещё больше. Не обращая внимания, Алиса открыла краны. Вода в дом поступала из небольшой скважины пробуренной хозяевами тут же, во дворе, и оттого зимой и летом была одинаково ледяной. Душ загудел, ударили струи и бет с тихим

всхлипом подался назад.

— Сидеть! — прикрикнула Алиса и, поморщившись, осознавая, что сам он не помоеется, а так и будет сидеть, зажимаясь и с ужасом глядя на льющуюся воду, взялась за дело сама.

Отмывать его до идеальной чистоты она не собиралась, да и наверняка это было невозможно, но хотя бы немного снять ужасный запах нечистот считала необходимым, потому поливала ледяной водой мгновенно расцветающую краснотой кожу и тщательно натирала намыленной тряпкой. Бет, как ни странно, молчал, только стискивал зубы и дрожал от холода всё заметнее.

— Пытка кончилась, — объявила Алиса. — Вылезай.

А сама ушла поискать что-нибудь из одежды в шкафах старых хозяев.

Когда вернулась, бет уже вылез из ванны и, исходя крупной дрожью, яростно отстирывал в сливающейся мыльной воде веревочку с медальона. Сам медальон — толстый металлический кружок — лежал на столе. Алиса не стала сдерживать любопытства и взяла посмотреть. «За отвагу» значилось на позеленевшей от сырости и пота медали.

— Так, — удивлённо протянула Алиса, разглядывая ещё угадываемые очертания танка и самолётов на медали и короткую надпись «СССР».

Бет вздрогнул, словно ударили, и быстро оглянулся. Дикая чёрная глаза с тоской прикипели к кругляшку в её руках.

— Отдай, — тихо попросил он, опасаясь даже руку протянуть.

Алиса пожала плечами и положила медаль на стол, рядом бросила найденную одежду.

— Одевайся, — кивнула она и снова вышла.

В комнате уже появились золотистые блики на подоконниках, но мощные деревья сада ещё не пускали день в эту обитель сумрака. Утомлённо вздохнув, Алиса рухнула на своё излюбленное место в углу и потянула к себе ноутбук. «Гроссмейстера» в сети опять не было, но в окошке клиента висело тревожное «Где ты? Что случилось?» — и на сердце у неё стало легче от понимания того, что хоть кому-то на земле она нужна просто потому, что есть. Редкое удовольствие для инициатора.

— «Извини, сложности на работе. В ближайшие пару дней буду урывками. Пока!», — отбила она, зная, что до адресата её послание дойдёт не сейчас, так позже. Увы, Влад не отозвался, а значит действительно его в сети не было.

Алиса потянулась за бутылкой с поддерживающим питанием и с неудовольствием заметила мелькнувшую в проёме входа тень.

— Входи, — приказала она.

Одежда на госте висела почти также, как на вешалке. Отощавший, сгорбленный мужчина в чёрном строгом костюме прошлого века более походил на узника концентрационного лагеря, сошедшего с фотографий времён второй мировой, чем на современника. Если бы не длинные, почти до середины лопаток чёрные с сединой волосы да необычный шрам на щеке — крестом... Бета ещё била дрожь и инстинктивно он сжимался, прижимая к себе руки.

— Иди туда, — указала Алиса на место неподалёку, где заранее бросила старые одеяла из барахла хозяев дома, которым пользовалась в обход права наследования.

Бет подошёл к куче, вопросительно посмотрел на Алису и, лишь убедившись, что это действительно для него, приготовил себе место — одно одеяло собрал в несколько слоёв и расстелил, а в другое закутался с ног до головы и сел греться. Алиса, не таясь, разглядывала его лицо и думала о том, что негаданному гостю от силы тридцать пять лет, хотя его уродует

сущившаяся кожа, кое-где повисающая хлопьями, невероятная измождённость и шрам на щеке. Но угаданный возраст ничего не значил — для бета, как и для неё самой возраст остановился на той отметке, когда был застигнут инициацией...

— Хочешь? — неожиданно для самой собой она протянула ему бутылку.

Вздвогнув, бет кинул мимолётный взгляд на ближайшее окно, выдавая внутреннюю напряжённость, и лишь потом посмотрел на то, что предлагала хозяйка дома. Глаза его расширились, уголки губ провисли, а сами они заходили ходуном, сдерживая переполнившую рот слюну. Он часто закивал, вытягиваясь в сторону вожделенной бутылочки. Не без сожаления Алиса отдала свой завтрак и пошла за новой порцией к рюкзаку — к вечеру этого дня нужно было полностью восстановить форму.

Бет пил, захлёбываясь, боясь потерять даже каплю. Когда тёмно-красный густой напиток перестал литься, он, не таясь, вылизал горлышко бутылки и ещё долго тряс её, стремясь нацедить ещё немного. Смотря за ним, Алиса вдруг подумала, что никогда не видела бетов вот в таком качестве и так близко. То, что ей приходилось видеть раньше, заставляло её думать, что подобные вырожденные теряют всякое человеческое достоинство, становясь отверженными. Но в этом она видела не только суть павшего ниже животных существа, но и что-то особенное, не инстинктивное, неправильное, что привело его к дому злейшего врага, словно к порогу друга, и заставило бережно хранить неизвестно откуда взявшуюся медаль, и позволило выстраивать отношения.

— Как тебя зовут?

Бет с сожалением отставил в сторону давно ставшую пустой бутылку и повёл сонными глазами:

— Не помню.

— Совсем?

Он задумчиво вскинул глаза на потолок:

— Даниил... Данила. Как-то так...

— Откуда ты?

Он помолчал, прежде чем отозваться:

— Я не помню. Там была большая река, мы мальчишками купались. Я хорошо плавал...

— Когда стал таким?

— Не помню... Наверное, давно.

Облизав с губ оставшуюся от напитка красную плёнку, Алиса продолжила допытываться:

— Помнишь, как мы встретились в первый раз в парке? — «бет» кивнул, — Ты почему не сбежал?

Он пожал плечами и коротко ответил:

— Маленькая. Хрупкая. Думал — не справишься.

Алиса фыркнула:

— Действительно? Это тем парням непонятно было, кто я и что сейчас произойдёт! А ты, отребье господне, чувствовать меня должен был и понимать, что, если захочу, никто от туда не уйдёт живым!

Бет сжался, разглядывая её исподлобья в ожидании удара, но от своего, ощущалось, отступить не собирался:

— Я чувствовал... да, чувствовал, что ты — особенная. Сильная. Опасная. Другая. Но не знал.

— Ты не мог не знать! — отрезала она, — Уж что-что, а запах «альфы» любая «бета» запоминает на всю жизнь! И никогда не спутает ни с чем. Таких, как ты, на полтора метра к моему лежбищу невозможно силком подтащить. За три года, что хожу по городам, ни разу не встречала тупых нечистых, которые бы осмелились мне на дороге встретиться.

Она хищно усмехнулась — на мгновение черты заострились, став старше и острее, волосы приподнялись и над ногтями из кожи вновь стали вытягиваться тёмные костяные треугольники когтей. Бет шарахнулся, вжимаясь спиной в стену, но не убежал, судорожно вцепившись в одеяло и только настороженными глазами вперившись в неё. Стиснув острые зубы, Алиса тряхнула плечами, словно собака, выходящая из воды, и прежний облик вернулся к ней. Бет ещё некоторое время молчал, осмысляя увиденное. Потом, не отводя взгляда, ответил:

— Я не знал. И не знаю. Отпусти меня — я уйду.

Алиса усмехнулась, пожала плечами и отставила бутылку в угол, на мгновение повернувшись к бету спиной. Всего лишь на расстояние рывка! Но атаки не последовало. Алиса снова села на спальник, подвернув ноги по-турецки, и посмотрела на гостя уже с неподдельным интересом:

— За что хоть инициировали — помнишь?

Он поднял кроткие глаза и спросил:

— Что такое «инициировали»?

Алиса поперхнулась, настороженно вглядываясь в гостя. Но не надо быть исповедником, чтобы понять, что он предельно искренен. И это заставляло задуматься всерьёз. Кто, когда и за что мог инициировать, не соблюдая обряда? Не оставив даже надежды на возвращение в лоно духа? Не оставив человеку пути назад?

Вопросы были важны, но, взглянув на то, как сыто-сонный «бет» с трудом, на одном только страхе, удерживается в сидящем положении, она, сама себе удивляясь, мягко предложила:

— Спи. Здесь ты в безопасности. Потом разберёмся.

Даниил кивнул и, ещё более закрутившись в одеяло, лёг на своё место, свернувшись в позу эмбриона. Алиса смотрела, как быстро под веками прекратили движение зрачки, как стало едва заметным дыхание, а потом от него не осталось никаких следов, и казалось, что всякая жизнь в заснувшем теле прекратилась, смотрела и с непонятной нежностью выделяла чёрно-седую прядку, непослушно лёгшую на лицо и закрывшую странный шрам на щеке.

...

Глава 11 Воспоминание о Ноже

— Перехват! Укол! Перехват! Укол!

Сестра Пелагея командовала, не сбиваясь с ритма и не срывая дыхание, хотя одновременно ей приходилось двигаться в том же темпе, что и послушницам. Алиса честно стремилась не спускать наставнице, но всё равно с досадой замечала, что, когда свои руки только «заряжала» для удара, отводя ближе к корпусу, вооружённая ладонь старушки уже отдыхала в аналогичной позиции, дожидаясь её. А ведь из всего потока Алиса была самой быстрой и потому наставница выбирала её для показа техники.

Сестра Пелагея оказалась учителем по ножевому бою, и ей было чем удивить учениц. Любое холодное оружие от шпильки до шпаги в её руках превращалось в воплощение смерти. Она пугающе легко сбивала птиц в полёте, метая дротики, и непринуждённо и даже изящно вращала тяжелой саблей, которую не всякая девушка и над головой поднять-то могла. А что она показывала с коротким клинком — то повторить, казалось, не мог бы никто. Так вышло, что у Алисы сердце сразу прикипело к старой наставнице. В один из первых дней обучения, когда сестра Пелагея лишь объясняла девушкам, что такое холодное оружие, бытовая неурядица сблизила их. В одну из ночей Алиса вышла во двор по малой нужде и, возвращаясь в комнаты лагеря, услышала тихий рык, доносящейся из кельи новой наставницы. Долго в сомнениях промявшись под дверью, рискнула зайти. И оказалась вовремя — сестра Пелагея маялась ногами, не дающими покоя в слякотную пору. В тот вечер старая наставница долго молилась и подняться с колен уже не смогла. Быстро сообразив, Алиса на руках дотащила сухонькую старушку до постели, размяла голени и, очень тихо пожелав спокойной ночи, ушла. Ни одна не рассказала о происшедшем, не говорили об этом и между собой, но всё больше сестра Пелагея выделяла Алису среди прочих и всё более требовательно ставила ей навыки обращения с оружием.

— Довольно! — скомандовала сестра Пелагея, резко набирая дистанцию и убирая оружие.

Алиса, у которой уже всё кружилось перед глазами, а многоопытная напарница давно превратилась в серый силуэт с едва различимым проблеском оружия, с трудом остановила себя — тело механически стремилось вперёд, к ускользающей цели.

Сестра Пелагея с улыбкой наблюдала, как, убрав оружие, запыхавшиеся девушки пытались привести себя в порядок — заправить волосы, пригладить волосы. В отличие от наставников-мужчин, преподававших до сих пор основы выживания, анатомию, химию, гимнастику и акробатику, сестра Пелагея не укоряла девушек за чисто женские повадки, даже когда они отвлекали от дела, были знаком растерянности или лукавой попыткой кратко отдохнуть. Она говорила им: «Не каждой из вас предстоит встать в строй воинства господнего, но те, что встанут, очень быстро поймут, в чём женская сила и женская слабость». Алиса ей верила и потому с первых дней стала подвязывать волосы шнуром, чтобы непослушные рыжие космы не лезли в глаза.

— В чём сила ножа? — улыбнулась сестра Пелагея.

Это была традиционная форма урока — сперва практика, потом разговор. И только разговором, общением, состоящим из вопросов и ответов, учились девушки понимать. Прежде чем отозваться, девушки помолчали — ровно столько, сколько считалось вежливым для обдумывания ответа.

Стоящая рядом с Алисой, Диана, за чёрные кудряшки и напористый характер среди девочек прозванная «Цыганкой», успела первой:

— В его возможностях! Ножом можно резать, колоть, рубить, его можно метать, можно им фехтовать, а можно и использовать для скрытого воздействия.

Сестра Пелагея кивнула и оглядела строй. Значит, ответ был недостаточен, хотя и верен.

— Нож довольно мал, поэтому его можно носить и открыто, и скрытно, — предположила Лиля, бледная блондинка с вечно невыспавшимися глазами, прозванная подружками «Офелией». — И нож всегда можно где-нибудь взять — дома, в гостях на кухне, в любой товарной лавке наверняка найдёшь, а значит — его легко добыть и использовать.

Наставница опять кивнула и снова оглядела воспитанниц. Но на сей раз предположений не прозвучало. Настало время подсказок.

— А если я скажу вам, что сила ножа в том же, в чем его слабость? — улыбнулась сестра Пелагея.

Задумавшись, девушки замерли, рассеянно разглядывая стены фехтовальной залы, где с началом сезона дождей стали проходить тренировки. Стены жалкие, в трещинах и размывах, почти целиком превративших бывшие картины в несуразные пятна и линии, не ассоциировавшиеся уже ни с чем. Девушек подчас, в моменты поиска ответа, больше интересовал не вопрос, поставленный старушкой, а вот эти стены, такие странные, что взгляд постоянно искал возможность зацепиться за что-нибудь знакомое и логичное и размотать клубок догадок, нарисовав в воображении то, что когда-то было создано художником.

— Сила и слабость ножа...

Голос гулко прокатился под сводами и девушки, как одна, обернулись к выходу. Крепкий мужчина в костюме уверенно шагнул за порог и почтительно склонился перед наставницей:

— Сила и слабость ножа, Мастер, в человеке, который им владеет. Одному кажется, что он хорошо и давно знает этот предмет, знает, что от него ожидать и от того не ждёт угрозы, как хозяин не ждёт угрозы от своей собаки. Другой знает, что держит в руке опасное оружие, данное нам свыше. И потому один выиграет, а другой проиграет, владея одним и тем же ножом.

Сестра Пелагея поджала губы, как бывало в моменты напряжения, и склонилась в ответном вежливом поклоне:

— Добро пожаловать в школу. Девочки, поприветствуйте наставника Борислава! Лучшего из ныне живущих храмовников.

Алиса едва успела прийти в себя и склониться вместе со всеми. Негаданным наставником оказался человек, с которым на могиле её матери договаривался учитель православной этики, тот, чья воля привела её в этот странный лагерь подготовки. И от предошущения негаданного, что, как и в прошлый раз, переломает её жизнь, у неё сжалось сердце.

Глава 12 Обряд

Весь день они проспали, одинаково впав в странную спячку без признаков жизни. Ближе к назначенному часу Алиса проснулась по внутреннему хронометру и первым делом оглядела комнату. Спокойно. Открыла ноутбук, посмотрела сообщения. Сердце согрел ответ «Гроссмейстера»: «Удачи в делах! Буду тебя ждать». Захотелось ответить, поговорить и даже излить душу, но глянула на часы, уверенно толкающие стрелки к двенадцати и поняла, что от короткого разговора толка мало, а на длинный времени уже нет.

Пригубила бутылочку поддерживающего питания и с неудовольствием подумала о том, что давно пора купить нормальной еды — рыбы или мяса, на худой конец хоть мясных полуфабрикатов. Одной обогащённой жидкости организму уже не хватало. Взглянув на спящего «бета», подошла и тронула запястье в точке пульса. «Бет» встряхнулся всем телом, и тут же появилось шумное, быстрое дыхание, словно его выдернули из кошмарного сна. Даниил поднял голову и посмотрел глазами загнанного зверя.

— Всё в порядке. Пей. — Алиса протянула початую бутылку и отошла одеваться для работы — нижнее бельё, нательная фуфайка, спортивное трико. Одновременно отдавала распоряжения: — Останешься здесь. Меня не будет долго, но к восходу постараюсь вернуться. Никуда не уходи, ничего не трогай. Напиток в рюкзаке, вода на кухне в кране, чайник на плите, но лучше не включай — вдруг забыл, как это делается.

Бет не поднимая головы, тихо отозвался:

— Помню.

— Хорошо, — коротко ответила она, подтягивая крепления ножей. — Туалет на улице, и постарайся, чтобы тебя никто не видел. Котёнка не трогай: убьёшь — пеняй на себя. Я вернусь, принесу еды. Ясно?

— Да, — отозвался он. — Ты куда?

— На работу.

— Я могу пойти с тобой, если...

Алиса раскрыла рюкзак и вытащила чёрный валик одежды.

— Нет, — и взмахом рук раскрыла подрясник. Свёрнутый внутрь пояс упал на спальник.

Бет напрягся, мгновенно подбираясь, волосы стали приподниматься:

— Ты — монахиня?!

Она усмехнулась, подвязываясь:

— Никто из нас уже никогда не сможет стать ближе к Господу... И, сколько бы не тянулась наша жизнь и наше послушание, нам видеть Конец этого мира и не суметь подступить к престолу Всевышнего. И в этом мы с тобой, отребье, схожи, — усмехнулась она, заправляя под апостольник непослушные рыжие прядки.

— Жди, — кинула она, уходя, и, закрыв дверь, долго ещё чувствовала взгляд в спину. И от этого ей было тепло на душе, словно лежбище вдруг стало домом.

Она шла по тёмной улице уверенно, понимая, что, не смотря на странность наряда, вряд ли кто из случайных прохожих даже осмелится задуматься — куда может идти послушница в столь поздний час и при каком монастыре живут девицы столь юные и прекрасные, но не носящие креста на облачении? Вместо этого любой проходящий огибал Алису, приучено опуская глаза. А она шла легко, свободно и уверенно шагая в привычной одежде, направляя взгляд чуть вверх голов, как не смотрят приученные к покорности. Да, направляя взгляд

поверх голов, словно безвинно идущий на казнь, и испытывала от этой свободы обречённого странную радость внутренней правоты.

Когда она вышла к складам торгового дома «Милосердие», то первый, кого увидела, был отец Владимир. Он стоял возле парковой лавочки и что-то зачитывал смиренно сидящим на ней бомжам. Мужчины казались совершенно трезвыми, но в глазах их горел особый огонь приобщения, и от того их неуверенные мелкие движения всё больше напоминали действия «под кайфом». В конце краткой проповеди, отец Владимир дал мужчинам поцеловать крест и, отправив восвояси, сел на скамейку.

— Очередное чудо приобщения? — спросила Алиса, незаметно выходя из-за ряда кустарников и скромно присаживаясь рядом. — И всего-то ради возможности посидеть?

Отец Владимир не позволил себе даже вздрогнуть от неожиданности и отозвался на удивление сдержанно:

— Не ради возможности посидеть, но ради спокойствия отдохновения и приобщения к пути истинному нетвёрдых. Да и ради того, чтобы иметь точку обзора для вашего прикрытия — тоже.

Алиса склонила голову, извиняясь за недостойную шутку, и спросила коротко:

— Где?

— Шестой склад, левое крыло. Западный вход, — сухо отозвался он. — Отец Борислав уже там.

Алиса кивнула и направилась к указанной точке, оставив старого священника одного на лавке перед центральным входом — полномочий для присутствия на инициации у него не было.

Охраняемые ворота Алиса игнорировала — сразу прошла вдоль высокого бетонного забора с колючей проволокой поверху на запад, ища наиболее тихое место. Рядом с оградой территории складов пролегла дорога и по ней, как на беду, почти без перерывов, потоком шли машины. Когда она увидела угол ограждения, стало понятно, что совсем без свидетелей пройти не удастся. Пришлось воспользоваться помощью невысокого, но раскидистого дерева на дорожке. Взгляд влево, вправо. С места — толчок и краткий полёт на стену. Высвободившиеся из-под кожи когти ударили в бетон. Оттолкнулась ногой от ближайшей ветки и — перемахнула на другую сторону.

Мягкое приземление и быстрый рваный бег по задворкам и теням к левому крылу куполообразного помещения с цифрой «шесть» над входом. Потом также, — стремительно и пружинисто — взлетела по стеклопластиковой стене здания наверх и фактически бесшумно нырнула в открытое окно, где затихорилась на кольцевом балконе второго этажа. Сверху открывался прекрасный обзор происходящего внизу. И ещё — хорошо было видно, что склад заставлен тюками в человеческий рост так, что в центре оставалось свободное пространство в форме шестиугольной звезды. И вряд ли это смогли бы сделать сектанты, будь они посторонними для «Милосердия». Алиса хищно усмехнулась.

Внутри свободного пространства уже сустились люди. В свете множества свечей фосфоресцировала белая полоса окаймления пентаграммы на полу, а внутри, среди японских иероглифов и египетской клинописи, латинских и славянских букв, санскрита и арабской вязи, на символе остроконечного креста лежала девушка. Её руки и ноги не были скованы, но это и не требовалось — глаза её неотрывно рассматривали что-то в пространстве над ней, губы беззвучно шептали, и всё это вместе с рваным поверхностным дыханием говорило о том, что девушка находится под влиянием подготовленного манипулятора. И он стоял тут же

— не заходя за черту пентаграммы, но неотступно продолжая влиять на жертву. И чёрное одеяние священника снова заставило Алису оскалиться.

Она продвинулась ближе, по-кошачьи мягко и почти неприметно передвигаясь на четвереньках, и с неудовольствием заметила тех, о ком не подумала позаботиться сразу — по периметру балкона стояли охранники. Тёмные фигуры крепких мужчин не оставляли сомнений, что оружие есть и бойцы умеют им пользоваться.

— «Редкий случай... Обряд, который охраняют, обряд, который не боятся выставлять напоказ... Много же людей отравил яд гниения душ, если они идут на это! Но хуже всего то, что общество гниёт само, раз там мягко к ним относится, что такое происходит. И многие идут за тьмой...», — задумчиво прикинула она расположение и количество охранников.

А внизу начинался обряд. За два года служения Инквизиции она уже не раз смотрела на это действие, потому внимание отвлеклось на более насущные вопросы — запечатление в памяти всех деталей обстановки, поиск дыр в обороне и высчитывание возможной траектории движения.

Однако, почти сразу Алиса напряглась, вглядываясь вниз. Она сразу не поняла, что её встревожило, — так же бубнил библию задом наперёд ведущий, бродили кругом соучастники, так же металась, не в состоянии двинуться и закричать девушка, — но вскоре Алиса почувствовала то, чего не ощущала, присутствуя незримым свидетелем ещё ни на одном обряде. От пола, от места, где лежала девушка, волнами шли беззвучные, но мощные толчки, явно сотрясающие здание, и вверх поднимался поток воздуха, наполненный ароматами трав и крови...

Обряд продолжался, и Алиса до боли стиснула кулаки, ощущая, как тревожит её одуряющий запах, как кружится голова и хочется упасть вниз, в самое сердце ароматов и странного стука, словно в жерло пробуждающегося вулкана, готового выплюнуть в мир не лаву, а поток утопленных в крови луговых цветов. Огляделась — и участники обряда внизу и охранники у перил балкона, — все впали в экстаз от происходящего. И в сердце Алисы появился страх перед неизвестной силой. Она сжалась для броска и стиснула зубы, вновь ставшие острее и больше. На страх инициаторов учили отвечать яростью.

Отец Борислав появился возле круга в миг, отмеченный одномоментным миганием свеч — коротко ударил ветер, а когда огонь, качнувшись, вновь поднялся, возле жертвы в пентаграмме уже стояла сгорбленная под бременем магического поля фигура священника. И уже не стало ни запаха трав, ни биения. Всё мгновенно застыло, замерло, словно заморозилось во времени.

Уполномоченный на судебное постановление инквизитор рязанской епархии, отряда владыки Мирослава Бородинского отец Борислав поднял голову и негромко заговорил, но в полной тишине слова звучали чисто и торжественно, словно колокольный набат:

— Присутствующие! Живые. И мёртвые. Именем Отца небесного. Непричастные Приговариваются. К смерти. Причастные. Приговариваются. К инициации.

Ведущий обряда и не стал спорить — рванулся в сторону и махнул рукой охранникам наверху. Тут же по бетонному полу застучали капли свинцового дождя. Но отца Борислава там уже не было. Лишь жертва — девушка в белой ночной сорочке, — лежала всё так же не в состоянии пошевелиться. Её тело дважды вздрогнуло, и над снежной атласной тканью взметнулись красные фонтанчики.

Соучастники обряда, живо подбирая полы риз, разбежались в стороны. Но Алисе казалось, что двигаются они медленно и неуклюже, словно дети, только что научившиеся

ходить. И потому было не удивительно, что Инквизитор легко и уверенно обошёл их. Он вновь оказался перед ними для того, чтобы произнести последние слова, которых ждала Алиса и боялись сектанты. Он раскинул руки, останавливая их бег, и закричал в пустоту над людьми, будто обращаясь не к конкретному исполнителю, а к самому небу:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Исполнить!

Зашипев, один из сатанистов метнул в отца Борислава чёрный ритуальный клинок, но что командору инквизиции его бессильная злоба — игрушка! Он шутя перехватил нож в полёте и отодвинулся в тень, растворяясь в вязкости тьмы, словно её порождение. Но людям, на мгновение замершим возле пентаграммы, легче не стало — они крутили головами, страшась любого видения и всякого движения в углах. Они — знали. И на лицах их отчётливо проступал ужас.

Теперь наступало время Инициатора.

Её время.

...

Глава 13 Инициация

Выпрямившись, до хруста потянувшись, балуя тело, наливающееся мощью и осознанием правоты, она засмеялась лающими звуками и прыгнула к ближайшему охраннику.словно огромное чёрное знамя плеснуло по ветру — развернулась и захлопала от движения широкая ткань подрясника. По перилам звенели, медленно разлетаясь в стороны, гильзы — боец всё ещё пытался попасть в серую тень, почти неприметно метающуюся по углам пентаграммы, и не увидел приближение опасности. Не мудрено — Алиса двигалась со скоростью охотящегося гепарда. Удар под руки, судорожно держащие оружие, и пистолет-пулемёт вылетел, проворачиваясь. Второе движение — когтистая ладонь по горлу. И, прыжком через сваливающееся тело, дальше — на следующего.

словно заплясал бешенный чёрный костёр, то собираясь в искру, то разворачиваясь в огромный язык пламени. Алиса сжималась в клубок и с огромной силой бросала своё тело в прыжки, а чёрная широкая ткань скрывала движения рук и ног и только путала внимание, принуждая противника теряться от непонимания того, с кем или чем имеет дело.

Она металась диким зверем, рвя оружие из рук и убивая в одно движение. Люди валились, успевая лишь схватиться за расплосованные раны, пытаясь удержать в пальцах рвущуюся кровь. Но не только когти рвали тело — сильнейшие удары сваливали с ног, мозжили кости и разбивали мышцы.

Когда она прыгнула вниз и припала к полу, собираясь в единый чёрный комок, отец Борислав уже стоял над едва дышащей девушкой-жертвой, а бегущие сатанисты ещё не достигли дверей склада, петляя среди лабиринта тюков.

— Достань их! — рявкнул отец Борислав, опускаясь на колени и прожимая кулаками живот истекающей кровью девушки.

Алиса бросилась в погоню — прыжками по вертикалям; хватаясь руками за перевязанные скотчем тюки и прыгая дальше, обрушивая их колонны вниз. Она припадала к поверхностям, словно ящерица, и прыгала, как паук, цепляясь там, где, казалось, человеческое тело не способно удержаться. И догоняла. Ещё рывок и сверху вниз она бросилась на бегущего последним. Удар всем телом свалил его наземь, но Алиса не добивала, а лишь раз рванула клыками по шее. И тут же бросилась дальше.

«Шестой», — начала она обратный отсчёт.

Со рта капали, смешиваясь, кровь и слюна. В горле клокотал утробный рык. А чёрное широкое одеяние бесновалось, то догоняя тело, то опережая его.

Бегущий перед Алисой сатанист обернулся и, осознав, что стал последним, завопил и рванулся в другую сторону — в лабиринт тюков, в сторону от единственного открытого выхода из склада.

— «Позже», — сказала себе Алиса и, не отвлекаясь на заблудшего, бросилась на следующего с конца. Этот успел развернуться на бегу и выстрелить, но это не спасло — в прыжке Алиса сбила его с ног и, не церемонясь, рванула податливую шею.

— «Пятый».

Четвёртый оказался почти у выхода — развернувшись и не скрываясь, он шёл на неё, разряжая пистолет. Пули летели, но она оказывалась быстрее — прыжок на тюки в одну сторону, прыжок в другую, в одну, в другую — и приближалась. Рывок — чёрным вихрем она пролетела прямо над ним и приземлилась за его спиной. Мужчина, поворачиваясь и

отслеживая её движение, продолжал стрелять и потому не увидел главного — за пролетевшим над его головой инициатором сваливался захваченный рывком тюк. Он с высоты второго этажа ухнул вниз в тот миг, когда Алиса приземлилась перед «четвёртым». Масса буквально смяла человека и всё, что оставалось инициатору — припав к земле, быстро добраться-доползти до его горла. Рывок — и тело, распластанное под весом в несколько центнеров, задрожало крупной дрожью от полученного укуса.

«Четвёртый».

Алиса метнулась дальше.

Третий ждал, затаившись у выхода и не понимая, насколько легко ей заблаговременно почувствовать и дурно пахнущее напряжение, и подрагивающий в руках ствол автомата. Но твёрдая убежденность в правоте служения толкнула её прямо в открытую дверь. Она была инициатором и справедливым возмездием во плоти и в этом был её духовный щит. Такого щита не было у противника, потеющего от страха и желания скрыться за стеной здания.

Алиса вылетела на открытое пространство и коротким зигзагом прыжков, ускользая от неуспевающей очереди, добралась до противника. Сбила с ног и клыками вспорола горло.

«Третий», — подумала она. — «Дураки. Если бы они встали вместе, то имели бы шансы...»

Прислушалась. Первого не ощутила, но второй, тот, который остался в лабиринте склада, подбегал к выходу, видимо не догадываясь, что она уже покинула помещение.

Алиса заколебалась. Выбирать не хотелось, но...

«Первый подождёт», — решила она, когда человек приблизился к дверям склада. И присела, изготавившись, словно кошка на охоте.

Он выбежал прямо на неё, не глядя под ноги, а безумно обернувшись назад, в ожидании нападения в спину.

«Сон разума», — усмехнулась Алиса и прыгнула на грудь человеку.

Его сшибло с ног, но ещё в падении острые клыки вонзились в шею. Вниз рухнуло уже непослушное студнеобразное тело, крупной дрожью бьющееся о землю. А в глазах ещё жил разум, жило сознание, понимающее, что произошло с ним и что его ждёт, и оттого полное невероятного ужаса.

«Второй», — Алиса сплюнула оторванный зубами кусок мяса и повернулась к выходу с территории.

Невдалеке завёлся мотор, и огромный серый джип рванул с места, поднимая тучу пыли и брызгая щебёнкой из-под колёс. Зарычав от досады, Алиса бросилась наперерез, но тщетно — машина вильнула в сторону и, сбивая груды ящиков, на полной скорости пошла к воротам. Она всё больше разгонялась и охранник у входа, покинув будку, бежал ей навстречу, изо всех сил дуя в свисток и размахивая руками. Джип и не тряхнуло, когда, вихляя по дороге, он сбил человека — тряпичный игрушкой тот пролетел через капот и свалился в мусорную кучу. Пробегая мимо, Алиса лишь на мгновение перевела взгляд на его шею. Живчик пульсировал.

На полной скорости джип ударил бампером в некрепкие ворота, своей хилостью символизирующие доступность церкви, и, сметя их в стороны, рванулся на большую дорогу. За высоким забором зазвучали яростные сигналы остановившихся автомобилей, а от складов бежала охрана.

Алиса опустила голову набок, прислушиваясь. Судя по звукам бешено визжащих тормозов и требовательному сигналу мощного клаксона, джип уходил по дороге на запад,

объезжая территорию складов «Милосердия». А это значило, что, по кратчайшей срезав угол, она могла ещё попытаться догнать его...

Сорвавшись с места, Алиса самозабвенно побежала, почти полетела, наперерез. Последнего сектанта — «первого» — нужно было взять любой ценой. Нельзя отпускать ведущих обрядов! Во имя всего святого. И Алиса отдавалась бегу — телс трансформировалось, легчало, вытягивалось, становясь более пригодным к подобной скорости.

Прыжок! Она взлетела по бетонной стене забора и, раздирая широкий подрясник и кожу о колючую проволоку, не глядя, махнула сверху вниз. Упала на крышу проезжающей машины. Зацепилась. Огляделась.

Серый джип, уверенно набирая скорость, забирал влево, рассчитывая уйти в боковую улочку.

Ощерившись, Алиса прыгнула — со своей машины на идущую левее, но чуть быстрее. Едва удержалась на крыше, когда водитель с испугу нажал на тормоз. Прыгнула на следующую, — старый «Шеврале», идущий за нагоняемым джипом — машина вильнула и с неё пришлось прыгать дальше ещё быстрее, от того упала неудачно — на заднее стекло и багажник, больно ударившись о ребро крыши. Стекло охнуло и с треском зазмеилось под ударом, прозрачной змеиной кожей спускаясь в салон. «Шеврале» затормозил, виляя по дороге. Отпихнув от себя чешуйчатую белую массу, Алиса вскочила на ноги и запрыгнула на крышу. Вперёд! Ещё один прыжок на идущего точно на хвосте за беглецом «ниссаном» и Алиса коротко взвыла — джип, едва вписываясь в поворот, ушёл влево, а «ниссан» под ней, виляя, рванул вправо, в забитый ряд, в скулу мирно идущего такси. Алиса успела заметить распахнутые от ужаса глаза женщины-водителя такси и белые костяшки судорожно сжатых на руле рук, а потом прыгнула. В момент столкновения машин она уже летела, переворачиваясь в воздухе, чтобы уверенно приземлиться на тротуаре.

Не оглядываясь на свалку машин, организовавшуюся за спиной, она напряжённо всматривалась в тёмную улочку, по которой ушёл серый джип. Его не было видно — огней водитель не зажёл, — но Алиса чувствовала его путь, как ощущает след собака. Она вглядывалась в запылённую даль и, склонив голову набок, шептала:

— Фонарь в противофазе с полярной. Справа на перекрёстке магазин игрушек, слева — занавески на окне зелёные. Луна в Козероге. Огненный лидер. Тени справа налево, отражения слева направо. Серый цвет, округлые разводы. Значит, поедет к воде.

Алиса втянула ночной воздух ноздрями и рванула через дорогу — там, на ближайшем перекрёстке джип должен был свернуть влево, чтобы уйти по направлению к реке. И она собиралась гнаться за ним, пока оставались силы.

Перекрёсток. Поворот влево. И впереди Алиса увидела мелькающие огни большой машины. Теперь, когда лидер уверился, что инициатор отстал, он не побоялся включить фары и сбавить скорость, чтобы не нарваться на дорожную полицию. Алиса не раздумывала. Она бежала, срывая дыхание и до боли в мышцах напрягая тело. Теперь, когда увидела огни, больше не выпускала их из поля зрения, мотаясь за ними следом и постепенно догоняя.

Когда джип дисциплинированно затормозил на красный у перекрёстка рядом с набережной, Алиса прыгнула.

Тело мощно ударилось о крышу. Когти впились в металл, пробивая и сминая его. Машина дёрнулась и понеслась. Вперёд, вперёд! Едва разъехалась на перекрёстке и пошла дальше — в сторону набережной. Алиса, распластавшись по крыше, подняла голову и

увидела впереди серпики бликов на воде. И тут же ей опалило грудь. Снизу вверх, в тело, ударила горячая пуля. Разворотив металл, вбила его в живые ткани и прошла навывлет.

В горле Алисы заклокотал рык бешенства. Острая боль заставила забыть об усталости, из-за которой на миг застыла в бездействии. И, зацепившись одной рукой, она скатилась в сторону и ударила в пассажирское окно. Стекло разлетелось осколками, а сама Алиса, зашипев от выстрела, снова пробившего тело, головой вниз змеёй нырнула в открывшийся проход.

Сектант, ещё не успевший даже снять маску с лица, бросил руль и выпрыгнул из машины. Алиса ударилась об обшивку, зашипела от досады и выпрямилась на сиденье. И тут же подбросило... Обернувшись к лобовому стеклу, она ещё успела увидеть внезапно приблизившиеся зеркально-блестящие серпики бликов на близкой воде. Автомобиль мощно ударился о воду, и её бросило вверх, с силой припечатав к крыше.

...

Глава 14 Йахи

Толкнув дверь, она почувствовала запах соперника и резко вскинула голову, стряхнув с мокрых волос воду и кровь на старые обои. И тут же успокоилась. Бет сидел на кухне за столом, словно прилежный школьник, сложив руки на столешнице, и, не отрываясь, смотрел, как она, шатаясь, заходит, как разувается, держась за косяк, и медленно, непрочно движется по коридору. Бледность лица и красные тяжёлые капли, падающие и лежащие на доске пола млечным путём, не заметить он не мог. Когда Алиса встала в проходе кухни, тяжёлым взглядом оглядывая знакомое пространство, он помолчал и предложил:

— Скорую?

Алиса неопределённо дёрнула головой и, сделав, наконец, шаг внутрь, прижалась спиной к стене и опустилась на пол. Глаза её закрылись, а тело расслабилось, оплыв в неудержимом желании сна.

Бет поднялся и осторожно, по шажку, приблизился к ней. Встал в каком-то шаге и замер, не решаясь подойти ближе. Он смотрел и вздрагивал, словно его тело отвечало на нерешаемую для сознания задачу — куда бежать и что делать. Он разглядывал дышащие кровью раны на её теле и его плечи всё более поднимались, а спина горбилась. В разрывах чёрного платья кровь казалась опрокинутыми баночками красной гуаши, не более. И всё потому, что раненая в плечо рука лежала слишком естественно, а пробитый корпус также поднимался-опал при дыхании, и сами дыры тихо закрывались мелкими белыми нитками, словно окутываясь паутинкой или зарастая плесенью. Лишь мертвенно-белое заострившееся лицо Алисы показывало, что происходящее не было обманом зрения или детской шуткой. Данила долго стоял, пристально всматриваясь в кровавые дыры, а потом опустился на корточки, изгибаясь от пленительного и, в то же время, ужасающего аромата и потянулся ближе.

Когда он оказался так близко, что его вонь стала навязчиво перебивать запах крови, Алиса открыла глаза. Здоровая рука выстрелила вперёд и уцепилась в горло «бета», зашипевшего от боли. Чёрные когти пробили мышцы и сдавили кадык, в любой момент грозя тяжёлой травмой. Данила схватился за запястье её атаковавшей руки, пытаясь удержать рывок, но она не стала калечить. Опираясь спиной на стену, поднялась, вынуждая захватом и бета встать на ноги. Он был выше её, но шипел от боли и боялся пошевелиться, пока её рука оставалась тверда.

— Отродье, — сморщилась Алиса и брезгливо оттолкнула от себя «бета». — Уходи. Или покалечу.

Бет не ответил, оседая, двумя руками держась за раненное горло и смотря на неё снизу вверх. Алиса отвернулась от презренного и, шатаясь, пошла в комнату. Её раны уже затягивались, но требовался основательный отдых для тела и духа. Двинулась по коридору и наткнулась на тарелочку, за день до этого поставленную котёнку. В белом блюде разливалось молочное озерцо. Алиса остановилась — молока дома она не держала. Обернулась — бет стоял на коленях возле ванны и, обхватив губами кран, пил. По белой эмали капала кровь и на дне расплывалась в бледное водянистое пятно, но он не замечал этого.

— Откуда молоко? — спросила она.

Хилая, сгорбленная спина вздрогнула. Бет не стал оборачиваться для ответа:

— У соседей..., - трудно просипел он. — Коза есть...

Алиса представила себе, как он в ночь крадётся в соседский двор и, обнаружив там животину, душит её и рвёт горло. Если осталось так же, как от крысы, то любой здравомыслящий хозяин сразу побежит не в полицию, а к ближайшему священнику. А с отцом Владимиром разговор уже был и продолжения ей не хотелось.

— Наелся? — досадливо сплонула она.

— Подоил, — угрюмо бросил через плечо Данила.

И Алиса растерялась:

— Не задавил?

— Зачем? Ты же сказала, что жратву принесёшь.

Минуту постояв молча, она сказала в сгорбленную спину:

— Извини. Сегодня неудачный день, — и ушла в комнату.

Разделась, скинув окровавленный и порванный подрясник, взяла из рюкзака спрей — залила раны тонким слоем искусственной кожи, тут же застывшей изолирующей плёнкой, под которой лучше шло заживление. Села на своё место, скукожилась от холода, накрылась уголком спальника и прислушалась к тихому шебуршению Даниила на кухне. Когда шаги приблизились к двери, она замерла в тревожном ожидании. Но, спустя миг, человечья тень шатнулась в комнату, и в дверном проёме появилась фигура «бета».

— Чай? Мёд? — хмуро спросил он, в руках держа по чашке.

Алиса кивнула. Бет вошёл, сел на своём месте и по полу протянул к ней её чашку.

Пили молча. Чай, — индийский чёрный, старый до того, что стал мелкой пылью, — Данила заварил крепким, едва терпимым. Но мёд скрадывал убийственную горечь. Алиса пила и чувствовала, что внутри в желудке словно сворачивается тёплая ящерица, и тихонько шевелит лапками, устраиваясь. И, пугаясь её, разбегаются холодные жучки, потрескивая вздрагивающими крылышками под жёсткими покровами спинок. Алиса вздохнула удовлетворённо и откинулась на подушку:

— Я — спать. Ложись подальше от окон — день опять будет жарким.

Данила задумчиво кивнул, рассматривая изувеченный ударами ножей косяк прямо перед собой. Алиса нахмурилась и, отставив чашку, коротко поблагодарила:

— За чай — спасибо.

В ответ бет меланхолично пожал плечами и внезапно спросил:

— Кто ты?

Только теперь она вспомнила, что знакомство у них получилось односторонним, и назвалась.

Данила впервые посмотрел на неё прямо — уставшие, блёклые глаза в обводе тёмных ввалившихся кругов глядели уже не запуганно, но явно измученно. Он медленно покачал головой:

— Кто ты. Кто я. Что происходит.

Алиса помолчала, прежде чем спросить.

— Ты не помнишь ничего?

Разглядывая свои ладони — морщинистые, шершавые, широкие, но тощие настолько, что проглядывали все кости и вены змеились поверх трубочками, — он отозвался:

— Детство немного. А потом — куски. Бег. Суета. Времени мало. Бег. Смерти вокруг. Пыль. Усталость. В небе — звёзды. Горизонт рваный. Бег. Надо успевать, но не получается.

Алиса долго молчала, глядя на то, как пятнает золотистыми мелкими бликами

подоконники — словно новенькие копейки разбросало — сгребай, да в кошелёк! Только не нужны никому, лишь утяжеляют карман в то время, когда цена хлебной горбушки измеряется для многих в рабочих днях.

— Я — альфа-йах. Ты — бета-йах, — она помолчала и закончила: — А попросту — вампиры.

Данила сцепил руки. Горькая усмешка перечеркнула лицо:

— Я догадался. Запах крови... Он сладкий. От него — дуреешь. Потом не помнишь. Только пить, пить. Жажда всегда. Я догадался. Значит, вампиры...

Он закрыл глаза — вокруг стиснутых век задрожали мелкие морщины.

Плотнее закутавшись в спальник, Алиса продолжила:

— Йахас — это вроде как магический вирус. Передаётся с укусом, если жертва остаётся в живых, или с кровью. Ну, как СПИД или грипп. Только ведёт не к смерти, а к жизни вечной для тела. Душа умирает сразу, как вирус входит в силу и заставляет пить кровь и убивать. Потому мы — потерянные для бога.

Данила неопределённо пожал плечами и попросил:

— Расскажи всё.

— Рассказывать слишком долго, — она помолчала, собираясь с силами, — Вкратце так. Я — альфа-йах, «инициатор» Матери нашей Церкви благой, то есть того, кто создаёт таких, как ты.

— Зачем?

— Человечество впало в грех, забыв об истинном своём предназначении, — Алиса утомлённо закрыла глаза. — Люди забыли о Боге и своём месте в его творении... Но во все века существовал оплот духовности, несущий миссию сохранения нравственности. Церковь. Единая и благая. Единственно верная среди многих подобных. И её великая задача — возвращение подлинной морали человечеству. Я — инициатор, особый оперативник инквизиции. Моя задача — находить грешников, извративших духовность человека, погубивших свою душу и людские жизни или души, и инициировать. Заражать вирусом йахаса.

— Не понимаю.

— Всё просто, — Алиса откинулась и неопределённо повела рукой по воздуху. — Альфа-йах — это существо с особыми способностями, с высокой регенерацией, стойкостью к внешним раздражителям и духовностью, близкой к человеческой. Но, когда альфа заражает человека, то тому передаётся уже слабый вирус, мутировавший, приводящий к другим последствиям. Человек становится бета-йахом. Он тоже не способен умереть, но при этом он не обладает способностями альфа. Бета-йах вечно болен, тело изъедается ожогами и язвами, он боится света, людей, свободного пространства, вечно испытывает жажду, боль и утомление. Охотится по ночам на слабосильных животных — крыс, кошек, да не всех, кого сумеет задавить. Так и существует, опускаясь всё ниже, от уровня бомжей до животного состояния.

Данила хмуро покрутил в руке витую чайную ложечку.

— Это наказание?

— Не только. Церковь оставляет за вами право обратиться в любой приход с просьбой о милости смерти. Тогда бета-йах исповедуют и, если ясно, что его раскаяние идёт от сердца — специально подготовленный священник в должности «отчитчика» изгоняет бесов, чем даёт послабления существованию йаха, тот проводит сорок дней в посте и молитвах и тогда

его умерщвляет подготовленный инквизитор. Это проходит мирно и покойно, как правило, во сне. Ну а о том, что грешник раскаивается, естественно, рассказывают всем. Это служит назиданием другим и показывает чудо на земле, как божье наказание и божье прощение.

Алиса уже не смотрела на задумчиво-растерянного «бета», чьи метаящиеся глаза выдавали переполох мыслей и чувств, её клонило в сон и живительная боль в местах ран тянула, принуждая сознание сбегать в забытьё. Не будь этого странного разговора, она давно бы уже спала, свернувшись калачиком или вытянувшись и замерев в восстанавливающем состоянии полного покоя. Но её беспокоил негаданный гость, его странная история и небывалое поведение. Всё это требовало осмысления, и для начала неплохо было научиться разговаривать, чтобы узнать больше.

Не глядя на неё, Даниил медленно спросил

— Ты рассказала мне...

Алиса отмахнулась:

— Нет, люди не знают об этом, — и, помолчав, продолжила: — Беты боятся людей и не могут рассказать об инициации, да и расскажут — кто им поверит? А инициаторы и священники умеют хранить тайны во благо Церкви.

Снова на время замолчали, оба борясь со сном, но пытаясь скрыть это от друг от друга.

— Получается, — поднял голову Данила, — что я должен помнить о своих грехах, чтобы пойти в церковь и покаяться? Но я ничего не помню.

— Это меня и удивляет, — усмехнулась Алиса сонно. — Когда работает инициатор, инквизитор отслеживает его действия и, при необходимости, проводит сеанс корректировки, чтобы система не давала сбоев. Бета-йах обязан помнить свои грехи, иначе в его инициации нет смысла.

— Но я не помню, — подвёл черту Данила и горько усмехнулся: — И ещё... Я не верю в Бога.

Алиса промолчала.

...

Глава 15 Воспоминание о Сне

Старая наставница развернулась за мгновение до того, как её ладонь тронула широкий рукав.

— Алиса?

Лицо у сестры Пелагеи было абсолютно спокойным, даже отрешённым, как бывало во время исполнения сложных упражнений, и лишь в глазах мелькнуло удивление и что-то ещё странное, незнакомое, больше похожее на внутренний запрет. Только когда сестра чуть отодвинулась, Алиса увидела блестящую нитку режущей кромки ножа скрытого ношения в руке наставницы. Алиса отшатнулась, поняв свою ошибку, а сестра Пелагея покачала головой, прошептав:

— Безрассудно поджидать ночью в глухом коридоре воина церкви и приближаться без предупреждения...

— Простите, — прошептала она, склоняясь.

Наставница перекрестилась, шёпотом благодаря небеса за то, что не потребовалось совершить непоправимое и они остановили её и вразумили. И Алиса приучено присоединилась к ней.

— Чего ты искала тут, дитя? — наконец, мягко спросила сестра Пелагея, видя, что с воспитанницей творится что-то необычное — девушку лихорадило, а взгляд её обжигал страхом. И вряд ли её, не раз уже чувствующей металл возле тела, могло так испугать произошедшее.

— Я искала вас...

— Для чего же?

Алиса не стерпела и схватила любимую наставницу за руку, вцепилась, словно в попытке удержаться от падения, и та приняла её страх глубоко, молча позвав за собой в келью. Там только Алиса дала волю слезам, а сестра Пелагея по-матерински ласково гладила по голове, пока девушка выговаривалась.

— Сон... Страшный сон!

— Что снилось тебе, дитя?

— Мария.

Голос сестры Пелагеи дрогнул:

— Богоматерь?

— Нет, — затрясла головой Алиса. — Магдалина. Но она была и матерью, и божеством!

— Я не понимаю тебя, — ровно ответила сестра Пелагея, не прекращая гладить её.

— Я сама не понимаю, — почти простонала Алиса. — Но я чувствовала, что она — и не она.

— Кто же она?

Алиса сжалась, пытаясь сдержать дрожь, и зашептала тише:

— Я не знаю...

— Расскажи мне всё, — приказала наставница. — Что ты видела?

— Огромную постель. Белую, заправленную. Но очень большую. Как комната. Нет, как наш тренировочный зал. А, может быть, и больше... Постель стояла под куполом, словно в церкви, а та церковь стояла в другой церкви, а та — в другой. Как матрёшки.

— Продолжай...

— И Мария... — Алиса сбилась, понимая, что дошла до того момента, боязнь которого и заставила её обратиться к любимой наставнице, а не к матери-настоятельнице или доброй сёestre Софье. Но ей достало духу продолжить: — Мария лежала на этой кровати. Обнажённая. Она лежала на спине, расставив ноги и у неё был очень большой живот... Очень большой. Она его гладила и говорила... Словно молилась.

Ладонь сестры Пелагеи на мгновение приостановилась, но голос не дрогнул, оставшись ровным:

— Чего же она молила?

— Она говорила не по-нашему. Но я понимала. Почему-то понимала...

— Что ты понимала?

Вдохнула побольше воздуха, Алиса заговорила, раскачиваясь и напевая:

— «Из Солнца сошел на землю Зверь страшный, умер и возродился Огнём. И рухнул Огонь и породил Власть. Из Солнца сошёл на землю зверь водный, умер и возродился Образом. И рухнул Образ и породил Страсть. Из Солнца сошёл на землю Человек-с-тенью умер и возродился Алтарём. И рухнул Алтарь и породил Грех. Из Солнца бык сошёл к людям, умер и возродился Храмом. Но рухнул Храм и породил Нищету. Из Солнца сошёл овен на землю, умер и возродился Церковью...»

Алиса замолчала, стискивая кулаки, и снизу вверх ища глаза наставницы. Но сестра Пелагея смотрела в никуда, продолжая ровно гладить девочку по волосам.

— Потом? — приказала она.

— Мария завывала и поползла от меня на спине назад, к изголовью кровати. Словно паук. На локтях и пятках. — Алиса снова задрожала, но ровные движения сильной руки снова успокоили. — А там... Она поднялась спиной на спинку кровати и встала, широко расставив ноги... Как будто села на невидимую лошадь.

— Я понимаю, — отрешённо сказала сестра Пелагея, — Продолжай.

Алиса вздохнула.

— Потом она закричала: «И умрёт Церковь и родится...»

Рука сестры Пелагеи снова дрогнула, но голос снова остался спокоен, даже ласков:

— Что родится, дитя моё?

— Она не закончила, сестра. Закричала и у неё по ногам потекла кровь... Много крови. Просто водопад... И она текла по простыням ко мне, впитывались, но всё равно докатывалась... А потом...

Вздыхнув, наставница подняла лицо воспитанницы, обняв ладонями за бледные щёки, и мягко улыбнулась, показывая, что всё поняла без объяснений:

— Она родила?

Алиса закусил губу, и из глаз потекли неудержимые слёзы:

— Да. Она родила. Камень.

Улыбка на лице старой наставницы погасла и ладони опали. Сестра Пелагея выпрямилась и отшатнулась от воспитанницы.

...

Глава 16 Отдых

Бета-йах, обхватив колени, сидел возле наиболее затенённой стены и смотрел в произвольно выбранную на старых обоях точку. Солнце уже давно поднялось и теперь пронзало лучами комнату, стремясь разогнать сумрак, но не справлялось с его густой тенью. В дальнем углу, в недостижимости для света, лежала Алиса. Она уже давно заснула, восстанавливаясь, и Данила видел, что дыхание колышет её грудь, и понимал, что впадать в спячку она не стала, опасаясь его присутствия. Но запах крови от её ран уже не тревожил его, отойдя на второй план перед более серьёзными проблемами. Несмотря на короткий разговор, пищи для размышлений он получил довольно.

От непокидающего волнения взялся бродить по комнате, бездумно играя в классики с солнечными лучами. Негромко включил старенький радиоприёмник, начал щёлкать по каналам, не особо вслушиваясь в несущиеся новости.

— ...был раскрыт городским отделом по расследованию ритуальных преступлений. На месте проведения обряда явлено чудо, при котором пятеро сатанистов неведомой силой доведены до иступления. В ближайшее время все они будут переведены из следственного изолятора под опеку медиков «Единой Церкви»...

— ...несомненно, мы рассчитываем, что явленное нечестивцам чудо заставит их понять всю глубину заблуждений и приобщиться к истинной вере. Но без молитв единоцерковных, без нашего заступничества это невозможно. Давайте возблагодарим Господа и...

— ...растёт массовое недовольство застройкой мусульманского квартала. Вчера, после полуночи, в строящуюся мечеть были брошены бутылки с зажигательной смесью. В пожаре погибло двое, шестеро получили ожоги разной степени тяжести. Его Преподобие отец Атик выразил свои соболезнования турецкой диаспоре и вызвал для доклада...

— ...Мирошенко призывает рассуждать здраво! Что стоит какое-то там чудо по сравнению с тем, что церковь, вмешиваясь в мирские дела, направо и налево нарушает права человека? Что это такое, когда в каждом приходе любой священник объясняет за кого голосовать и в какой банк вкладывать деньги? Где здравый смысл?! Котлеты — отдельно, мухи — отдельно! Богу — богово, а управлением должны заниматься те, кто знает, как это делать!

— ...мирным ходом с проповеди прихожане церкви святого Николая-угодника были атакованы парой молодых иудеев. Атака была отбита, но на помощь из резервации пришли агрессивно настроенные люди и в результате столкновения в зоне отчуждения еврейского квартала двадцать три человека ранено и двое убито...

— ...взорвалась ровно в полночь в машине, припаркованной возле церкви святых Кирилла и Мефодия. Взрывом снесло стену, а начавшийся пожар перекинулся на...

— ...преподобный отец Атик обвиняет лидера пост-демократической партии Георгия Мирошенко в ереси и...

— ...помещение закрывшейся школы передано в управление единой церкви для создания санатория для лечения венерических заболеваний работниц и работников легальных единоцерковных публичных домов...

Даниил затряс головой, словно стремясь выпутаться из облепившей лицо паутины, и выключил радиоприёмник. Дополз до своего места и, угрюмо рассматривая комнату, задумался, мимоходом растирая болящие суставы запястий. Его мучили жажда и голод, но

он запрещал себе даже смотреть в сторону лежащей в углу девушки. Взгляд его бродил поверху, не останавливаясь и не задерживаясь. Решившись лечь, он забрался в густую тень, ближе к спящей и завозился, устраиваясь. Случайно задел ноутбук. Экран включился мгновенно. На картинке нереально жёлтых барханов под голубым небом тревожно мигал сигнал сообщения. Даниил несколько мгновений заторможено смотрел на него. Его притягивала опасность мерцающего знака, как мотылька огонь. Бесшумно скользнув к компьютеру, Даниил долго рассматривал экран и клавиатуру. Потом осторожно тронул сенсорную панель и неловко повёл палец в сторону знака сообщения, внимательно наблюдая за рывками курсора по монитору. Щелчок.

— «Алиса, тебе угрожает опасность. Где бы ты ни была — беги!»

Даниил сорвался с места, рывком добравшись до девушки, и схватил её за руку:

— Проснись! Опасность!

Глаза она открыла мгновенно, но вот ясность в них появилась не сразу. Сперва руки уверенно потянулись к шее бета, но, наученный горьким опытом, он успел вильнуть в сторону. Алиса стряхнула остатки сна и уставилась на Даниила, с трудом соображая, что могло случиться.

Зазвенело стекло, осыпаясь в комнату, и на пол упала железная болванка, тут же окутавшаяся дымом. Зазвенело ещё одно...

Алиса глянула на посеревшего «бета» и коротко указала:

— Вдохни и не дыши. Несёшь вещи. Не отставай.

И мягким перекатом ушла в сторону кухни. Приподнялась прямо по стене, на мгновение выглянула в окно, уже застланное клубами. Глаза человека не выдержали бы едкого дыма, да и не различили бы за ним посадки сада, но она справилась с этой задачей. Мгновения хватило, чтобы увидеть притаившихся за кустами людей в чёрном, с масками, бронежилетами и уверенно направленными на окна стволами немалого калибра. Алиса прижалась к стене, соображая, что делать дальше. В подобных случаях инициатору предписывалась сдача сотрудникам органов безопасности по первому требованию, но... Кажется, никто не собирался требовать от неё сдачи. И это решало вопрос выбора стратегии.

Кинула взгляд на бета, сидящего в проёме двери: рюкзак на спине, к груди прижат ноутбук, впопыхах завёрнутый в куртку. Лицо потерянное, но двигаться и соображать может. Кивнув своим мыслям, Алиса дождалась, когда дым поднимется под крышу, подпрыгнула и зацепилась за потолок. На руках, подтягиваясь, продвинулась до люка на чердак. Обычный висячий замок слетел с одного удара. Алиса поморщилась и толкнула дверцу наружу. Спустя миг она уже была на крыше и выглядывала людей в саду через окошко чердака под коньком, а в ладонях стыли в ожидании два метательных ножа. Как наверх к ней пробрался бет, она не видела, но чувствовала его за спиной. Сделала упреждающий жест, особо не надеясь, что отродье поймёт, и, стиснув ножи, прыгнула в окошко — его вполне хватало, чтобы, разбив стекло, проскользнула тонкая девичья фигурка. Она обрушилась в сад перед первой линией атакующих. Два ножа сорвались с ладоней в ближайших бойцов, не успевших сообразить, что падает на них, но начавших стрельбу. Ножи вошли в тонкие зазоры бронежилетов, поразив и свалив людей с ног. Длинные очереди ушли в небо. А Алиса уже расправлялась с ближайшими к ней — рванулась между бойцами и, цапанув за шею обоих, нырнула вниз, опрокидывая, но не убивая. Тут же — прыжок на следующего! Под когтями разошлись кожа и мясо, хрустнули кости. Скачок на следующего. И всякий раз — в гущу, туда, где людей больше. Успеть схватить или ударить они не могли, а стрелять в своих остерегались. И она

пользовалась лазейкой, оставленной человеческой психикой для охотящегося хищника. И становилась таким хищником, собирающим жатву в стаде.

Пуля вошла, высекая с рёбер фонтанчик крови и клочьев мяса, и Алиса, завизжав от боли, взъярилась. Дикий кошачий визг накрыл сад, и чёрная гибкая тень замелькала между людьми, бешеными ударами рвя и калеча направо и налево. В яростном, необузданном животном кружении, она сваливала, уже не калеча, но подчас одним движением убивая, но чаще оставляя человека ещё умирать мгновения, судорожно хватаясь за бьющие кровавые струи и зажимая руками рваные раны. Оставляла, даже не замечая этого. Всегда в прыжке, в броске на новую цель, на новое мясо...

Вокруг сада сигналили машины, бегали люди, где-то наверху стучал винт, превращая пыль высохшей земли в торнадо, но Алиса была центром урагана, остановить который можно было, только застопорив её сердце.

В краткий миг между бросками, взгляд Алисы поймал в гуще людей серое лицо Даниила. Бета пытались скрутить двое бойцов в чёрном. Бет вертелся волчком, пытаясь ускользнуть, но гружённый, с болеющим, заживо гниющим телом, он оставался лёгкой добычей.

— «Не возьмут меня — отыграются на нём», — стиснула клыки Алиса. Волосы у корней снова хищно приподнялись.

Когда Даниила свалил наземь удар прикладом, она распласталась в бешеном прыжке над головами ближайших противников. Боец вновь занёс штурмовую винтовку, но Алиса в падении сшибла его с ног, мимоходом разодрав горло. Второй успел, отскакивая, поднять ствол, и это было его последнее действие — крепкие когти вошли в глазницы, погружая в омут бессознательного состояния.

Яростно зашипев, Алиса подхватила оплывшего товарища и огляделась. Со всех сторон к ним бежали. Свистели, тукали и звякали по срубовой стене дома пули. Где-то глухо вопил громкоговоритель, но его вопли заглушал мерный гул винта. Вскинув голову на низко кружащийся вертолёт, Алиса быстро сообразила, что с ношей до него не допрыгнуть. А вот без бета — возможно. Выпустив из рук глухо стонущего Даниила, она прыгнула на козырёк дома, потом, левее — на крышу, и с крыши рывком вправо-вверх — на вертолёт. Зацепилась за шасси, рванулась выше, вбивая когти в покрытие фюзеляжа и вспорхнула в салон. Через миг вниз из лёгкого вертолёта кубарем свалился человек, держащий в руках остатки микрофона. Следом, спиной вниз, размахивая руками — боец в чёрном. Почти сразу за ними с другой стороны выпрыгнул пилот.

Алиса села за штурвал и закрыла глаза. Вертолёт неуправляемо кружило, угрожающе занося над кронами деревьев. Вдох. Выдох. Открыв глаза, Алиса уверенно взялась за управление. Позабывшие навыки выплыли в сознании. Сделав круг, посмотрела вниз. Оттуда уже целились, но это её не волновало. Главное — стонущего бета, намертво прижавшего к себе ноутбук, волокли по земле к машинам. Раз! — и забросили в новенький микроавтобус-кутузку.

Игнорируя стрельбу, она сделала круг над развороченным садом, полным чёрных скрюченных тел, истекающих кровью, и полетела за отъехавшим микроавтобусом. Догнать его не представляло труда, но водитель, предчувствуя неизбежную погоню, ушёл на узкую дорогу между пятиэтажками тихого спального района, и Алисе пришлось поднять вертолёт выше. Следом уже мчали автомобили с мигалками, оглашая мир истошным воем, а по борту чиркали редкие пули...

Дах! Алиса сжалась, зло оскаливаясь, и опустила взгляд — по трико вниз ползла густая кровавая бахрама — пуля ударила в бедро. Вертолёт затрясло, и неуправляемо повело в сторону. Алиса сплюнула на ладонь и живо растёрла слюну по ране.

За мгновение до удара об дом, она выпрыгнула с другой стороны. Приземлилась на крышу стоящего рядом «КАМАЗа», и тут же прыгнула дальше — вперёд! Из-под падающих осколков, вперёд, от столкновения резко тормозящих под стеклянным дождём милицейских автомобилей... Бегом! Набухшая кровью нога норовила подкоситься, но, сдавленно рыча, Алиса бежала на пределе сил. Микроавтобус уходил прямо из-под носа.

Алиса остановилась и напряглась, соображая. Рывок влево, по кратчайшей меж домов, по дворам, помойкам, гаражам... Она вылетела на дорогу прямо перед мордой выворачивающего микроавтобуса. Прыжок. Удар сквозь стекло.

Меньше чем через минуту микроавтобус продолжил движение, оставив на асфальте скрюченное чёрное тело и россыпь остатков лобового стекла.

...

Машину, сделав порядочный круг по дворам, она бросила возле прихода всего в нескольких кварталах от места столкновения, после того, как её взгляд зацепился за плавные обводы джипа со знакомой чёрно-золотой эмблемой, припаркованный на приходской стоянке, и это решило вопрос будущего транспорта. Выйдя, Алиса одним рывком сорвала дверь микроавтобуса с петель и заглянула в фургон. Бет корчился под лавкой в углу. Лицо серое, глаза чёрные, провалившиеся, словно и не было этих суток отдыха.

— За мной, — прохрипела Алиса — голос не вполне слушался её, норовя сорваться на рык или хищное шипение.

Отвернувшись, она тут же направилась к джипу со знаком «Единой Церкви», вскрыла дверь и села за руль. Как и ожидала, автомобиль был оборудован для работы исповедальней на колёсах. Завела мотор. Для удобства сорвала с панели перед пассажирским креслом кассовый аппарат и через окно выбросила на улицу. Тонко звякнув, ящик подскочил на камнях и выплюнул из щели желтый листок чека.

«Отче наш, иже еси на...».

Алиса отвернулась — в машину рядом плюхнулся бет, всё также негибимо прижимающий к груди её нетбук.

— Положи на заднее кресло. Держись, — сквозь всё ещё острые, выступающие зубы, процедила Алиса и выжала сцепление.

Автомобиль бодро сорвался с места, доказывая, что «единоцерковники» знают толк в технике и содержат её не для вечерних прогулок. Выехав со двора на основную дорогу, Алиса пристроилась в средний ряд и повела, не повышая скорости. Её тело нехотя возвращалось в обычную форму, а бет производил впечатление страдающего от передозировки наркомана — встречаться с дорожным постом при таких внешних признаках не хотелось.

Не отрываясь от вождения, Алиса покосилась на приборную панель. В бортовом развлекательном компьютере, конечно же, не скрывался ни телевизор, ни плеер, зато экран высвечивал электронную аудиотеку с плей-листами просветительных книг миссии «Единой Церкви» и местное радио.

Тронула сенсорный дисплей, активизируя приём. Из угла на весь экран раскрылась панель управления — под каждой кнопкой настроенная радиостанция. Тронула первую.

— ...Мирошенко объявил о поддержке общественного движения «Рось свободная» православных меньшинств на территории федерации. Президенту направлен доклад, освещающий сотни зарегистрированных случаев притеснения и уничтожения православных общин пособниками «Единой Церкви»...

Нажатие на кнопку. Станция номер два.

— ...кодекс поведения для служащих офисов. Это уже восьмой кодекс, утверждённый комиссией по духовному возрождению нации. Напомним, что первым был принят кодекс поведения для учителей, послуживший основой для очищения рядов и приведение школ в соответствие с высокими требованиями единоцерковной веры...

Нажатие.

— ...возвещено как «чудо» рождение ребёнка у пожилой женщины-активистки движения «защитников Единой», зачавшей без связи с мужчиной от просмотров фильмов о

Марии на одном из заседаний движения. Мальчик и мать здоровы, переведены из акушерской палаты в...

— ...и только молитва, идущая от сердца, и любовь к ближнему своему помогут превозмочь! Мы должны объединиться, чтобы пережить тёмные времена! И те ничтожно-смутные, погрязшие в гордыне общины якобы православных церквей, недостойные даже пыли на плаще Единой Церкви, должны быть сметены с земли нашей и...

— ...полицейские удерживают оцепление вокруг зоны действий спецотрядов по борьбе с религиозными преступлениями. Преступники отказались сдаться и оказывают активное сопротивление...

— ...карательные облавы на общины бомжей. Полиция изымает детей для принудительного сопровождения в обучающие лагеря. Изымаются младенцы и дети до десяти лет, для коррекции сознания и превращения в полезных работников. Оказывая сопротивление, бомжи подожгли несколько домов и ранили двух солдат. Отряд открыл огонь на поражение и...

— ...не пройдя тестирования на духовную зрелость, старшеклассник выпрыгнул в окно девятого этажа и...

Когда Алиса потянулась нажать следующую кнопку, Данила ухватил её за запястье.

— Выключи. — Попросил он. Губы у него были белые, а в глазах стояла боль.

Алиса ткнула в «выйти» и уставилась сквозь лобовое стекло в серое полотно дороги.

Машину бросили на выезде из города, загнав в лесок рядом с поселковым магазином. Невдалеке проходила лесная полоса, туда Алиса и направилась, уверенно таща за собой нежданного товарища. Они не разговаривали, не смотрели друг на друга прямо, но, когда, забывшись, что имеет дело с отребьем, Алиса подавала жесты, принятые в её среде, Даниил реагировал безошибочно. Теперь и он уже несколько отошёл от происшедшего, лишь едва похрамывая и держась за рёбра, да и она одолела обратную трансформацию и теперь только морщилась, тревожа раны, уже, правда, не кровоточащие. Шли долго, прячась от мощного летнего солнца в тени лесной тропы и коротко отдыхая по несколько секунд, садясь под стволы и обнимая руками колени. Алиса подавала пример, и Даниил тут же пристраивался рядом. Он изнывал от солнца значительно больше, чем она — глаза слезились, едва различая дорогу и очертания идущей впереди девушки, голова кружилась, а тело мелко дрожало от перенапряжения.

На одной из стоянок, Даниил спросил:

— Куда идём?

— В город, — буркнула она.

Даниил долго молчал, прежде чем заговорить вновь:

— Там уже стоит кордон, и каждый знает твоё лицо...

Алиса неохотно разлепила глаза и сонно отозвалась:

— Там — ответ.

— Резонно, — согласился Даниил и, сдерживая лихорадочный стук зубов, спросил: — Хочешь знать, кто тебя предал?

— Да.

— А всепрощение? Ты же работаешь на церковь, должна соблюдать заповеди...

Алиса ответила, смотря совершенно пустыми глазами перед собой:

— Именно потому, что я работаю на церковь, я не соблюдаю заповеди.

Даниил огляделся вокруг, смотря на мир через радужные разводы слёз. На тёмных

дубовых стволах лежали золотистые пятна, и едва заметно дрожали от ветра, словно пришипленные кнопкой сусальные листики. По земле струилась чистейшей зелени трава — сочная, острая, высокая. И среди её колких листиков маленькими звёздочками сидели цветы, мелкие, меньше ногтя, но настолько белые, что казались брызгами меловой гуаши. Давя вдох, отзывающийся болью в груди, он наклонился и запустил ладонь в траву, словно в волосы. Потрепал, разгладил и, убрав лишнее в стороны, отыскал крохотный цветок — на стебельке-ниточке в облаке зелёной паутины тонких листьев закачалась белоснежная звёздочка. Он упрямо смотрел на неё, словно хотел научиться видеть на свету для дальнейшего пути, а с глаз его стекали гной и слёзы.

Краем взгляда наблюдая за товарищем, Алиса передёрнула плечами, и поднялась:
— Идём.

Сделав крюк по лесу, вышли к посёлкам на окраине и уже по ним — тенями, гаражами, дворами, — к закату вернулись в город, войдя через спящий район. Теперь идти стало легче — вокруг тянулись грязные заброшенные районы простого люда, по вечерам спящего перед новым выматывающие рабочим днём, и это позволяло идти по тихим улочкам, освещённым только голубыми отсветами экранов из окон да тусклым жёлтым светом редких фонарей ещё советской эпохи. Но Даниил всё чаще отставал, болезненно припадая на ногу и шурясь на свет, и догонял, лишь когда Алиса останавливалась и ожидала. В очередной раз завернув за угол дома, она прошла почти до середины и вынужденно встала — время шло, а товарищ не показывался из-за поворота.

Нахмурившись, она повернула обратно. Выйдя из-за дома, никого не обнаружила. Пустая улочка, как и все, на рабочей окраине, грязная, замусоренная принципиально не вывозимым строительным хламом и брошенными машинами. Алиса села на четвереньки и, наклонившись к самой земле, втянула носом воздух. Знакомый запах телесной гнили и болезненного пота ударил по обонянию. Она ясно увидела путь бета, уползающего в сторону от дороги, туда, где между забором казённой поликлиники и гаражами стояли баки с мусором.

— Дрянь, — едва слышно выругалась она. — Помойная душа!

Несколько мгновений она мрачно размышляла, а потом решительно пошла к бакам.

— Выходи, — процедила она и сморщилась, ощущая всю гамму дурных запахов.

Бет толкнул ногой коробку, открывая своё временное убежище — он сидел у ограды помойки и, скрючившись, зажимал грудь руками. Алиса толкнула плечом в сторону бак, открывая себе дорогу к отродью и, подступив, присела, оказавшись на одном уровне с ним. Они смотрели друг другу в глаза, словно скрещивали клинками такие разные взгляды: уставший и агрессивный, — и молчали. Бет отвёл взгляд первым и начал медленно, неуклюже вылезать из своего укрытия. Алиса остановила — взяла за руку, бесцеремонно отводя её от груди, и угрюмо спросила:

— Что там у тебя?

Когда он расстегнул рубашку, стал виден тёмно-синий пузырь набежавшей под кожей крови.

— Слом, — коротко диагностировала Алиса, быстрыми пальцами пробежав вдоль отёка. — Когда успели?

Даниил облизал серые сухие губы:

— Не знаю.

Алиса презрительно сморщилась и процедила:

— Хрупкий ты. Чуть что — травма...

— Да, — он растянул резиновые губы в неживую улыбку: — Это же божье наказание, да? Значит всё правильно.

Она фыркнула и положила пальцы вдоль сломанного ребра и чуть надавила — Даниил, стремительно посерев, вскинулся, ртом хватая воздух.

— Станет больно, но постарайся не вопить, — предупредила она. — И ляг, чтобы не дёргаться.

Молча посмотрев на её собранное волевое лицо, он прошептал:

— Оставь меня. Я не могу бежать. Я буду только обузой.

— Будешь, будешь, — задумчиво отозвалась Алиса и, положив ладонь на его плечо, повалила и прижала к земле.

— Алиса!

Мгновение — когти появились на её ладони и тут же погрузились в его тело. Даниил вздрогнул, изгибаясь от боли и стремясь вырваться из капкана её захвата. Тщетно. Когти вышли из плоти, оставив в ней четыре глубокие ранки, словно лунки для гольфа, стремительно наполняющиеся красным. Только попытался закричать — Алиса придавила рот ладонью.

— Терпи.

Она наклонилась над ранкой и с языка пустила внутрь струйку слюны. Она упала в красную, уже выливающуюся лужицу, и та зашипела, раздаваясь в стороны, а потом скукожилась, сжалась и стала покрываться пушистым белёсым налётом на открытой ране. Посмотрев на бледное лицо Даниила, тяжело дышащего и жмурящегося от боли, Алиса наклонилась ко второй ранке. Потом к третьей. Ранки на глазах затягивались плесенеподобной массой.

Закончив, Алиса села возле забора, лениво привалившись и отвернувшись в сторону дороги, чтобы отслеживать возможную опасность. Даниилу требовалось время, чтобы отойти от произошедшей процедуры — как физически, так и морально его подкосившей. Недолго понаблюдав за девушкой, бет свернулся возле и прикрыл глаза.

Алиса подняла его через полчаса. Беззастенчиво раздвинула края рубашки и посмотрела на ранки. От них почти не осталось следа — только ещё мелко пузырилась, нарастая, кожа. Она ощупала грудную клетку Даниила — кости стремительно срастались.

— Пошли, — кивнула Алиса, поднимаясь, — Всего три часа до рассвета.

И снова началось движение по тёмным дворам, подальше от магистральных улиц, где даже ночью не прекращалась жизнь, дальше от освещённых витрин и патрулей полиции. И всё ближе к району, в котором произошло дневное столкновение.

К точке вышли под утро. Проходя мимо — почти скользя едва приметными тенями по краю дороги, — заглянули на территорию дома. Как и ожидалось, по периметру стояли люди в чёрной форме. За забором ясно проглядывались меловые очертания скорченных фигур, а возле крыльца лежало пушистое рыжее тельце, захладевшее, но никому не нужное — людей давно увезли в морг, но котёнок оставался лежать там, где его укусила железная пчела. Алиса, не останавливая движения, скользнула вдоль сада и ушла в ближайший проулок. Даниил догнал её на следующем повороте.

— Тебя ждут, — заметил он.

Алиса равнодушно пожала плечами.

Ещё дом прошли в молчании.

— Когда люди... одеваются в чёрное, — негромко, словно для себя, сказал Даниил, — свобода граждан есть только одна... — выбор между голодной смертью и молчаливой смертью.

— Это ты к чему? — подозрительно покосилась Алиса, как обычно, одетая в чёрное.

Даниил скупо усмехнулся и неопределённо повёл рукой:

— Чёрное скрывает правду. Любит тайны. И создано управлять. Чёрное оно и есть — чёрное. От чёрта...

Не изменившись лицом, Алиса прошла ещё шагов сто, прежде чем отозваться.

— У тебя стала лучше варить голова. Вон какими предложениями стал сыпать! — Наконец, проворчала она. — Но думает она у тебя не о том. Надо было оставить тебе рёбра сломанными...

Даниил, чуть бледнее, усмехнулся:

— Ну, тебе же не сложно всё вернуть, как было, правда?

Алиса задумчиво кивнула и указала вперёд:

— Остановимся там. Это тоже дом в имуществе церкви, и ещё не используемый.

— Используемый? А для чего используются дома?

Размышляя, Алиса почесала висок, вытянула из волос чёрные катышки спёкшейся крови и пожала плечами:

— Как пристанище для инициаторов, защитников Единой, нищих или изгоев общества, чью вину церковь не признаёт...

— Да уж... Тайная система, направленная против государства! Или людей?

Алиса покосилась на него:

— Ты многое пропустил, шлясь по помойкам. Сейчас церковь, как и тысячелетия до того, — часть государства. И не малая часть. Без её духовного руководства вряд ли страна смогла бы подняться до нынешних высот.

Губы Даниила тонко растянулись в резиновую дрожащую улыбку:

— Не вижу высот... Но ты права. Я многое пропустил. И хочу разобраться.

— Тебе бы не в этом разбираться... А в том, кто ты и за что инициирован, — хмуро посоветовала Алиса.

Хмыкнув, он угрюмо ответил:

— Это я буду выяснять в первый... черед.

Серый дом приветливо распахнул незапертую дверь.

Алиса оглядела открытое пространство комнаты, ничем не загороженное от встающего солнца, и указала Даниилу на наиболее затемненный угол.

— Спать будем по очереди. Ты — первый.

Возразить он не осмелился.

...

Глава 18 Передышка

Обняв колени, Алиса сидела на письменном столе, смотрела в окно и угрюмо слушала радио. Синий экран нетбука подрагивал столбиками эквалайзера и исправно гонял виртуальный ползунок по нарисованной шкале.

— ...убийцы преподобного владыки отца Аттика, оказав вооруженное сопротивление, скрылись. Вниманию граждан города! Преступники хорошо вооружены и чрезвычайно опасны ввиду чего власти и управления епархии настоятельно рекомендует сообщать об их перемещениях, не вступая в столкновения. О местонахождении преступников можно сообщить по телефону дежурной части или в любой приход «Единой Церкви». Приметы преступников...

— ...братья и сёстры мои! Смерть отца Аттика — это огромная потеря для нас. Но не будем давать повода для межнациональной розни! Конечно, приметы преступников наводят на мысли об их турецких или еврейских корнях, но, пока нет достойной уважения информации, мы должны...

— ...несмотря на обращения vicария преподобного отца Матфея, за последние шесть часов в области было разрушено две малые мечети, пригородная синагога, приход баптистов, сожжена семья «свидетелей Иеговы», более трёх сотен пострадавших доставлены в больницы города и...

— ...город ожидает прибытия преподобного отца Сергея, назначенного экстренным советом Единой Церкви на пост, занимаемый погибшим владыкой... Отец Сергей известен как один из реформаторов закона о миропомазании и уполномоченный на проведение обрядов освящения...

— ...искать нужно в пригороде или по пути в другие регионы. А возможно и в других городах. Об этом говорит оставленная машина, брошенная на выезде из города. К сожалению, собаки отказались брать след — опытные преступники обработали следы химикатами или подручными средствами, вроде молотого перца или...

— ...Георгий Мирошенко категорически отрицает свою причастность к гибели владыки, но, в связи с долгое время занимаемой им оппозиции к деятельности «Единой Церкви» в нашем регионе, на него наложен домашний арест до расследования всех...

Дотянувшись до клавиатуры, Алиса выключила программу и со вздохом запустила аську. «Гроссмейстер» был в сети. Прочитав последнее сообщение, Алиса перевела задумчивый взгляд на спящего у стены «бета».

— «Урааааа! Ты снова в сети!» — и кучу смайликов прислал Влад, и она невольно улыбнулась.

— «Привет, Влад. Рада тебя видеть. Как ты?»

— «Я-то как всегда. Ты как? Жива?»

Она кинула косой взгляд вниз, на распоротую штанину спортивного трико, уже одеревенелого от застывшей крови и усмехнулась:

— «Жива, конечно. Иначе бы не писала».

— «Уфф. Мне казалось, что дела совсем швах».

Алиса фыркнула и тут же переключилась:

— «Ты предупредил об опасности — знал или как?»

— «Скорее — ощутил. Вдруг словно заноза в мозг вошла — забеспокоился о тебе. И

вроде никаких внешних проявлений, а сердце ждало. Знаешь, как оно бывает подчас... И объяснить это беспокойство с точки зрения материального подхода не получается».

Алиса закрыла глаза и без затруднений вызвала перед взглядом картинку. На зелёных холмах, в окружении старого леса тяжёлый средневековый замок с башнями, словно устремлённые ввысь ракеты, цветные окна с витражными картинами геральдических зверей. А дальше — огромный зал с высокими потолками, чёрным полом и шторами цвета запёкшейся крови, за которыми скрываются подтянутые люди в сером, такие же напружинено-спокойные, как и оружие в их кобурах. И в этом огромном зале всего один стол — такой же большой и шикарный, как и всё вокруг. Откинута крышка ноутбука с золотым вензелем и драгоценными камнями на символе. И за ней почти не видно человека, сидящего за столом. Точка обзора стала смещаться в сторону, обходя закрывающий лицо экран компьютера... Алиса вспомнила последнее подобное видение и, вздрогнув, открыла глаза — узреть вновь человека в инвалидном кресле она не хотела. Не хотела закреплять в себе убежденность в придуманной ущербности сетевого друга.

Наклонилась к клавиатуре:

— «Спасибо, твоё сообщение было вовремя. Если бы не оно — опасность действительно оказалась серьёзной».

— «Вот замечательно! А то я уже подумал, что стариковским бредом тебя просто переполошу».

— «Нет, это было очень важное сообщение».

— «Что у тебя произошло?»

Алиса повела плечами, откидываясь и расслабляясь от возникшего ощущения родственного объятия — заботливого и нежного одновременно. В размышлении поиграла на запястье бусинами накинута чётка и ответила:

— «Это сложно объяснить, Влад... Давай не будем».

— «Ну, давай. Расскажешь, как будешь готова» — он опять прислал смайл, и она улыбнулась в ответ, чувствуя, что не ошибалась в друге. Захотелось на время забыть о произошедшем и снова, как обычно, разговаривать на грани меж серьёзным общением и странным флиртом меж незнающими друг друга людьми: — «Играешь?»

— «С чего ты взяла? И в чём?»

— «Я ещё не давала никакого согласия на то, чтобы рассказывать, а ты отвечаешь так, словно мы уже договорились и ты лишь делаешь мне одолжение, позволяя рассказать, когда я буду готова, а не прямо сейчас. И этим невербально подталкиваешь к нужным тебе действиям».

— «Во-первых, я не делаю одолжения, я только сообщаю, что ты можешь это сделать, и я с удовольствием выслушаю. Что в этом криминального? А во-вторых, я даже не ставлю каких-либо требований по времени — будешь готова и расскажешь, а нет — так нет. Ну и последнее — на правах пусть сетевого, но друга, я имею право спрашивать о таких вещах».

Улыбнувшись, Алиса кивнула экрану, словно собеседнику, и набрала ответ:

— «Настоящий джентльмен! Всегда выпутывается с честью! За что и люблю», — может быть, впервые определив чувство и сама подивившись, как легко и непринуждённо это получилось.

— «Так может быть мне будет позволено, — раз я такой замечательный, — всё-таки попробовать настоять на том, чтобы ты поведала мне если не всю свою историю, то хотя бы с какой стороны тебя настигла беда и могу ли я в чём-то помочь?»

Лицо Алисы свело в болезненной гримасе, словно она разрывалась между желаниями засмеяться и заплакать. Одёргнув себя, она ответила:

— «В моих проблемах ты вряд ли сможешь. Возможно, для их решения понадобятся деньги, но на данный момент необходимые суммы у меня есть. Как сложится дальше — не знаю».

— «Сообщи, как потребуется».

— «Ладно, сообщу. А относительно того, что со мной случилось»...

Алиса отправила сообщение и задумалась, смотря на молчаливое окно собеседника. «Гроссмейстер» терпеливо ждал — не торопил, не переспрашивал. И она продолжила:

— «Что бы ты делал, если бы однажды твоя семья отвернулась от тебя и позволила чужим людям делать тебе плохо?»

И замерла в ожидании ответа. Влад не торопился, видимо, обдумывая.

— «Ты уверена, что семья отвернулась?» — наконец спросил он. — «Возможно, твоя семья не догадывается о происходящем, считает, что тебе так будет лучше или просто не может изменить ситуацию».

Алиса грустно усмехнулась:

— «Возможно. Всё возможно, ты же знаешь... Только мне слабо верится в такое. Моя семья... Как бы сказать... Они знают всё и всегда. И всегда знают, как лучше».

— «Быть может, сейчас они тоже знают, как лучше и всё происходящее — лишь трудная ступенька на пути к светлому будущему? Поверь, очень часто молодым людям кажется, что линия судьбы заводит в одну сторону, хотя на деле она идёт в другую. Увы, но, научившись тактике к юношеству, большинство ещё не осилило жизненной стратегии. В этом нет ничего худого, что родители знают больше и стремятся сделать твою жизнь лучше. Главное, чтобы это не ломало тебя как личность».

— «Это ещё одно качество, которое уважаю в тебе, Влад, — умение быть толерантным даже в ситуации, когда задевают твоих друзей. Ты как модератор прославился именно тем, что оставался объективным всегда, вне зависимости от того, какие лица участвовали в конфликте».

— «Я знаю, Аля, но сейчас речь не обо мне...»

— «Верно. Я не знаю, что задумала моя семья. У меня сейчас нет с ними связи. Как правило, это весьма односторонняя система отношений. И дело даже не в том, что и как они сделают или останутся в стороне — у меня проблема не с ними. Просто я рассчитывала на их помощь и прикрытые от проблем подобного характера».

— «Ох, Аля! У меня всё более складывается ощущение, что я разговариваю с дочкой сицилийского мафиози! Твоего папу, случайно, не Карлеоне зовут? Ты лучше сразу скажи — некоторых из такого уровня птиц я знаю».

— «Прости, я не могу говорить откровенно, хотя именно с тобой и хотелось бы. Но поверь, что к мафии это не имеет ни малейшего отношения».

— «Не вопрос, Аля. Просто постарайся побереечь себя и обращайся, если нужна помощь — всё, что смогу, я сделаю»

Ответить она не успела — во дворе едва слышно стукнуло, и Алису сорвало с места. Упав ничком, она, струясь по дощатому полу, словно ящерица, передвинулась ближе к выходу, поднялась по стене и на мгновение выглянула в окно. Взгляд её стал мутным. Стиснув горло пальцами, она вдохнула и открыла рот, с едва заметным шипением вытолкнув воздух обратно. Звука не было слышно, но «бет» в углу комнаты вздрогнул всем телом,

разворачиваясь пружиной. Вскинулась чёрно-седая шевелюра и глаза, наполненные мучительным ожиданием чего-то ужасного, снизу вверх упёрлись в неё. Алиса вскинула палец к губам и, кивнув на нетбук и рюкзак, взяла в руки по ножу, снова поворачиваясь к окну. Даниил скользнул к компьютеру и, бесшумно прикрыв крышку, привычно обернул его курткой.

Пока Алиса, задумчиво покусывая губу, всматривалась в окно, Даниил пробрался вдоль стены к ней и встал рядом.

— Кто там?

— Люди, — так же тихо ответила она. — Просто люди. Не спецы.

— Может быть...

— Нет, — качнула она головой, — Эти — за нами.

Лицо Даниила стало серым, но по губам пробежала кривая подрагивающая усмешка:

— Будешь рвать?

— Зачем? — пожала она плечами. — Это от профессиональной облавы сложно уйти, только прорываться... Да и люди, — она помолчала. — Это не солдаты, которые знают, на что идут.

— Точно, — криво усмехнулся он. — Солдаты — люди подневольные, им приказали — они пошли. Они — да, вполне знают, на что идут... Только не знают — зачем. А тут — вполне себе сознательные самостоятельные добродетельные соседи, решившие во имя вселенской справедливости линчевать парочку забредших в их район людей, лично им ничем не угрожавших. Конечно, очень в духе церкви одних убивать во имя всеобщего блага, а от других милостиво бегать — пусть и далее поступают также.

Алиса косо посмотрела на бета. Тот облизал губы, но спросил с вызовом:

— Не согласна?

Она отвернулась к окну. За мутным, загаженным мухами и исполосованным дождевыми полосами, стеклом она легко угадывала малейшие колебания воздуха от движения распаренных алкоголем и собственной храбростью тел.

— Нет, — коротко ответила она.

— С чем? — снова влез Даниил, сквозь занавеску внимательно оглядывая двор.

— Свой дом нужно уметь защищать. И в этом их право и обязанность. А солдаты охраняют порядок. И за это им платят.

Она повернулась уйти, но бет тронул за локоть и задержал. Обернулась она бешено — даже волосы поднялись дыбом у корней. Даниил отпустил и прянул.

Несколько секунд они смотрели друг на друга в упор. Алиса ждала, что бет отведёт взгляд, но тот встряхнулся и хрипло ответил:

— Все охраняют свой дом. Только одни делают это раз в жизни, стоя на своём пороге, а другие — всю жизнь грудью ложатся на гранаты у чужих окон... Но все — люди.

Она долго смотрела молча.

Бет дрожаще усмехнулся, отворачивая лицо и подставляя шею:

— Рви. Ты же знаешь, как это сделать.

Алиса посмотрела дальше, сквозь стекло, во двор, где уже не прикрываясь замаячили тёмные фигуры, и, внезапно схватив бета за горло, подтянула к себе и прошипела в побелевшие глаза:

— Смерти ищешь?! Не найдёшь, тварь! Ты вспомнишь всё и пройдёшь очищение! У тебя есть этот шанс, и ты его используешь, ублюдок! Или я буду рвать тебя всякий раз, когда ты

откроешь свой гнилостный рот, но подохнуть не дам! Всё! — она оттолкнула его к выходу, — Уходим!

...

Глава 19 Воспоминание о Любви

— Посмотри, — наставница Пелагея водила клинком, и тонкий блеск на лезвии рисовал фигуры перед её грудью. — Нож не режет пространство, он вяжет его. Видишь? Словно игла ходит по ткани или спица стягивает нитки. Он хранит в себе душу пряжи судеб. Есть такая легенда...

Она рассказывала, а нож, не теряя темпа, гладко летал перед ней, и, словно вёл за собой всё тело — от ладони до плеча и ниже, в поясницу, в ноги, передавалось движение, заставляло сухую фигуру старушки плавно перетекать, словно послушную водоросль в воде. Алиса смотрела, широко раскрыв глаза — многое уже она видела за последние месяцы под руководством сестры Пелагеи, но с этой манерой движения встречаться не доводилось.

— Что тебе напоминает его движение? — внезапно прервав рассказ о парках, спросила наставница, и Алиса нахмурилась, спохватившись. Блеск ходящего ходуном металла напоминал ей больше всего голову танцующей кобры, от которой магически веет силой и холодом, и невозможно отвести взгляд.

— Цветок, — ответила она. — Словно лепестки цветка рисует...

Наставница кивнула:

— Правильно. Нож чертит остриём рисунок четырёх перекрещенных восьмёрок. Словно восемь лепестков проросли из моей грудины, да. Восьмёрка горизонтальная, вертикальная и две диагональные. Как думаешь, почему это так?

Долго ученица не задумывалась:

— Так движение полностью перекрывает возможность достать в корпус. Любой удар противника будет наткаться на защитное движение по восьмёрке.

— Хорошо, — кивнула сестра Пелагея. — Но почему восьмёрки?

На этот раз Алиса задумалась.

— Возможно, потому, что она позволяет силе, поданной в клинок, перетекать по плавной траектории, не задерживаясь, не реверсируя и потому легко менять направление, если нужно слиться с силой противника.

Наставница кивнула и снова, помогая всем телом, провела нож по траектории пересекающихся восьмёрок. Нож преданно засверкал на поворотах яркой искрой блика.

— Два креста, — сказала сестра Пелагея. — Один из них — небо и земля. Небо — восхождение, земля — расширение. Второй крест — огонь и вода. Огонь охватывает сердце, вода опоясывает селезёнку. Суть первого креста — вера и любовь, суть второго — знание и надежда. Небо и земля разрывают человека, как разорвали сына Божьего — верой в Отца и любовью к людям; восхождением души к высшему и расширением своей любви на всё человечество. Огонь и вода разрывают наше сознание на жажду постижения и желание бездействия. Но и тот крест и иной разрывают, растаскивают только слабые сознания. Более сильные выбирают одну сторону. А великие могут концентрировать силы восьмёрок в центре. В своей груди. В себе. Тебе нужно стать великой, и потому твой нож должен быть безупречен в выборе движения.

Алиса немо склонилась, посчитав урок законченным, и готовясь ещё долго осмысливать сказанное наставницей, но сестра Пелагея покачала головой и сделала выпад в сторону девушки — та не успела даже отпрянуть, но лезвие ножа лишь легко царапнуло кожу на шее.

— Скажи мне, — спокойно заговорила сестра Пелагея, отшагивая и снова готовя

оружие к уколу. — Почему малый ребёнок учится быстрее взрослого человека?

Лезвие вновь ринулось вперёд, и теперь Алиса успела отскочить. Но — недалеко, и второе, плавное движение ножа, казалось медленное, словно идущее в тягучем пространстве, тем не менее достигло её и лезвие тонко чиркнуло по плечу. Сквозь разрез подрысника проступила кровь.

Сглотнув, Алиса снова отшатнулась — нож метался, каждый раз оказываясь на волосок от неё.

— Возможно, — сдерживая рвущееся дыхание, заторопилась она. — Это потому, что у него в голове ещё очень мало знаний, и потому его легко заполнить новое.

Наставница остановилась также внезапно, как начала атаку.

— Ребёнок обучаем не потому, что у него мало знаний, а потому что у него нет одного знания. Того, которое отличает взрослого от дитя. То, что выгоняет нас из эдема нашего детства.

— Какого же? — вздрогнув, спросила Алиса.

Наставница улыбнулась и подбросила нож вверх. Он перекувыркнулся и, вращаясь, рухнул вниз, но за мгновение до того, как подставленную ладонь поразило бы лезвие, сестра Пелагея, не прекращая улыбаться, раскрыла пальцы. Клинок упал точно в промежность между указательным и средним и завис там, раскачиваясь, словно маятник.

— У ребёнка нет знания о смерти, — улыбнулась она. — И потому у него нет страха. Страх — единственное, что держит сознание в узах греха. Без страха ты — свободен. Без страха ты — Ева. Забудь о смерти, и жизни станет больше. Забудь о страхе, и приблизишься к сути живого. Приблизись к Богу!

Алиса склонила голову на бок и нахмурилась:

— А как же страх божий?

Сестра Пелагея рассмеялась и, подступив, вдруг положила ладонь на плечо девушки и ласково потрепала:

— И страх божий тоже забудь! Страх — лишь часть любви. Не бойся Его, бойся за Него — вот истинный страх божий! Люби Его, и будет в этом всё, что есть меж любящими. Человеку нечего бояться. Потому что смерти нет для того, кто любит и любим. Любовь — это когда он в тебе, а ты — в нём. Всё, что не взаимно — не любовь.

И болезненно усмехнувшись чему-то своему, сестра Пелагея покинула ученицу, оставив её в глубокой растерянности.

...

Глава 20 Озеро

Ушли чисто. Алисе ничего не стоило бесшумно проскользнуть за спины глухо матерящихся мужиков и, схватив за шеи, аккуратно завалить обоих на землю — вповалку друг на друга, словно вышли проветриться после ста грамм и прикорнули. Пока Алиса осматривала выход во дворик, Данила перешагнул через бессознательных людей и встал рядом.

Алиса качнула головой в направлении на север и двинулась первая. Даниил неотрывно скользнул следом. Через два поворота, зайдя в грязный скверик и выровняв шаг до прогулочного, они пошли по тенистой аллее, сторонясь людных мест.

— Хорошо идёшь, — хмуро сплюнула Алиса, — И быстро соображаешь.

— Это ты к чему? — настороженно спросил Даниил.

— Ты ещё не вспомнил своего прошлого?

— Нет. А что?

Алиса неопределённо повела плечами и повторила:

— Хорошо движешься.

Криво усмехнувшись, он ответил:

— Научишься тут. Кто знает, сколько я провёл по помойкам? Год или два? Сколько приходилось скрываться... Люди, знаешь ли, не привечают такую шваль, как мне подобные.

— Я не об этом, — поморщилась она, — для тебя не новость жестовая система общения, развито умение двигаться в паре, от вида оружия не шугаешься, но и не относишься к нему легкомысленно...

Даниил прошёл ещё несколько шагов, осознавая, и остановился.

— Я один из ваших?

Посмотрев в тёмные, наполненные тихой тоской глаза, Алиса мотнула головой:

— Из альфа-йаха сделать бета-йаха невозможно. Обращение допустимо только обычного человека. Ты мог быть кем-то из наших подготовленных спецов... Или подготавливался, как альфа, а получился бета. — Алиса одёрнула себя и хмуро закончила: — Не знаю, короче! Надо искать в твоей памяти. Сейчас я лишь могу отметить, что подготовка у тебя была — может, ты сам этого не помнишь и не замечаешь, но тело адаптируется с лёгкостью. Хотя, конечно, возможности теперь у тебя не ахти.

Сказав, Алиса угрюмо отвернулась — от бета опять несло букетом неприятных запахов больного тела, он вновь похрамывал от усталости, а от переживаний на его лице сводило раненую когда-то мышцу. Она вздымалась извилистым бугром и шрам на ней, словно гребень на волне, казалось, вспучивался и белел кипенной кожистой плёнкой на мясе. Потом его отпускало, лицо приобретало прежний вид, но только для того, чтобы через мгновение вновь исказиться. Выглядело так, словно Даниил ужасно страдал от незримой боли, и его перекашивало от внутренней ломоты и невыносимого душевного мучения. И только глаза — тёмные, большие, словно переспевшая черешня, — оставались прежними. Хотя, нет. Раньше в них было больше страха, а теперь светилась мысль, и фокусируясь на незримой дали, взгляд выдавал нелёгкие думы.

— Как ты собираешься связываться со своими? — внезапно спросил он и тут же, поймав её угрюмый взгляд, поправился: — Ты же хочешь выяснить, что случилось, так? А для этого нужно в первую очередь задавать вопросы своему командованию, правильно?

Получать последующие команды, наставления и прочее. Ты же работаешь одна и тебе, наверняка, даны инструкции не вмешиваться в мирскую жизнь и обратного не допускать. Так?

— Так, — неохотно подтвердила она.

— А тут, — продолжил Даниил, — ситуация нестандартная и очень похоже на то, что конфликт не двухсторонний — ты и мирские...

Алиса поморщилась от явного намёка, так неприятного для неё, и подтвердила:

— В случае, если бы просто милиция вышла на меня, как на обычного убийцу, то вряд ли нападение было таким...

— А поточнее?

Она неохотно пояснила, не глядя в его сторону:

— Напали в самый пик солнца, когда знали, что я ослабну. Никаких предупреждений и требований выйти не было — просто забросили газ. А это значит, что хорошо представляли себе, что в доме не может быть посторонних и я, скорее всего, в спячке. Так бы и случилось, если бы не ты...

— Я увидел сообщение на экране и...

— Я не о том, — перебила она. — Да, ты оказался тем, который заметил газ и разбудил, но главное — если бы тебя не было, то я бы точно впала в спячку, а из этого состояния без помощи посторонней так просто не поднимешься...

Даниил, яростно расчёсывая на виске сухую кожу в лоскуты, резюмировал:

— Они полагали, что тебя в спячке приглушит газом, и столкновения не будет — просто войдут и повяжут. Значит, действительно знали, что ты и кто ты... Слушай, а с чего к тебе могли прицепиться?

Алиса посмотрела на него так, что бет остановился и одёрнулся:

— Ладно тебе! Я ничего дурного не имел в виду.

— Официально, — нехотя процедила она, отворачиваясь, — заявили, что я и ты убили его преподобие владыку отца Аттика, здешнего лидера движения «Единой Церкви», особо духовного человека, славящегося миротворчеством, благотворительностью и истинно христианским милосердием.

— Ну, я точно его не убивал, — Даниил облизал сушеные на солнце губы, лопающиеся пузырями, и подслеповато посмотрел на Алису: — А ты?

Проигнорировав вопрос, она свернула на повороте налево и повела бета ещё дальше вглубь сквера, туда, где в заросших кустах уже густо лежала плотная тень.

— Ладно. Проехали, — поморщился он. — Просто со стороны смотрится, как будто в твоей организации завёлся клоп, передающий информацию на сторону.

Алиса снова не ответила, осматриваясь и, казалось, не обращая внимания на спутника, и, вздохнув, Даниил продолжил:

— Допустим, ты убила этого отца Аттика. Не будем рассматривать вопрос, почему церковь решила уничтожить своего же харизматичного деятеля — всякое случается в организации, но, предположим, исполняя приказ, ты выполнила задачу. Так твои должны, по идее, прикрыть твой отход, так? Они же вроде как всячески во имя великой цели тебя натравляли на добычу. Должны и вытащить из проблемы. А?

Он дёрнулся, когда она взяла его за локоть и подтолкнула в сторону островка высоких заросших ив возле небольшого озерца с забетонированными берегами и давно проржавевшей конструкцией фонтана из жестяных лебедей по центру.

— Сюда, — приказала она, вталкивая бета между стволов на небольшую полянку, со всех сторон закрытую высокими плакучими кустарниками, до самой земли стелющимися роскошные зелёные ветки.

Алиса потянулась во весь рост и стащила через голову спортивную водолазку, которую не снимала уже сутки с момента последнего задания. Стягивая грязное трико, проворчала в сторону застывшего спутника:

— Что встал? Клади рюкзак и раздевайся. Ещё час по этому солнцепёку и нас можно продавать как челогац на косточках. Не мандражируй — здесь безопасно.

Она разделась полностью и, осторожно раздвинув зелёные ветви плакучей ивы, вышла из укрытия. Пара шагов босиком по колкой сухой траве и Алиса прыгнула с невысокого каменного бортика в озерцо. Даниил дёрнулся за ней, до слёз вглядываясь в воду, больно бьющую по глазам солнечными бликами. Голова Алисы появилась на поверхности только у другого берега.

— Ты с ума сошла? — крикнул Даниил и, бросив на камни одежду, аккуратно спустился в воду.

Доплыл он до неё в несколько гребков. Алиса, закрыв глаза, качалась на едва колеблющейся ленивой водной поверхности, подставляя лицо жаркому солнцу. Даниил махнул головой — с длинных волос полетели брызги. Капельки упали на веки девушки, и она недовольно повернулась к спутнику.

— Тебе в детстве не говорили, что не стоит прыгать в воду, не разведав дно? — недовольно буркнул он. — А если бы там балка или труба? Ничерта ж не видно под этой водой!

— Говорили, — лениво ответила она и фыркнула, пуская фонтанчик изо рта: — Но тогда я была человеком.

Даниил метнул ошарашенный взгляд на девушку, а та, оттолкнувшись о борт, снова сильным броском ушла в центр озера, где неопределённой грудой виселись остатки фонтана. Бет за ней не последовал. Он стоял по грудь в воде и смотрел на тёмные кроны дубов и светлые шапки ив, закрывающих озеро, давно оставшееся в стороне от ещё людных аллей сквера. И осознавал что-то новое.

— Иди сюда! — крикнула Алиса, выныривая. — Тут интересно!

Очнувшись, Даниил наскоро отмыл лицо и поплыл к девушке. Та сидела в переплетении труб, раньше бывших костяком лебедя, и разглядывала что-то в самой середине фонтана.

— Что тут?

Она посторонилась, пропуская его ближе, и показала вниз, в воду.

— Видишь?

Даниил кивнул. Среди останков системы труб и жестяных листов, гниющих в воде, пробивались стебли кувшинок. Алиса спрыгнула в воду и, наклонившись, потянула ржавое металлическое крыло, наполовину уходящее в дно. Даниил тронулся помочь, но тут же замер. Тонкая девичья фигурка — нагая, ослепительно белая под солнечным светом — ещё мгновение назад сама казалась маленькой кувшинкой, но стоило только напрячься и тело альфа-йаха услужливо стало трансформироваться: уродливой горой вздулись мышцы, тугие жилы натянулись канатами, — и только что бывшие изящными руки легко вырвали из слоя ила металлический лист.

— На берег, — не оборачиваясь, бросила Алиса, и, передав ему груз, наклонилась за следующим.

Даниил принял ржавое крыло, прогнулся под тяжестью, и поплёлся к бетонному борту.

Когда очистили дно возле старой системы, где решили пробиться негаданные кувшинки, Алиса всё не могла остановиться и долго ещё ныряла и доставала хлам, усыпавший дно озера. Даниил держать такой темп работы не смог и под конец ушёл на берег и сел в тени ив, смотря, как девушка ныряет, надолго пропадая под водой, и выплывает к бортику с новыми предметами. Её белая спина, не знающая загара, мелькала под светящейся водой, словно брюхо акулы, но, когда она поднималась над волной, казалась выточенной из мрамора.

Алиса остановилась, когда на берегу выросла порядочная куча барахла. Оглядев помутневшее озеро, она взяла мокрые космы в кулак и отжала — с богатых золотисто-рыжих волос пролился на щербатые бетонные плиты густой водопад.

— А теперь спать! — сказала она, подойдя к спутнику, сидящему под ивами в накинутах на плечи пиджаке.

Даниил перечить не стал — было так хорошо, что стало бы грехом не воспользоваться минутой передышки. Оделся, свернулся клубком на траву возле замшелого пенька и закрыл глаза. Алиса села на поваленное бревно, выглядывая в небольшую щель между веток и осматривая подходы к их убежищу.

Солнце играло на зелёной поверхности озерца, брызгая акварель света, словно мелкий пушок из растрёпанной небесной подушки, а вокруг перекрикивались птицы и, как она не сосредотачивалась на тропах, мысли сбивались на желание отдыха и тишины.

— Алиса?

— Да.

Поворачиваться она не стала, тратить взгляд — тоже. Ей и так было ясно, что бет не спит, но вскакивать и бросаться на неё не собирается.

— Не держи зла, — помолчав, сказал он. — Если я могу помочь...

Оставшись неподвижной, она грустно усмехнулась, глаза её стали мягче, но ответ прозвучал неожиданно твёрдо:

— Со мной скоро станет опасно мотаться по городу. Сегодня расстанемся. Тебе нужно искать прибежище потише и кормушку побогаче, и все силы потратить на то, чтобы вспомнить своё прошлое. Тогда у тебя будет шанс выйти к церкви и вернуть себе душу.

Бет, взглядываясь в пустоту между веток, покачал головой:

— Я иду с тобой, — и, помолчав, добавил ещё твёрже: — Я не ищу безопасности. Я ищу ответы.

Алиса не ответила. И даже не шевельнулась. Хотя ей очень хотелось погладить мокрую седую прядку. Хотя бы одним пальчиком.

...

Глава 21 Экзюпери

Когда сгустились сумерки, Алиса подняла Даниила. Бет, отряхиваясь от налипших травинок, хмуро посмотрел на девушку. На ней, словно влитой, сидел тёмно-синий брючный костюм, а волосы держала толстым узлом на затылке деревянная шпилька.

— Прохожий батюшка подарил? — угрюмо спросил он.

Алиса неопределённо пожала плечами и махнула рукой на белеющий под соседним деревом квадратик. На расстеленном полиэтиленовом пакете горкой лежал фарш. Глаза Даниила загорелись, руки задрожали, а по губам пошёл жирный блеск от неудержимо рвущейся наружу слюны. Он, как был, на корточках пополз к импровизированному столу и запустил скрюченные от волнения пальцы в измельчённое мясо. Алиса, смотрела, как он ест — хватая куски ртом прямо с горки, хрипло дыша и пуская слюну с уголков губ, — и старалась не морщиться.

«Это мне испытание от господя, — думала она. — Я столько раз инициировала, но ни разу ещё не видела так близко то, что остаётся от человека после... Бог испытывает меня. Моё омерзение к нему — грех. Потому что я могла быть тем, кто принёс ему наказание. Но какие бы прегрешения он не совершил, будучи человеком, он ещё может вернуть себе душу, вернуть себе божью любовь. Он — человек, даже тогда, когда ничего человеческого в нём не осталось... А я — нет».

Она смотрела, как под светом фонарей дрожит, склонившись над уменьшающейся горкой кровотокащего фарша изломанная голодом тощая фигура, как по-собачьи хватается куски ртом, как, сотрясаясь всем телом, рыгает, заглатывая слишком много, и изо всех сил сдерживалась, чтобы не отвернуться.

— Сыт? — подошла она ближе.

Не поднимаясь с колен, Даниил вскинул лицо, выпустил изо рта непрожёванный комок мяса и замер, вглядываясь в девушку. Опустив глаза, он стёр с губ красные подтёки и кивнул.

— Пошли, — сухо приказала она и двинулась первой.

Даниил догнал её только возле поворота на главную аллею сквера.

— Сама-то поела? — хмурясь, спросил он.

— Да.

Краем взгляда осмотрев спутника, Алиса отметила, что задержка была вынужденной — Даниил умылся и привёл себя в порядок, и с его лица и рук исчезли красные пятна.

Некоторое время шли молча.

— Спасибо, — наконец вздохнул Даниил. — За хлеб-соль...

Алиса пожала плечами:

— Один мой друг часто говорил: мы в ответе за тех, кого приручили. Кажется, это цитата кого-то из великих.

— Экзюпери, — задумчиво отозвался Даниил. — Маленький принц.

Алиса удивлённо вскинула брови и покачала головой:

— Мудрые мысли для ребёнка. Даже если он и королевской крови.

— Кто королевской? — не понял Даниил.

— Ну, Экзюпери. Ты же говоришь, что он принц? Значит, королевской крови.

Даниил резко остановился, уставившись на девушку. Алиса прошла ещё несколько шагов и недовольно повернулась, изогнув брови:

— Ну?

Быстро догнав, Даниил молча пристроился рядом, но через некоторое время не вытерпел и спросил:

— Алиса, ты в школу ходила?

— Конечно, — лениво отозвалась она. — Шесть классов казённой, два года единоцерковного пансионата для девочек и сейчас в единоцерковном педагогическом институте на втором курсе.

Помолчав, Даниил поинтересовался:

— И как с оценками?

Алиса пожала плечами:

— Хорошистка. А что?

— Просто, интересуюсь... И ты действительно учишься в институте или только числишься?

— Числюсь, — не стала скрывать она. — Мне и без учёбы работы хватает. И потом — закончить мне несложно. Я же буду официально преподавателем в церковно-приходской школе, а знаний, которые нам давали в пансионате, для этого вполне хватит с лихвой. Так что экзамены будут несложными.

— Церковно-приходской? — снова на миг остановился бет.

— Ну да. Казённая школа на балансе «Единой Церкви» — пояснила Алиса. — Государство и церковь заключают договор и школу передают во владение церкви. Там ставят приход, чтобы жителям района не приходилось куда-то ездить далеко, чтобы можно было приходить в воскресенье на проповеди поближе и со священником общаться, когда нужда придёт. Ну и храмовые учителя там обучают детей прихожан необходимым знаниям — чтение, грамматика, математика, закон божий...

— Ясно, — коротко ответил он, упершись взглядом в дорогу, словно пряча глаза.

— А ты ходил в школу? — на ходу подозрительно покосилась она.

— Ходил... Наверное, — кивнул Даниил. — Знания есть, предметы помню... Только саму школу не помню, и что там происходило. Одни ощущения остались от неё.

— И какие ощущения?

— Радость, свет, влюбленность, формулы мелом на доске, разрез на юбке учительницы, школьная форма в крови после драки — красное на синем..., распоротый портфель, в тетради схема пищевой цепочки, на записке от соседки решение дискриминанта...

— Дискрими... что?

Даниил вздохнул:

— Не важно. Главное — это было. Но я не черта не помню, кроме хаотичной мозаики образов.

Помолчали. Тёмный город отвечал эхом на тихие шаги, на копошение кошек и собак по помойкам и шлепки капель из кондиционеров, не выключаемых даже ночью. Город был прогрет за день и утомлённо засыпал, туша свет в окнах и мельтеша лишь голубыми отблесками телеэкранов по потолкам — словно настраивался на сны, транслирующиеся по развлекательным каналам.

— Куда мы идём? — наконец спросил Даниил.

— В храм Покрова Божьей Матери.

— Зачем? — насторожился он.

— Не напрягайся, — повела плечом Алиса. — Тебе входить не потребуется. Я зайду

одна, ты останешься на улице. Если что — убежишь.

— В смысле? Что там будет?

— Ничего. Там точка контакта агентов. Я выйду на связь и, если всё пойдёт хорошо, получу ответы.

Проходя мимо магазина эротической продукции, занявшего весь первый этаж длинной старой пятиэтажки, Даниил хмуро рассматривал вывешенные в окнах весело раскрашенные макеты половых органов и фотографии зазывающих девиц, а сверху красные буквы воззвания «защитников Единой», а потом спросил:

— Убегу, говоришь? Радует, что ты понимаешь, в какую лужу можешь сесть...

Алиса не отреагировала, и он продолжил:

— Твоё командование тебя предало. И любая попытка выйти на контакт с ними для тебя сейчас равна добровольной жертве. Ты же понимаешь, что, если в городе только одна точка контакта, то там тебя точно будут ждать?

Алиса равнодушно кивнула и отозвалась:

— Если бы меня хотели убить свои, им бы не пришлось так всё усложнять. Меня можно было просто вызвать в центр и зачистить там.

В раздражении Даниил яростно расчесал щеку — кожа мелкими лохмотьями повисла под ногтями, на тонких царапинах набухли красные капли, и Алиса отодвинулась от спутника.

— Кое-чего ты не знаешь, бет, — усмехнулась она, стараясь не смотреть на капли крови. — Альфа-вампира не так-то легко убить. Для этого и церкви пришлось бы повозиться. Но церкви это не надо. Альфа-йах — её защитник, ведомый духом и желанием служить величию человечества. Не было случаев, чтобы йах предал своих учителей и духовных наставников, предал свою веру! И потому не было и не будет такого, чтобы мать-церковь отвернулась от нас. Мы стали такими, какие мы есть, не по чужому приказу или прихоти, не из-за грехов, как вы, бета-йахи, и не в назидание кому-то. Каждый из альфы — духовный воин, добровольно положивший на алтарь веры свою душу. За всё человечество. Потому нет смысла в твоих опасениях, бет.

— Замечательно, — протянул он. — Тогда кто мог сообщить милиции о том, как тебя можно взять?

Алиса поморщилась, но не ответила.

Шпиль часовни возник из-за поворота внезапно. Прямо перед ним высился белый бетонный забор, исписанный надписями, у подножья которого лежали давно повядшие живые цветы и вечно яркие искусственные.

— Стена памяти по погибшим при взрыве метро несколько лет назад, — пояснила Алиса. — Тогда проводили изоляцию иноверцев в городе, и тут проходила граница первой еврейской резервации. Станцию в час пик взорвали иудейские террористы, восстановить не удалось. Резервацию уменьшили, особо ретивых евреев посадили, часть депортировали. Об этом на всю страну по телевидению рассказывали...

Даниил подошёл к стене и повёл худыми пальцами по надписям. «Тихонов», «Кравчук», «Токер», «Ли», «Наврузов», «Сейсани», «Дьячко», «Васильев», «Данилов», «Хабибулин», «Шольц»...

— В Иерусалиме, — тихо сказал он. — Есть такое особенное место... Ровная площадка, где в давние времена стоял огромный Храм... Он был так огромен и хорош, что им во все века хотели обладать люди разных вер. И воевали за него.

Он замолчал, опустив руку, и Алиса нетерпеливо нахмурилась:

— И что?

— Ничего, — пожал он плечами. — Войн было так много, что от него почти ничего не осталось. А на его обломках построили храмы разных вер. Православные, католические, мусульманские. И только евреи не понатыкали там синагог. Они молятся у руин.

— Это ты к чему? — подозрительно спросила она.

— Ни к чему, — махнул он рукой. — Где тут твоя точка контакта?

— В церкви.

— Оставайся, я пойду.

— Зачем?

— Я огляжусь, уверюсь, что тебе ничего не угрожает, и пойдёшь ты. Меня не жалко, да за мной и не охотятся.

Алиса задумчиво прикусила губу, разглядывая спутника. Он стоял возле белой стены, резко выделяясь на её фоне — чёрный худющий силуэт с провисающей одеждой, поникшими плечами и длинными спутанными волосами, до которых до сих пор не добралась расчёска.

— Это церковь, — напомнила она. — А к церкви бет не может подойти. Возле неё тебе станет плохо, и ты сбежишь.

— Почему? — спросил он, всё ещё трогая ладонью надписи на стене.

— Такова природа йаха. Церковь неприятна нам. Но альфу держит его долг и причастность, а бет может пройти внутрь, только преодолевая себя, свой страх и боль. А на это способны лишь те, кто понимает свою греховность и высокое желание очиститься.

Даниил покачал головой:

— Я не помню своей человеческой жизни. И потому не чувствую себя греховным, — хмуро отозвался он. — Я пройду.

Алиса, усмехнувшись, пожалала плечами и объяснила, как найти исповедальню в храме.

Даниил скользнул к входу на территорию Храма и скрылся за решёткой, легко проникнув между прутьев. Девушка лишь покачала головой, вглядываясь в то, как худющая фигура тёмным мазком тени ползла по серой асфальтовой дороге к порогу Храма. Вскоре бет исчез в здании, открыв высокую толстую, но незапертую дверь.

Смотря в холодные стреловидные окна, Алиса задумчиво улыбалась и накручивала на палец тонкий рыжий локон, выпавший из узла. С севера подул ветерок, заколыхал кусты, луна дрогнула на небе, словно была лишь отражением в воде...

Внезапный звон разбил ночную тишину.

— Засада! — истошно завопил Даниил, выпрыгивая — почти вываливаясь — из высокого окна, — Беги-и-и!

Она взъерошилась, приседая перед прыжком. И в тот же момент со всех углов переулка замелькали быстрые тёмные фигуры.

...

Глава 22 Засада

Мысли Алисы заметались. Уйти ещё было возможно — люди бежали по асфальту, а выше, над их головами оставалась открытой дорога по фасадам на крышу и дальше, дальше... Но под окнами Храма выл, змеясь по земле, бет — то ли раненный, то ли мучимый чем-то нетелесным. Алиса вздрогнула всем телом, принимая решение, и бросилась на решётки ворот. Прыжок! Прикосновение к металлу — танцующее, легкое, порхающее движение между острых пик решётки, — и мощный рывок со стены в сторону церкви. И уже падая на ухоженный газон, Алиса поняла, отчего выл, метаясь, Даниил — в лунном свете земля вокруг храма блестела, словно от инея. Соль.

Алиса упала, группируясь в мучительном ожидании. Падение, пережат — и она зашипела. Будто живьём начали свежевать! Обожжённая кожа мгновенно занялась болью, сужающей сознание. Рыча, она подскочила к уже едва стонущему бету, безвольным мешком лежащему на траве. Схватила за плечи — пожжённая кожа поползла под пальцами, обнажая кровоточащее мясо. Бет с криком вскинулся — на Алису смотрело белое лицо, сморщенное спёкшейся коркой, с обезумевшими от муки глазами.

Зарывав сквозь стиснутые до ломоты хищно-острые зубы, Алиса рывком вскинула бессознательного товарища вверх и пошла по скрипучей под ногами солёной корке. Она была одета, обута, но и сквозь одежду кожу жгло, выжигая до пергаментного хруста. И идти быстрее не могла — бет лежал на её плечах, отягощая безвольным грузом, и она боялась уронить его.

Давя рык, Алиса выбралась за пределы соленого газона, и опустила бета на асфальт. Даниил не отреагировал, свалившись так безвольно, словно пакет, наполненный студнем. У самой Алисы горело всё тело, хотелось окунуться в холодный снег и замереть в нём, погрузившись в спасительный сон. И даже холодный ветер, внезапными порывами рвущий тишину, не спасал. А тьма вокруг уже ощеривалась стальными иглами, и она ощущала напряжение стиснутых спусковых скоб.

— Инициатор! Именем Отца и Сына и Святого Духа!

Тяжело дыша, Алиса остановилась и повернулась на голос.

Человек, вышедший на порог Храма, был ей незнаком, но спутать стать, твердость и профессиональную выправку подготовленного инквизитора, было бы невозможно. Знала она за ними нечто особенное, что отличало их от других людей. Может быть, уверенность в собственной непогрешимости? Неторопливо, уверенно инквизитор сошёл вниз с крыльца, не сводя с неё глаз, и обвёл рукой территорию:

— Ты в ловушке. Сдавайся и суд учтёт это.

Алиса глухо зарычала. Волосы у корней встали дыбом, став шапкой-гривой, зубы хищно обнажились, а ладони стали узловатыми, с тёмными крепкими пластинками когтей. Трансформация проходила уже помимо участия сознания — боль заставляла меняться почти мгновенно.

— За что?! — глухой вопрос — то ли рык, то ли верещание — вряд ли понял бы кто-то из людей, но инквизитору переводчик не понадобился:

— Тебе вменяется в вину убийство Человека.

— Я не виновна!

Инквизитор опустил ладони, призывая к тишине и спокойствию, и ответил:

— Это ты можешь рассказать суду. Ты знаешь, святая церковь милосердна и умеет выслушивать. Она несёт любовь и понимание, и даже, если ты совершила злодеяние, только у нас ты можешь рассчитывать на милосердие и прощение.

— Я не виновна! — упрямо повторила она, оглядываясь. Даже не видя, она чувствовала в темноте напружиненных охотников, ощущала знакомый чуть сладковатый запах пота людей, не применяющих в пищу мясного, не пьющих алкоголь, не курящих и не позволяющих в своей жизни иных излишеств. И это пугало.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться, — кивнул инквизитор. — Иди со мной, и мы во всём разберёмся.

Блеск справа!

Алиса пружинисто обернулась в сторону неосторожного сверкания. За бушующей обильным цветом сиренью едва угадывался тёмный силуэт человека, держащего её под прицелом. И светился случайно оставленный на иссиня-чёрной рубашке серебряный крестик. Алиса напрягла зрение. Листья сирени металась под ветром, то открывая, то закрывая крестик, металась, металась... Миг! — и стало видно. Крестик без распятия, но с маленькими рубинами по краям.

Храмовники.

Алиса понурила плечи, закрывая глаза и тихонько, едва слышно, взывала. Опустила взгляд под ноги — бет лежал, уже не подавая признаков жизни. Раны оказались настолько глубоки, что сознание погасло, а тело вошло в режим глубинного сна йаха, когда не остаётся ни дыхания, ни сердцебиения.

Подняла голову — мир вокруг сотрясаясь холодным порывистым ветром, шумящим по косматым деревьям и ухоженным цветникам, он бурился в открытые летние окна, хлеща занавесками, и прижимал к золотым куполам вспугнутых летучих мышей.

— Подойди, — приказал инквизитор. — Я поставлю печать и ты пойдёшь со мной без конвоя, как положено невинному, готовому доказать свою правоту.

— Только печать?

— Только печать, инициатор, — серьёзно кивнул инквизитор. — Ведь церковь верит своим послушникам...

Алиса сглотнула и, переступив через бета, медленно двинулась к инквизитору. Она развела руки в стороны, отворачивая от себя ладони, словно загораясь от зла, способного прилететь из любой точки двора. Шла, и волосы медленно опускались, а лицо приобретало прежний вид.

Она подступила к инквизитору, спокойно дожидаясь её, и покорно стянула с плеча куртку спортивного костюма. Под ней оказалась тёмная борцовка, упруго обтягивающая корпус. Обнажённая кожа болезненно краснела после переката по солённому газону. Но всё-таки тело Алисы реагировало на солевые ожоги более стойко, чем тело бета, мгновенно занявшееся глубинными поражениями.

Инквизитор подступил ближе, и Алиса смиренно склонила голову набок, освобождая путь к подключичной ямке прямо над сердцем. Свечей у священника не было — он протянул руку и попросту вжал в кожу мягкий восковой шарик, крепко пропахший сандалом. Алиса лишь вздрогнула, но следом, почти без остановки, в ямку вжался кулак, втиснув печатку перстня в восковую лепёшку, и она застонала. Боль привычно прострелила тело, пробираясь внутрь и обтягивая нитями контроля бьющееся сердце. Алиса стиснула зубы, давя стон, и, почти теряя сознание, осела на землю.

Безразлично смотрела, как выходят из своих укрытий люди. Она не ошиблась — это были храмовники. Молчаливые, подтянутые, выбритые, одетые в чёрные костюмы, и у каждого небольшой крестик с рубиновым вкраплением и оружие, наличие которого можно лишь почувствовать, но не увидеть на плотно подогнанной гражданской одежде.

Двое из них, отличающиеся большим возрастом, отражающимся в частой седине да в манерах командиров, подошли к инквизитору, проводящему задержание.

До сознания Алисы сквозь шум в ушах и мешающую восприятию боль, донеслись тихие слова пленившего её священника:

— Машину к левому въезду. Поведу сам. В сопровождение только пара машин, но старайтесь не светиться, скоро она придёт в себя. Маршрут номер два. Подготовить келью. Объект адекватен, но требует осторожности.

— Есть, — ответил один из храмовников. — А с неучтённым отродьем что?

— Сливайте, пока не очухался, — инквизитор безразлично пожал плечами, отворачиваясь.

Услышав последнее, Алиса с трудом подняла голову. Несколько мгновений она только смотрела на происходящее, не в состоянии воспринять как данность то, что храмовники неспроста оттащили безвольно валяющегося на земле Даниила в сторону подсобных помещений, не просто так поливают из откуда-то взявшейся канистры и не зря вокруг насыпают дорожку соли.

Инквизитор подошёл и, взяв под плечо, встряхнул:

— Поднимайся! Пошли!

Она безропотно встала, пошатываясь и с трудом фокусируясь. То ли сила пленившего её инквизитора была выше отца Владимира, совсем недавно держащего её на печати, то ли сама она ослабла за несколько дней настоженного бега, но держаться на ногах оказывалось сложным делом.

— Идём, — инквизитор взял её под локоть и повёл на выход с территории.

Острый запах бензина ударил её в ноздри, обжигая пониманием.

Алиса наскребла в себе силы на сопротивление и остановилась.

— Ну? — нахмурился конвоир. Несколько храмовников возникли тенями по сторонам, пока ещё беззвучными и недвижимыми, но уже опасными.

Облизав губы, болезненно ссохшиеся в трескающуюся от малейшего шепота корку, Алиса глухо прошептала севшим голосом:

— Он — бета, не альфа.

Инквизитор снова взял её за локоть:

— Идём!

— Он — бета! — отступая, замотала головой Алиса. — Он — человек! Ему помощь нужна.

Прищурившись, словно прицелившись, инквизитор короткий кинул взгляд в сторону лежащего на земле бета.

— Ты — инициатор, — сухо ответил он. — И не мне объяснять тебе, что возможность упокоения — высшее благо для таких, как он. Его счастье, что он оказался свидетелем нашего внутреннего дела. Ты же понимаешь, что церковь должна быть незыблемой и мирянам не стоит знать о внутренних несогласованиях? Его существование угрожает нашему лицу. И это для него удача — теперь ему не придётся ждать сорока дней в молитвах и посте. Пусть уходит с миром! За него помолятся.

И кивнул стоящему над бетоном храмовнику с уже зажженной зажигалкой в пальцах. Пламя плясало под порывистым ветром.

Синий огонёк, трепыхнулся сорванным лепестком, и поплыл в воздухе к голове Даниила — к чёрным мокрым волосам, в которых влажно блестела серебристая прядь.

— Нет, — шевельнулись губы Алисы.

Трансформация прошла мгновенно. Вот только ещё стояла утомлённая девушка, болезненно поднявшая плечи, и в тот же миг уже на инквизитора бросался йах. Бросок сшиб его с ног, отшвырнув в сторону переломанной куклой.

Васильковый огонь тронул чёрные волосы, и те жалко свернулись в опалённые спиральки, занимаясь...

Уже ощущая боль, Алиса прыгнула вперёд, на стоящих вокруг бета, храмовников.

Удар! — с вдавленной грудной клеткой человек, едва успевший вытащить пистолет, отлетел от солевого круга. Удар! — второй, с переломанными руками, рухнул на землю.

Волосы бета занялись мгновенно. Радостно полыхнуло жёлто-сизым, грязным цветом нечистого пламени. Но свёрнутый калачиком, словно младенец, он не шевельнулся. Сознание уходило дальше от боли и страдания...

— Йаахааааассс! — завизжала Алиса, бросаясь на быстро заполыхавшее под ветром тело, своими руками сбивая огонь. Белая ярость застилала рассудок, и не было страха ни перед чем. Но занявшийся на благодатной подпитке огонь не хотел отступать.

Пули сверлили воздух со всех сторон. Серебряные, заточенные под йаха. Отнимающие силы странной жизни инициатора. Но, казалось, что скорость Алисы превышала даже возможности отменных стрелков. Она металась сама похожая на чёрное пламя. И огонь отступал.

Когда последние языки огня погасли, оставив после себя лишь курящиеся дымки из почерневшего тела, она повернулась к храмовникам, стоящим вокруг с поднятым оружием. Её мутило и шатало, по опалённой коже вздувались бледные пузыри, а на ранах дрожала, как желе, застывшая кровь.

Стрелять им не пришлось. Алиса сделала лишь шаг навстречу вооружённому бойца церкви и рухнула вперёд прямо, в полный рост.

...

Глава 23 Наставник

Первое, что коснулось её сознания — густой запах сандала, щекочущий ноздри и мешающий сфокусировать внимание. С трудом открыв глаза, она вздрогнула. Прямо напротив неё безвольно висел на кресте иссечённый замученный человек. Мгновенно сознание затопило цунами ужаса. Настолько яркого и неудержимого, что Алиса забилась, выкручивая тело из металлических пут. Хватала ртом воздух, уставившись в недвижимые глаза висящего напротив. Только успокоившись, она поняла, что распяты в натуральную величину нарисовано с фотографичной точностью. Но крест — сильнейший символ — действовал на неё, как это могло быть только на территории храма.

Комната была большой, с высоким потолком, массивной окованной деревянной дверью, и без окон. Одно это заставило её сердце затрепетать. Дальнейший осмотр доказал, что подозрения небеспочвенны. В одном из противоположных углов стоял длинный стол с высокими стульями вокруг, в другом располагался горящий камин с кирпичным дымоходом, тянущемся вдоль стены. В потолке и полу виднелись чёрные точки выглядывающих стальных прутьев, готовых по единому движению тайного рычага сомкнуться в надёжную решётку между судом и пленником.

— Осматриваешься?

Несмотря на массивность, дверь легко уходила в сторону и беззвучно возвращалась обратно.

Облизав губы и подивившись их малости, Алиса хрипло отозвалась:

— Наставник?

— А ты ожидала отчитчика? Не надейся. Рано, — резко отозвался отец Борислав.

Он тяжёлым шагом, глухо отдающимся в гулкой пустоте помещения, прошёл к столу и вытащил из кармана ожерелье из деформированных кусочков металла. Помотал перед собой, привлекая внимание девушки к серебряным бесформенным бусинам:

— Тридцать пуль, — отчеканил он. — Шесть храмовников. Ни одного промаха. И ни одного останавливающего выстрела...

И с маху припечатал ожерельем по столешнице. Бухнуло, забренчало, откатываясь, и Алиса вздрогнула, болезненно сжимаясь от недоброго предчувствия.

Наставник вытянул стул из-под стола и, поставив прямо перед девушкой, оседлал его, крест-накрест сложив руки на спинке. Взглянул из-под сведённых бровей:

— Ты влипла. Убийство двух храмовников при исполнении. Убийство инквизитора-оперативника. Ты понимаешь, насколько утяжелила свою ношу? Прибавив это к смерти почитаемого отца Аттика, ты не оставила себе шансов.

— Я не убивала отца Аттика, — делано равнодушно отозвалась она.

Отец Борислав пожал плечами:

— Это ты будешь рассказывать не мне. После твоего предательства других кандидатов не может быть. И единственное, что теперь может интересовать нас — как сектанты могли сманить подготовленного инициатора.

— Я не предавала. Я не убивала отца Аттика, — также безучастно повторила она.

Отец Борислав поднялся, прошёлся по комнате, остановился у стола, не глядя, положил ладонь на связку пуль и покатал их, склонив голову и вслушиваясь в тихий недовольный металлический рокот. Внезапно остановился и, обернувшись, в упор взглянул на девушку:

— Убийство инквизитора и храмовников ты не отрицаешь?

— Нет, — устало ответила она. — Не отрицаю.

— Зачем ты это сделала?

— Они хотели спалить бета.

Глаза наставника остановились, став опасными, похожими на две застывающие капли расплавленного свинца, но голос остался холоден и спокоен:

— Ты положила три жизни за приبلудное отребье?

Сжимаясь, словно возможно распятому стать незаметным и маленьким, Алиса облизала губы, едва покрывшиеся тонкой мембранкой над сожженным мясом, и отозвалась:

— Они... Убили бы его. А он ещё совсем... он мог бы ещё... ну... вернуть душу, —

Алиса опять облизала губы, ощущая, что пытка взглядом учителя хуже многих мук, — А они, всё-таки, храмовники. Они уже близки к престолу... Их же не отринут...

Наставник опустил веки, а лишь затем и отвёл взгляд.

— Что ж, — медленно произнёс он. — Как бы ни было тяжело ведро позора, которое ты навлекла на нашу школу, кое-чем мне можно гордиться — ты поняла, что человеческая душа стоит многого...

Алиса закрыла глаза, скрывая болезненно-влажный блеск под ресницами:

— Не сложно ценить то, чего не имеешь — вожделеешь или потерял, — стократ тяжелее ценить то, что у тебя есть.

Отец Борислав кивнул, подтверждая, и снова сел на стул, сложив руки на спинке и опустив на них подбородок.

— Дело не столько внутреннее, сколько идеологическое, а значит внешнее... — он прикрыл глаза и продолжил: — Что бы ты поняла, насколько всё серьёзно... Отец Атик был значимой фигурой для региона. На его подготовку как центра кристаллизации веры Собор затратил три десятка лет и несколько миллионов долларов. Сразу, как только он только начал свою деятельность, его деяния, несомненно, стали самыми удачными и плодотворными среди подготовленных лидеров с начала века. Изгнание бесов, чистка грязных мест, обращение и удачные исцеления дали хороший процент верующих в области, а уж про его влияние на жизнь светскую можно не говорить. Даже его позиционная война с лидером «Роси свободной» Мирошенко давала нам немалую пользу — каждый выпад отца Атика давал фонтан эмоций среди верующих, а каждый промах сплачивал ряды.

Алиса снова облизала губы — наставник рассказывал неспроста.

— Конечно, многое можно исправить... Ещё не поздно причислить к великомученикам, наштамповать мирроточащих фотографий... — командор задумчиво почесал подбородок о косточки ладони. — Но он успел бы сделать намного больше, если бы работал всё положенное ему время. И потому за его смерть кто-то должен заплатить.

И бросил внимательный взор на девушку.

Алиса задумчиво смотрела в лоб нарисованному на стене напротив человеку. Распятый, он чем-то был похож на неё. Может быть, неестественно бледной кожей, схожей с её, едва народившейся после тяжёлых ожогов и ранений.

Наставник задумчиво продолжил:

— Конечно, у отца Атика были враги вне нашей системы. Начиная от других формаций — католиков, мусульман, иудеев, язычников, — которые явно не вольготно существовали на вверенной ему территории и точили зуб. Его смерть могли заказать и политики, чьё избрание он не санкционировал среди мирян, но... — наставник убедился, что Алиса,

несмотря на отстранённый вид и устало опущенную голову, чутко слушает, и продолжил: — Но все эти версии кажутся маловероятными, если принимать во внимание, что в его устранении участвовал инициатор, который только что упустил главу почти завершённого обряда.

Алиса подняла на командора взгляд — пронзительный, ясный, — но что-то сказать не успела — Отец Борислав продолжил:

— Внутри ордена всегда были разногласия, испокон веков, но впервые мы столкнулись с тем, что кто-то из церкви стал лидером обряда вызова падшего... И то, что ты упустила его, можно объяснить только двумя способами — тебя купили или ты оказалась слаба перед ним. Первое я отмечаю, зная твою преданность идеалам Дома. Значит, речь идёт о том, что тебя заставили поменять хозяина. О том, что неизвестный нам сектант оказался чудовищно силён и перепрограммировал инициатора. А это очень серьёзно. Поэтому так важно, чтобы ты ответила, кто заставил тебя предать церковь.

— Я не предавала!

Наставник словно не услышал:

— Я уполномочен сообщить тебе, что, если ты назовёшь заказчиков, то твоя участь будет не такой тяжкой, как в противном случае.

— Неужели? — хрипло спросила она.

Отец Борислав пожал плечами:

— Твоё тело способно перестраиваться почти мгновенно, в секунды восстанавливаться и изменяться, оно почти неуязвимо, но всё-таки — почти. Не забывай, что в наших силах прекратить твоё существование. Есть способы простые — разрушить до основания мозг, сердце или аппендикс. Но есть и другие... Но все, поверь мне, не будут так приятны, как это делается для бета-йахов.

— Да уж, — скривилась Алиса, — сжечь называется приятным методом?

Командор поморщился:

— Ребята торопились, потому пошли на самый быстрый, но не самый надёжный способ нейтрализации. Вряд ли это убило бы его сразу — на утро пришлось бы отчитывать останки, — но наверняка остановило бы надолго. Однако для тебя у ордена найдутся значительно более весомые меры.

— Всё, испугали, — проворчала Алиса, хмуро пряча взгляд. — И что мне делать, если я не предавала Орден и не убивала отца Аттика?

— Доказать это.

— Чем? — рванулась она. — Я общалась за это время только с отцом Владимиром, вами и бетом! И почти всё время провела в доме или на послушании!

— Всё время не нужно, — спокойно ответил наставник. — Убийство произошло вчера сразу после инициации. Ты покинула зону обряда, отправилась в погоню за объектом и после этого не вышла на связь. Отец Владимир видел, что ты направилась вдогонку за машиной, уходящей к еврейскому кварталу, но потом ушла к реке. Именно там через несколько часов обнаружили тело отца Аттика.

— Это не я, — коротко ответила она.

Посмотрев на неё с жалостью, отец Борислав ответил:

— Алиса, в городе нет инициаторов, кроме тебя. Просто — нет. Не упорствуй. Признай. Назови того, кого мы ищем. И знай, что моё слово будет за тебя. А это многое значит... Ты сможешь уйти чисто.

Алиса судорожно вздохнула:

— Но почему именно инициатор? Это мог быть кто-то иной!

— Кровь, — коротко ответил он. — Слюна. У всех йахов практически одинаковый состав, но от людского он слишком отличен.

Застонав, Алиса опустила голову:

— А беты? Их в городе стало, как минимум, на пять человек больше! Мог кто-нибудь из них...

Покачав головой, отец Борислав, отозвался:

— Слюна, Алиса, слюна. Она — разная. Да и не решился бы ни один бет порвать человека. Так порвать мог только инициатор, подготовленный к убийству. Порвать и выпить досуха.

— Но я не могла! — вскрикнула девушка. — Я сражалась с последним сатанистом, а потом... я оказалась в автомобиле, в реке. Сильный удар, вода... Я в себя пришла только на берегу и сразу ушла домой. Я была ранена, я думала найти его позже...

Она испуганно разглядывала распятие перед собой. Губы её шевелились, но слов не было слышно. Отец Борислав, горбясь, как никогда раньше, поднялся со стула и отвел взгляд:

— Назови заказчиков и я своими руками помогу тебе упокоиться... Если нет — из тебя это вытянут. И ад земной тебе станет страшнее потерянного посмертия.

Он ушёл, так же бесшумно открыв дверь, а Алиса, не мигая, глядя на распятие, осталась висеть на стене, прижатая к серому холодному камню серебряными оковами.

Потянувшись, она вытерла о плечо мокрую щёку. Потом другую. И снова. И снова.

...

Глава 24 Воспоминание о Разговоре

Алиса сидела, прижавшись спиной к холодным камням стены монастыря, и, стиснув руками колени, сжималась в комок, стремясь стать незаметнее и тише. Тут, в самом тёмном углу коридора, тянулась ветвистая щель, едва приметная и неизвестная большинству живущих в храме, но обнаруженная девушками случайно. Трещина меж камней, ведущая прямо в комнату настоятельницы и скрытая там ветхим шкафчиком. Прижавшись к холодной стене ухом, можно было услышать то, что происходило в святой святых монастыря...

— Надеюсь, вы понимаете, что подготовленных девушек у нас единицы. Из двенадцати едва ли пройдут инициацию шесть-семь, а уж что говорить про испытание! — это голос настоятельницы Ольги — глубокий, бархатный, но испорченный, словно изъеденный, нотками властности. — При такой производительности нам вскоре придётся набирать сырьё не из сирот.

Пауза. Алиса сунула кулак меж зубов, боясь случайным звуком выдать себя.

— Понимаю, — это голос сестры Пелагеи, — такой же спокойный, как всегда, только очень утомлённый долгим разговором. — Или делать сирот из подходящих девушек.

— Ну-ну, сестра! Не стоит надумывать. Такими делами мы не занимаемся.

— Пока.

— Закроем эту тему, сестра. Повторюсь, что на данный момент у нас процент производительности таков, что мы не можем пойти на прекращение обучения даже одной послушницы, и по такой причине тоже. Нам необходимо подготовить смену в ближайшее время.

— Вы не считаете веской причиной её сны?

— Я полагаю их надуманными.

Пауза.

Алиса сжалась, даже за границей стены ощущая холодную ярость наставницы, выражаемой не в словах, не в тембре, а вот в этом молчании, — скупом молчании человека, умеющего спорить руками.

— По моему приказанию Алиса сделала полное описание своего сна и я лично отправила его письмом в секретариат патриарха.

— Зачем? — это прозвучало резко и коротко, словно выстрел, приговорённый попасть в цель. Но ответ сестры Пелагеи был также спокоен, как и до этого:

— Я уже обращала Ваше внимание на то, что девочка видела Магдалену не в каноническом изображении, что было бы естественно для мирского человека, испытывающего психологическое расстройство из-за форсированного обращения. Описание, данное Алисой, более походит на известное лишь посвящённым. И сюжет сна явно далёк от мирского понимания роли Марии-Магдалены. Скорее это эзотерическое восприятие её как матери церкви и осознание преемственности родов хранителей, которые...

— Стоит ли мне делать из этого вывод, что вы, сестра, как посвящённый внутреннего круга, послужили источником этих знаний для любимой ученицы? — спросила настоятельница, словно бродяжку из помойного ведра окатила — холодно, брезгливо, с ленцой.

— Не стоит, — сухо отозвалась сестра Пелагея. — Потому что тогда это будет грозить

расследованием братства, которое, несомненно, будет проводиться в этой обители и затронет интересы как монастыря, так и вас лично.

Пауза.

— Вы так хорошо подготовились, сестра... Полагаю, вы очень заинтересованы в этой девице? Давайте так — найдите мне подходящую замену на её место, подготовьте её и тогда уж забирайте свою девочку с богом. Но помните, что она очень хороший сырьевой материал, не чета многим, и потому поиск ваш может быть труден. Да и, получив её, вы вряд ли будете обрадованы — сущность её не раз будет проявлять себя и чем дальше, тем больше... Хотя, мне ли напоминать об этом инквизитору!

Пауза.

Алиса прикусила губу, сдерживаясь. Неожиданная весть накрыла с головой! Инквизиция? Для кого и чего? Сейчас? В Церкви единой праведной, никогда не опускавшейся до непристойностей католических палачей?

— Кажется, я неясно выражаюсь, — медленно выговаривая слова, заговорила сестра Пелагея. — Прошу простить мою косность, причина которой кроется, конечно, в моей неловкости со словами... Однако, хочу, чтобы до вас дошла суть моих тревог: я служу Братству, а не личным интересам.

— Значит ли это, что вы отзовёте своё прошение?

— Нет. Это значит, что я буду противостоять инициации Алисы до тех пор, пока не буду убеждена, что братство не нуждается в её даре.

— Или её дар — надуман?

— Или.

— Хорошо, — вздохнула настоятельница. — Но обучение девочки продолжите, сделайте милость. Когда придёт ответ из секретариата, она должна быть готова не менее других.

Пауза — серая, липкая, словно паутина, медленно выползающая из щели в уши...

— Она будет готова лучше других, — отозвалась сестра Пелагея.

— А я не рада тому, что вы занимаетесь с ней и день, и ночь, отрывая от других предметов. Она будет инициатором, сестра. Инициатором, и не более. Ей не грозит стать ни воином Церкви, ни ее матерью, — усмехнулась наставница. — Но вы можете попробовать — готовности много не бывает. Только не в ущерб другим предметам.

— Аминь.

Алиса тенью метнулась по чёрным коридорам в сторону зала лагеря подготовки, боясь, что старая наставница, выходя, увидит или почует её запах. А слёзы высохли на пылающих щёках.

...

Глава 25 Инквизиция

Белый свет приближался, он заливал всё вокруг тихим теплом, сквозь которое тянулись мягкие золотые нити. Они окутывали мир, они неслись, пронзая и проникая даже в самое тёмное. И это тёмное не замечало их, оно отрицало их, но всё равно, и в нём тоже, золотистые нити лежали тонким тёплым клубочком, внутри которого хранилось нечто незримое, но поразительно живое, поразительно огромное, но хранящееся в малом. И её совсем не удивляло это. Её пленил свет — белый, тёплый, пушистый, словно поймал огромный солнечный зайчик и, покачивая на лапках, нёс куда-то высоко-высоко, к маме...

— Пять кубиков? Много. В ней весу-то... Введи три.

Иголка проломила сухой наст кожи, уверенно проникая между мышечных волокон, оставляя за собой кислый след.

Солнечный зайчик споткнулся на лестнице и выронил её из тёплых светлых лапок...

И Алиса открыла глаза навстречу тьме.

Инквизитор смотрел в упор, прицельно, выслеживая любое проявление жизни.

— Довольно! — скомандовал он и тут же поток жидкости в тело пересох.

Алиса стиснула зубы — лицо уже оживало и болезненно сводилось нервной дрожью. Всё тело скручивало припадком возвращения к жизни, а глубоко внутри снова стучало сердце — всплесками, взбрыкиванием, будто рыбка, выброшенная на берег...

Инквизитор несколько минут наблюдал за тем, как вздрагивает и выгибается тело прикованной девушки-йаха, а после повернулся к столу, за которым в молчании ждали результатов пятеро высших, и склонился, подтверждая, что можно продолжать.

Старец в одежде монаха, сидящий в углу на специально принесенном кресле, оторвал от лба ладонь, массирующую виски, взглянул на дрожащую девушку и спросил:

— Ты понимаешь, что так может продолжаться долго? Бесконечно долго.

Алиса не ответила.

Храмовник, стоящий возле, коротко ткнул в обнажённое тело острым серебрянным концом палки, стилизованной под распятое, — Алиса вскрикнула, вскидываясь от нового приступа боли и перевела безумный взгляд на старца.

— Понимаю, — хрипло выдохнула она.

Воздух проходил сквозь гортань, словно раскалённый песок. Уже давно, очень давно ей не давали воды, а тело пытали огнём и солью. И тело умирало. Но не могло уйти до конца, — умелые руки не позволяли, вовремя восстанавливая сердечный ритм и вгоняя по несколько капель влаги в пересыхающие сосуды.

Старец покачал головой, словно сокрушаясь всей глупости человеческого рода, воплощённой в девице, распятой перед ним на стене, и махнул ладонью сидящим рядом — не суетясь, но споро, судьи покинули комнату, оставив лишь неизвестного высшего и двух храмовников-воинов, служащих и палачами, и телохранителями.

Алиса опустила голову, скрывая дрожащий от страха взгляд. Она устала. Уже несколько дней продолжался бесконечный марафон одних и тех же вопросов и следующих за ответами мучений. Она уже словно благословению свыше радовалась передышкам, когда уставшие люди бывали вынуждены прерваться на несколько минут, чтобы выйти до туалета или посоветоваться. В эти мгновения она молилась. Так, как когда-то учила сестра Пелагея — молча, без слов, одним сердцем стремясь к центру своего миропонимания. Однажды, — она

знала, — этого центра сумеет достичь... Возможно, в свой последний миг. А осознание его с каждой молитвой становилось всё более твёрдым.

Ещё раз осмотрев девушку, старец покачал головой:

— Ты очень юный йах, нежить, может, потому так упорствуешь. Но, всё же, ты воспитывалась среди тех, кто несёт великую миссию, воспитывалась даже более, чем другие, ибо была талантлива, как о тебе отзываются... — Он нахмурился и спрятал глаза за ладонью, потирая пальцами виски. — Дождь, что ли будет наконец... Какая жара этим летом! Мир катится в пропасть, мир тянется к аду... Сложно удержать баланс...

Алиса не отзывалась. Она смотрела прямо, на распятого на противоположной стене, и, напоминая себе, что и тому пришлось пройти не меньше, упиралась взглядом в его взгляд, и тем сохраняла шаткое душевное равновесие.

Старик встряхнулся, нахмурившись, и заговорил резко:

— Слушай меня, йах, и старайся понять. Командор Борислав пытался объяснить тебе, но скудность твоего понимания... — он одёрнул себя, видя, что девушка не реагирует, и заговорил о деле: — То, что ты упорствуешь, заставляет меня поменять основную цель нашего разговора. Итак, говорить ты не будешь — примем это как данность...

Алиса закрыла глаза. А старец продолжал:

— Сейчас не имеет значения, кто из вас — ты или твой сподвижник — убил отца Аттика. Это уже прошлое. Это уже не изменить. Сейчас значимо только найти заказчика и покарать убийцу. Сектанта мы всё равно найдём — это вопрос времени... В своём-то огороде! — он усмехнулся, но глаза остались строгие, даже холодные, — Но миряне не могут ждать. Для них пошатнётся авторитет матери церкви единой, если будут проволоочки. Потому ответ уже дан, убийцы названы. И кто-то один из вас завтра утром предстанет перед судом. Ты или бет.

Алиса медленно перевела взгляд на старика. Он сидел — спокойный, прямой, уверенный, — и не оставалось сомнений, что сказанное случится. А высший, прикрываясь ладонью, словно не желая видеть отродье, продолжал сухо:

— Но суда, как такового, не будет — толпы прихожан обложат здание суда, а тысячи писем завалят стол президента ещё за несколько часов до слушания. В связи с деликатностью положения и невозможностью провести референдум в короткие сроки, президент придёт к выводу удовлетворить просьбу народа и создать прецедент — объявить о введении смертной казни для убийц священника.

— Это вы... — прохрипела Алиса. — Это всё подстроите вы!

Высший продолжил, не обратив внимания на её реплику:

— Все мы вместе делаем одно великое дело — восстанавливаем наш Храм, созидаем мир и покой человечества, а дорога эта трудная и требует жертв... — нахмурившись, он пожевал губы, и продолжил: — как любая дорога, впрочем. Конечно, мы только в начале нашего пути в России. Бедная наша страна столько времени провела под гнётом бесчеловечности, под пятой низменных идеалов, что теперь требуется приложить все силы, что бы вернуть заблудших к пониманию истин. И это опасная миссия... Едва поднимающая голову Единая Церковь со всех сторон угнетается и другими религиями и своими же отделениями, проповедующими всякую гадость под личиной православия, и теми, кто воспитан на идеях воинственных атеистов. Тут нельзя обойтись без защиты... Созданный прецедент станет такой защитой, и смерть священника будет караться, как и положено, око за око.

Алиса уже не слушала. Сердце внутри замирало. О себе не думалось — привычка к ощущению смерти давно выжила из неё страх перед ней, разве только понимание предстоящих мучений заставляло дыхание прерываться всхлипами, но всё меркло перед осознанием участи бета. Мельтешила перед взглядом седая прядка над калеченным лбом, мельтешила, маня и дразня беззащитностью. И хотелось дотянуться, погладить хоть пальчиком, тронуть ладонью, словно приласкать котёнка. Вспомнился рыжий клубочек с запёкшейся раной. И опалила мысль о том, что всё, к чему прикасалась, умирало...

Старейший кашлянул в кулак, призывая её внимание, и продолжил:

— Полагаю, что мирянам, чтобы удовлетворить жажду крови, хватит и одного из вас. Ты нам ещё можешь понадобиться, а вот он... Его данных мы не обнаружили в архивах, поэтому за что он получил наказание, пока неизвестно. Но это неважно для дела — как бы оно не случилось, бет уже наказан высшим судом. Думаю, что ему несложно будет осознать и человеческий суд...

Рванувшись, Алиса выгнулась на стене, напрягаясь всем телом, натягивая стальные тросы, стянувшие руки:

— Сволочи!

В ответ он поднял грустные и строгие глаза:

— Люди, ты хотела сказать? Творения господни, имеющие бессмертные души и право на выбор. Люди, отродье...

Застонав, Алиса безвольно повисла на стене:

— Зачем? — прошептала она. — Зачем всё? Зачем?

Старик покачал головой, словно его расстроило дитя:

— Не тебе спрашивать об этом. Хорошему инициатору должно быть довольно и того, что от него требуется поступок, служащий возвеличиванию Церкви и имени Его. Для этого тебя готовили. Это твой долг по отношению к тем, кто отогрел и воспитал тебя.

Алиса бессильно смотрела в пол.

«Пусть к нему вернётся бессмертие души. За нас двоих. Может быть, я этого хотела, когда таскала его с собой? Может быть, я хотела, чтобы жило что-то после меня? Что-то осталось живое, трепетное, бьющееся мыслью и любовью, в чём оставалась хотя бы память обо мне. Ибо другого мне уже не дано. И об этой боли предупреждала сестра Пелагея...».

— Я признаю себя виновной, если вы отпустите его! — Алиса подняла взгляд на старика. — Что вы скажете?

— Достойное решение, йах. Бет будет освобождён. Ты пройдёшь по его пути?

Стиснув зубы, она подавила рвущийся стон. Тряхнула головой — сухая кожа ломко затрещала на шее, но выдержала.

— Да. Пройду! И признаю. Дайте мне исповеди.

Старик удивлённо поднял брови:

— О чём ты просишь, отребье? В своём ли ты уме?!

— Исповеди! — бешено зашипела Алиса, выгибаясь всем телом на стальных тросах. — Исповеди! Как всякий верующий! Как всякий ищущий! Исповеди!

К ней подбежали двое инквизиторов-стражей: один проверил крепления тросов, другой спешно наполнил шприц голубоватой водой из прозрачной бутылки.

— Исповеди! — шипела Алиса, и её волосы заметно приподнимались у корней, образуя дикие косматые волны, обрамляющие белое, постаревшее до глубоких морщин лицо.

Подскочил инквизитор, попытался вонзить шприц в бедро, но ткнувшись в

напряжённую, взбугрившуюся мышцу, игла щёлкнула и согнулась. Вторично попробовать не успели — Высший поднялся и, коротким жестом отодвинув помощников, встал перед пленницей. Выпрямившись, смотря на неё знакомым твёрдым взглядом воина, он рывкнул так, что Алиса подалась назад:

— Отринь! Нет исповедника для нежити!

На мгновение пленница замерла, но тут же, стряхнув наваждение от приказа инквизитора, зарычала и расширившимися глазами, различимо сужающимися зрачками уставилась на Высшего:

— Отца Владимира, приходского священника, участвующего в последней инициации! Исповеди! И я публично признаю себя виновной и...

Открыв рот, она на мгновение замерла, словно осознавая нечто большее. Зрачки практически стали вертикальными, но волосы улеглись, а тело, задрожав, стало расслабляться.

— И назову нанимателями людей, мне указанных! — договорила она тише.

Священник несколько мгновений молча разглядывал её, размышляя о странной природе йаха, а потом повернулся к одному из стражей:

— Найдите этого человека. Отца Владимира. Пусть исповедует её. Срочно.

Инквизитор склонился в поклоне и удалился.

Священник вновь бросил пытливый взгляд на девушку, устало повисшую на канатах и восстанавливающую сорванное дыхание

— Назови. Георгий Мирошенко, лидер «Роси свободной», — коротко кивнул он.

Но Алиса уже уходила тёмным коридором к белому свету в золотых нитях.

Когда высший покинул келью, стражи суетились, возвращая девушку к странной жизни вне души.

Глава 26 Исповедь

— Твоя просьба необычна...

В полном облачении отец Владимир казался ещё старше своих лет. Но может быть нелегкие думы и неуверенность в правильности происходящего делали его дряхлым стариком, не готовым принять на свои плечи тяжесть исповеди нечисти.

Алиса смотрела, как суетятся, перебирая друг друга тонкие узловатые пальцы старца, и понимала, что просила невысказанного. Моля об исповеди, требуя её, она хотела не получить прощение, а избавиться от памяти. Словно снова оказаться на пороге выбора и избрать иной путь, войти в другую дверь. И понимая это, осознавала, что исповеди не получится — ей не хватит духу переложить на старика весь груз своих прегрешений.

— Признаться, — отец Владимир поджал губы, хмурясь своим мыслям, — я не представляю, как можно совершить таинство исповеди тому, кто уже не имеет души.

Алиса повела плечом, стирая о грубое плетение нательной сорочки пыль со щеки — стянувшие руки ленты липкой бумаги с символами, сдерживающими силы, не позволяли не то чтобы сделать движения, но и даже помыслить о нём — обессиленные мышцы вялым киселём булькали под кожей в ответ на всякую команду сознания.

— Если у меня нет души, отец, то что ж болит? — с усмешкой спросила Алиса. — Почему я подолгу не могу заснуть, путаясь в памяти? Почему видя, какдохнут девчонки после обрядов, я хочу реветь? Почему мне хочется молиться, хотя я знаю, что это бессмысленно и мои слова затихнут рядом со мной, хоть криком кричи?

Отец Владимир перевёл взгляд на затемнённое витражом окно — крест на разноцветных осколках — и нехотя отозвался:

— Это атавизм. Неизбывное человеческое, с которым приходится мириться инициатору... Это не душа, а лишь воспитанное сознание, полное инстинктов рода — нежелания видеть смерть, жалость к умирающему, страх за себя...

— Атавизм, — медленно повторила Алиса, и глаза её потемнели. — Любовь и вера?

— Не любовь и вера — атавизм, — раздражённо отозвался отец Владимир, — а их базовые проявления. Привязанность, как начальный компонент любви, есть и у животных. Да и доверие — тоже. Не это отличает душу. Душа — часть божественного в человеке, то ядро, которое делает людей особенными. Она — наш выбор...

Алиса откинулась на спинку стула и тоже посмотрела на витраж. Ей показалось, что нарисованных осколков кровавого, красного цвета было слишком много, настолько, что в них терялся тёмно-коричневый крест. Красное, красное, хаотичное, острое, напозающее друг на друга...

— Ты инициатор, а не человек. Потому и говорить с тобой я буду не так, как... — отец Владимир ещё сильнее нахмурился и, на минуту нервно застучав пальцами по столешнице, их разделяющей, тут же одёрнулся. — До людей творец создал животных и ангелов. Одним он дал простейший механизм — инстинкты, которые регулировали их жизнь, а другим — созидательный коллективный разум, восходящий к его сознанию...

— Полностью? — безучастно переспросила Алиса, продолжая рассматривать красные осколки за коричневым крестом — ей уже казалось, что они похожи на осенние листья орешника, легшие на жёлто-зелёный ковёр.

— Нет, — кивнул отец Владимир, не глядя на девушку. — Конечно, нет. Иначе не было

бы восстания Сатаны и долгой войны среди первых...

Алиса медленно склонила голову, принимая ответ.

— Человеку творец дал более, чем другим своим детям, — помолчав, продолжил отец Владимир. — Он дал ему и инстинкты, и коллективное сознание, и — душу. И она — баланс между двумя сторонами одного сознания. Она даёт возможность выбора между дорогой зверя и дорогой ангела... Душа — ядро незыблемых, самых глубоких и самых великих идей, которые управляют нами. Она нематериальна, но ощутима через человеческие чувства, но более того — через его поступки. И потому любовь, надежда и вера — лишь проявления души, но не она сама. Ампутация — процесс скоротечный, но конечность ещё долго ощущается тем, кто её потерял...

Алиса смотрела на красные листья под коричневым перекрестьем, и ей казалось, что они кружатся в голубой воде, словно сорванные ветром лепестки гибискуса в быстром водовороте.

— Мне говорили, что с инициацией я потеряю душу, — медленно заговорила она. — Но когда я очнулась после той ночи, я не почувствовала ничего, кроме боли в порванной шее и сбивающегося сердца...

Отец Владимир вздрогнул и переспросил:

— Порванной шее?

Алиса грустно усмехнулась, не отрывая взгляда от окна:

— Вас тоже это пугает? Когда я очнулась, я увидела над собой настоятельницу монастыря и нашу целительницу. Обе они были бледны и рассматривали меня, словно ожившего мертвеца... Нет, хуже! словно пришедшего за их душами демона. Я лишь потом поняла, что их так изумило. Когда увидела, что у других девушек, прошедших инициацию, шеи не скрывались под повязками. У всех них только чесались руки на венах — там был след от укола и покраснение вокруг. Но это было лишь первые двое суток... — она нахмурилась. — На третьи... на третьи разница между нами исчезла.

Священник задумался, привычно поджав губы и разминая пальцы.

— Позже, — продолжила Алиса, смотря на красные осколки, застилающие собой коричневый крест, склоняя голову на бок, — когда нам объяснили, что и как мы должны будем делать ради церкви, только тогда я поняла, что произошло со мной... Но узнать — почему, — мне не удалось. Никто не рассказывал, тема была запретна, а память сохранила немного — все мы глубоко спали при инициации. В тот день всех нас завели в спальню и дали праздничный ужин — винегрет, пирожки, баранки. К ним полагался и ежедневный стакан воды. Но в этот раз вкус её был другим, сладким, настолько, что даже перебивал привычную тухлятину. А потом все мы — одна за другой — уснули, так глубоко уснули, что очнулись лишь к следующему вечеру.

Алиса замолчала, и священник, пожав плечами, прокомментировал:

— Элементарная предосторожность от любопытства непосвящённых.

Осторожно, чтобы не потревожить связанные руки, Алиса кивнула:

— Я понимаю. Мирянам не стоит знать о нас, а нам не нужно знать о кухне нашего изготовления. Но кое-что все равно понимаешь... Альфа-йахи получают инициацией от носителя, правильно? И этот носитель — назовём его сверж-йахом — нечто особенное. От укуса альфа появляется бета-йах, от укуса бета-йаха животные умирают... Значит, чтобы получился альфа-йах, должен быть укус какого-то более сильного существа, более йаха, менее человека, чем мы. Так?

Священник не отозвался, разглядывая свои сухие пальцы, сложенные в восточную мудру.

— Можете не отвечать. Пусть остаётся тайной, понятной всем без слов, — едва растянула покрывшиеся сухой плёнкой губы Алиса. — Моих одноклассниц инициировали, вколдов им по несколько капель крови или слюны носителя. Видимо, препарат невозможно изготовить и потому носителя привозят на инициацию и уж там добывают нужные жидкости и вводят жертвам. Так и сделали, но потом что-то пошло не так... Носитель вырвался и кинулся на меня. И я получила настоящий укус. Такой же, какие позже стала наносить сама. Всё верно?

Красные листья полностью закрыли коричневый крест и теперь текли перед взглядом одной полноводной бордовой рекой, блестящей на солнце. В воздухе кружился запах крови от этой реки, и Алиса боролась с голодной тошнотой.

— Видимо, — поджав губы, отозвался священник, — Я не осведомлён о перипетиях твоего обращения, но других объяснений тоже не вижу.

Алиса едва заметно кивнула — более полного ответа она и не ожидала.

— Потом, позже, нас учили заново жить... Это оказалась сложная наука. Наше тело не хотело есть нормальную еду, и нас приучали к ней заново, как младенцев к воде. Нам были болезненны прикосновения серебра и свет солнца, но мало ощущались уколы или удары, и нас учили менять ощущения, возвращая их естественность. Мы хотели крови — но нас учили аскетизму воинов, отрицанию дурного. Это было тяжело. Месяцами мы сидели в одиночных каменных комнатах и следили за своим телом — за дыханием, температурой, жаждой или голодом, и делали их человеческими. Нам объясняли природу нового состояния, и строго упреждали от любой попытки наложить на себя руки. Тогда мы ещё не понимали, что это значит... Понимание пришло позже. Наше тело способно сопротивляться любой смерти, кроме той, которую выбирает сознание. Потому что только сознание управляет нами... А смерть сделает вампиром — бессмертным, бездушным, нечеловечным. Тем, о ком сложены легенды, тем, кто истинное отродье. И пусть церковь приравнивает к бездушным тварям всех — и альфа, и бета, и тех неизвестных, на которых мы можем стать похожи, но мы, инициаторы, знаем, что разница есть, что она — в душе...

— По-твоему, велика разница? — холодно спросил отец Владимир. — Ты ещё жива, а значит, не знаешь этого наверняка. Всё лишь детские домыслы и фантазии. Пока не узнаешь доподлинно или сама не станешь такой — не сможешь осознать есть ли разница и в чём!

Алиса, не шевелясь, молча смотрела на красную реку перед глазами. И казалось, что сквозь блеск и плеск волн, она видит недалёкое, но скрытое за мутными потоками, дно. И там, на илистой поверхности камнями выложен чудной, но удивительно знакомый клинописный иероглиф. Оставалось только сосредоточиться ещё чуть больше и вспомнить.

— Возможно, и так, — равнодушно ответила она. — Я никогда не видела истинного вампира, и, возможно, не увижу — ведь эту тайну хорошо охраняют... Но я не раз уже встречалась с такими, как я, и, хотя мы все знаем, что у нас нет души и что нам бессмысленно молиться, но втихаря, когда никто не может слышать, мы всё равно... тянемся к небу...

Отец Владимир всмотрелся в до старости высушенное от усталости и страдания лицо девушки, в остановившиеся глаза, прикипевшие к витражу окна, и стиснул в замок пальцы, отводя взгляд:

— Йах может надеяться... Потому что пока он не отвернётся от бога — бог не

отвернётся от человека, живущего в нём...

Алиса вздрогнула. Под хороводом красных листьев на илистой поверхности дна глубокого чистого озера камнями выложенный белый на жёлто-сером лежал иероглиф «Дом».

...

Глава 27 Смерть

Алиса втискивалась спиной в угол клетки подсудимого, и, шурясь, всматривалась в гомонящий зал, но за плотной стеной чёрных спин видно было немного. Хорошо было заметно тех, кто, беснуясь, прыгал на столы и стулья и оттуда швырял в её сторону всё, что попадало под руку. Бутылки, папки, стаканы, книги, содержимое мусорных вёдер, сорванные стенды с громким шварканьем разбивались о чёрные прутья или стену, но в неё попасть не могли.

«Может, потому и беснуются, что ничего не выходит, — размышляла она, уворачиваясь от пролетающих сквозь решётку мелких предметов, — А, возможно, просто безнаказанность подталкивает к безумью. Силовики здесь уже минут десять, а ничего не предпринимают... Значит, нужно, чтобы люди пар сравнили... Только вот — кому нужно?»

Судью и адвоката уже давно вывели через боковой выход — отряд СОБРа постарался. И теперь бойцы стояли тесным рядом вокруг клетки, подняв щиты и накинув на лица защитные полусферы шлемов. Им бы хватило сил оттеснить визжащих и вопящих людей, но не было ни приказа, ни желания.

В хаосе броуновского движения в разгромленном зале заседаний только три фигуры оставались малоподвижны и неподвержены всеобщему безумству. Наставник Борислав, каменным изваянием застывший в дальнем углу и равнодушно смотрящий в окно, и двое, как обычно облачённых в гражданские костюмы, храмовников: один возле парадного, другой у бокового выхода. Пути были отрезаны, но Алиса и не рассчитывала на побег.

— Смерть! Смерть ведьме! Смерть! — скандировали люди. Бешеное торнадо мусора и оскаленных лиц вращалось в безумном танце ярости.

Лишь когда наиболее рьяный защитник церкви бросил в сторону клетки пивную бутылку с торчащей из горлышка тряпкой, ряд широких чёрных спин перед Алисой неожиданно резво колыхнулся и лавиной стронулся с места. Бутылка, как и десятки до неё, разбилась о решётку, не долетев, но огненные брызги прорвались, и Алиса скукожилась под жалящим дождём, закрывая скованными руками голову. Взглянула исподлобья — по чёрным арматурам клетки вниз ползли пламенеющие капли, но гореть тут было нечему.

Стулья, палки, бутылки, руки и головы бились о прозрачные щиты, теснящие толпу, но строй уверенно ширился, вытесняя людей к выходу. Колыхался чешуйчатый панцирем из щитов на чёрном теле шеренги. Казалось, что толпу без особых усилий выдавят из зала, но с улицы раздались крики, все разрастающийся ор ширился, бился волнами в окна, приближался и выплеснулся в двери, словно шампанское, нашедшее выход. Лезущие, напирющие, раздирающие пространство криками люди навалились на стену щитов девятым валом — мощнее, выше, выше, уже по головам! — подмяли их, и прошли дальше — к чёрной решётке, из тюрьмы вдруг превратившейся в убежище.

Зажавшись испуганным волчком, вжимаясь в стену, Алиса пялилась в распахнутые перекобоченные ненавистью рты, в пустые глаза, подёрнутые зыбкой плёнкой невосприимчивости, — и уже не могла отличить женщин и мужчин, молодых и старых. А сквозь прутья тянулись растопыренные напряжённые пальцы, сплетаясь в единую массу шевелящихся, наползающих опарышей. И почти доставали.

Алиса растерянно крутила головой, ища среди десятков искривлённых лиц знакомые, она ждала что вот-вот появится кто-то, облачённой властью говорить, кто-то, кому

достаточно будет поднять руку, чтобы толпа замерла, в экстазе понимания слитно опускаясь на колени и начиная молитву.

— Вы мне обещали... вы обещали... обещали, — беспомощно шептала она.

Под яростные крики толпа наваливалась на решётку.

Раз! Раз! Кожа лопалась — морскими звёздами змеились трещины, текла кровь, на глазах краснели, набухали разбитые, поломанные руки, но люди не видели, не понимали этого.

Раз! Раз! Они кричали, но вместо слов, ширился единый ор ярости.

Раз! Раз! Иии! И с потолка посыпалась серая крошка бетона...

Когда одна из арматур, с мясом выдранная из перекрытий, влетела внутрь, Алиса шарахнулась в сторону от падающих людей. Первые уже не поднялись — по ним, пробираясь на четвереньках, спешно перебирая руками-ногами, вползли последующие, потянулись дрожащими жадными руками. Алиса шатнулась в сторону. В другую. Ещё! Но чья-то ловкая рука сцапала её за локоть и повисла — не сбросить, — всем весом напряжённого тела таща вниз, таща в кипящую массу скрюченных опарышей. Всклипнув от ужаса, Алиса рванула назад.

— Наставник! Наставник! — она звала, отбиваясь от жадных захватов, а испуганное тело тяжело, ломающее больно трансформировалось. Тело сгибалось и скручивалось — бугрились мышцы, скорчивалась спина.

Зарывав, Алиса упала на колени, придавив кого-то из людей, запрокинула голову, заламывая руки. Закостенели, вытягиваясь, пальцы, медленно, мучительно медленно из зёрнышек бледных ногтей стали нарастать хищные когти.

Вокруг завопили, когда она свалилась, заметалась под ногами толпы. Люди отшатывались к стенам, отпинываясь от бьющейся в припадке девушки. Лупили по искорёженному телу всем, что попадало под руку.

Зажмурившись и скрипя зубами, Алиса колотилась об пол головой, напряжённо сведёнными руками и ногами. Плитка пола треснула от ударов — белые трещины по чёрному мрамору...

Судорога стягивала лицо в маску сюрреалистического театра. Белую, дрожащую, мокрую. А волосы то приподнимались у корней, словно намагниченные, то безвольно опадали.

— Ведьма! Оборотень!

Толпа набрасывалась, топча с рыком и истерическими выкриками.

Стремясь выжить, Алиса сжалась в комок, подставляя под удары спину и конечности.

Суровый мужчина с маленьким крестиком, отливающим красными бликами по краям, появился у решётки незаметно, словно клинок через плоть, пройдя через толпу. И оказавшись рядом с людьми, истязающими вздрагивающее тело, поднял руку. Его вскинутая ладонь белым флагом на миг повисла над головами и опала, скрываясь, а сам он словно растворился среди напряжённо вздрагивающих тел. Зачинщики подхватили девушку за руки и волосы:

— Сжечь! Сжечь! Сжечь! — и поволокли на выход.

Грязная широкая полоса оставалась на чёрных мраморных плитках зала судебных заседаний.

Алиса не сопротивлялась, смотря вокруг распахнутыми глазами. Она открывала рот, но на разбитых губах пузырилась кровь, и не слетало ни звука. Её протаскивали мимо безучастно

смотрящего на происходящее наставника Борислава, мимо храмовника, молча посторонившегося от двери, и выволокли на лестницу. Ногами столкнули с первой ступени и, когда сжимаясь, она полетела вниз, вращаясь и всхлипывая, закричали торжествующе и бросились следом — толкаясь, толпясь, тесня и пихая друг друга. На площадке она не успела приподняться даже на колени — с размаху, с разбега удары ногами стихли её на следующую лестницу вниз... Три площадки, три лестницы. Внизу, хрипящую сквозь кровавую пену, заляпавшую лицо, её схватили за одежду, волосы, раздирая рывками, мотая из стороны в сторону, потащили на улицу, на площадь. Сквозь радужный туман перед взглядом, она паялилась в окружающее пространство, полное рук, ног, лиц, никак не складывающихся в людей, единую массу частей тел, словно в братской могиле взорванных, и не могла понять, с кем сражаться, хотя тело, напряжённое мучительным желанием сопротивляться, ломало судорогой преобразования, не способного завершиться — сил не хватало.

На площади монолитом высилась стела с притороченной табличкой и тяжеловесным чугунным лавровым венком, посвящённая победе в давней войне. К ней и тащили Алису, волоча за волосы по земле сквозь коридор беснующихся от восторга и ненависти людей. Алиса, схватившись за руки волокущих, чтобы умерить боль, неотступно паялилась в небо. Солнечное, жаркое, прозрачное, словно нагретый для поминок мёд... Боль не отступала.

Её швырнули на острые ступени пирамиды в основании памятника. Не успела прийти в себя после удара — подхватили за подмышки, вытягивая руки в стороны, схватили за кисти. Раз! Судорожно вытянулась, хватая воздух ртом — опалённый рассудок не сразу понял, что запястья сломали. Прохладный металл лёг на кожу, стиснул провисающие вялыми перчатками ладони и тут же потянул в стороны, растягивая, будто вознося на крест.

— Нет! Не надо! — Алиса завопила, дрожа всем телом, но за ярким ором толпы её крик остался неслышен.

Оковы растянули в стороны, подтянув цепями, так, что она встала на побитых ногах, чтобы не перехватывало дыхания в натянутой до дрожи грудной клетке. Она шарила по толпе взглядом, теперь различая лица — десятки, сотен лиц на фоне единой шевелящейся массы аморфных тел, — и не видя их.

— Боже... — шептала она во внутреннюю пустоту, — Боже...

Но облегчения не наступало.

К ней подсакивали люди — приближались и снова отлетали белые пятна с двумя тёмными кружками сверху и одним ассиметричным ниже — и что-то происходило, но она не замечала. А люди, меж тем, швыряли в неё книги, бьющие в вздрагивающее тело переплётками, разлетающиеся страницами, опадающие вниз белыми птицами со сломанными крыльями.

Когда фолиантами чужих религий завалило ноги, принесли пару заранее приготовленных пятилитровых бутылей, и под нетерпеливое приплясывание толпы сноровисто облили, раскачав их и выплеснув бензин на лицо.

Тут же Алисе стало холодно. Так холодно и жутко, что крупная дрожь побежала по телу, нервно дергая каждую жилку, каждую пятку кожи. Она сотрясала, мучительно выкручивая поломанные руки в оковах. Она заставляла биться рыбой в сети. И словно поток порвал преграду — Алиса наконец закричала.

Надсадный женский вопль, тугой, словно натянутый лук, рокотал над толпой, пробивая её нетерпеливый гомон и уходил вверх, ещё выше, выше... И становился визгом. Нет, уже не

визгом — верещанием. Нет, писком, едва слышимым, но ощутимым всем естеством...

Толпа замолчала, подалась назад — на всех лицах разъявленные дыры ртов, во всех глазах — пустота ошеломления и что-то дикое, инстинктивное, равное страху, но не страх.

Закатив глаза и напрягаясь струной, Алиса стояла, выдавливая из грудной клетки остатки воздуха в неслышимый крик, заставляющий людей отступать всё дальше, заставляющий опускаться вниз, сжиматься, стискивать руками уши и молча глотать воздух широко раскрытыми ртами.

Когда крик оборвался и Алиса глубоко, взхлёб задышала, пытаясь восстановиться, люди, тихо подвывая, ещё скребли асфальт и собственные тела. И лишь несколько человек оставались на ногах, молчаливо наблюдая за происходящим.

Алиса, тяжело дыша, смотрела, как одна из спокойных чёрных фигур двинулась вперёд, неторопливо, степенно обходя валяющихся под ногами.

— Наставник, — прохрипела Алиса, узнавая тяжёлую поступь и крепкую фигуру.

Отец Борислав вскинул руку, словно указывая на неё, указывая в её пустое нутро...

Чистое сознание йаха позволило заметить, как металлический шарик буравится в пространство, мчась к незримой точке меж её бровей. Сдвигаться она не стала.

...

Глава 28 Консервация

Алиса подняла голову и первое, во что упёрся взгляд, была богато украшенная камнями панагия с мелкой, едва различимой за разноцветным сиянием картинкой матери и младенца. Только потом разглядела богатую глубоким ровным цветом ткань рясы и два бледных пятна степенно сложенных морщинистых рук.

Знакомый голос — старческий, уставший, но тренированно сильный, — пробил брешь в стене отчуждения, заставляя безусловно подчиниться:

— Йахас!

Алиса вздрогнула — обрушившийся поток звуков на миг ошеломил её: шорохи свободных одежд, далёкий стук капли над головой, шёпот огня на свечах, дыхание людей вокруг, собственный пульс.

Священник, раньше руководящий судом, высился перед ней в ожидании ответа.

Она облизала губы, сочащиеся сукровицей из трещин, и попыталась встать на колени перед епископом. Тщетно. Ватные ноги не слышались, голова нещадно болела, словно проколота накалённой иглой от переносицы до затылка. Опустила глаза и сжалась — обнажённое тело, окатанное холодной водой, отсвечивало разноцветными отблесками по влажной коже.

С трудом вздохнув через перепонку, солёной коркой стоящую в горле, она всхлипнула и отозвалась:

— Владыка?

Отозвалась и почувствовала, как брошенное слово улетело в пустоту, гулко дробясь о невидимые препятствия — у места, в котором находились, пределы терялись в темноте, словно в бездне. Алиса вскинулась и окончательно пришла в себя.

Она сидела, привалившись к каменному постаменту в подвальном зале с высоким потолком, на котором неярко горели электрические лампочки — старые, большие, с три кулака размером, но такие тусклые, что освещали только пяточки под собой. А вокруг, на расстоянии рывка, стояли храмовники. Среди них, чуть ближе, сжатой пружиной, готовой упредить её рывок, — наставник Борислав. Но епископ не нуждался в прикрытии — величественно возвышаясь над нежитью, он являл силу большую, чем та, которая способна ломать и крушить. Его сила была такова, что Алису охватывало чувство суетности и никчёмности собственного существования, и хотелось преклонить колени, но вместо того она сжалась, бессмысленно прикрываясь руками.

— Йах! — повторил епископ. — За убийство архиерея отца Аттика, митрополита и архимандрита, убийство протоиереев Илии и Николая, убийство инквизитора иеромонаха Сергея, нарушение обрядового уложения и прямое неподчинение... нежить во служении Лиса, в миру — Алиса, первично инициированный йах, приговаривается к смерти через сожжение.

Алиса вздрогнула и, обхватив себя дрожащими руками, сторбилась, из-под рыжей спутанной чёлки волчком оглядывая круг людей.

— Рассмотрев все стороны дела и приняв во внимание искреннее признание и прошение иеромонаха отца Владимира, инквизитора, посвящённого второго собора, суд постановил смягчить наказание и наложить епитимьей криптобиоз для осознания своей сути на срок до смерти всех участников и свидетелей произошедшего, их возможных

последователей и памяти людской.

Это значило — долго, безгранично долго.

— По окончании отмеренного срока тебе будет дарована возможность вернуться к служению, — епископ вперил внимательный взгляд в рыжий, всклокоченный затылок девушки, скорчившуюся у ног: — У тебя есть просьбы?

Затылок послушно колыхнулся — Алиса кивнула, но сразу заговорить не смогла:

— Сестре Пелагее... — горло схватило спазмом, внутри головы шевельнулась раскалённая игла. — Свечку...

Епископ вскинул широкие брови, но наставник Борислав шагнул ближе, к самому плечу, почтительно склонив голову, пояснил шёпотом. Епископ кивнул:

— Будет. Покойся с миром.

И отодвинулся назад, в тень, за спины, позволяя кругу воинов сжаться.

Смотря, как удаляется, обесцвечивается золотая панагия, Алиса стиснула свои запястья, словно боясь, что трясущиеся руки станут неподвластны разуму.

С боков приблизились два инквизитора. Спокойные, зрелые. Наставник Борислав подошёл ближе остальных, встал прямо перед Алисой.

— Полезай внутрь и ложись, — кивнул он.

Алиса беспомощно оглянулась — холодный выступ, на который опиралась спиной, оказался стенкой склепа. Продолжая сжиматься и прикрываться, Алиса поднялась, неуверенно, неловко повернулась, смотря в чёрный, завораживающий провал в широкой кладке красного кирпича.

— Дрёма неживая, она же криптобиоз по-гречески, — скучно ровным спокойным голосом начал поучать кто-то сбоку: — Есть суть смерти без смерти, сна без сна, в коем прозябает нежить, лишённый света и тепла, в коем дух его заключается в бессмертную оболочку и томится, оставаясь способен ощущать и мыслить...

— Полезай! — повторил наставник Борислав.

Это был особый голос, требующий безусловного подчинения, такой, каким он только недавно зачитывал приговор... Но, смотря расширенными глазами, на чёрную дыру, дышащую холодом, Алиса не могла заставить себя сделать ни движения. Тело сковало судорогой и только всё сильнее, всё заметнее дрожало. А сзади продолжали начитывать наставления:

— Перво-наперво нежить нужно лишить сил, что можно сделать и колом обыкновенным, но лучше клинком или ещё почитают на западе пулей в голову, что умеряет силу нежити и даже на долгое время его...

— Полезай! — голос отца Борислава ввинтился, до бела накалив иглу, пришилившую голову.

Алиса вздрогнула и неуверенно, неуклюже подняла ногу, босой стопой встав на кирпичную кладку склепа. И всё паялилась, паялилась неотрывно в чёрный провал перед собой...

— Упырь или упырица, буде то варкулак или вурдулак, силу свою имеют от крови живущих, их тепла и лунного света и не терпят сильного шума или солнца, а потому вводить их в дрёму полагается там, где...

Она потянулась вверх, с трудом преодолевая себя и поднимаясь на край склепа.

Инквизитор, стоящий слева, устал ждать и толкнул девушку в спину.

Словно пружину сорвало!

Алиса выгнулась, вывернулась из-под руки — влажная кожа, словно облитая льдом, проскользнула почти без усилий.

Обернулась. Звенящей болью наполнилась голова — будто бы в ней протянули нитку с колокольцами, поднявшим бешеный трезвон, физически отдающейся ото лба до затылка.

Заверещала тонко, вздохнула, и кинулась в сторону от пугающего склепа. Бросок сверху вниз на ближайшего храмовника. Не для того, чтобы задрать — вырваться из круга!

Но тот легко нырнул в сторону, избегнув столкновения.

Едва приземлилась — в грудь обрушился удар, сваливший обратно к каменной кладке. Она не успела понять, что произошло, только ломотой отозвалась спина, плашмя пришедшая об пол, и холодным пламенем обняло затылок. Застонала. Круг храмовников оставался нерушим.

— Затем упыря связывают холодными камнями, а паче всего кусками льда или снега обкладывают для лучшего сохранения... — продолжил равнодушный чтец, — А далее читают молитвы по сорок раз десятью монахами, в обход посолонь. А ежели святой человек читает, то и раза довольно.

Застонала, выгибаясь, схватилась за затылок. А глаза продолжали рыскать, метаться, выискивая слабинку в стискивающемся кольце людей. Обессиленная, она не рассчитывала победить, но вырваться, или умереть в схватке. Только не идти на заклятие послушной овцой. Тело требовало работы, тело стонало, не умея сдаваться без боя. А мысли метались ворохом ненужных фантиков. И жалила боль в голове.

— А молитвы читают такие. Во главу кладут «Отче наш», потом «Богородицу», а в тело — молитву святому Киприяну и мученице Иустине, хорошо ещё преподобному Марону пустынножителю и мученику Трифону во благо и...

Храмовник справа обернулся и, словно прямо из темноты, вытянул меч — долгий, серебристый, с крестовиной сверкающей в четыре рубина.

Взгляд Алисы остановился на плывущих к ней красных глазках и светящейся полосе. В новой попытке трансформироваться, заломило тело. Алиса загребла руками, вдавливаясь в стену от надвигающегося оружия.

— Остановитесь, — голос епископа равнодушной будничностью разорвал мгновение. Золотая панагия приблизилась из темноты с другой стороны от замершего на месте страшного рубинового креста.

— Владыко святой! — наперерез шагнул кто-то из храмовников, заслоняя.

Епископ поморщился и отстранил его. Болезненно склоняясь, воин отшагивал назад, не прикасаясь к морщинистой руке, казавшейся кукольно-восковой в неровном свете.

Владыка подошёл к съежившейся девушке и нагнулся. Золотая панагия заколыхалась перед растерянным лицом.

— Йахас... — остро взгляделся владыка, — Ты боишься.

— Даа... — прошептала Алиса, смотря в потерявшие цвет, ставшие почти прозрачными глаза.

Он кивнул в ответ:

— Страх живёт ещё в тебе. Страх человеческий. Значит, ещё живёт и человек.

Алиса почувствовала, как сдвинулся воздух — храмовники неуловимо сместились назад.

— Так пусть человек в тебе вспомнит... Вспомнит, ради чего он приносил клятву верности, — едва слышно сказал епископ.

Он ещё мгновение всматривался в расширившиеся глаза нежити, пульсирующие в такт

сердцу — то стремящиеся вытянутся в кошачью щёлку, то снова округляющиеся. А потом выпрямился и ушёл, оставляя замершую девушку лежать возле склепа в круге храмовников. А меч светился белыми вспышками граней на тусклых камнях цвета запёкшейся крови.

Наставник Борислав встал над ней, когда едва приподнялась на локтях. Две хлёстких пощёчины и холодный взгляд.

— Полезай.

Это уже не тем особым голосом, а ледяным шёпотом, и от того Алисе стало ещё страшнее. Но, одновременно с тем, появилась и убеждённая в неотвратимости происходящего. И в его правильности.

Она поднялась, судорожно вцепилась в кирпичный бортик — остались белые следы царапин.

Наставник Борислав схватился за нечёсанные рыжие локоны, нагнулся к самому уху и прошептал:

— Сестра Пелагея трусов не учила!

Закусив губу и зажмурившись, Алиса потрянула головой — наставник отпустил вихры — и рывком кинула тело в тёмный провал склепа.

...

Глава 29 Воспоминание об Озарении

Зима в том году была поздняя. Уже всю примораживало по ночам, заставляя скотину сжиматься в углах хлебов, да и днями на камнях, не тая, холодно искрился ледяной налёт, но снега всё не было. Угроза бесснежного рождества пугала не менее Конца Света. Окрестные крестьяне замучили матушку Ольгу прошениями молиться за урожай, весь монастырь с утра до вечера хлопотал над своими садами, боясь, как бы не помёрзли плодовые кустарники, девочек-послушниц лагеря «Светлица» снимали с занятий, чтобы не оставалось праздных рук, и только Алису вся эта суета обходила стороной. И никто не знал, чего это стоило сестре Пелагее.

— Запястье мягче! Мягче!

Наставница металась вокруг стоящей в центре очерченного круга девушки и ножи в её руках холодно посверкивали, выписывая двойную спираль, остриём направленную на Алису. Сестра Пелагея не нападала, в ожидании момента слабости ученицы оставаясь за меловой границей, но это не успокаивало девушку, знающую стремительность её атак. И оттого Алиса напряжённо ожидала того самого момента, когда остриё, сверкающее искрой не больше булавочного кончика, внезапно начнёт с немыслимой скоростью приближаться. Но этого не происходило — всё также «приплясывала» сестра Пелагея, её плечи асинхронно танцующим ладоням ходили ходуном, не давая возможности угледеть мгновение, когда запущенный волчок движения из живота выплеснет импульс в вооружённую руку. И всё также ножи сменяли друг друга, выдвигаясь к ней и отходя обратно к груди мастерицы, словно две спицы, связывающие нити пространства в свитер крупной вязки. Взгляд Алисы не метался за ними — незачем, — он неотступно преследовал горло наставницы, следя за каждой жилкой, за биением вен и кратким вздрагиванием трахеи. Смотря в горло, можно было видеть весь силуэт, весь контур. Он казался похож на большую чёрную кляксу амёбы с пятью отростками, любой из которых мог внезапно вытянуться к тебе, неся смерть. И необходимо успеть увидеть и опередить, чтобы выжить. И Алиса, молча притоптывая, как и старая мастерица, вода перед грудью двумя клинками, нацеленными на врага, и едва шевеля скованными плечами, смотрела, до синевы перед глазами, наблюдая только за трансформацией кляксы силуэта перед собой.

Проходило время. Сначала ей мешал свет, проникающий в тренировочный зал через большое окно, но потом его не стало, будто кто-то выключил солнце. Затем ей мешал пот, капающий со лба, но и его вдруг не стало, словно закончилась вода в теле. Ей мешали мысли, хаосом ожиданий, переживаний и страхов наваливающиеся изнутри и бьющие по сознанию, словно било по колоколу, но в какой-то миг и их не осталось, только усталость и блеск тонких лезвий перед ней. И ничего больше.

Опасная пляска продолжалась даже тогда, когда в зал гомонящей толпой ввалились девушки и наставница Софья, должнаая проводить занятие по пластике. Алиса заметила их, вошедших и тут же остановившихся на входе в растерянности, но лишь отметила для себя факт их явления. Пока никто не входил в очерченный круг — он был несущественен. В этот миг и в этом пространстве её занимали только чёрный силуэт и две снежинки блеска на остриях перед ним.

И вдруг... Синий фон, на котором уже давно металась клякса фигуры наставницы, наполнился линиями, точками, разводами, радугой цвета. Невольно она отвела взгляд от

опасно притаптывающей перед ней старой мастерицей и вгляделась в выплывающую на синий фон усталости древнюю настенную фреску, давно скрытую под слоем ржавчины, копоти и водяных разводов. И в тот миг сверкающе-кипенная искра метнулась к её горлу!

Она ещё успела вскинуть вооружённую руку и даже почувствовала, как лезвие скользнуло по наручам сестры Пелагеи, но в следующий миг уже осознавала свою смерть — остриё упиралось в гортань, выдавливая из мелкой раны тёмные капли.

И мир навалился на неё потоком реальности.

Наставница Пелагея, стоя одной ногой в её части круга, застыла недвижимой статуей с выдвинутой в атаке рукой, и глаза у неё отдавали чернотой бездны. А по лицу стекали крупные капли пота — гроздьями, одна за другой, неостановимо. И яростно метался живчик жилки на виске.

Серые стены были лишь стенами — полными разводов и неясных контуров, в которых углядывалось всё и ничего под рыжими, грязными пятнами. И только лишь.

У дверей сестра Софья крестилась, беззвучно шевеля губами.

Вокруг неё молча стояли девушки.

И только лишь.

Дав мгновение на осознание произошедшего, сестра Пелагея отодвинула нож от пораненной шеи девушки и отшагнула. А Алиса вдруг осознала, что в окна всё также бьёт навязчивый свет, а с бровей и ресниц капает пот, и в голове тихо шумит отголосок дальнего моря...

Она хотела спросить наставницу об этом, даже вытянулась к ней, но спёкшиеся от усталости губы не смогли раскрыться. А в глазах сестры Пелагеи мелькнул добрый смех, словно она почувствовала это нелепое детское переживание.

— Не забудь, — почти беззвучно выдохнула наставница, невольно устало улыбнувшись. Отвернулась и ушла — сгорбленная, старенькая, но победившая, как всегда.

Алиса смотрела ей во след, и наставница вновь становилась для неё тёмной фигурой на синем фоне. И, когда она скрылась за тяжёлой дверью, Алиса скосила глаза и глянула в сторону. На огромной стене высился воин — в кольчуге, в золотом куполе шлема, с копьём в руке и щитом на локте. Его взгляд был суров, а под копытом взъяренного коня, страдая, вилось, нашипленное на остриё копья, серое существо — человек с драконьим хвостом и крыльями летучей мыши. А ещё ниже, под изломанной болью спиной существа, лежала зелёная долина, на которой резвились сфинксы, единороги и змеи.

Алиса всматривалась до рези в глазах в мелкие рисунки на горизонте, и её всё казалось, что на дальнем холме, самом зелёном из всех и самом высоком, не трещины скрестились, а встал сажевый крест, настолько чёрный, что любая бездна казалась его светлее. Но, может быть, только показалось, потому что, стоило лишь чуть отвести взгляд, как исчез и воин, и серое существо, и сфинксы, и единороги со змеями и дальний холм. И только трещинка в форме креста — осталась.

...

Холод. Вокруг и внутри был холод. Знакомый и оттого страшный. Ожиданием конца.

И со всей силы она корябала накрывшую её тюрьму крышку. Но мраморный потолок не поддавался. Только летела пыль на лицо да болезненно сводило запястья от напряжения.

Потом стало так обжигать ледяным дыханием от стен, что заставило сжаться в комок, сберегая внутреннее тепло и стараясь не прикасаться к кирпичной кладке склепа. Следом пришла боль. Трансформация снова началась, но уже не могла закончиться — сил не хватало. Алиса дрожала, словно под разрядом тока, кусая губы в хлам и раздирая плечи когтями. И — не чувствовала этого. Боль была внутри — словно льдистыми скальпелями препарировали живую. Потом тело заостенело. Боль ещё оставалась — кусающая мясо, обглядывающая кости и лакающая кровь в жилах. Но двигаться Алиса уже не могла.

Она смотрела в темноту и ощущала, как сковывает веки, как останавливает внутри какой-то важный механизм, маятник, всегда стучащий в рёбра — влево — вправо, влево — вправо, — и теперь медленно затихающий.

И погружалась в пустоту...

Пустота медленно, словно прибывающая вода, заполняла склеп, поднималась, обволакивая осторожно, нежно, сперва едва прикасаясь к замёрзшей, почти не чувствительной коже, а потом проникала внутрь, вливаясь и заполняя.

И Алисе уже не хотелось сопротивляться. Она лежала, прислушиваясь к ощущению белой студеной пустыни в себе, и видела, как кружит, бесясь мелкими брызгами снега, вьюга...

Смотрела... затихала...

Смотрела...

...

Её пробудило тёплое и нежное поглаживание по лицу. Открыла глаза навстречу солнцу — белому в чёрном небе — и замерла, впитывая всю радугу цвета, обрушившуюся на зрачки, сияющими лучами.

— Алиса...

Приподнялась на локтях. Не сразу поняла, что поднятый горизонт — всего лишь края кратера, в середине которого находилась. Мелкая галька от края до края — до самого яркого голубого неба — и ничего, за что мог бы зацепиться взгляд.

— Алиса.

Голос звал куда-то за края песчаной пиалы. И она поднялась и пошла. Больше здесь не было ничего, к чему стоило бы идти...

Раскалённая галька жгла босые ноги, а песчаный ветер царапал обнажённую кожу. Но пуще всего досаждало солнце, вбиваемое в затылок раскалённым гвоздём.

Стены котлована оказались сыпучими — только ступила, как галька с шорохом, похожим на шипение растревоженной змеи, опутала ноги и поползла вниз, утягивая за собой. Потянулась, вцепилась когтями в стену, стиснув зубы, легла животом, обжигаясь, но упорно карабкаясь вверх. Рывок вверх, рывок — галька осыпается, с шелестом, похожим на смех. Рывок, ещё рывок.

Оказавшись наверху, не успела отдохнуть, как голос снова позвал:

— Алиса.

Словно шёпот камыша в заводях. Словно шорох пальцев по волосам. Словно ток крови в вене.

Она подняла голову.

Прямо под ногами — только сбежать с высокой насыпи бортика кратера — расстилалась зелёная долина, перечёркнутая бурными водами быстро бегущей реки. Через изумрудную ткань плотного леса возносились кипенные верхушки-треугольники, искрящие от солнца разноцветными звёздами. А между ними самым большим сооружением выделялась усеченная пирамида с белоснежной поверхностью, отражающей солнце. И тянулся гул, едва уловимый даже её слухом, гул, притягивающий и пугающий.

— Алиса...

И, уже не задумываясь, она спрыгнула с гребня. Приземлилась, опираясь на руки и ноги, словно на лапы. Отряхнулась, с голой кожи сбрасывая песчаный налёт. Принюхалась, поводя головой. И побежала в лес, с насыпи, всё больше разгоняясь и разбрасывая гальку ударами босых пяток. Вскоре ноги пружинисто вбивались в пружинящую мягкой травой землю, а над головой, задевая, провисали тяжёлые ветви, увитые тяжёлыми гирляндами цветов.

Она бежала почти до самого основания здания, выложенного из огромных белых блоков.

И лишь услышав голоса людей, остановилась и дальше продвигалась осторожно, жадно прислушиваясь к чужой, но чем-то знакомой речи.

Там, впереди, возле лестницы, стояли и ходили люди. Десятки людей. Тёмнокожих, тонкокостных, гибких необычной, незнакомой грацией, равной хищной. Они спорили и усиленно махали руками, словно это помогало им в препирательстве. Но не это привлекало Алису. Замерев, она вцепилась в гладкий ствол незнакомого дерева и вытянулась всем телом к белой стене впереди.

Её кожу потряхивало нервическими спазмами, а зубы под разомкнутыми губами вытягивались.

Запах. Одурающий запах шёл от людей.

Волшебства, воспевающего жизнь. Силы, бегущей по жилам. Крови, давящей на сердце. Незапретной крови...

Алиса вздрогнула, сильнее вцепившись в дерево.

Люди пришли к единому мнению и теперь громогласно выкрикивали истину, рождённую в споре. И радовались этому, словно дети. А потом одним порывом сорвались с мест и побежали, скрываясь от Алисы в тёмном провале входа. Пряный запах крови шлейфом тянулся за убежавшими и, не удержавшись, она рванулась следом. В два звериных прыжка пересекла залитую солнцем площадку перед входом и оказалась перед чёрным порталом. Оттуда тянуло холодом, сыростью и будоражащим до дрожи запахом крови и цветов.

Она стояла на самом краю, меж светом и тьмой и смотрела в чёрный зев.

И тихий голос звал с самого дна прохода, шипя и змеясь по стенам:

— Ааа-лии-сссаааа...

Одним прыжком она влетела внутрь и застыла, подобравшись для броска и боя. Глаза подстроились, до боли натянув накалённую струну в голове. Но вокруг было спокойно. Стены смотрели нарисованными глазами красного цвета, и усмехались кривыми синими ртами, и никого живого. Но Алиса чувствовала присутствие неизвестного, сильного и уверенного. И оттого смораживалось нутро.

Запах повёл её по спирали узкого коридора, уходящего под землю. И с каждым шагом он усиливался, пока не стал почти нестерпим для трепещущих ноздрей и по стенам туннеля не заплясали отблески огня.

Она шагнула из темноты коридора на свет. И остановилась. Балкончик без ограды — метр на метр — и дальше, впереди, огромный, освещённый тусклыми огромными лампами на стенах, круглый зал. На полу, далеко внизу, лежали тела. Многие уже не двигались, изломанными фигурами, словно тонкими кляксами, пятная каменное дно, но другие ещё шевелились, в красной влаге становясь похожими на слизней. И запах — цветочный, одуряющий запах — восходил такой плотной массой, шибая по ноздрям, что Алиса потерялась, закрывая глаза. Прижалась плечом к стене, чувствуя дрожь в коленях и подкатывающую к горлу голодную тошноту.

— Йаахассс.

Алиса стремительно обернулась.

За спиной стояла девочка, с головы до ног завёрнутая в бордовую ткань.

Красные глаза, синий рот и перечёркивающий лоб крест с нарисованной точкой такого сажевого цвета, что он безумно притягивал взгляд. Девочка смотрела внимательно, но совсем не испуганно, разглядывая гостью, как рассматривают знакомого, давно не заходящего.

— Да, — прошептала Алиса, не отрываясь, смотря на чёрную дыру пространства в белом лбу. Её мутило от накатывающего тугими волнами запаха и хотелось встать на четвереньки и тянуться к чей-нибудь ещё бьющейся шее.

Девочка осмотрела Алису, кивнула — чёрная дыра отлила серебряными искрами — и улыбнулась, обнажив узкие длинные зубы.

— Сошо тафа хоойшсэш сшиасс...

И, вытащив из складок материи, ослепительно белую ладонь, показала вперёд, на копошащееся внизу богатство.

Алиса стиснула острые зубы, взглянув на девочку. А та засмеялась тонко, словно колокольчик, и снова указала когтем вниз, понукая к пониманию:

— Сшиасс, сшиасс, сошо!

Запах пряной крови будоражил, скручивая нутро до колিক.

Алиса отвернулась от девочки и снова посмотрела вниз, где лежали безвольные люди. Масса едва шевелилась, но ни стонов, ни криков не было слышно — всё глушил низкий рокочущий гул, тянущийся из-под земли, оттуда, где высилась гора тел. Алиса сглотнула, смотря на чёрно-красные капли и ручейки по знойно загоревшей коже...

И, себя не чувствуя, прыгнула.

Босые ступни ударили в гору податливых тел, словно в перину.

Юноша под ногами уже не шевелился, он лежал, смотря вверх блестящими живыми глазами и из поломанного предплечья, из-под белого куска кости, пронзившего кожу, влажно подтекала красная струя. Свежая, насыщенная, незапретная...

Алиса дрожала, смотря на кровавые пятна на белой коже.

А потом опустила на четвереньки и прижалась к змеящейся струе.

Пальцами стиснула мясо над разрывом, когтями втиснулась в мышцы, меся их, словно принуждая пропускать кровь быстрее. И открыв рот, хватала пульсирующую струю. Глотала, глотала.

— Алиссса...

Она с трудом оторвалась от порванной вены и мутным взглядом посмотрела вперёд. На горе тел, не придавливая их и не отбрасывая теней, стоял человек в чёрной тоге. И он казался смутно знакомым. Может быть потому, что кожа его была почти меловой, а зубы за сизой улыбкой очень мелки и остры. А может быть потому, что волосы спадали сивыми прядками, обрамляя изувеченной белыми рубцами лицо с серыми, едва просачивающимися цветом, глазами. Знакомый, да, но не памятью, нет, а чувством не поддающемся осознанию, тянущемся огненной струной из внезапно ставшего жарким озера под сердцем.

Но ей было не до осознания чувств. Голод мучил тело, крюча и корёжа, иглами холода входя в ладони и стопы, болью отдаваясь в хребте и веках. И ничего не интересовало больше, чем кровь, до которой — всего один рывок.

Алиса сжалась и, глядя исподлобья, показала зубы незнакомцу. «Моё!» — говорил оскал белых острых зубов, очерченных кровавыми струями.

Неизвестный почти неслышно засмеялся, махнул рукой и отступил. И пока она пила, утоляя небывалый голод в попытке выгнать из вен прижившийся там холод, смотрел за ней пытливо и добродушно.

А её кружило небывалое чувство насыщения. Чувство счастья, разливающегося теплом и любовью ко всему миру, по венам.

...

Глава 31 Пробуждение

Губы жестко раздвинули, разорвав спёкшуюся смычку, и мясо провисло пыльной бахромой. В ряды вытянувшихся острых зубов ударило стекло. И полилась тёмная жижа, спёкшаяся до сметаны. Полилась, просачиваясь через щёлки меж зубами и выплёскиваясь из уголков рта.

— Пей. Пей, — шептал Данила, придерживая голову Алисы и продолжая поить из бутылки.

Когда горло девушки вздрогнуло, и по телу пошла дрожь, он отодвинулся. И вовремя. Алису выгнуло дугой. Одеревенелые руки забили по кирпичу, словно костяные ноги напильного на иголку жука. Но глаза не открывались, сердце не билось, а изо рта вытекала кровь. Девушка ударилась о стены склепа раз, два и застыла, нелепо искривлённой фигурой.

Данила подождал, но ни трансформации, ни пробуждения не последовало. Снова прислонил к губам горлышко бутылки.

— Пей! Пей!

Кровь потекла в рот, и она расслабилась, опадая на дно склепа. Даниил наклонился ближе, щекой прикасаясь к её губам, — дыхания не было, но рябь мелких судорог бежала по мышцам, шелестя расправляемой кожей.

Он закупорил почти опустевшую бутылку и сел рядом со склепом, обессилено прислонившись спиной и закинув голову. Прикрыл глаза. Плечи остались напряжёнными, а тонкие высушенные голодом пальцы, подрагивая, сжимали рукоять ножа. Он ждал, чутко прислушиваясь. Где-то просачивалась сквозь фундамент, набухала каплями и срывалась вниз вода, в углу шуршали крысы, а стены периодически гудели от движения большого транспорта.

Обезображенная кожа, более похожая на хорошо измятую, а потом расправленную бумагу, ёжик едва отрастающих волос, и мучительно сухие губы — таким он стал. И лишь лихорадочный, мятежный блеск глаз оставался прежним.

Алиса вздрогнула и, открыв глаза, резко села в гробу. Ломкие красные волосы мотнулись, обрамляя лицо спутанной всклокоченной копной.

Даниил, смотря снизу вверх, в полумгле разглядывая белое иссушенное тело, облизал губы. Девушка-йах казалась скрюченной, усохшей, словно уродливая карлица. Её лицо, обтянутое тонким пергаментом кожи, неживо замерло.

— Как ты? — Данила сглотнул.

В ответ она, не глядя, потянулась к нему.

— Да, сейчас, сейчас, — зашептал он, подавая бутылку. Пока она жадно допивала остатки, он нашарил в рюкзаке тушку. Сунул ей в руки: — Возьми.

Алиса держала в дрожащих руках пушистое тельце белое с серым пятном на спине и без выражения смотрела на поникшую мордочку задушенной кошки.

— Ешь, — Данила подтолкнул к ней тушку и настойчиво повторил: — Ешь! Ты должна есть! В этом жизнь.

Но она молча смотрела на выдающийся из серого облака меха хребет. Не отзывалась и не двигалась.

— Пожалуйста, — Данила потянулся к её лицу и тронул растрескавшуюся кожу щёк. —

Ешь. Иначе всё бесполезно... Слышишь?

Губы Алисы вздрогнули, обнажая ряд острых зубов. Сморщившись, она потянулась к тушке и стиснула челюсти на вялой шее. Рванула, заглатывая сразу большой кусок. Сплёвывая шерсть, налипающую на рот, начала жевать. Давясь и вздрагивая всем телом, проглотила кусок и тут же схватила следующий. Одновременно и урча от насыщения и сдерживая тошноту, сглатывая шерсть, мясо и кровь. Тело её изгибалось, щёлкали суставы, выправляясь до естественного состояния.

— Вот так, вот так, — тихо шептал Даниил, смотря на то, как выгибается, мучительно морщась, девушка.

Трансформация ещё шла, когда за гулом проходящего вдалеке транспорта, Даниил услышал нечто, заставившее его напрячься всем телом. Он вытянулся в сторону коридора, до дрожи стиснув нож и наклонив голову, вслушиваясь.

— Монахи, — облизав губы, повернулся он к Алисе. — Надо уходить. Сейчас.

Брови Алисы сошлись, а изо рта послышалось тихое шипение.

— Уходим! — Данила протянул к ней руки.

Но Алиса оттолкнула его. Волосы стали приподниматься у корней, обламываясь от сухости.

— С-с-с-саааам... — зашипела Алиса, отталкивая бета.

— Нет, — Данила обошёл её руки и прижался к рыжим сухим волосам лбом. — Вместе.

И, обняв, помог вылезти из кирпичной кладки.

Алиса, скрипя зубами, двигалась к выходу, с трудом перемещая закостеневшие за время спячки конечности. Поддерживая её, Данила постоянно оглядывался, но тащил вперёд — в тёмный угол, где в стене над кучей битого камня чернел провал норы.

В коридоре стал хорошо слышен звук размеренных шагов.

— Полезай, — подтолкнул Данила к провалу норы. — За стеной коридор бомбоубежища. Тебе нужно налево. Там лабиринт, ориентируйся на запах улицы. Выйдешь возле помойки — сразу беги в гаражи. Там разберёшься. Давай.

Алиса повернулась к нему, с трудом преодолевая одеревенелость.

— Ты?

Данила уже не смотрел на неё, он стискивал нож и вытягивался в сторону входа в зал, откуда слышался гул шагов.

— Уходи. Сейчас.

И он пошёл обратно к склепу.

Алиса смотрела в высохшую спину, на короткий ёжик — чёрно-седой, словно кто-то запятнал белыми материками странный ершистый глобус — и чувствовала напряжённую пружину, сжатую в пространстве обстоятельствами судьбы. И эта пружина дрожала, готовая сорваться из-под неловких пальцев и ударить.

Монахи молчаливыми тенями замерли на входе в зал. Один Инквизитор — старик, но всё ещё крепкий — и трое послушников, зрелых мужей, проходящих обучение.

Инквизитор среагировал быстро:

— Кондрат! К отцу Амвросию! Мы его задержим! — и сам двинулся на бета, насторожено вытягивая из ножен клинок.

Один тут же ринулся обратно в коридор, а двое оставшихся послушников заучено отступили от Инквизитора в разные стороны, единой шеренгой отсекая нежити путь к коридору. Замелькали короткие клинки в ладонях — серебрённые, затемнённые, с рубинами

по рукоятям. А на лица словно приросли маски равнодушного ожидания. Им нужен был всего один момент — двинется ли бет, отступит ли, бросит взгляд в сторону — любое движение, когда его внимание будет рассеяно.

Но Даниил не двинулся. Стоял сгорбленно возле разрушенного склепа криптобиоза и ждал.

Только теперь Алиса поняла, что происходило. Здесь для людей было слишком темно. Они хорошо видели бета, стоящего прямо напротив освещенного коридора, в потоке мутного света, но не могли разглядеть её, стоящую в темноте возле обрушенной стены. И потому люди приняли бета за восставшего из «неживой дрёмы» упыря. И готовы были сражаться, как с настоящим альфа.

У Алисы перехватило дыхание, когда попыталась вскочить на ноги, но тело, вместо пружинистой мощи движения, дёрнулось в ответ на желание. Она не могла сражаться! Бет перед Инквизиторами оставался беззащитен.

Она ещё имела возможность на остатках сил рвануть в нору и уйти незаметной. И этого, наверняка, хотел Даниил, не спешащий к действиям, тянущий время...

— Йахас! — повелительным, «особым» голосом заговорил Инквизитор. — Брось нож и встань на колени!

Он не угрожал, не уговаривал, слишком хорошо понимая, что либо приказ подействует на йаха, либо вызовет ответную агрессию.

Но Даниил не двигался. Оценить его жизнеспособность Инквизитор не мог. А рисковать жизнью своей и послушников, если «альфа» в силе — не хотел. И потому люди не торопились, ожидая подкрепления.

Данила, же сгорбившись, исподлобья оглядывал то одного послушника, то другого. Не встречался взглядом лишь с Инквизитором и — ждал.

Алиса напряглась, заставляя тело трансформироваться, но вместо ломки, получилась лишь крупная дрожь, сворачивающая мышцы. Стиснув изувеченные губы зубами, заставила себя сжать кулаки — боль стучалась в сознание как отголосок далёкого набата, едва заметно, бледно. Но всё-таки это уже было хоть какое-то чувство тела.

Взгляд Даниила метнулся в её сторону — чёрный, глубокий, — и за пеленой настороженности, Алиса увидела в нём сожаление.

В следующий миг бет бросился.

Кинулся на послушника, махнул ножом, стремясь достать. Подготовленный воин прикрылся запястьем, защищённым под рукавами наручем, и тут же напал сам. Через мгновение вокруг Даниила уже вращалось торнадо чёрных силуэтов, размазанных быстрыми движениями в следы огромной кисти. Торнадо закружилось, разламывая людей и нежить.

Кровь из взрезанной вены ударила по стене недалеко от Алисы, чёрными смоляными каплями повисла, поползла вниз. И тут же из вихря вырвался человек, держащийся за кровоточащее горло. Рухнул на колени, стал заваливаться.

Ноздри девушки затрепетали — воздух вокруг насытился тяжёлым запахом, сладко возбуждающим её. Она чувствовала в этом запахе природный запрет, словно кто-то властный ставил перед ней ладонь и шептал, — нет, кричал прямо в лицо — «Нельзя!», но в нутре шевелилась дикая упрямая тварь, которая не желала покоряться этому голосу. Её тянуло к бусинам крови, стекающим по рукам человека.

Алиса сделала шаг вперёд. Второй.

И вздрогнула, осознав, что движется мягко, пружинисто и легко. Запах не просто

кружил голову, не просто принуждал забытья. Он заставлял тело оживать.

Она посмотрела на стекающие капли, потом — на кружение драки.

Данила зажался в углу, огрызаясь клинком. Он стоял твёрдо, упрямо прижимая подбородок и споро плетя перед собой стальную паутину ножа. И только дрожащие голени выдавали — чего ему стоило играть роль альфа... Инквизитор и послушник атаковали не в полную силу, выматывая в ожидании помощи. И было ясно, что помощь близка.

Алиса подступила к лежащему на полу, сдавливающему шею, послушнику. Тот уже не мог двигаться от слабости, но кровь сочилась, обильно протекая сквозь пальцы.

Когда она наклонилась над ним, аккуратно отодвигая его запястья и приноравливаясь к бьющейся ране, глаза послушника обрели осмысленность и, сквозь пелену боли, проступил животный ужас. Алиса улыбнулась, приподняв порванные губы над рядами острых зубов. И упала на рану.

Человек не успел вскрикнуть. Зубы вонзились в горячую плоть, и тело под ними затрепетало смертельной судорогой.

Через несколько секунд, захлёбываясь обильным потоком, Алиса с сожалением отстранилась от порванной шеи. Её заполняло искрящаяся сила, разливающаяся жаром по всем жилам, распрямляющая тело.

Когда она подняла голову, Инквизитор стоял напротив, стискивая клинок одной рукой и поддерживая окровавленный бок другой. Возле стены вповалку лежали Даниил и послушник. Бет успел забрать с собой ещё одну жертву.

— Это ты... — констатировал Инквизитор.

Алиса стёрла запястьем кровь с губ и улыбнулась.

Даже то, что из коридора слышался гул бегущего отряда, её не останавливало. Удивительное, незнакомое прежде чувство гуляло в её крови, заполняя небывалой бесшабашностью. И это чувство казалось похожим на шампанское, нашедшее выход.

Когда в зал криптобиоза влетели инквизиторы, Алиса смеялась, смотря перед собой, и не осознавая происходящего.

...

Глава 32 Убежище

Сидя на корточках между гаражей, Алиса опиралась спиной на ржавую стену и смотрела на свои руки. Вытянутые вперёд, они лежали на коленях, свешиваясь кистями к земле. В неровном лунном свете влага, стекающая по коже, казалась чёрной, но она знала, что цвет её красный. И каждая из падающих с ногтей капель несёт силу. Но жажда уже не мучила её. В глубине тела словно свернулся тёплый пушистый зверёк и, тихо мурлыча, согревал изнутри до кончиков пальцев. Но это тепло казалось чуждым, даже мешающим. Его хотелось изгнать, только острые когти зверька вцеплялись в нутро, заставляя сдерживать подкатывающую тошноту.

Даниил поднялся с земли, неуверенным шагом подошёл к девушке и, привалившись к стене, опустился рядом на колени. Тронул её за руку, размазав красную липковатую жижу по голой коже.

— Зачем?

Алиса механически повернула к нему лицо и разжала стиснутые зубы:

— За-чем?

— Да — зачем. Зачем ты убила всех? Ты могла уйти сразу, — он обессилено откинул голову на стену, стряхнув на себя тёркой подрастающих волос чешуйки ржавчины. — Могла уйти уже после первого...

Она тоже откинулась, прижав затылок к холодной стене, и посмотрела вверх. На небе ходили тучи, похожие на жжёные комки ваты, но в прорехах светили звёзды. Почти полная луна ярко светила, разделяя мир на тьму и полутень. Алиса смотрела, не отрываясь, и давила тошноту.

— Отмстила, да? За всё? И стало лучше?

— Нет...

— Ладно, — нахмурился Данила, — Пора уходить...

Алиса медленно перевела на него взгляд и усмехнулась натянуто:

— Куда? Где бы ни были — нас найдут.

— Не найдут, — хмуро отозвался он. — Пойдём!

Он поднялся сам, морщась от боли в израненном теле, и, подцепив девушку за локоть, потянул вверх. Она не хотела двигаться, стремясь снова свернуться калачиком, но Данила упорно тащил за собой.

Из района заброшенных гаражей — в квартал покинутой стройки. А дальше — через гетто, по растрескавшимся без починки дорогам, в знакомый уже район. Данила двигался тяжело, устало, но кровь уже давно не лилась, да и раненные руки двигались с трудом, но всё-таки свободно.

Алиса же едва передвигала ногами, хотя не оставалось ран после столкновения с храмовниками. Её мутило, тело едва слушалось, и сознание затухало. Но когда Данила открыл калитку и втолкнул девушку на тропинку к перекошенному домику, она встряхнулась.

Тут всё оставалось, как прежде. И роскошные липы, и заросли высокой смородины возле ограды, скрывающие домик от дороги, и разохшаяся дверца, и каменная тропинка до самого порога. Только не было рыжего тельца на дорожке, слетели ставни с разбитых окон да брёвна дома и стволы лип хранили белые, заметные в лунном свете, следы пуль.

Алиса медленно повернулась к Даниле, устало шурящемуся на звёзды.

— Нас найдут здесь...

Он отозвался сразу:

— Нет. Дважды в одно место снаряд не попадает, — и шатнулся к дому: — Пойдём.

Алиса вошла в дом и остановилась — незнакомая ей чистота и порядок поразили взгляд. Данила посторонил её плечом:

— Заходи быстрее — не привлекай внимания, — буркнул, проходя мимо.

В комнате на прежних местах валялись спальные и одеяла, стоял стульчик с ноутбуком и новая спортивная сумка с видимыми горлышками затемнённых бутылок. Алиса прошла и рухнула на постель. Вытянулась на спине, стала неотрывно смотреть на потолок. Данила вышел на кухню и вернулся с чашками чая. Одну поставил Алисе под руку.

Луна светила в открытое окно, прохладный ветер неторопливо сдувал с кожи жар лихорадки, и вокруг расстилалась тишина, в которой Алисе опять хотелось раствориться, как тогда, в склепе. Раствориться, чтобы оказаться... Где?

Она облизала уже почти восстановившиеся губы и посмотрела на сидящего рядом бета, молчаливо прихлёбывающего чай.

— Я видела странный сон... Тогда, в склепе....

Данила посмотрел, приподняв бровь.

Алиса потянулась, повернулась на бок и стала задумчиво водить пальцем по краям чашки. Взгляд её блуждал по лунным струнам, протянувшимся через сито липовых крон в окно.

— Как будто я в другом мире. Там буйный лес, река и белые здания. Такие... треугольником вверх. Огромные. Но главное не это... Там были люди и не-люди. Они походили на людей, но у них была другая кровь... Запах такой, — она зажмурилась, снова ощущая щекотание на ноздрях. — Сладкий... не такой, как от обычных людей. И ещё там были другие люди. С синими губами и чёрными точками во лбу. У них был другой запах. Запах страшный. Я почему-то не боялась его, но чувствовала, что должна...

Даниил покачал в руке чашку и тоже посмотрел в окно. Отставил в сторону чашку.

— Я многое изучил за это время...

Алиса вздрогнула, посмотрела на бета — короткие волосы влажно поблёскивали в лунном свете, а задумчивые глаза приобрели новое, незнакомое выражение. Они стали живыми. Исчезла болезненная плёнка постоянного ожидания боли и ужаса. Это были глаза не бета. Глаза человека.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— В историях разных народов существовали дети ночи, приходящие и пьющие кровь. Самые известные, конечно, вампиры Трансильвании, откуда, по легендам, был граф Дракула. Но упыри были известны и славянам, и грекам, да и на Востоке знали о таковых. Везде, конечно, пьющие кровь ночные чудовища описывались по-разному, в силу традиций и мировоззрений. — Задумчиво продолжал Даниил. — Но оказалось совсем не сложно отобрать необходимое, самое первое...

— Да? — Алиса приподнялась на локте.

— Йах. — Данила хлебнул чая и сморщился. — Они даже не стали маскировать название...

— Не понимаю.

Даниил посмотрел на неё и усмехнулся, болезненно натянув уголки губ:

— Тебя обучали при монастыре, и ты так плохо знакома с самой великой книгой всех народов?

Алиса хмуро отодвинула чашку:

— Зачем нам книжки? Я — воин церкви, а не книжный червь! К тому же нам неплохо объясняли на словах.

— О да... — Данила перестал улыбаться и отвёл взгляд. — Зачем вам книжки... Если бы вы читали — вы бы не захотели быть послушными зверьками. Вас бы уже нельзя было натравливать как собачек. Книги — достижение мира духовного, воспитывающие волю и страсть к познанию Бога. А от вас не требовалось постигать его. Только служить...

— Ты хотел что-то сказать? — холодно перебила она.

Данила посмотрел исподлобья на то, как подобралась девушка, и усмехнулся:

— «Йах». Ничего не напоминает? А должно! — и тут же стал серьёзней. — Ладно, чего уж там... Вам это не должны были рассказывать, чтобы служили хорошо... В общем, так. Йахом называли в древнем Египте бога луны. Но не просто луны, а луны полной. Особого состояния луны, включающего в себя женское и мужское начала. Луны считающейся тёмной, дурной для всех остальных, поклоняющихся солнцу. Когда полная луна наползала на солнечный диск, они умом трогались, думая, что йах съедает божество, дающее жизнь. Начиналась кровавая бойня...

Алиса посмотрела в окно. Полная луна освещала кроны лип, подсвечивая края.

— Йах был тёмным богом, противостоящим свету. Его изображали чёрно-белым, с рогами на голове. Но он же и сам был светом для идущих во тьме. Целью их пути. Эталоном своего рода... Но главное не это... Он был действительным, то есть реально помогающим населению божком, приходящим по ночам. Понимаешь?

— Вирус был уже тогда? — сглотнула Алиса.

— Можно сказать и так, — согласился он. — Возможно, тогда он зародился, но, может быть, уже существовал давно. За это говорит и то, что он уже обожествлялся, а не рассматривался как нечто, с чем сталкиваются повседневно.

— Мой сон... — Алиса смотрела на брата распахнутыми глазами. — Это Египет? Но почему тогда там были такие странные... Это и были йахи? Но нет... Я не чувствовала их, как других йахов... Совсем иные. Другая кровь... Не понимаю.

— Я пока тоже. — Данила махом допил чай и с сожалением отставил чашку. — Ещё интересный момент. Йах был богом не для всех египтян. Египет в те времена существовал как многоплеменное государство. Что-то вроде империи с разными народами внутри. Как Россия... Часть из них верила в одних божеств, часть в других. И были народы, которые верили в Йахов и, по мифам, Йахи им помогали. Таких не любили. Это были племена, потомками которых можно назвать евреев...

— А... — она остановилась и замерла, осознавая сказанное.

Данила тонко улыбнулся:

— Удивительно, да? По сути, может за это и недолюбливают их? За то, что во времена солнцепоклонников уже они предпочитали свой путь — веры в ночное божество. А, если учитывать, что те Йахи были такими же, как ныне... И что они помогали, — он покачал головой. — А мы знаем, как могут помочь йахи... В общем, я не удивляюсь тому, что евреев гонят отовсюду. И уж никак не ростовщичество причина тому...

Алиса брезгливо сморщилась:

— Ничего хорошего я от них и не ожидала...

Данила прервал:

— Ничего хорошего? Но религия, которую ты защищаешь — такое же продолжение их веры! Йах их предков, это их Яхве! Яхве, который дал заповеди, по которым мы живём. Яхве, который дал новую религию. Это бог, в которого ныне верит половина человечества — католики, протестанты, православные! Йах — короткое имя вашего бога! Это вы говорите «аллилуях!» — «восславляй йаха!». А что вы восславляете?

Алиса замерла. Губы подрагивали.

Вскинулась — корни у волос встали дыбом, пышной гривой обрामив оскаленное лицо:

— Это... бред! — сорвалась она на крик. — Йахас — вирус! Йахи — служители церкви, а не боги! Их просто так называли, чтобы...

— Чтобы? — устало переспросил Даниил.

— Да! — упрямо тряхнула волосами она.

— Тогда почему из всех религий на земле, только христианство продолжает культ каннибализма?

— Что? — Алиса притихла, подтянув ноги-руки и привалившись к стене, забываясь подальше от лунных лучей, лежащих на пол, словно инфракрасные прицелы.

Даниил стиснул кулаки и повернулся к ней. Голос его был ровен и негромок, но казалось, что он кричит:

— «Принимающий Мое Слово принимает Меня, он воистину ест Мою Плоть и пьёт Мою Кровь!» — сказал Сын Божий Своим ученикам. Не так ли? Кто ест живое тело? Кто пьёт кровь? Боги? Люди? Нет! Это черта йахов. Йахи заповедовали людям то, как жили сами. Ибо созданы они «по образу и подобию»! Ибо изначально полная луна была светом во тьме, а божество её — примером! Целая половина цивилизации сейчас, не глядя, не задумываясь, проповедуя мир и любовь, участвует в массовом обряде каннибализма! От детей до взрослых пьют кровь и жрут тело того, кто за них помер! Пожирают героя, пожирают жертву, потому что сами трусили жить по-человечески! Как не удивляться тому, что они творят. И крестовые походы, и инквизиция, и геноцид, и национализм — всё это цветочки при такой морали!

Он выдохся. Махнул рукой и, встав, отошёл к своему месту — под окном на брошенные одеяла.

Алиса сидела молча, стиснув коленки занемевшими руками и смотрела перед собой пустым взглядом.

— Это не настоящая кровь... — тихо сказала она. — Это только такой символ...

Но Данила не ответил, настороженно вслушиваясь в шорохи за окном. Алиса безвольно вжала лицо в колени. Но ей всё-таки ответили.

Тёмная фигура шатнулась в проёме двери:

— Кровь — всегда кровь, инициатор, — устало сказал отец Владимир. — Она льётся даже тогда, когда мы её не видим...

...

Глава 33 Кровь

Алиса вскочила на корточки, подбираясь для рывка — волосы дыбом, когти отточено скребнули по доскам пола, а в глазах вытянулись зрачки. Она оскалила зубы, готовясь обороняться.

Но отец Владимир не шевелился.

Даниил отодвинулся от окна и, скинув подранную окровавленную рубашку, сел на одеяла, боком к окну. Так что лунный свет ласково осветил его до свечения синевато-серебристого абриса.

Отец Владимир посмотрел на бета и задумчиво спросил:

— У тебя всё удалось, но ты не рад?

Даниил отозвался рублено:

— Не рад. Жертв должно было быть меньше.

Отец Владимир покачал головой:

— Надежды, надежды... Надеждой да благими намерениями жива душа человечья. Только располагаем не мы. — И тут же нахмурился, от чего глубокие складки пролегли между бровями: — Мне уже звонили. Вы оставили после себя дорогу, заваленную телами. Но после гаражей вас уже не могут отследить. Собаки след не берут, а альф пока не завезли.

У Алисы опустились волосы, и она отодвинулась дальше в тень и закусила губу — здесь, в мире людей, произошло многое, чего она не могла предугадать.

— Сколько у нас времени? — спросил Даниил отрывисто.

— Думаю, что около суток, — отец Владимир бросил короткий взгляд на хмурую девушку и, наконец, решившись, прошёл в комнату, присел на стул. — Альф легко набрать, но довольно сложно перебросить — всегда может остаться след, способный привести к нам светские власти. Поэтому пока подготовят историю, документы, возможно, проведут грим или пластику... Сутки у нас есть.

— Хорошо. — Данила повернулся к окну — лицо осветило белым, сделав восковым, оттеня сухой профиль. — Думаю, хватит.

Алиса не сдержалась:

— Хватит на что? — хмуро спросила она.

Отозвался отец Владимир. Его мирно сложенные на коленях ладони поднялись, белыми перчатками под свет из окна и осенили мир вокруг двойным символом креста.

— На то, чтобы остановить обряд...

— Что?

— Обряд! — резко повторил Данила, поворачиваясь к ней. — Который ты должна была остановить, но не смогла вырвать его корень. Высший остался жив и свободен. И всё это время обряды продолжают...

— Что? — Алиса сжалась в комок. — Но... Инки должны были остановить это! Не я так другой инициатор мог поймать их!

— Но этого не произошло... — устало отозвался отец Владимир.

Алиса смотрела в освещённое окно, покусывая губы.

— Сколько меня не было? — наконец, спросила она.

— Два месяца.

Алиса вздрогнула, кинула на спокойно-отрешённого отца Владимира растерянный

взгляд, но тут же нахмурилась:

— И два месяца?..

— Да. Обряды продолжаются. Каждое полнолуние, — он коротко кивнул на окно: — новая жертва.

— Но почему? — поражённо прошептала она.

Отец Владимир пожал плечами:

— Потому что сектанты не остановятся. Их цель не так мала, как представляется со стороны. Не личное обогащение и не попытки самоутвердиться. Всё намного сложнее и серьёзней.

— Сторонники Сатаны и Демонов его выступают против бога единого и его единственного представителя на земле Церкви нашей Единой и должны быть инициированы для понимания истинной сущности своего божества, неизменного по отношению к великом и всепрощающему. — Прикрыв глаза, процитировала Алиса «уложение инициации».

Даниил порывался что-то ответить, но старый инквизитор остановил его, подняв под лунный свет белую ладонь. Бет тут же отодвинулся в тень, откинулся на стену, предоставляя отцу Владимиру объясняться.

— Конечно, тебе хорошо объяснили, что все их обряды — лишь попытки поправить существующие правила игры. Но, думаю, ты уже видела не один обряд и разницу между прежними и последним уловить смогла.

Воспоминание — живое, будоражащее кровь и заставляющее волосы приподниматься, — заполнило Алису. Вздогнув, она стиснула руки в замок. Запах крови, настоящий на медовых травах словно снова защекотал ноздри знакомым, ясным ароматом — жизни без запрета...

А отец Владимир продолжал монотонно, словно утомлённый лектор, не оставляющий попыток достучаться до сознания слушателей.

— В основе своей, большинство сект сатанистов — лишь попытки создать полную противоположность морали церковной. Своего рода антисистема, не существующая без основы. Сатанизм похож на слепок с формочки. Он полностью повторяет её изгибы, её формы, но, увы, он только оттиск, зеркально отражённой печати. Такие сатанисты — лишь вызов системе. Вечные подростки, которым надо самоутвердиться, принижая чужую мораль только на той основе, что она создана до них. По сути своей, эти люди безопасны для церкви. Никогда то, что порождалось от частей сильного, не могло сломить целого. Но есть и другие...

Запах незапретной жизни всё сильнее колыхал воздух вокруг Алисы. И она сдерживала дрожь и стискивала пальцы, словно это могло сдержать нечто тяжёлое, скользкое, рвущееся изнутри.

— Другие... — задумчиво повторил отец Владимир, и на старческом лице появилось знакомое выражение твёрдости. — Они не пытаются добиться себе славы, утвердиться или выразить протест. Они — настоящие верующие. Фанатичные, аскетичные, готовые на всё для утверждения своей веры. Они противостоят не столько нашему богу, сколько церкви. Церкви не как обществу, но как форме общения с богом. Они противостоят морали, которую из века в век сохраняет Церковь, нарекая её искажённой. Каждым новым своим обрядом они вносят путаницу в наш мир — в умы мирян, в совесть посвящённых... И, если однажды они сумеют довести дело до конца и вызовут то, к чему призывают... Тогда всем ныне действующим конфессиям придётся туго. Церковь падёт как оплот морали.

Алиса подняла голову и, стиснув зубы от бегущей по телу судороги, словно выжимающей её снизу вверх, посмотрела на священника. Белое лицо выделялось маской в лунном свете.

Что-то происходило с её зрением. Лица, руки людей в комнате для неё выделялись белым безжизненным цветом, словно слепленные из оплывших свечей. Но комната погружалась во тьму, в которой тонкими струнками с каплями света, словно нанизанным бисером, протягивались лунные лучи из окна. И было плохо — нутро мутило горячей противной слизью.

— Церковь, Алиса, — не проводник воли Его, и не проводник к Нему. Но Церковь — единственный оплот данной нам морали. Наша цель — хранить её. И тебе это хорошо известно. Те, кто покушается на основы церкви — может порушить мораль, которой жив человек последние тысячелетия.

— Хороша ли эта мораль? — угрюмо спросил Даниил, глядя в окно.

— Хороша. Плоха. — Отец Владимир покачал головой. — Для тебя больше не существует критериев? Мир не чёрно-белый, Даниил. Как бы тебе не хотелось поделить его на врагов и друзей, всегда будут те, кто останется в стороне. И только твоя совесть сможет определить — как к ним относиться. И именно совесть — мерило морали. У тебя она такая. А у другого — иная. Цель же церкви — не найти универсальное среднее, по определению, серое, блеклое и аморфное. Цель Церкви — поддержать мораль, которая бы позволяла выживать большинству. То есть такая мораль, которая бы причисляла оставшихся в стороне к друзьям. Искала бы в людях благое, выделяя в первую очередь его.

Даниил упрямо повёл подбородком по плечу и отвернулся:

— Построенное на йахе?

Священник невозмутимо покачал головой:

— Есть ли дело тебе до того, что корова ест траву, чтобы дать молоко? Ты не ешь траву, но с удовольствием пьёшь молоко. Церковь — корова, которая способна взять непригодное для человека, и сделать его пригодным.

— Разбиванием лбов паствы?

— Верой, хотел ты сказать? — улыбнулся отец Владимир.

— Обрядами, — парировал он.

— Обряд — спектакль, — покачал головой священник. — Не о том ли мы говорили уже? Церковь — большой театр, в котором ставятся представления обрядов и чудес, чтобы вызвать не аплодисменты, но душевный взрыв. Это цирк для взрослых. После него светлеет на сердце, глаза излучают душу и хочется творить добро. И, как всякий цирк, он требует дисциплины и усидчивости зрителя вначале фокуса, чтобы получить восхищение по его завершении.

— Грязный метод.

— Есть другие?

Даниил ощерился незнакомо, остро — раздвинув губы и оскалив утончённые зубы:

— Открытие знаний для всех.

Отец Владимир тонко усмехнулся:

— Что будет с армией, если каждый — каждый! — рядовой будет знать все планы? И будет распоряжаться своими знаниями в меру своего разума, а не так, как требует приказ. Война будет проиграна, не так ли?

Даниил не ответил, отвернувшись к окну.

— Идея о всезнании хороша только для небольших групп. Семей, общин. Всё, что более, нуждается и в сокрытии.

Рот Алисы наполнился тягучей горькой слюной. Она сглотнула, тяжело подавив горячий поток внутри, и привалилась к прохладной стене. Отец Владимир приподнял очки, с прищуром оглядывая её, и стремительно обернулся к Даниилу:

— Она пила человека? — резко спросил он.

— Да, — устало ответил он.

Вдох священника оборвался тяжёлым стоном. Размахисто перекрестившись, он поднялся и подошёл к Алисе. Та смотрела снизу вверх, не в силах вскочить и что-либо сделать — предательски затяжелевшее тело не двигалось. Старик подошёл, подхватил Алису за плечи и без большого напряжения оторвал от пола её тонкое иссушенное тело. Встряхнул, и Алиса почувствовала, что нутро обжигает прибоем раскачивающейся по всему корпусу жара.

— Ммм! — Алиса замычала и попыталась оттолкнуть священника, но тот держал крепко.

Даниил вскочил и хмуро напомнил о себе:

— Отец...

Он обернулся через плечо и отозвался:

— Выблеваться и закуклиться! Вот что ей сейчас нужно. Грехи на ней — их не отмыть. Но тело от деформации нужно попытаться спасти.

— Что ей грозит?

— А что, по-твоему, может грозить тому, кого духовно и физиологически готовили людей защищать?! — отгрызнулся священник. — Личное грехопадение — это страшнее, чем грех, признаваемый обществом!

Больше Даниил не перечил, лишь следил за происходящим.

Алису мутило с каждой секундой всё больше. Темнело в глазах и лишь светящимися белыми пятнами проступали лица и ладони мужчин. И казалось ей, что над каждым почерневшим силуэтом, едва заметно, но пылали тонкие ниточки света, сплетающиеся в плотный кокон.

Когда священник выволок её на кухню и перегнул над ванной, она увидела в узоре ржавых подтёков на белом дне странно знакомый узор, сплетённый из иероглифов и рисунков от руки. Но узнавание и понимание настигли её стремительно, словно укол в сознание, и исчезли бесследно, когда до уже забытого чувства боли скрутило нутро. Полившийся чёрный водопад она уже не осознала.

...

Глава 34 Воспоминание о Вороне

Матушка Пелагея уехала из школы под Пасху. Как говорили сёстры, она итак задержалась в «Светлице» дольше, чем полагалась, ссылаясь на болезнь ног. Но, в конце концов, мать Ольга добилась того, чтобы она покинула обитель. Где-то, Алиса не знала — где, её любимой наставнице ещё следовало также самозабвенно обучать других учеников, будущих защитников человечества, воинов Церкви. А здесь её работа была закончена, девочки основательно знали оружейный бой, а одна — рыжеволосая бестия Алиса по прозвищу «Лиса» — уже не трепетала и перед самой наставницей.

Прощаться сестра Пелагея не стала. Попросту вечером, как обычно, провела занятие с группой, позволив девушкам самостоятельно поработать в парах «нож-на-нож» и рассеянно поправляя технику, если подходили с вопросами. Потом для показательного боя пригласила Алису, оторвав её от малоинтересной работы с напарницей Азой, которая хоть и двигалась быстро, взрываясь в разных направлениях мгновенно, но всё-таки была слаба против неё. Алиса почти не запомнила боя с наставницей. Не было в нём ничего особенного. Выпады, блокировки, секущие, рубящие, перетаптывание, паутинка защиты перед грудью. Всё, как обычно. Только глаза старой женщины были тусклыми, погружёнными в себя. Потом наставница, внезапно отстранившись, привычно попрощалась, пожелав спокойной ночи. И ушла к себе.

А на следующее утро к ним в зал уже вошёл другой наставник.

Они уже давно стояли в тренировочном зале, хмурясь в ожидании и привычно разминая запястья, сбивались в стайки от желания обсудить небывалое опоздание учителя. Всё возрастала растерянность, и Алиса маялась, не в состоянии выбрать между послушным ожиданием и порывом добежать до кельи сестре Пелагеи и узнать — не стряслось ли что? Решить не успела.

Когда сердце Алисы уже измаялось ожиданием, дверь хлопнула и в проёме появилась настоятельница матушка Ольга, не часто и только по очень важным причинам появляющаяся перед воспитанницами «Светлицы». Она зашла в зал, смотря под ноги, тяжело ступая и дыша глубоко, набирая полные щёки воздуха. А за ней широким шагом землемера прошёл высокий старичок, настолько тощий, что под головным убором казался похож на спичку.

Обведя тяжёлым взглядом строй девушек, мать Ольга подняла вверх палец:

— Ваш новый наставник. Для вас — Алексей Никифорович!

И, весомо кивнув спутнику, неторопливо пошла на выход, переваливаясь с одной толстой ноги на другую, словно вышедшая из воды утка.

Девочки замерли, затаив дыхание. Как обычно, оставалось неизвестным, кем был наставник в другой жизни, там, за стенами «Светлицы». И, конечно, никто не говорил, чему он будет учить. Всё предстояло узнать.

Подождав, как настоятельница выйдет, Алексей Никифорович, сложил ладони, начал тереть их друг о друга, согревая, и пошёл вдоль ряда, разглядывая девушек. Глаза у него были острые, словно когтистые лапы — вонзались в душу и, казалось, выцарапывали её изнутри. И потому холодком веяло по ряду, и девушки тихорились, отступая. Когда он дошёл до Алисы, она взгляда не опустила. Старичок поджал губы и задумчиво спросил:

— Лиса?

Волосы были аккуратно уложены под апостольник — видеть их новый наставник не

мог.

— Да, учитель, — Алиса вежливо склонилась.

Старичок — внутренне уже прозванный «Вороном», — кивнул и указал узловатым сухим пальцем в угол зала:

— На колени.

Алиса недоумённо смотрела то на зависающий в воздухе перед ней перст, то на изломанные складками жестокости губы наставника.

— Что?

— На колени. — Холодно повторил «Ворон». — Или мне из-за тебя всех на колени поставить?

В бок несильно ткнулся кулак Азы, стоящей плечо к плечу, и Алиса очнулась. Облизала губы и пошла в угол, где на полу лежали черепки битой гранитной мозаика. Опустилась на колени — края осколков больно врезались в тело. Уставилась в серые паутинки неровного угла.

— Не так, — безучастно прошелестел сухой голос «Ворона».

Алиса сглотнула, поднялась и повернулась наоборот — спиной в угол, лицом к ряду. Она видела, что девушки стоят, замерев, а наставник всё также греет ладони друг о друга, рассматривая строй.

— Не так, — повторил «Ворон», не оборачиваясь к ней.

Алиса растерянно развела руками:

— А... а как?

«Ворон» повернулся и посмотрел. Губы тронула усмешка.

— Я сказал «на колени», а не на передник!

Алиса отвела глаза и, приподнявшись, вытянула из-под себя юбку подрясника. Опустилась — в обнажённые колени больно воткнулись гранитные края. Перехватило дыхание, и она сглотнула, напрягаясь — терпеть было возможно, но долго ли вот так можно выстоять?

«Ворон» удовлетворённо посмотрел на девушку в углу и повернулся к строю. Суетливые руки прекратили движение и упали по швам. Оглядывая строй, он возвысил голос:

— Мать Пелегея разбаловала вас. Это недостойно будущих бойцов. Пора учиться смирению. Я буду готовить вас к посвящению. И я хочу, чтобы каждая из вас сразу поняла, к чему должна стремиться! После инициации вы станете почти безгранично сильны. В ваши тела вольётся мощь нашей веры! И потому в вас не должно быть гордыни или греховности. Весь ваш дальнейший путь — только отречение от себя, покаяние и самозабвенная служба высшим идеалам Церкви. Это ваш дом, это ваш мир. Это свет, который требует защиты! И ваша цель — научиться его защищать, поступаясь собой. Как это делали величайшие из людского рода. Пусть будут вам примерами святые воители и великомученики! Их путём вам предстоит идти!.. Стоять! Стоять, я говорю вам! Спины прямо! Научитесь управлять хотя бы тем меньшим, что вам дано было — своим телом! Руки по швам! Выпрямились! Итак... я буду обучать вас...

Он говорил долго. Слишком долго. Алиса стояла в углу и не слушала. Она жмурилась, сдерживая слёзы и всеми силами стараясь не всхлипывать и почти не дышать — так казалось, что боли меньше.

А когда «Ворон» разрешил измученным девушкам уйти на трапезу, подняться с колен Алиса не смогла.

Глава 35 Ожидание

Пробуждение полоснуло её по глазам пробившимся сквозь заслон листьев солнечным лучом. Солнце давно встало и теперь палило, словно огнём, с чистого неба. Деревья же взбивало порывами сильного ветра, ударяющего с севера, и оттого яркий свет хаотично метался калёными монетками по всей комнате — не ясно, где пройдёт в следующий момент.

Алиса выпростала руки из-под простыни и огляделась. В комнате ничего не изменилось за время её глубокого сна, лишь отец Владимир покинул её. Даниил же спал в своём углу, скорчившись в бесформенный комок под ветхим лоскутным одеялом, спасающим от неожиданных бликов.

Мягким перекатом поднявшись со спальника, Алиса бесшумно пробралась на кухню и припала губами к крану, включив медленную струйку. Лишь когда жажда была утолена и тело, казавшееся высохшим кленовым листом, снова налилось силой, она оторвалась от воды и облегчённо вздохнула. Жизнь продолжалась!

Вернувшись в комнату, Алиса немедля села за ноутбук.

Просмотр истории показал, что Даниил осваивал компьютер медленно и неуверенно, делая шаги вслепую, а подчас и попросту наудачу. Алиса задумчиво посмотрела в угол, где тихо лежал Данила, на чёрно-белый пушок отрастающих волос. Получилось, что негаданный товарищ с компьютером в прежней жизни знаком не был, или навык не укоренился прочно в его сознании.

Маленький зелёный знак радостно расцветал напротив имени «Гроссмейстер» — Влад был в сети.

— «Аля!»

— «Привет, Влад!»

Она наставила кучу смайлов и сама не смогла сдержать улыбки. Что-то в этом мире оставалось привычным, неизменным и радующимся ей такой, какая она есть... Или нет?

— «Где ты пропадала?»

Улыбка ещё дрожала на лице, но радость в сердце уже погасла — лишь стоило вспомнить.

— «Далеко... Дальше, чем хотелось бы...»

Влад не стал бить эту пешку-ответ, сразу выдвигая фигуры на силовые линии игровой доски разговора:

— «Так. Проблема есть. Чем я могу помочь?»

Алиса грустно усмехнулась и, не отрывая рук от клавиатуры, стёрла улыбку о плечо.

— «Разве я говорила, что есть проблемы?»

— «Слабый ответ! Этого коня я съем — говорила в прошлый разговор»

— «Отправишь читать историю?»

— «Нет. Жду твоего ферзя»

— «Ты несносен!»

— «Пешка»

— «Мои проблемы — это моя собственность!»

— «Хм... Ладья. Бью.»

Алиса посмотрела на пальцы, нависающие над клавиатурой — на белых ногтевых пластинках явственно проступили тёмные жилки начинающегося преобразования.

Одёрнулась, почти со страхом оглядывая руки — никогда не происходило так, чтобы бесконтрольно, незаметно для сознания да так быстро тело отвечало на эмоции и изменялось. Беззвучно зарычав сквозь зубы, она встряхнула кистями — ногти стали обычными, контроль восстановлен.

Она взглянула ещё раз на экран и решительно набрала:

— «Да, проблемы есть. Но решить мне их ты не сможешь»

— «Рассказывай», — просто отозвался Влад.

Ещё раз оглянувшись на спящего Даниила, потом на окно, в котором солнце сидело гвоздём в зените, она повернулась к клавиатуре и, помедлив секунду, начала печатать:

— «Меня обучали в единоцерковном детском доме. Полагалось, что оттуда я выйду учителем духовности для начальных казённых школ, но на самом деле получилось иначе...»

Она печатала и сама поражалась тому, как легко падали на белое поле монитора слова, как свободно текли фразы, и история её жизни уходила к незнакомому человеку стройным набором бездушного компьютерного кода. И как быстро, почти невидимо для взгляда, по клавишам танцевали её пальцы — лёгкие, словно пушинки, и мягкие, будто кошачьи лапки. И вся жизнь из-под них брызгами букв летела в пропасть безумного поступка... Но ей было хорошо, как не стало на исповеди, о которой она молила и которая не смогла вымыть из нутра боль и страх.

Только об одном она не сказала — о том, что уже не человек...

Когда закончила и закрыла глаза, безвольно опуская руки, думала, что ответа придётся ждать долго, но Влад отозвался почти мгновенно:

— «Ммм... Оперативник? Понятно. Значит в церкви чудесами и искуплениями целый отдел заведует... Что ж — рациональный ход»

— «Я не знаю про чудеса. Мы выполняли только свою работу — людей, нарушающих общечеловеческую мораль, ловили и..., - она запнулась, но тут же набрала дальше: — превращали в дикарей — бомжей полуживотного сознания и состояния»

— «Дурнопахнущая работёнка. А, если вы занимались этим, то другие отделы могли отвечать за такие «чудеса», как это непорочное зачатие от просмотра фильмов о Христе!»

— «Что тебе не нравится?»

— «Эх, Аля... Всё мне не нравится. Всё! И то, что кто-то взял на себя смелость отвечать за общечеловеческую мораль, деля людей на лояльных и нелояльных и по этому признаку проводить зачистки. И то, наконец, что образованность с приходом «Единой Церкви» в нашей стране упала настолько, что люди забыли, что дети появляются исключительно от слияния мужчины и женщины, а не от просмотра мультиков! Но одни забыли об этом, а другие предпочитают молчать — вот в чём беда...»

— «Ну, да, обычно, чтобы появился ребёнок, людям надо заниматься всякими грязными делами. Но у Марии же было непорочное зачатие. Почему бы и этой женщине не зачать непорочно?»

— «Мм... Аля, во-первых, люди, чтобы зачать ребёнка, занимаются не «грязными делами», а самым важным из всего, что люди делают, потому что это — вершина любви, доступной людям. Возможность проявить любовь ко всему живому через рождение живого»

Алиса грустно усмехнулась. Да, она понимала, что рождение дитя важно, но для неё этот путь был закрыт.

«Гроссмейстер» продолжал:

— «Теперь про Марию. Ты помнишь о том, что её выбрали не за то, что девственница, а

за то, что она была воплощением праведности среди молодых жён?»

Алиса покусала губу, уже осознав, к чему клонит старый друг:

— «Помню»

— «Ты уверена, что женщина, пришедшая на просмотр кино, такая же святая?»

— «Нет»

— «Я тоже. И давай рассуждать логически. Мария известна непорочным зачатием не потому, что не занималась «грязными делами» — женатая женщина наверняка занималась! — а потому, что зачала, не потеряв девственности. Как же, в образе чего или кого, сходило Нечто, чтобы зачать сына божьего — неведомо никому, кто писал Библию. Понимаешь?»

Алиса поморщилась — продолжать разговор об этом не хотелось:

— «Да. Женщина не могла зачать от мультика»

— «Правильно! Вот мне и не нравится, что в церкви ради тактических целей — сегодня поразить паству «чудесами» и получить больше пожертвований, — попираются стратегические. Церковь получила бы значительно больше, если бы не смешивала понятия и сохраняла традиционные представления о «святости», не пугая верующих»

Алиса ошалело покачала головой.

— «Ты против православной церкви?»

— «Нет, не против. Как не против раввинов, лам или муфтиев. Я даже не против волхвов, сатанистов или жрецов Йаха!»

Вздвогнув, Алиса ошалело перечитала сообщение.

Нет, в конце чёрным по белому значилось «жрецов Сета». Она ошиблась? Глаза подвели? Или так ждала заветного слова, что прочла там, где его не было?

А Влад продолжал:

— «Я разделяю понятия «церковь» и «вера», как разделяю «общество» и «государство». Церковь — раздутый штат чиновников, обслуживающий интересы самих себя, и очень опосредовано — людей в те краткие моменты, когда они теряют веру в себя. Понимаешь, все церкви основаны на страхе многих и ловкости нескольких.»

— А вера? — прошептала Алиса, смотря в подрагивающий экран.

— «А вера — потребность людская в справедливости... Потребность, которую мир не собираются удовлетворять. Потому что тут людям ничего не обещано. Никаких договоров. Ну, если не считать Слова...»

— «Ты веришь в Слово?»

— «Так же, как и в Бога»

Алиса буквально почувствовала снисходительность старого друга. Прикрыла глаза — снова представился зал с портьерными шторами на высоких стреловидных окнах, стол под богатым сукном, черный ноутбук с золотой эмблемой яблока и... человека. Лицо оставалось скрытым за крышкой ноута, но она видела тончайшие седые пряди, клубящиеся пухом на голове и худые, болезненно приподнятые плечи, затянутые, словно в корсет, в черный пиджак. Влад протянул руку — тонкую, худую, одетую в кожаную перчатку, — и тут же мужчина в сером балахоне появился из-за портьеры. Поддерживая автомат, мужчина протягивал «Гроссмейстеру» поднос с бокалом, наполненным чёрным напитком. Влад, не отрываясь от экрана, взял бокал.

Обод широкого перстня стукнул по хрусталу. Громко, реально!

Алиса вздрогнула всем телом, пробуждаясь от грёз, и ещё успела увидеть, как человек в

сером балахоне выпускает из рук поднос и вскидывает автомат, с прищуром всматриваясь в пустоту перед собой. Туда, откуда только что она рассматривала Влада.

Сглотнув, Алиса глянула на экран. Напротив ника Влада висел красный знак. «Гроссмейстер» вышел из сети.

— Просвещаешься? — хмуро спросил Даниил.

Обернулась — бет сидел, привалившись к стене, и массировал отлёжанную руку.

— Нет. Общаюсь, — напряжённо ответила она.

Даниил хмуро кивнул, но выспрашивать не стал. Вместо этого качнул головой на окно:

— Вечер. Отец Владимир сейчас подойдёт, и нужно будет собираться. Ты сумеешь найти место проведения обряда?

— Смогу, — подумав, отозвалась она. — Я уже знаю, кого мне искать — запах, ощущения остались. Буду искать человека — найду место.

Оставаясь угрюмым, Даниил подошёл к шкафу и, вытащив из него, бросил Алисе не постель свёрток:

— Это тебе понадобится.

Железо в материи глухо звякнуло.

Четыре ножа с антибликовым покрытием уверенно легли в тренированные руки. Алиса один за другим оценивающе покачала на ладонях клинки и кивнула — понадобится.

Следом за свёртком, Даниил выудил из шкафа две тёмные бутылочки. Одну протянул Алисе, а со второй снова упал на свою постель и, привалившись к стене, начал пить.

Алиса тоже свинтила крышку и пригубила напиток. В ноздри ударил запах нечистот и плесени. Хорошо знакомый по прежнему питанию, но сегодня вызывающий тошноту.

— Что это? — скривилась она.

— Бычья кровь, манка плюс витаминно-глюкозный коктейль — отёр губы Данила. — Как всегда.

Алиса смотрела на бутылочку и чувствовала, как подкатывает к горлу тошнотой одновременно и ощущение жажды и чувство отвращения.

— Не могу, — наконец сказала она и отставила бутылку. Дотянулась до компьютерной мышки и включила радио.

— ... дети будут помещены в лагеря «Доброе сердце», где смогут получить полное воспитание от профессиональных работников, и образование, достаточное для получения престижных рабочих профессий...

Переключение.

— ... приговор убийце отца Аттика лидера политического движения «Рось свободная» Георгия Мирошенко приведён в исполнение в ...

Даниил исподлобья задумчиво посмотрел на девушку и, допив свою порцию, забрал вторую бутылку.

— ... отец Сергей, призванный на смену преподобному владыке отцу Аттику, готовится к обряду вхождения в должность...

— ... пользование интернет-ресурсами, не имеющими сертификата духовного качества «Единой Церкви» с первого числа следующего месяца будет преследоваться по...

— ... открытие нового центра модной единоцерковной женской одежды завтра в полдень. Центр находится по адресу бывшего областного педагогического института, номер пять по улице святого Сергея Радонежского — бывшей Юрия Гагарина...

— ... монумент священной, благословенной Единой Церковью, победе в войне сорок

пятого года на площади...

— ... закрыт трамвайный маршрут номер семь в еврейское гетто и...

— ... изыматься будут дети учителей и врачей...

— ... новое чудо...

...

Глава 36 Охота

Отец Владимир появился, когда на небо высыпали первые звёзды. Ветер ещё ярился, растрёпывая кроны лип и в заметно похолодевшем воздухе носился запах далёкого дождя. Неподвижно сидя на крыльце, Алиса смотрела в небо на бледный лунный диск и периферийным зрением ловила скачущие по земле тени. Оттого и почувствовала священника до того, как он вошёл за периметр.

Поднялась навстречу старику и поняла, что ошибалась в священнике. Отец Владимир был облачён для обряда.

— Сыта? — первое, что спросил он, подходя.

— Не голодна, — уклончиво отозвалась она. — Добрый ночи, отец.

— Полнолуние! — дёрнул он плечом. — Где Даниил?

— Собирается.

Он кивнул.

— Ты собрана?

Алиса развела руками — на ней снова была ряса, апостольник прикрывал тщательно заправленные волосы, а стопы туго обвязывали «греческие» сандалии.

Священник поморщился, и Алиса передёрнула плечами — два тусклых ножа жалами вытянулись из рукавов и надёжно упали в ладони. Отец Владимир удовлетворительно кивнул:

— Тебе может понадобится. Ибо бессмысленно йаху рассчитывать на руки в войне с йахами...

— А вы? Собраны? — спросила Алиса, убирая клинки.

— Твой дух противоречия берёт иногда перерыв на обед? — сухо поинтересовался Даниил, отодвигая её с пути. — Доброго пути, отец.

Алиса закаменела лицом и отступила в тень липы.

— Доброго, — отозвался священник и протянул юноше кобуру, обмотанную ремнями.

Кивнув, Даниил приладил ремни под легкую летнюю куртку и вытащил пистолет. Уверенными движениями выкинул на ладонь обойму, помял рукоять, прицелился на дальние кусты и, сунул пистолет обратно. Алиса успела заметить за распахнутой на миг курткой, что под другой рукой чернеет рукоять десантного ножа. Сосредоточившись, определила, что штанины на голених неестественно топорщится, а корпус юноши движется так, как бывает, когда за поясом скрывается оружие.

Уже направившись к калитке, отец Владимир кинул им за спину:

— Последний обряд проходил возле площади Андрея Первозванного.

— Пошли, — Даниил ступил с крыльца.

Алиса дала им фору в несколько метров и отправилась следом.

По тихим, грязным улочкам, где редко можно встретить людей в такой поздний час, двигалась небольшая группа. Впереди целеустремлённо шагали священник и угрюмый молодой человек, а позади, словно опасаясь нарушить их молчаливый разговор, шла юная монахиня. И только очень внимательный прохожий мог бы разглядеть, что на монашке нет креста, юноша тяжело болен кожной болезнью, а запястья старого батюшки утянуты широкими серебряными браслетами и большой крест на груди вылит цельно из серебра.

На площади Андрея Первозванного толпился народ — ещё работали ночные бары и

казино и публичный дом принимал клиентов — но отец Владимир провёл их вдали от любопытных глаз, свернув в неприметную улочку старых двухэтажек.

— Здесь, — внезапно остановилась Алиса.

— Нет, — священник указал дальше. — Это было там, глубже в старый район.

— Здесь, — повторила она и закрыла глаза. Ноздри её раздувались, а ногтевые пластинки стремительно темнели.

Даниил подошёл ближе:

— Что здесь?

— Запах. Крови. — Она открыла глаза — вертикальные зрачки невидяще смотрели перед собой: — Незапретной крови.

Даниил вдохнул, стремясь уловить его, и отрицательно покачал головой.

Отец Владимир посмотрел на девушку, сомнамбулически застывшей в облаке неуловимых ароматов, и нахмурился:

— Она далеко зашла... Если начала чувствовать разницу.

Даниил встрепнулся, резко повернулся к священнику:

— Что это значит?

— Возможно, скоро она перейдёт ту черту, за которой человеческого в ней не останется. Всё-таки кровь монахов изменила её...

Даниил хотел спросить ещё что-то, но Алиса вздрогнула всем телом и подалась вперёд, словно гончая, вытягиваясь в сторону прохода меж гаражей:

— Запах оттуда! — коротко сказала она, но с места не тронулась.

Священник перекрестился и, отстранив Даниила, шагнул вперёд:

— Инициатор... — его голос был незамутнён эмоциями, как и положено работающему Инквизитору. Это был голос Силы, вольный приказывать: — Найти и остановить! Именем Отца и Сына и...

Стремительно двинувшись в проём меж гаражей, Алиса почти трансформировалась на бегу. Команда Инквизитора, словно вбитый в сознание раскалённый гвоздь, пронзила все действия и мысли.

Даниил попытался рвануться следом, но отец Владимир удержал:

— Не дури! Работающего инициатора догонит только йах такой же подготовки! Она сейчас помчит по крышам и стенам — где запах сильнее. А мы пешочком, по низу... Эти гаражи выходят на ту сторону, туда можно добраться через дворик...

Говоря, он утягивал оглядывающегося Даниила в сторону домов.

А Алиса просочилась сквозь щель гаражей, подпрыгнула и зависла на вбившихся в бетон когтях, втягивая воздух ноздрями. Тонкий шлейф притягательного запаха окутывал её, подбадривая и зовя за собой. Рывок — на крышу. И — вперёд. Бегом, не оглядываясь, на мгновения замирая на самых обрывах, чтобы уловить едва приметный запах и определиться с направлением. А внизу, едва поспевая, бежали бет и священник. Поддерживая полы рясы, отец Владимир бежал тяжело, всё более отставая от Даниила. Бет некоторое время пытался держать в поле зрения и Алису и священника, а потом обернулся:

— Я — за ней!

И мгновенно прибавив ход, ушёл в отрыв, почти догоняя альфу.

Священник, отдуваясь, отёр пот и перешёл на шаг.

Перемахнув через очередной проём между домами, Алиса замерла на краю черепичной крыши трёхэтажного здания. Запах полоснул по ноздрям, взбудоражив сердце. Вдохнув ещё,

Алиса медленно, стремясь не производить шума, двинулась дальше.

Даниил вбежал во дворик и упёрся в высокую кованую ограду с острыми пиками поверху. За ней по крыше роскошного особняка кралась Алиса. Даниил огляделся. Подошёл к калитке. Сбоку запертой двери висела табличка: «Дом Благородных Собраний. Собственность «Единой Церкви». Вход запрещён» — значилось на ней. Даниил посмотрел на пики и выше, на установленные на деревьях камеры. Чертыхнувшись под нос, прошёл дальше и лишь там, где не заметил видеослежки, схватился за прутья решётки. Рывок, ещё один — и он довольно легко влетел на самый верх. Перемахнул через ограду и, опустившись в колкую тонкую траву, залёг, оберегаясь от окуляров видеообзора. Пополз вперёд, маневрируя среди слепых зон камер и раскидистых кустарников.

Алиса дошла до края крыши, наиболее подходящего ей, и села, свесив вниз ноги. Наклонилась, осматриваясь. Прямо под ней красовался узкий балкончик в стилизованной лепнине. Вдоль дома проходил охранник с овчаркой. Алиса приоткрыла губы и, стиснув зубы, бесшумно выдохнула звук, не слышимый человеческому уху. И с удовлетворением посмотрела, как собака заметалась, поджала хвост и, оскалив зубы на тьму, притёрлась к ногам хозяина.

— Ну, ты чего? Совсем сбрендил под течку! — сплюнул охранник и отстегнул рацию: — Центральный. Третий возвращается — псина дуреет. — И скомандовал, в сердцах дёрнув поводок: — Ну! Рядом! Домой.

Рванув повод, собака заторопилась в клетку, утянув чертыхающегося хозяина за собой.

Алиса спрыгнула и забалансировала на периллах балкона. Наклонилась к окну, вглядываясь за золотистую тюль — комната была темна и пуста. Облизав губы, Алиса ударила в стекло когтями.

Прыжок с перил сквозь осыпающееся стекло. И она в комнате.

Высокий потолок. Скрытые за коврами стены и пол просторной комнаты. Водопад хрустальной люстры под лепниной. И ни одного предмета мебели.

Что-то глухо ударилось за спиной и стало темно.

Поворот! Перестройка зрения.

Тяжёлые шторы с вставленными металлическими прутами, ещё шевелились, расправляясь после падения на окно. Кинулась, схватилась, надеясь сорвать, и тут же зашипела, отскакивая — ладони опалило болью. Настоящей, рвущей тело. Покрасневшие ладони пошли волдырями.

— Ну, здравствуй, Инициатор...

Обернулась. Тёмная фигура, сутулая от сдерживаемого напряжения, стояла в единственном выходе из комнаты. Дверь за ним медленно закрывалась, притягиваемая доводчиком. Алиса сгорбилась, подбираясь для боя. По ноздрям бил тяжёлый одуряющий запах крови и цветущих трав. Неизвестный шагнул вперёд, и запах стал сильнее.

— Не стоит бросаться, сестра.... Бой ни тебе, ни мне не нужен.

Алиса облизала губы и чуть не застонала от одуряющей жажды, растёкшейся по телу ломкой сухостью. Теперь она бы выпила и то пойло, которое предлагал Даниил. Но его не было, а вокруг растекался запах, заставляющий ощущать себя мучительно голодной.

А неизвестный продолжал:

— Ты в ловушке. Но у меня нет цели убить тебя. Я хочу, чтобы ты выслушала меня. Выслушала и решила, что в твоей жизни истина, а что — ложь.

Враг скинул капюшон и посмотрел на неё прямо. Вертикальные зрачки, отливающие

красным, сухие бледные губы и заострившиеся черты лица всё сказали ей.

Алиса коротким взглядом обежала пол и стены комнаты. За коврами ощущалась плотность крепких старых стен. Выхода не было. Если только не ломится на прорыв или прожигать тело, выбираясь через серебрёные шторы.

— Говори, — прохрипела она. Голос уже отказывал. Тело трансформировалось перед серьёзной угрозой.

Йах продолжил:

— Ты в ловушке. Но ловушка эта — в твоём сознании. Тебя мучает необходимость подчиняться необоснованным приказам инквизиторов, когда ты чувствуешь сердцем их жестокую несправедливость. Ты ощущаешь, что обряды, которые останавливаешь, нужны тебе, как и всему человечеству...

Алиса нашла силы разлепить сведённые губы:

— Ложь. Обряды — только спектакли, в которых людей убивают.

Йах покачал головой:

— Сильно ли эти обряды отличаются от церковных? Такой же спектакль...

— В них не убивают, — отчеканила она. — И это достаточное отличие.

— Не убивают людей, — усмехнулся йах. — Но сколько потерявших души ради этого?

Альфа-йахов, бета-йахов, прото...

— Прото?

Она дёрнулась. Когда-то где-то она слышала это имя.

— Да, — удовлетворённо улыбнулся он. — Наш отец, наш создатель. Тот, с кого началось всё. Тот, кто поступил наперекор иным божествам и открыл людям тайну их крови. Тот, кто искупил вину всего человечества, чтобы оно жило...

Алиса смешалась.

— Ты говоришь о... сверх-йахе?

Йах кивнул, расслабляя плечи:

— Ты тоже думала о нём? Достоянная дочь... Прото-йах не просто наш основатель, но и тот, кто способен перевернуть это человечество, кто его может сделать чище и ярче. Просто ему нужно вернуться. Слышишь? Вернуться — и этого будет достаточно, чтобы началась новая эра — света и добра! Его вызывает моя душа, его зовёт мой дух. И ты знаешь, ты чувствуешь, я вижу, что каждый обряд приближает его к нам. Ты чувствуешь кровь...

Алиса втиснула когти в ладони и не почувствовала боли от возникших ран. Но сознание стало чище.

— Довольно, — процедила она, пригибаясь. — Ты — слуга Сатаны!

Йах распрямился:

— Я — сын Прото. Как ты — его дочь. Я зову его.

— Ты — нечистоты духа! Ты достоин понимания своей низости, — прошипела Алиса.

Йах с усмешкой посмотрел на то, как приподнимается апостольник над вздыбливающимися волосами девушки.

— И что ты сделаешь, сестра? Иницируешь меня? Меня?!

Алиса прыгнула, не отрываясь от красных вертикальных зрачков.

А йах тихо рассмеялся, качая головой.

...

Глава 37 Схватка

Алиса кусала губы, глядя на смеющегося йаха, пока внезапный треск за шторами не остановил его. Лицо неизвестного застыло маской сосредоточенности, а ноздри шумно вдохнули воздух. Только теперь его волосы приподнялись в звериной свирепости, а руки трансформировались, взбугрив плечи силой.

— Йаахааассс, — прошипел он, оскаливаясь в сторону Алисы.

Алиса почувствовала атаку за мгновение до неё и прыгнула в сторону, уходя перекатом и сжимаясь шариком в углу, защищая спину.

Сильным ударом штору вместе с креплениями снесло внутрь комнаты, и на фоне белёсого ночного неба на подоконнике встали две знакомо укутанные в ткани фигуры. Когда первая легковесно спрыгнула вниз, Алиса уже поняла, что происходит.

— Нежить йах первоинициированный, иерей Марк, в миру Марк Станше приговаривается к очистительной смерти!

Голос знакомый до боли привычным холодом и спокойствием умудрённости — голос командора Борислава. Алиса вздрогнула, сжимаясь в углу всё больше, а йах Марк зашипел, подбираясь перед боем. Сдаваться он не собирался.

Командор появился в проёме окна тёмной тенью, уверенно прямой и несгибаемой, безучастно оглядывая комнату за спинами своих готовых к работе инициаторов.

— Нежить во служении Лиса, в миру — Алиса, — так же равнодушно вбивал слова приказа холодный голос командора. — Приговаривается к очистительной смерти. Во имя Отца и...

Алиса подскочила, когда взгляды инициаторов упали на неё. Азартные глаза, ожидающие, ждущие интересной схватки. И ни мимолётного сожаления, ни удивления встречи в них не было.

Диана и Надежда.

Почувствовав, как дрогнули губы, Алиса поняла, что схватки не избежать.

— Йаахааассс! — зашипел Марк и кинулся вперёд.

Торнадо бешеной схватки закружилось в комнате. Три нечисти схлестнулись, раздирая друг друга. Свистели руки, разрывая воздух, трещали мышцы. Взорвался задетый ковёр — полоснул по воздуху, разошёлся в лоскуты, сваливаясь вниз. Он падал так медленно, так плавно, а сумасшедшее кружение тел под ним казалось смазанными мазками. Но Алиса успела заметить тот момент, когда йах Марк вышиб из схватки Диану, всей мощью выбрасывая её на стену, а Надежде подставляя спину. Надя-Дива кинулась на открытую холку и попала под площадный удар краем сорвавшегося ковра. Её это не остановило — руки ударили крест-накрест, взрезая ткань, но Марка перед ней уже не оказалось. Йах пружиной вылетел в балконное окно. Командор и не попытался его остановить, отшатнувшись с дороги летящей свирепой мощи, чтобы не попасть под бьющую мимоходом по горлу лапу.

Яростно зашипев-засвистев, Надя прыгнула к окну. С балкона — вверх на крышу, вслед за беглецом. А Диана, проводив взглядом подругу, повернулась к оставшейся в комнате приговорённой.

— Нет... — прошептала Алиса, отодвигаясь. — Ди...

Работающий инициатор двигался на неё неостановимо.

— Ди, — Алиса отодвигалась, качая головой, — я не хочу с тобой драться... Ди?

Бывшая подруга шумно вдохнула воздух и бросилась.

Алиса нырнула в сторону, но всё равно чёрные когти метнулись возле её лица. Ещё рывок Дианы — Алиса скакнула на стену, на миг повиснув на ковре и тут же прыгнула на дверь комнаты. Выломала её, пролетела, кувыркаясь в коридоре, вскочила, готовясь бежать...

В другой стороне широкой рекреации стояла Лиля. Тёмный силуэт монахини, молитвенно сложившей ладони перед грудью, словно облитый чёрным тяжёлым полотнищем, не двигался.

Обернулась.

Диана выходила в рекреацию — от широких свободных шагов колыхалась глубоко-черная ткань подрясника.

Алиса успела облизать губы и увидеть в окнах свет прожекторов недостроенной многоэтажки. Два инициатора ударили одновременно. Бросок! И тут же отскочили, злобно шипя и судорожно извиваясь. Алиса стояла, замерев, а на выпрямленных в стороны руках алела чужая кровь — клинки девушки-йахи унесли с собой. Они отступали, шипя от боли и неуверенно шатаясь на ослабевших ногах.

Алиса выпрямилась, опуская руки, глянула на одну противницу, на другую — ножи сидели, по рукояти войдя меж рёбер. Оба пробил сердца. И оба не остановят йахов. Может быть, дадут время оторваться.

Она подскочила к окну, вышибла стекло и, встав на подоконнике, оглянулась.

Диана вытащила нож из груди первой — вытянула, швырнула в пол — клинок со звоном пробил паркет и замер, дребезжа. Плюнув на ладонь, девушка-йах размазала слюну по вяло подтекающей ране и исподлобья посмотрела на Алису — тело ещё не слушалось, чтобы продолжать схватку. Лилия освободилась от клинка секундой позже. Зашипела, судорожно вытягиваясь и заставляя тело регенерироваться.

Алиса показала зубы и выпрыгнула в окно. Гибкое тело развернулось, когти ударили в стену и, чуть не срываясь от силы падения, вонзились в бетон. Заскрипев зубами, Алиса подтянулась и поползла наверх, на крышу. По серой стене фасада кровь Инициаторов с ладоней и своя, с развороченных когтей, оставляли красные следы.

Выстрелы зазвучали, когда она уже приблизилась к черепичному навесу. Первая пуля ударила в открытую спину, заставив выгнуться от ожога и чуть не расслабить руки — мышцы не успевали сократиться. Извиваясь, попробовала дотянуться до кровли. Вторая пуля вошла чуть выше первой. Алиса отпустила ладони и рухнула, уже в полёте разворачиваясь. Пришлась на руки и ноги, едва успев погасив скорость.

— Алиса! Бегииии!

Знакомый голос взвился со стороны невидимого стрелка. Данила сцепился с неизвестным в чёрном костюме. Креста с рубиновыми кристаллами на стрелке она не увидела, но не сомневалась — он был.

Сверху послышалось шипение. Стиснула зубы — инициаторы вполне оправились, чтобы идти за ней. А со всех сторон чёрной ограды уже началось движение — бежала охрана, бежали люди в чёрном.

Вскочила и, ускоряясь, понеслась в сторону освещённого прожекторами недостроенного небоскрёба.

У ограды на пути вырос вооружённый силуэт. Зрачок ствола холодно направился ей в голову. Алиса ринулась вниз, почти с земли выбрасывая нож в человека. Храмовник

вздрыгнул всем телом, закидывая руку, под которую в грудь вонзилась сталь. Девушка прыгнула, в полёте выдернув клинок, и уходя дальше. Храмовник так же молчаливо свалился на землю, когда она перескочила дорогу и нырнула в извилистый проулок.

Пули скребли по стенам, поторапливая её бег, разгоняя кровь и силу по битому телу. В спину словно впиалась огромная змея и, шевелясь от движений, перетирала зубами прокусанные мышцы. Но что-то сильное, неудержимо древнее выгоняло её из тела, заставляя разжимать тиски челюстей.

Когда из проулка вылетела на строительную площадку, пули прекратили колотить по стенам. Но это только заставило Алису увеличить скорость — на короткой дистанции храмовники могли отстать исключительно для того, чтобы пропустить инициаторов. Перестали стрелять — не рискуют зацепить своих...

Она с бега взяла ограду и, упав на другой стороне, огляделась. Высотный кран. Тонны вздыбленного глинозёма. Спящие грузовики. Многометровые упаковки кирпича. И истеричный вой и скулёж собак, стаей сбивших возле сторожки под прожектором.

В забор влепилась пуля — кому-то не удалось с расстояния загнать кусок серебра через узкий проём в бетонных блоках. Алиса отшагнула в сторону и встряхнулась, словно кошка, выходящая из воды. И снова побежала. Туда, наверх многометрового здания, храмовники не пойдут. Или не успеют. Туда поднимутся только йахи. Там будет шанс. Особенно, если она не приоритетная цель и большинство будет преследовать фальшивого иерея Марка.

Влетела в здание, ещё не обвешенное дверями от прохожих зевак, и сразу наверх по узкой лестнице, не предназначенной для каждодневной беготни по этажам. Девять ступеней — поворот, девять ступеней — поворот. На площадке этажа в оконце краем глаз заметила, как тёмная тень ударилась о металлические балки высотного крана и, уцепившись, споро поползла наверх.

Вторая, несомненно, будет догонять по лестнице, а храмовники — ждать внизу.

Уже на двадцатом этаже почувствовала, что в висках расплавился ад — тело нагревалось от напряжённой работы, но останавливаться, чтобы скинуть одежду времени не было. Вслушиваясь в шорох такой же рясы на преследующей девушке-йахе, Алиса бежала. Они были в равном положении. Если не считать того, что ей приходилось делать то, что она никогда не совершала, а бывшим подругам выполнять рутинную работу.

Когда вылетела на недостроенную площадку — на миг замерла.

Город лежал до горизонта рассыпанным по чёрной скатерти бисером огней. А над ним, на таком же тёмном, но бархатном от лёгкой облачности, небе, висела луна — далёкая, меловая, мудрая в своей отстранённости. И тьма вокруг...

Алиса шагнула на площадку, оглядываясь — профильный каркас недостроенных межкомнатных перегородок тянулся на всём этаже, деля его на клетки. Перемахнула через несколько и, успокаивая сердце, встала возле края — ближе к прохладному ветру. И застыла в ожидании.

Лилия вспорхнула на этаж, прыжком перемахнув разом и лестницу, и часть лестничной площадки. На запах напрямую двинулась к Алисе. Не дойдя десятка метров остановилась, вглядываясь.

Они стояли друг напротив друга. У обеих плечи тяжело поднимались после напряжённой работы, ногти темнели заостренными когтями, а апостольники над загривком приподнимались от вздыбленных волос. Обоим тяжёлые рясы трепал ветер.

Алиса сделала шаг навстречу бывшей подруге — Лилия, вставая вполборота,

выдвинула вперёд правую руку, напрягая пальцы для работы и склоняя голову. Она готова была драться. И Алиса вскинула руками, словно пустив волну от плеч — клинки выпали из рукавов и замерли в ладонях.

Глаза Лилии вспыхнули яростью. Она бросилась.

В момент встречи Алиса выставила ножи, но бывшая подруга выбила один и обошла второй, всем телом сшибая беглянку с ног. Ту отнесло на недостроенную конструкцию из профиля — прогнув его, она пролетела дальше, кувыркаясь и стремясь задержать падение. Когда попыталась подняться на ноги — Лилия уже была рядом.

Тяжёлый удар пришёлся по голове и чуть не свалил обратно на пол. Огрызнувшись ножом, Алиса всё-таки поднялась на ноги, но темп уже потеряла. И снова закружилась схватка.

В кровавом потоке, ударившем по глазам, она едва успевала заметить мелькание рук — смазанные вихри широких рукавов метались перед ней, превращаясь в чёрные круги, из которых били когти.

Её ударило по груди, вышибая воздух из лёгких и принуждая бессильно отступать. Потом по плечу, чуть ли не вминая ключицу в сердце, но и сама она достала Лиллю — кровь часто забила в пыль.

Удар в хребет ошеломил. Заставил рухнуть на колени и свалиться, подкатившись мешком под ряску Лили. Оглушение на миг погасило сознание, и выпавший из руки нож зазвенел где-то в стороне, отброшенный чьим-то точным ударом ноги. Лилия зашипела, пиная беглянку обратно Диане. Та ответила тем же.

Прикрывая голову от ударов, Алиса в узкие щели меж рук и струй крови стремилась увидеть мир и разглядеть лазейку для ухода. Бывшие подруги тешились, мстя за болезненные поражения и изнурительный бег, но вскоре должны были выполнить приказ. На то, чтобы лишить её сознания, много времени не уйдёт. А там — вышвырнут с небоскрёба, потом подоспеют храмовники и сделают всё, как надо, чтобы упокоился йах. И можно было согласиться с этим, но где-то далеко был Даниил. И он ждал её.

Заставив кипящее болью тело двигаться, Алиса подобралась и кувыркнулась в сторону, уже в перекате подхватывая нож. Схватила неловко за лезвие и сходу отправила клинок за спину — в первую же летевшую следом противницу.

Клинок вонзился, на миг останавливая Диану. Лилии пришлось обходить её, чтобы броситься в погоню. Но Алиса этого уже не видела. Спотыкаясь, она бежала к краю этажа. И, силясь удерживать тело в контроле, вглядывалась под ноги — пол дрожал, норовил выпрыгнуть из-под неё, и на него весело летели чёрные бусины крови.

Она выскочила на край, схватилась за широкую железную стойку, и, махом перемахнув через невысокий кирпичный борт, прыгнула.

Широко раскинув руки, словно птица, грудью нашлаиваясь на ветер снизу, словно не было погони и поражения, а только желание полёта...

Диана и Лилия застыли над пропастью, глядя вниз с одинаковым задумчивым выражением на лицах. Посмотрев друг на друга, они отвернулись от края и направились к сходу.

...

Глава 38 Отрыв

Город приближался — росли огни проезжающих машин, словно бисерины, нанизанные на улицу, громады зданий и тёмные упругие шары деревьев.

Ветер с силой бил в лицо, в глаза, высушивая до холодной ломоты.

Толща воздуха меж ней и приближающейся землёй сдерживала падение, силой превращённое в бешенный скоростной полёт. Распахнувшись, словно открывая объятия будущему удару об асфальт, она мчалась к огням. Широкая юбка, будто парус, гудела и стонала, прогибаясь, апостольник ловил ветер. А под ней стремительно мелькала земля.

Улица свернула, а впереди замаячила парковая зона.

Перед ударом, она закрыла глаза и обхватила руками голову.

Тело врезалось в толщу богатой кроны тополя, сбивая ветки и листву, пролетело, теряя высоту, ударилось в сосновые лапы, ломаным силуэтом промахнуло дальше и свалилось на тяжёлые ветви осины...

Она лежала на земле и смотрела вверх, где ещё качалась побитое дерево. Листья зелёной россыпью, кружась, летели вниз, стремясь засыпать её.

Алиса закрыла глаза и замерла. Она нуждалась во внутренней остановке. Сердце рвано толкало кровь, земля холодила кожу, нутро затихало...

Очнулась от чувства опасности.

Шаги приближались со всех сторон — осторожные, тренировано-тихие, легко перекатывающиеся с пятки на носок мягких туфель. От них волновалась земля, от них шевелился загромозченный на давно утихшей листве.

Открыла глаза. Луна висела высоко, заглядывая в её зрачки через путаницу поломанных веток. Ветер с трудом пробивался через вязкую крону осины. А по земле шли храмовники.

Вдохнув, Алиса почувствовала, как закипел в груди вязкий кисель из воздуха и крови. С трудом перевалилась на бок и выдохнула, выплёскивая клокочущую чёрную жижу на листья. Огляделась — люди шли медленно, явно разыскивая её, не будучи уверенными в том, что йах недвижим. Если бы знали, в каком она состоянии — не церемонились бы.

Она попробовала подняться — руки подогнулись. Рассержено зашипела, поджимаясь. Боль колотила в мозг, словно в колотушку, заставляя тратить силы на её гашение. Приподнялась на локтях и поползла в сторону от замыкающегося окружения. Но храмовники приближались быстрее, чем она ползла. И Алиса расслабилась, опускаясь и прижимаясь к земле. Закрыла глаза, замедлила дыхание. Может быть, хватит времени восстановиться хоть чуть.

Внезапный шум ударил в спину нарастающим рокотом мотора. Тяжёлый фургон сшиб ворота парка и, зигзагом прошив главную аллею, на скорости понёсся туда, где она лежала. Чёткий строй храмовников рассыпался, распался, уходя от бешеного грузовика. Машина воткнулась в дерево, вздрогнула и, продолжая рычать неостановившимся движком, встала.

Преследователи разбились: часть продолжили движение за уходящим йахом, а другие приблизились к машине. Подняв оружие, они двигались к кабине, всматриваясь в пустоту за стёклами. А удар пришёл из фургона — внезапные выстрелы скосили сразу двух. Раненные воины церкви молча свалились на землю, зажимая раны. Другие перестроились, обстреливая фургон.

Двери сзади распахнулись, и йах огромным прыжком пересёк расстояние до

ближайшего храмовника и, завалив его, махнул рукой по горлу. На мгновение припал к бьющемуся телу и тут же бросился дальше, в лес.

Храмовники, молчаливо перестраиваясь, рванули следом. Лишь раненные остались на местах, споро обкладывая раны тампонами и запенивая массой из персональных баллончиков.

Храмовники уходили всё дальше за неизвестным, широким полукругом прочёсывая парковый лесок. А Алиса оставалась лежать, ощущая мир вокруг. И гадала — кто?

Приближение она почувствовала лишь когда рядом упали листья. Следом с дерева спрыгнул человек.

— Алиса?

Она узнала хриплый шёпот, но ответить не смогла — сперва нужно было восстановить дыхание.

Даниил подобрался тихим шагом, настороженно выглядывая противников вокруг.

— Аля? — тронул за плечо.

Она с трудом подняла лицо.

— Да...ня?

Он усмехнулся, слизывая с губ кровь.

— Я увёл их. Поднимайся. У нас мало времени, что бы уйти.

— Ты... — она смотрела на него расширившимися глазами, — Ты...?

Нахмурившись, Даниил скривился и стёр кровь с лица. Стало хорошо видно, что губы его без единой царапины.

— Нужно было, — дёрнул он головой, но глаза его странно заблестели, — чтобы поверили... что настоящий... За бетом бы они не пошли.

Алиса выдохнула и, закрыв глаза, уткнулась лбом в холодный наст упругой травы.

— Поднимайся, — хмуро повторил Даниил, — Надо уходить.

Появление новых врагов она почувствовала всем телом, чутко припавшим к земле. Подняла голову. Две тёмные фигуры в знакомом одеянии, спрыгнув с деревьев, двигались к ним.

Даниил почувствовал неладное секундой позже — развернулся, встал в полный рост. Вытянул из-за спины нож и замер, вглядываясь в неторопливый шаг инициаторов.

Алиса упёрлась лбом в землю, давая себе мгновение отдыха, и начала подниматься. Тяжело и неуверенно, бросая все силы на регенерацию. В глазах мир размывался до едва узнаваемых очертаний, а сердце в груди рокотало в бешеном темпе.

Диана и Лилия не стали дожидаться, когда она восстановится. Но, лишь они двинулись на бывшую сестру, на их пути встал Даниил.

Широкий длинный клинок, похожий на стальной лист, заметался перед его грудью. Йахов это не остановило — только презрительные усмешки едва тронули лица.

— Уйди, гниль, — прошипела Диана.

Лилия шагнула ближе, махнула рукой, стремясь отбросить с пути бета. Но Даниил успел — клинок ударил по корпусу, разом рассекая ткань рясы и вонзаясь в плоть. Лилия зашипела, завывла, одёргиваясь и, отскочив, схватилась за рану. Скукожилась за спиной товарки.

Диана глянула на скрючившуюся подругу, перевела взгляд на бета.

— Серебро, — кивнула она сама себе и двинулась на Даниила.

Шатаясь, Алиса шагнула навстречу, но бет толкнул её плечом себе за спину.

И встретил альфу.

Разьедаемое болезнью тело столкнулась с высокой регенерацией. Чувство вины — с ощущением превосходства. Никчёмность — с миссией высокого служения. Последний стоял против первой. И не собирался сходить с места.

Алиса упала на колени, с трудом успевая отследить происходящее внутри боя. Клинок метался, плели интригу схватки когтистые руки. И лицо обоих йахов оставались сосредоточенно-холодными, кто бы ни получал рану. С каждым новым разрывом на теле, плюющим в воздух кровью, на миг они отшатывались друг от друга, и снова схлестывались. Но бет слабел, отступая больше, чем надвигаясь.

Алиса перевела взгляд на Лилию — та смотрела на неё в упор.

Стиснув губы зубами, обе поднялись одновременно.

В тот же миг Диана пробилась за клинок Даниила, и, хватив когтями по горлу, отшвырнула окровавленного бета в сторону.

Алиса отшатнулась, становясь спиной к дереву и сводя перед собой напряжённые кисти. Краем взгляда посмотрела на бета. Даниил лежал плашмя на животе, и только пальцы, вяло скребущие возле горла окровавленную землю, говорили о том, что он в сознании.

— Остановитесь!

Голос наставника Борислава пришёлся на тот краткий момент тишины и неподвижности, что бывает перед смертельным рывком.

Алиса рыскнула глазами по периферии полянки. Тёмные фигуры не таились, уверенно держа их на прицелах. Храмовники.

— Йах Алиса! Бет! Вы окружены. Сопротивление приведёт к тому, что убивать вас будут здесь.

Сквозь туман, вглядываясь в темноту, Алиса передёрнула плечами. Не лучшая доля — долго, болезненно, страшно. Пока не порвут на лоскуты и не сожгут всё то, чем живо тело йаха. И умение закрываться от боли не поможет.

— Я предлагаю вам пойти с нами по собственной воле — искренне и честно, — продолжал наставник Борислав. — И даю слово командора, что ваше упокоение будет проведено во сне, как должно уходить преданным.

Алиса сглотнула и снова посмотрела на бета. Потом — на остановившихся перед ней Диану и Лилию. Обе были похожи на замерших роботов, ждущих команды. И эта механистичность пронзила её страхом. Впервые после долгой разлуки встретив своих сестёр, она вдруг до небывалой ясности поняла, насколько они были различны. И, хотя, будучи ещё инициатором, она и сама под приказом становилась в чём-то похожей на куклу, которую дёргают за верёвочки, но всё-таки жизни в ней было больше. Живыми тут из йахов оставались лишь двое — она и бет, оба едва способные двигаться.

— Согласна...

Командор Борислав дал знак храмовникам и один из них сдвинулся с места, шагая к йахам.

«Наложить печать», — отстранённо поняла Алиса. Она безучастно смотрела на то, как храмовники — едва различимые фигуры в ночной тени деревьев — перестраивались, готовясь принять пленённых в коридор стражей. Но одна из фигур, такая же неясная и расплывчатая, как и остальные, показалась ей значимой. Возможно тем, что двигалась обратно, за спины другим, отодвигаясь к кромке леса, под самые ветви, туда, где стоял командор Борислав.

Воин, посланный приказом, прошёл мимо безразлично замерших инициаторов и с трудом приподнявшегося Даниила, когда сзади послышался едва различимый шум. Спустя мгновение громкий оклик остановил движение. Храмовники оборачивались, уже понимая, что случилось.

Командор Борислав стоял, с заломленной за спину рукой, прогибаясь назад, убирая горло из-под лезвия. И молчал, хмуро оглядывая не своих людей, а небо над ними. А стоящий за ним неизвестный в рясе держал его на ноже и шептал едва слышно, так, что только йахи на расстоянии могли различить слова:

— Дай приказ их отпустить. Дай, брат. Ты же знаешь, я не остановлюсь.

— Даже если придётся убивать своих? — так же тихо спросил командор.

— Не юродствуй, — упрекнул отец Владимир. — Вы — не свои. Моих вы передавили ещё двадцать лет назад.

— Ты был с нами.

— Был. И подчинялся. Так же, как сейчас будешь подчиняться ты.

— Буду ли?

— Ради жизни своей и жизни своих людей — будешь.

— До них ты не доберёшься. Тебя просто порвут.

— Я — нет. А Данька и Лиса — доберутся.

— Их остановят.

— Кто? — усмехнулся отец Владимир. — Пока я тебя держу так — ни одна живая душа с места не сдвинется. А уж сдохшая — тем более. Им это в крестец вколочено. Не так ли?

Командор Борислав смотрел в небо и молчал.

— Дай приказ нас пропустить, Борислав, — повторил отец Владимир. — То, что вы сейчас делаете, — большая ошибка. И, не дай небо, вы её всё-таки совершите...

— Ошибок у нас не бывает.

— Конечно, бывают только чьи-то амбиции, — иронически заметил отец Владимир, и закончил: — Я исповедовал этих ребят. И девчонку, и бета. Я знаю их нутро. И я их вам не отдам. Приказывай нас пропустить. И гоняйся за тем, кого действительно нужно остановить. Ну!

Клинок припал к бьющейся жилке, пуская красный ручеёк по шее.

Командор Борислав поморщился, разглядывая сквозь листву лунный диск.

— Алиса! Даниил! — громко воззвал отец Владимир. — Прорывайтесь мне за спину. Там машина!

Переглянувшись, Алиса и Даниил стронулись с места.

Оглядываясь на командора Борислава, не отменившего приказ остановиться, инициаторы, шипя и зло поводя плечами, провожали их взглядами. А храмовники ошетинились оружием в обе стороны — на отца Владимира, скрытого от них телом командора, и на двинувшихся йахов.

Алиса и Даниил сгорбились перед броском.

— Не пожалей, — прошептал отец Владимир командору. И тот сдался.

Вскинул свободную руку, привлекая внимание, и прохрипел:

— Пропустить!

Храмовники медленно опустили оружие, а инициаторы подали назад.

Отец Владимир дождался, когда Алиса и Даниил, поддерживая друг друга, шагнут ему за спину, и тоже сдвинулся с места, пятясь и продолжая удерживать командора Борислава в

Захват.

...

Глава 39 Воспоминание о Наведении

— Во всякий час сего дня во всём наставь и поддержи меня. Какие бы я ни получала известия в течении дня, научи меня принять их со спокойною душою и твёрдым убеждением, что на всё Твоя Святая воля...

Алиса проговаривала вслед за всеми, но мысли её были уже далеко. Сестра Пелагея обещала в этот день показать японскую защиту, и любопытство снесло её. Национальное оружие самураев она уже начала изучать, но пока не продвинулась далее личной практики.

Сестра Софья отошла в сторону, и её место заняла неизвестная женщина, одетая в деловой костюм с маленьким чёрно-золотым значком на лацкане. Она пронзительным взглядом оглядела стоящих на коленях девушек, отчего многие поёжились, и улыбнулась. Алисе эта улыбка показалась неживой, и она опустила лицо, чтобы не встретиться глазами с незнакомкой.

— Милые девушки! Господь призвал ваших родителей, как призывал многих достойных людей. Но в этом мире не оказалось никого, кто мог бы подать вам руку помощи и укрыть в пасмурный день. И только церковь, хранящая добродетели, не могла пройти мимо вашего горя. Теперь вы...

Алиса смотрела в серый пол, изъеденный трещинами, и перед глазами мелькали белые искры ножей. В прошлый урок ей удалось довольно надёжно оборониться от атак старой наставницы и хотелось развить успех, но внутреннее чувство беспокойства мешало — ей всё казалось, что на самом деле учительница играет с ней в поддавки, воспитывая уверенность. Потому в голове и крутились воспоминания о поединке, обрывки ключевых моментов боя, и, после анализа, крепла убеждённость в том, что ошибок она успела совершить немыслимое количество и потому никак выиграть не могла.

— Приближаются последние времена мира. Вам, будущим щитам Церкви, принимать на свои плечи заботу о его надёжном оплоте, о нерушимости границы между Добром и Злом, проходящем не на земле, но в душах человеческих. То, что находит своё отражение в культуре человечества! Что видим мы сейчас, глядя на людей, мельтешащих в городах? Порок! Порок, и только порок правит ими! Люди опускаются, их обычный круг забот — работа и телевизор с бутылкой пива. Женщины бросают детей, мужчины — женщин. Легализованные наркотики травят подростков, а телевидение развращает их дух, делая приемниками содомитов или воспитывая убийц!.. Но церковь — последний оплот духовности в этом несовершенном мире. Ведь заповедовал Господь...

Алиса вздрогнула. Голос незнакомки звенел, набирая силу, и, казалось, лился прямо в сердце. От него что-то дрожало внутри. Дрожало так, что отзывалось и в уставших коленях и в макушке, заставляя всем телом впитывать слова, подчас не распознавая их, не разделяя поток звуков на смысловые связки, но ощущая, что всё сказанное — истинная правда, и она зовёт и будоражит одновременно.

— Сейчас, когда мир на пороге величайших изменений, и вы на себе ощущаете его грехопадение, сейчас, когда властолюбцы отвернулись от бога и их сердца зачерствели, а руки покрылись кровью, сейчас, когда...

Сердце Алисы тукало всё громче. Оно бешено билось о грудную клетку, вдавливая кровь в артерии на висках, и за стуком почти не слышна была горячая речь незнакомки. Только отдельные фразы долетали сквозь шум в висках и опьянение от восторженной дрожи:

— Вы — последняя надежда церкви! Ваши души лягут в фундамент нового мира! Ваши тела, став вечными, изгонят порок и грех из сердец живущих! Вы сможете...

— И лишь безгрешностью своей не внушить почтения к добродетели в сердца порочных и потому без оружия в руках не смочь защитить...

— Ваши тела станут оружием! Ваши сердца будут хранить верность и понимание! Ваши души....

А потом и этих кратких фраз не стало для Алисы — лишь биение сердца опустилось ниже, в чашу живота и там забилося, словно кипящее варево под крышкой и от этого стало горячо и хорошо.

— На ваши плечи падает миссия защиты добродетели от порока!

— И сказал Господь...

— Аминь!

Алиса вскочила вместе со всеми и, вскидывая руки, прыгая на месте и шало оря, потрясала ножами и искала среди лиц подруг — безумных, восторженных, диких, — хоть чьё-то чужое, враждебное... Внутри словно волчок завели — всё вибрировало и ей казалось, что никогда она не была так наполнена силой и пониманием настоящей истины. Она искала, искала, руки гудели, ножи плясали над головой замысловатый танец, живот кипел неведомой ранее магмой... А вокруг неё плыли лица, лица...

Диана, размахивая кудряшками, вытанцовывала что-то необузданно дикое, и юбка подрысника кружилась, словно у настоящей цыганки...

Лиля стояла возле стены, сцепив руки перед собой, и безостановочно кивала, не прекращая молиться — губы шевелились, а по щекам стекали слёзы...

Надя — Дива — расцарапывала себе лицо, мотаясь из стороны в сторону, и глаза её пугали небывалой пустотой...

Света — Кузя — лежала на полу и стонала, обхватив себя руками...

Алиса кружилась, кружилась, ножи взлетали, взлетали...

Сестра Софья, напряжённо стиснув в руке стакан с водой, отвернувшись, смотрела в окно, а в воду бесшумно что-то капало с её подбородка...

Неизвестная женщина, кивнув сестре, поправила костюм и направилась к выходу...

Алиса кружилась, ножи взлетали...

Лицо сестры Пелагеи возникло перед ней внезапно. Среди прочих — диких, безудержно-шалых, — спокойное, уверенное и светлое. Она смотрела холодно и сурово. И Алиса остановилась, опуская ножи.

Зажмурилась от неожиданной боли, сжавшей голову в тиски. Мгновение!

Когда открыла глаза — рядом не было ни сестры Пелагеи, ни подруг.

Она лежала на холодном полу тренировочного зала и со всех сторон, сквозь разводы и трещины, на неё смотрели воины, побеждающие змеелюдей. И в их глазах не было ненависти, только усталость.

Впрочем, и в глазах побежденных она не увидела ни ярости, ни ненависти, ни даже страха...

...

В церквушке, не смотря на тёплые летние ночи, было холодно и сыро — испарения от земли проникали снизу, оседали каплями на стенах и иконах и стекали вниз, словно слёзы.

Отец Владимир втолкнул в тёмный зал командора Борислава, дождался, когда Алиса втащит Даниила, и со всей силы потянул створки — двери с грохотом встали на место, закрывая вход. Запер на мощный засов — только свет полной луны в ажурных окнах и негасимая лампадка над алтарём освещали зал.

— Здесь пока безопасно, — хмуро прокомментировал отец Владимир. Подошёл к лампадке, стал зажигать и относить по углам свечи.

— Пока, — усмехнулся командор Борислав. — Вас найдут, где бы ни были.

Локти его были стянуты ремнём за спиной, с ног сняты ботинки, а торс обнажён. На груди белел старый шрам, оставшись единственным знаком принадлежности — крест отец Владимир снял с него, как и забрал всё имеющееся оружие. Но это не мешало командору смотреть вокруг насмешливо и уверенно.

Алиса уложила Даниила подальше от командора, к самому преддверью алтаря, и села рядом, прижалась спиной к стене и опустила ладонь на лоб бета. От него тянуло жаром и холодом одновременно — разорванная шея парила от поднявшейся температуры, а тело стало негнушимся и холодным, словно у покойника. Веки едва колыхались и недавно отросшие ресницы неумовимо вздрагивали на тонкой молодой коже. Алиса следила за дыханием бета и иногда неосознанно запускала пальцы в едва подросшие волосы.

— Питание, — отец Владимир подошёл и, не наклоняясь, показал ей тёмную бутылку.

Алиса подняла взгляд на священника и покачала головой. Снова заворотило.

Священник поджал губы и нахмурился.

— Вы всё ещё уверены, отец Владимир, что идёте верной дорогой? — внезапно вполне серьёзно спросил командор Борислав.

Отец Владимир обернулся к нему, посмотрел задумчиво:

— А вы? Встречая препятствие, считаете, что это знамение неверного пути?

Командор снова насмешливо скривил губы и отвернулся.

— Разве дорога, ведущая к свету, не имеет камней на пути? — покачал головой отец Владимир и снова посмотрел назамерших в малоподвижности йахов: — Дорога добра — дорога преодоления. Там, где человек изворачивается, обходя камни, где сдаёт назад в страхе, где решает, что лучше просто, чем тяжело — там рождается дорога зла и лжи. И это не наша дорога.

Он дёрнул головой, словно перебивая себя, и стремительно ушёл к командору. Не церемонясь, схватил его за плечо, разворачивая спиной, и проверил ремень на локтях. Лицо наставника стало равнодушным, но белизна и пот на лбу выдали его страдание.

Священник отконвоировал командора в угол притвора и сухо приказал:

— Присаживайтесь, командор. На седалище.

Отец Борислав молча опустился на холодный пол.

— Ноги, — коротко приказал священник. Пистолет в его руке весомо направился в голову пленнику.

Тот глянул снизу вверх на старого инквизитора и, не перечая, сложил ноги кренделем, подтянув стопы к бёдрам. Алиса знала эту позицию по медитациям — помогая

сосредоточиться на запредельном, она и приводила в оцепенение, из которого без посторонней помощи подняться было сложно.

Отец Владимир отошёл от командора на несколько шагов и, не опуская пистолета, сел напротив. Теперь они смотрели друг другу в глаза. Старый священник сидел прямо, в традиционной позиции на коленях, а пленник из-за заломленных за спину рук, немного наклонялся вперёд, и казалось, что его широкая массивная фигура пытается нависать над старцем.

— Я хочу понять... — негромко начал отец Владимир. — Почему за отродьем, которое губит женщин и искривляет веру, больше года идёт охота без результата?

Командор пожал плечами, насколько позволил стягивающий локти ремень:

— Вы напрасно считаете, что мы всеильны. Круг и его возможности не сильно изменились за годы, пока вас не было.

Отец Владимир усмехнулся:

— Одной инициаторши вашего изготовления хватило, чтобы дважды безошибочно выйти на него!

Алиса подняла голову и взглянула на разговаривающих. Они сидели далеко и разговор едва долетал до неё, но ей твёрдо виделось, что меж людьми возник и теперь дрожал невидимый эластичный жгут, он натянулся до предела и отпусти его один — он больно ударит по другому.

— Выйти — да, но не поймать.

— Борислав, не надо играть со мной, — отец Владимир покачал головой: — После того, что я пленил командора региональной секции храмовников Единой, терять мне нечего. Я вне закона. Ты понимаешь — времени у нас мало.

Командор задумчиво посмотрел на священника и глухо спросил:

— Так что — мы докатимся до крайностей? Или у вас есть в тайнике сыворотка правды?

Отец Владимир ответил ровно:

— В тайнике бутылка старого кагора. А вот рядом — инициатор, которого вы приговорили к смерти.

Командор не выдал себя ничем. Но Алиса почувствовала, что жгут всё-таки лопнул. И ударил по нему.

— Блеф, — хрипло сказал он.

Старый священник кивнул ровно, будто ожидал такого ответа, наклонился, опираясь на колени предплечьями. Набухшие дряблые веки прикрыли острые глаза.

— Командор, напрасно... Я старик, но у меня хорошая память. Ваша молодость пришла на время смуты, потому вы не успели научиться любить ту церковь, какой она была годы и века до вас. Вы прошились красным петухом по всему, что было дорого нам. Вы спалили наши принципы, убили нашу веру в человека. И создали это уродище — «Единую Церковь» — общество лжецов, стремящееся только к власти над кошельками, телами и душами. Вы захватили власть в стране и, словно последние угли, затоптали те церкви, где сохранялось истинное православие. Вы ввергаете Россию в хаос средневековья, хотя и с новыми техническими возможностями. Уничтожаете знание и людей, способных его передавать. Убиваете волю и людей, способных на сопротивление вам. У вас только одна цель — жрать. И этого я вам простить не могу. Вот этого убийства церкви, которой служу. Так блефую ли я?

Командор отёр о плечо подбородок, на который стекла капля пота, и отозвался:

— Это ли не можете простить, или то, что вам пришлось быть в наших рядах и ради собственной жизни в Храме отказаться от прежнего мировоззрения? — флегматично спросил он.

Лицо отца Владимира не дрогнуло.

Командор кивнул:

— Вы не блефуете.

Он пожевал губами и посмотрел на дальние иконы, мимо невозмутимого священника:

— Иерей Марк — отец владыки Аттика.

— Так, — сухо отозвался старый инквизитор и выпрямился.

Командор неохотно продолжил:

— Он был храмовником на сопровождении прото к монастырю подготовки. Прото вырвался. Больше сотни человек погибло...

— Он получил личную инициацию? — поднял брови отец Владимир.

— И да, и нет. Он был опосредованно инициирован прото. Пытался отсосать кровь у укушенного митрополита, присутствующего на обряде. Владыка умер, а Марк оказался инициирован в альфу.

Священник обернулся, коротко глянул в дальний угол на Алису. Та сидела неподвижно, прикрыв глаза и умерив дыхание. Но всё-таки она слышала.

— Марка не успели упокоить до полного превращения, пришлось восстанавливать, потом много лет содержать в дальнем монастыре... Придя к власти, отец Аттик пожелал своего родителя устроить и его собирались перевезти в Архангельск, дать далёкий приход, но по пути он бежал. С тех пор прошло уже более десятилетия — поиски закончились ничем и о нём забыли.

— И он пришёл к сыну...

— И убил его, — кивнул командор.

Отец Владимир задумчиво поднял вооружённую руку и рукояткой пистолета почесал бровь. Задумался:

— Это случилось через год после того, как начались обряды в городе. Обряды, которые Аттик не особо спешил остановить... Вероятно, надеялся образумить Марка. В какой-то момент пригрозил ему и тот его убил.

— Грозить было бессмысленно, в тот день Алиса вышла на него. Он мстил, а не останавливал.

— Верно, — кивнул священник и снова задумчиво взглянул на пленника: — Значит, год проводились обряды йахов... Изначальные обряды.

Командор нехотя отвёл взгляд.

— Надеюсь, круг позаботился о недостижимости прото?

— Обряды не вызвали значительных возмущений в сфере, — сухо отозвался наставник Борислав. — Причин для беспокойства нет.

Священник покачал головой:

— Что ему ваша сфера! Он чувствует мир насквозь, а вы опираетесь на технику... В наше время не было наивных фантазий и возле него всегда были жрецы высокой подготовки.

— Жрецы есть и сейчас. Напрасно вы считаете нас безответственными. Мы приняли на себя бремя защиты основы церкви и стараемся нести его достойно. А проколы бывают у всех. Как камни на праведном пути. Время инициации Марка приходится ещё на ваше

правление, не забываете.

— Не забываю, — отец Владимир смотрел холодно. — Но на наше правление не приходились программы уничтожения культуры, образования, медицины и светской власти. В наше правление человек имел право сам читать Евангелие, а не обязан был ходить дважды в неделю на обязательные чтения, где ему больше объясняется, как жить и за кого голосовать. В наше время не легализовали проституцию, не изымали детей для обучения в лагерях детства, не развязывали войны с другими конфессиями...

— Какое время — такие решения, — холодно ответил командор. — Мы не сторонники насилия, но после кризиса власти в стране, мы приняли эти поводы и выведем Россию на передовые мировые места.

— По числу поломанных судеб? — поинтересовался священник. — Или по статистике добровольно-принудительных пожертвований?

Командор расслабился, оплывая, словно для сна, и лениво ответил:

— Думаю, нам не стоит спорить. Невозможно одному уверенному человеку переубедить иного уверенного человека. Переубеждает только жизнь. Слово человека здесь бессильно.

Старый инквизитор тяжело поднялся с колен:

— Нечему спорить. Есть вы, и более — ничего. Вам и отвечать теперь за всё, что делаете. Не потеряйте только последнюю надежду веры нашей. Пока Прото в кругу православия — Россия бессмертна. Так не будьте глупцами и безответственными тварями! Если каждый ваш подготовленный епископ, дорвавшись до власти, позволит проходить йахо-обрядам или иной гнили существовать, просто потому, что она с ним кровно повязана — вы не удержите Его.

Командор глянул исподлобья:

— Последняя надежда — под нашей защитой. И она крепка. Мы победили в гонке за право быть его кругом защиты. Победили вас, ваше поколение. Не забываете, что иные артефакты Третьего Рима потеряли вы. Своим малодушием и консерватизмом. А мы сейчас — сила. Единственная реальная сила в этой стране. Сила, подкреплённая его согласием.

Священник устало протёр глаза:

— Слова юнца, а не зрелого мужа. Что значит ваша сила в сравнении с его? Что значит его согласие, когда у него нет выбора? Что значат ваши бравада и новаторство, если опыт вы оставили в могилах заброшенных церквей? Я говорю тебе, Борислав, вы сделали много такого, что колыхает эфир. Такого, что заставит Его, — отец Владимир со значением поднял пистолет и наугад ткнул в сторону дальних икон, — вмешаться. И тогда не станет ни вас, ни нас. Только чистая страница. И писать на ней будут те, что придут позже. Время камня пройдёт.

Командор посмотрел на крест, висящий над воротами в алтарь.

— На всё воля его.

И закрыл глаза.

...

Глава 41 Кагор

Отец Владимир подошёл к Алисе и присел на корточки возле Даниила. Оттянул веко, заглянул в мутный зрачок, подрагивающий вертикальной полоской незавершённой трансформации. Покачал головой, задумчиво оглядываясь.

— Что? — шёпотом спросила Алиса.

— Сам он не справится.

Старик выпрямился и ушёл на сторону алтаря. Алиса не стала прислушиваться, хотя тихие звуки доносились. Она смотрела в лицо Даниилу и гладила его колкие волосы.

Вернулся отец Владимир с тяжёлой металлической чашей в руке.

— Помоги, — кивнул он. — Нужно, чтобы он выпил.

Алиса подтянула Даниила за плечи, навалила его себе на грудь и, поддерживая голову, позволила священнику напоить бета. Взглянула в чашу — по серебряным бортам качалась густая рубиновая жидкость.

— Что это?

— Кагор.

— И чем он поможет? — Нахмурилась она. — Ему бы сейчас крови — юной, буйной.

И языком облизала губы — они мгновенно стали сухими и жаркими от жажды. Голову замутило от почти реального ощущения крови, катающейся на языке.

Священник, не отрываясь от дела, отозвался:

— Кто есть тело Моё и пьёт Кровь Мою, тот пребывает во мне и я...

Алиса вздрогнула и схватила отца Владимира за руку. Чаша вздрогнула и вывалилась из его руки, но было поздно — на губах бета уже пузырилась красная жидкость. Даниил вздрогнул, выгнулся всем телом и стал биться в судорогах. Сдерживая его голову, Алиса прижала её к бёдрам, и зашептала в прикрытые глаза:

— Всё будет хорошо. Тише, тише... Всё будет хорошо. Я здесь, рядом. Всё будет хорошо...

Отец Владимир поднял чашу и выпрямился, задумчиво глядя сверху на йахов.

— Достоинно, — усмехнулся командор из своего угла. Глаз он так и не открыл: — Сперва притащить отребье в храм божий, а потом причастить. Достоинно, да...

Священник угрюмо глянул на командора, но не отозвался.

Даниил в руках Алисы замер, дыхание стало едва приметным, его накрывало глубоким сном йаха. Поглаживая пальцами трещинки на его лбу, Алиса подняла глаза на священника:

— Почему?

— Кровь, — отозвался отец Владимир, задумчиво крутя в руке чашу. — Каждое причастие — прививка кровью йахаса для верующих. Доза микроскопична — капли достаточно на тысячи человек. Инициации не происходит, но истинно верующий, постоянно проходящий причастие, становится не подвержен укусу как альфы, так и бета. Укус даёт лишь болезненную рану, но не меняет кровь и нутро человека. Церковь защищает тех, кто в лоне её.

Алиса сглотнула.

— Кровь йаха?

— Кровь Прото, — сухо ответил он.

— Достоинно, — саркастически повторил из угла командор. — Привести йахов в храм,

причастить йахов, раскрыть йахам таинство...

Отец Владимир подошёл к Алисе и устало опустился рядом. Со вздохом облегчения вытянул ноги и положил на бедро пистолет, строго направленный в угол, на недвижимого командора.

Алиса посмотрела на пленника. Плечи её свело напряжением — тёмная фигура наставника пугала даже на таком расстоянии.

— Вы говорили о Прото...

Священник несколько мгновений молчал, задумчиво поглаживая запястье вооружённой руки. Алиса не торопила. Вся эта ночь, полная бега и напряжения, словно надорвала её. Говорить хотелось только тихо и только о важном.

— Да, — наконец ответил он. — Мы говорили о том, с кого всё началось.

Алиса осторожно поправила голову Даниила у себя на бёдрах. Кровь давно не текла, и место разрыва уже покрылось белым пушком срачивания, но до полной регенерации оставалось ещё далеко.

— Расскажите мне, — просто сказала она.

Отец Владимир прижался затылком к мокрой холодной стене и, глядя на высокий купольный потолок, усмехнулся:

— Ну, «почему» я помогаю, ты уже поняла... До прихода «Единой Церкви» в стране было много течений православной церкви. Они сохраняли устои старой веры и знали — чем сильнее надавишь на человека, таща его на ошейнике к воротам рая, тем больше он будет упираться, и однажды верёвка порвётся и агнец ускачет, чтобы сорваться в пропасть. «Единая Церковь» была тогда лишь небольшим сектором среди прочих. Но она сумела получить поддержку властимущих, государственные средства. И с их помощью раздавила нас.

— Как?

— Всё просто, — отец Владимир поиграл пальцами в воздухе. — Изначально православие жило идеей, что страной должен управлять человек, проходящий тяжёлое, всестороннее обучение для этой роли и сложную обрядовую проверку внутри церкви. Увы, царизм в России ушёл. И «Единая Церковь» сделала шаг вперёд и вдаль от традиций. Они просто признали, что любая власть от бога, что власть не нуждается в проверке и обучении. Конечно, благодарные держатели государства понесли им средства, подарили земли, закрепили за ними права на распространение веры в стране... Дальше — больше. «Единая Церковь» признала, что богатство есть мерило духовности, ибо только те святые, кто способен жить в роскоши и оставаться благодетельным. Купцы и менялы возрадовались обновленной вере и понесли в храмы золото... А потом потребовалось создать новую систему, чтобы поддерживать получившееся перекошенное здание государства, слитой с религией. Сперва появились программы по управлению образованием, здравоохранением, полицией... Это оказалось так легко — вслед за признанием безгрешности власти признать любой грех святостью.

Алиса кивнула, что поняла, и повторила:

— Расскажите про Прото.

Отец Владимир пожал плечами:

— Я не много знаю о нём. Не встречался. В наше время к вопросу его сохранения относились с повышенным вниманием.

— Меня интересует не его внешность, — тряхнула волосами Алиса.

Священник потянулся и неохотно начал:

— Все конфессии на земле владеют артефактами, переданными когда-то человечеству богом. Артефакты концентрируют духовную силу окружающих людей и способны к тому, что мы именуем чудом. Конфессия существует, пока артефакт есть с ней — с ней есть крупица истины бога. Потому все религии мира борются друг с другом за эти силы. Например, за храмовую землю, на которой произошёл один из диалогов бога со жрецом рода говорящих с небом, война длится уже не одно тысячелетие, и долго ещё будет идти... Каждая из вер и даже мелких сект славна своим чудом. А быть им может многое — от земель, известных схождением бога, до мощей тех, кто с ним слился. Не зря во многих религиях изначально любой обряд можно было проводить только в присутствии чудесного предмета. У нас — мощей святых. Но православие хранило ещё и несколько артефактов, делавших его сильнейшей религией, способной изменять ход истории в российской земле. Одним из первых утеряли плащаницу. Потом легендарный ковчег завета...

— Украли? — кротко спросила Алиса.

Отец Владимир кивнул.

— Для охраны была продумана весьма специфическая система сетей ложных целей. И по тому времени определить с точностью, где находится настоящий артефакт, было нереально. В каждой церкви была ложная цель. До сих пор двойники ковчега есть в каждом храме.

— Где? — Алиса стремительным взглядом обежала зал.

Священник усмехнулся:

— Эх, инициатор! И не почувствовала?

Алиса ещё раз внимательно осмотрела зал и показала в сторону алтаря:

— Престол.

— Престол, — удовлетворённо подтвердил священник. — В престоле ковчег хранился в таком же виде, в котором, по ветхому завету, хранился в пути. В одном из престолов, словно в почтовом ящике, ковчег действительно находился, в других были ложные цели. Каждые двенадцать лет ковчег менял своё местоположение. Увы, нас подвела вера в людей...

— Прото... — напомнила Алиса.

— Да, — священник досадливо кивнул. — Именно Прото пришёл на смену ковчегу. Нам он был передан из уже погибающей ветки старой церкви. Его сила оказалась и мощней, и агрессивней, чем всё, что мы знали до этого. И мы оберегали его, и его сила и дух хранили нас. Пока Прото не выкрали люди «Единой Церкви».

Священник вздохнул и прикрыл глаза, явно не собираясь продолжать разговор. Но Алиса, задумчиво разглядывающая трещинки, змеящиеся на лбу Даниила, отступить не собиралась:

— Где он?

— Где-то, — улыбнулся священник, не открывая глаз. — В России тысячи церквей и монастырей и с каждым годом их становится всё больше. Тысячи ложных целей. Игра в напёрстки. Кручу-верчу-обмануть-хочу.

Алиса задумчиво заскользила взглядом по стенам.

Отец Владимир потёр уставшие глаза и, повернувшись к девушке, опустил ладонь ей на плечо:

— Не ищи, инициатор. Не найдёшь. Второй раз круг такой промашки не допустит. Прото находится только в одной, тайной, но в каждой церкви можно ощутить присутствие

его — настоль сильное, что и человеку, порой, не по себе, а уж йахи — кто слабей, так и войти не могут. — Он улыбнулся, как раньше, по-доброму, и кивнул на Даниила: — Я понял, что он не бег, сразу, как узнал, что палили его на церковной земле. Потому и вытащил из крематория и помогать взялся.

Алиса в изумлении смотрела в серые глаза священника.

— Не... бег?

Отец Владимир кивнул устало и предложил:

— Ложись, поспи. Через пару часов подниму — нужно будет уходить.

И направился в сторону пленника в зону притвора.

— Не бег? Но кто он? — дёрнулась в след Алиса.

Священник на мгновение обернулся. И снова добро улыбнулся:

— Не знаю, — и ушёл сторожить командора.

Алиса потрясённо смотрела на белое лицо Даниила. Негаданный попутчик в тяжёлом пору её жизни оказывался загадкой, разгадывать которую, может быть, ещё предстояло. Но более всего хотелось не гадать, не искать ключей и не добиваться ответов, а просто быть вместе. В старом домике в тени садовых лип, где солнце и луна одинаково нечасто заглядывают за сеть веток и листьев, где два одеяла брошены в углы комнаты лежанками, где чайные чашки с цветами лилий и где чай со старым мёдом на двоих...

Она тихонько спустила голову Даниила на пол и сама сползла ниже и легла рядом с бегом. От него уже не веяло могильным холодом, ток смерти покидал стремительно оживающее тело, но его лицо всё ещё было бледно, а грудная клетка не колыхалась. Алиса прижалась щекой к плечу товарища и положила ладонь ему на грудь, напротив сердца, чтобы сразу, как жизнь забьёт в нём с силой, почувствовать всплески сердца и проснуться. Закрывает глаза, прислушиваясь к шорохам за окнами, и заснула.

...

Глава 42 Потеря

Алиса очнулась от неистовых толчков под ладонью. Сердце Даниила яростно колотилось, проталкивая сгустившуюся за время спячки кровь. Она приоткрыла глаза, потянулась посмотреть и замерла — сильная рука прижала её плечо к полу. Стиснула, вмяла мясо в кости и впиалась крепкими когтями. Боль пронзила и тут же отступила.

— Данила, — беззвучно позвала Алиса. Неизвестный до этого страх заставил ходить ходуном рёбра.

Он развернулся и навис над ней тёмным силуэтом — ярким, словно провал в космическое пространство, полное пульсирующих звёзд. Даниил дышал прерывисто и яростно, сквозь заострившиеся зубы выбрасывая воздух.

— Данила, — снова позвала она.

А он тяжело опустился на неё, накрыл напряжённым дрожащим телом, словно закрывая от удара. Схватил за плечи, урча, прижался лицом к её шее, трясь лбом по вздрагивающей над жилками коже.

— Да...ня... — Алиса тихо застонала, почувствовав, как тело заполняется тёплым мёдом, текущем по каждой венке и артерии, просачивающимся во всякую клетку. Сознание замутнело, покрываясь бледным туманом.

А Даниил выгнулся дугой, зарывав. Его руки скользнули ниже и рванули рясу. Под когтями ткань звонко разошлась, и обнажилось белое точёное тело девушки. Дрожащее, но покорное.

Даниил прижался к коже над грудью, заскользил жарким ртом, обдавая горячечным дыханием. Алиса застонала, закрывая глаза. А лапы бета разрывали платье ниже. Взрезав ткань, Даниил раздвинул лоскуты юбки и сунул руку девушке в промежность. Когти оставили пульсирующие теплом борозды, и пальцы вдавились в мякоть, полную огня. Алиса вздрогнула и вцепилась в плечи бета.

Сознание её помутилось и всё, что оставалось — только жар под пляшущими в промежности пальцами и запах безупречной, самой чистой и любимой крови, метающийся прямо перед лицом.

Она почувствовала бьющую боль резко, словно серебряный клинок с маху проколол тело. Взвизгнула, прыгнув, и открыла глаза. Над ней висел уже подсвеченный восходящим солнцем купол, полный ликом святых. И — бет. Даниил стискивал её всем телом: корпус вжимал в пол тело, руки сдавливали плечи, а зубы глубоко сидели в её шее. Язык бета бился по пробитой коже и слизывал бьющую толчками кровь. А тело напряжённо трепетало, вдавливаясь всё сильнее, всё глубже. И челюсти стискивались с каждым мгновением мощнее.

Она пыталась отодвинуться, но тщетно. Пыталась запретить крови течь из вскрытого горла, но не могла совладать со своим телом. Её пьянило и мутило от происходящего. И сознание гасло, словно проваливаясь в сахарную вату.

До тех пор пока Даниил не рыкнул, стискивая челюсти, и шало не сжал её под собой. В этот миг кровь её наполнилась яростной волной боли и жизни. Она зашипела, заметалась под бетом, пытаясь сорвать его руки. И неожиданно он сдался и отпустил её, отодвигаясь и расслабленно встряхивая головой.

Она отползла от него к стене. Опёрлась на дрожащие руки. Рана на горле прекратила

кровоточить, начиная спешно затягиваться, но кровь была везде — на голой груди, животе и бёдрах — размазанная мазками иероглифов. И она была на Данииле, молча сидящем напротив и смотрящем на неё угрюмо.

— Пусто, — хрипло сказал он. — Господи, как пусто! И бессмысленно...

И, обхватив голову руками, склонился, сжался в клубок.

— Да...ня, — Алиса провела языком по дрожащим губам и почувствовала вкус своей крови.

Подняла глаза — в нескольких шагах за спиной бета стоял отец Владимир. Его лицо выделялось белым пятном в общем сумраке, в расширившихся глазах качалось отражение креста, а во вздрагивающей руке дрожал пистолет. Алиса перевела взгляд на ствол, удивлённо и рассеянно смотря за тем, как напротив неё ходит вверх-вниз стальной кружок.

— Отродье, — с мукой прошептал отец Владимир.

Алиса дёрнулась в сторону, уходя из-под выстрела, рухнула, закрываясь руками. Склонённый Данила только вздрогнул, не двигаясь с места.

Но священник выстрелить не успел.

Тёмная фигура навалилась сбоку, снося старика с ног.

Выстрел. Пуля промчалась в сторону иконостаса и ударилась в стойку.

Командор, оказавшись сверху, схватил запястье священника, отворачивая пистолет от замерших йахов и себя. Старый инквизитор не сдавался — пули врезались в купол, со звоном раскачивали лампы и стригли сусальное золото с окладов.

Алиса доползла до Даниила, обхватила его плечи, затормошила:

— Даня! Даня!

А два инквизитора, катаясь по холодному каменному полу храма, дрались за пистолет. Командор, не знамо как освободивший руки, ещё не мог хорошо двигаться после долгого сидения в неудобной позе, но и старому священнику, уставшему после трудного дня, не хватало силы, чтобы избавиться от цепких захватов. От сражающихся тянуло тяжёлым духом непримиримости.

— Даня!

Даниил с трудом распрямился и сфокусировал взгляд.

— Аля?

Внезапно выстрел ударил глухо. Они обернулись одновременно.

Командор скатился с замершего тела отца Владимира. Перекувыркнулся и поднялся на ноги уже в притворе. Он уходил спиной, держа йахов на прицеле, и в сощуренных глазах его читалась холодная угроза.

Алиса поднялась и, не сводя глаз с уходящего командора, подошла к отцу Владимиру.

Священник ещё был жив. Серые глаза, направленные на купол церкви, дрожали мутной пленкой нечувствительности, а руки шарили по ране, словно что-то ещё можно было сделать. Судорожно дрожащие пальцы ощупывали kloкочущую кровью дыру в ходящей ходуном груди, залезали внутрь.

Настороженно следя за йахами, командор скинул засов с дверей и, толкнув створку, скрылся во дворе. В приоткрытую щель в церковь проник мягкий свет рассветных сумерек. Алиса смотрела на полосу тёплого света, пока сзади не подошёл Даниил.

Он присел рядом со священником, и тот вдруг успокоился и перевёл на него взгляд. Пальцы перестали шарить по ране, ладони тяжело накрыли дыру в груди, стремясь удержать утекающую жизнь.

— Даня, — прошептал отец Владимир, трудно сосредотачиваясь на лице наклонившегося бета. — Что ты сделал... Даня... Что я сделал...

Даниил положил свою руку поверх измаранных ладоней, стиснул холодеющие пальцы:

— Я люблю её, отец...

Священник закрыл глаза — уголки губ дернулись, опускаясь вниз и углубляя складки вокруг рта.

— Да, — прошептал он. — Любовь, да... Но смешение... О, Небеса! Это сильнее любого обряда. Смерть сотней зовёт Его слабее, чем одна Любовь... Что мы наделали Даня...

Алиса присела рядом на корточки и снизу вверх взглянула на бета. Лицо Даниила было угрюмым и очень уставшим. Словно старость умирающего передавалась ему, налипая мелкими морщинами на кожу. Потом посмотрела на священника. Взгляд зацепился за влажно блестящую лужицу на рясе и стал мутным. Губы пересохли, а в уголках запенилась слюна.

Не отрывая взгляда от раны, Алиса тронула бета за плечо:

— Я могу его укусить. Он выживет. Правда.

Отец Владимир услышал. Дёрнулись тяжёлые веки:

— Отринь, — поморщился он.

Даниил молча взял альфу за плечо и отодвинул от умирающего священника. Алиса, прихватив зубами кончик губы, смогла оторвать взгляд, отсела и обхватила руками колени, сдерживая себя. Её лихорадило от запаха крови.

Старик потянулся ближе к нависшему над ним йаху:

— Дай посмотрю на тебя... — старик всматривался в тёмные глаза. — Ты... другой... совсем другой... Это плохо.

— Плохо?

— Мир не любит других... Мир будет тебя убивать...

— Я буду осторожен, — успокаивающе сжал пальцы умирающего бет.

Отец Владимир опустил голову и обвёл мутнеющим взглядом лица йахов.

— Как глупо... всю жизнь искать и найти вот так...

И закрыл глаза.

— Уходите с миром, отец Владимир, — тихо сказал Данила.

— Во имя Отца и Сына и... — губы священника тронуло нервной ухмылкой: — Святотатство... — прошептал он и дыхание замерло.

Спустя мгновение кровь перестала толкаться в расслабившиеся ладони.

Даниил отпустил стиснутые пальцы мертвеца, и они свалились вяло, словно обрубки верёвок. Он накрыл лоб старца и провёл ладонью вниз — на закрывшихся веках остался тёмный влажный след. Бет несколько мгновений смотрел на свою окровавленную руку, словно боролся с собой, а потом перевёл взгляд на девушку.

— Нужно уходить, — через силу сказал он. — Скоро здесь будут храмовники.

Алиса отозвалась:

— Уже.

Бет стремительно обернулся. Девушка безучастно потёрлась о плечо ухом, на котором запекающаяся кровь образовала щекочущую корку, и пояснила:

— Командор пробежал всего метров пятнадцать от храма. И остановился. Пистолет уже пуст. Засада в одиночку бессмысленна. Средств связи у него нет.

Данила исподлобья огляделся и задумчиво закусил губу:

— Значит, его остановили свои. Логично. Итак, церковь окружена. Десятки храмовников. По паре кило серебра на душу. Высокая скорострельность, по четыре ножа на рыло и ни звука, даже умирая... Что ещё?

Алиса пожала плечами:

— Пистолеты и ножи — для повседневной работы. Для особой есть фугас, огнемёты, что покрепче.

— Сперва будет бум, потом тра-та-та, затем по горлышку чик, а под конец пуд соли и фунт тротила на костёр, — рассеяно заключил Даниил, оглядываясь, словно в поисках выхода. — Чёрт побери, хреново быть бессмертным.

Опустив лицо в колени, Алиса грустно усмехнулась. Она выхода не видела.

Бет поднялся, рывками загнанного зверя начал метаться по церкви, выглядывая ходы и то, что можно было бы использовать, как оружие.

Алиса смотрела сквозь прикрытые глаза на товарища и облизывала губы — Даниил был прекрасен: обнажённый, возбуждённый, словно летающий. Похожий на альфу, потерявшего память и цель. Впрочем, она и сама потеряла её. В этом они были схожи.

Шаги во дворе они услышали одновременно. Обернулись, ощерились в ожидании. Высокая створка входной двери зашелестела хорошо смазанным механизмом, когда её потянули с другой стороны.

Командор стоял перед ними, разведя безоружные руки. На обнажённом торсе выделялись красно-синие полосы гематом, оставшихся от драки с отцом Владимиром, а лицо храмовника оставалось равнодушным.

— Я предлагаю вам сдаться, — сказал он, смотря за их оскаленные лица на иконостас.

Даниил сдержанно зарычал и мягко, пружинисто двинулся навстречу командору. А у Алисы невольно сомкнулись губы и опали волосы. Она смотрела, не в силах оторвать взгляд от товарища. Его плечи покато взбугрились, а во всех движениях появилась та кошачья пластика, которая отличала только альф. В его горле клокотало, и лился знакомый змеиный шёпот-присвист:

— Ты? Пришёл? Душегуб...

Инквизитор перевёл на него задумчивый взгляд:

— Порвёшь меня — она умирать будет вечно.

Даниил оскалился и остановился, словно напоролся на стену.

— А ты... — командор сделал паузу, оглядывая противника. — Тебя давно хочет видеть владыка Сергей. И, видимо, не зря. — И развернулся выходить: — У вас три минуты. Потом я спалю здесь всё. Кипеть будете долго.

— Взорвёшь Храм своего бога? — прошипел Даниил, пригибаясь.

Уже толкая дверь, командор чуть обернулся:

— Осквернённый храм — уже не храм.

И вышел.

...

Глава 43 Отверженные

Они стояли друг против друга, смотря, словно впервые видя, оглядывая и ничем не выдавая чувств, в дрожащее желе превращающих нутро. В высокие окна проникал свет восходящего солнца и окрашивал золотые оклады кровавыми бликами, а убелённые лица святых розовыми мазками делал полными живости. И стояла тишина, в которой слышен был неясный далёкий гул и едва-едва — шёпот листьев в саду.

Когда ухнул первый удар старого, давно молчащего колокола, они вздрогнули оба. И одновременно обернулись к входу. Шум с улицы нарастал. Гам, топот, истерические выкрики, плач и гогот.

— Люди, — мотнул головой Даниил. Плечи его опять набухли, напряглись, сгорбились, подобрав к корпусу напружиненные руки. Глаза сузились, смотря на основной вход.

Когда с улицы раздались выстрелы, йахи огрызнулись, приседая перед броском, и тут же изумлённо замерли. Стреляли не в них. А гул приближался. Ещё мгновение, и церковь снесёт цунами человеческого ора. Кротко переглянувшись, йахи рванули в стороны. Бег, прыжок — и оба взлетели по стенам церкви на тонкий бортик, отделяющий купол. Замерли, распластавшись спинами и распахнутыми руками, словно распятые на потолке.

Явственно, пробившись через многоголосье безумной толпы, зазвучал голос командора Борислава. Он приказывал людям встать. Но даже поставленная «особая речь» не остановила буйства. Толпа сминала всё.

Застрочили автоматы. Глухо ударил пулемёт и тут же смолк. В общем хаосе звуков потонул шум переворачиваемой машины и истерические крики людей, бешеными ударами месящих уже не сопротивляющиеся тела.

Алиса и Даниил переглянулись.

Створки, открывающиеся наружу, толпа просто вынесла в притвор. Окровавленные тела первых ввалились в церковь на падающих дверях, словно на высунутом языке куски фарша. Контрастные — белые в красном — едва шевелящиеся, ползущие с трудом под грудой таких же, переползающим по ним, тел. Вторые ряды напирали, падали на возникший завал и попластунски быстро ползли, ползли. Рвались в церковь...

Вошедшие бежали, ползли, падали и поднимались, — к иконостасу. Они видели только крест над алтарём и белые в розовом лики. И не смотрели вниз. И месили ногами, коленями, локтями лежащее на полу тело старого священника. Их пастыря.

Люди лезли к алтарю, припадали к иконам, плакали и смеялись взахлёб, толкались, лезли друг на друга всё выше и выше... И нашествие не кончалось. Волна за волной — шли, падали, захлёбывались соплями и кровью, и погружались под толщей новой волны.

Даниил облизал губы и посмотрел на Алису. Девушка стояла, почти падая с бортика, невероятным образом нависая над толпой, словно стоп-кадр прыгающего самоубийцы. Раскинув руки, она балансировала на носках стоп, а в её глаза широко распахнутых глазах плескалась муть.

— Аля! — рывкнул Даниил.

Тщетно.

Альфа с посиневшими губами и без искры разума в глазах смотрела только на кровавое месиво под ногами. И видела древний храм, каменные стены во фресках и девочку-жрицу, приглашающую к трапезе. Вокруг неё кружился запах незапретной крови. Запах

безграничной власти. И права на эту власть... И не было сил ей сопротивляться...

— Аля! — закричал Даниил и, оттолкнувшись от стены, прыгнул вперёд.

Он схватил хищно пикирующую альфу в воздухе. Два йаха ударились, схлестнулись мощными ударами когтей и закружились, рушась вниз, на заваленный людьми пол храма. Плотная масса тел приняла их, с всхлипом и треском прогнувшись.

— Аля! Очнись! Очнись! — рычал Даниил, отжимая от себя мощно вцепившиеся руки. В мутных глазах Алисы оставались только жестокость и жажда.

С улицы ударили очереди — храмовники отвоёвывали порядок, стремясь войти в церковь, полную бесноватого хаоса.

— Аля! — через зубы стонал Даниил, не в силах перебороть дикую мощь одуревшей альфы. Опрокинув его, вдавив спиной в океан рук и ног, она добиралась до горла. Бет сипел, сдерживал её на вытянутых руках, но локти уже трещали, а сухожилия стонали от напряжения. Он покосился на вход — в лучах поднявшегося солнца ярко выделялись тёмные фигуры приближающихся храмовников. Они шли ходко, уверенно, по-армейски сохраняя дистанцию и ухватисто удерживая оружие.

— Аля, — просипел Даниил.

Лицо альфы оставалось равнодушным. Она не слышала. А в свете рассветного солнца рыжие волны волос, густо поднявшиеся, казались кровавым сиянием вокруг белого лица.

Внезапная тень мелькнула над ними. В тот же миг мазнуло мощным движением в сторону головы Алисы и — её сшибло в сторону.

Подобравшись, Данила с рывка встал на ноги.

Полуобнажённый йах мощного телосложения стоял над поверженной девушкой и недовольно щерился:

— Неси, — прошипел-просвистел он и кинул выразительный взгляд на выход, где храмовники, увидев происходящее, переходили на бег.

Данила без слов подхватил потерявшую сознания девушку на руки.

Марк прыгнул на иконостас, пробил когтями лакированные доски и обернулся. Данила глядел на него молча — с Алисой через плечо повторить такое он не смог бы.

Негаданный спаситель усмехнулся и всей мощью начал раскачивать стену священных ликов. Иконы трещали, трескались, лики шли щепами и осыпались краской. Деревянная перегородка старой церкви рухнула внутрь, накрыв алтарь и развалившись на две части о престол. Марк выпрямился в клубящейся пыли и качнул Даниле головой — «пошли!». Не задумываясь больше, бет рванул за ним.

Марк вывел к узкой двери и, не теряя времени, вышиб её.

На той стороне встретили пули. Серебро зачиркало по камням, счищая побелку. Йах оскалился и засвистел-зашипел, пригибая голову ниже и делая звук всё тише и выше. Он стал едва различим для слуха, и храмовники с этой стороны Храма стали вздрагивать, оседать, хвататься за головы, опуская оружие, глотать ртом воздух.

— За мной! — не оборачиваясь, бросил Марк назад.

Данила последовал безоговорочно. И через площадь, усыпанную храмовниками, провожающими их выпученными глазами и безрезультатно пытающимися поднять и направить на беглецов оружие. И дальше — через толпу людей, стоящих в несколько рядов, раскачивающихся волнами под неслышную никому, кроме них, музыку и пялившихся на крест на куполе церкви и шепчущих, шепчущих... И потом — в вовремя подогнанный небольшой фургон, заполненный вооружёнными людьми, склонившимся перед ним и

выпрыгнувших из машины, чтобы занять оборону вокруг дороги.

Он бережно уложил Алису на задние сиденья в фургоне, поправил локоны, налипшие на лоб, и сел к йаху, вольготно расположившемуся напротив входа в салон и отдавшему водителю команду двигаться. Машина вильнула из тупичка на большую дорогу и, разгоняясь, пошла по шоссе.

— Выбрались? — скупно спросил Даниил. Горло саднило, лицо перекашивало нервным спазмом.

Йах усмехнулся:

— Мы — да.

Данила кивнул, что понял.

— Кто они?

— Отверженные, — устало откинулся на спинку кресла он — тело уже начало обратную трансформацию и желало отдыха. — Отрешенные от церкви, бомжи и беты, которые нашли в себе силы противостоять происходящему с ними. Объединившиеся и ставшие силой. А проще — сопротивление. Изгой, которых Единая пытается представить обществу, как его врагов. Те, у кого отобрали работу, дома, любимых и веру. Те, кто Единой этого не спустили и не сломались.

— А те? В церкви?

Марк прикрыл глаза:

— Паства. Верные бараны и агнцы.

— Что с ними было?

— Их ад в миниатюре.

Даниил несколько мгновений смотрел молча, потом кивнул:

— Ты?

Марк прикрыл глаза, словно не желая продолжать разговор. Даниил кивнул, что понял и спросил о другом:

— Куда мы едем?

— В убежище.

— В какое?

Марк приоткрыл глаза, словно лениво сощурился:

— Полагаешь, что надо ехать в штаб сопротивления?

Данила, не глядя на собеседника, задумчиво встряхнул руками, сжал-разжал кулаки, уже принимающие обычный вид.

— Подойдёт любое, где не найдут. Но не штаб.

Марк кивнул благожелательно:

— Правильно. Едем в один из форпостов. Там можно отдохнуть. И привести сестру в порядок.

Даниил дёрнулся:

— Что с ней? Ты знаешь?

Марк потянул с соседнего кресла свёрток, развернул. Джинсовая рубашка с вышивкой красных цветов на плечах распахнулась на его коленях. Надел, достал из нагрудного кармана пачку сигарет и протянул Даниилу. Бет покачал головой. Марк вытащил сигарету и сунул в губы:

— Я решил не отвыкать, — сказал он, щёлкнув зажигалкой. — Должны же быть хоть какие-то изыяны! А то немудрено себя и богом почувствовать. А сие — грех больший, чем

курение...

Он выдохнул, умиротворённо жмурясь на тусклую лампочку в салоне. И даже то, что машину стало потряхивать на ухабах, не смутило его.

— Что с Алей? — терпеливо переспросил Даниил.

— Перерождение, — коротко отозвался Марк. — Фактическая смерть души и тела. С этого времени и навсегда её питать будет только тёплая кровь человека, и только в ней она будет находить отдохновение. Иная часть её жизни будет проходить, словно под наркотиком.

— Всегда? — тихо спросил Даниил.

Марк пожал плечами:

— Легенды рассказывают, что были те, чья воля оказывалась сильнее йахаса. Но легенда на то и легенда.

Он снова затянулся и продолжил:

— Я чувствовал, что она уже на грани. И тогда, на обряде, я ощутил её ещё до нападения. Она вторглась своим сознанием в мой круг. У её души был вкус страсти понимания. И я понял, что она ещё придёт ко мне. — Он усмехнулся. — Но нам опять помешали.

Опустив корпус, Данила упёрся локтями в колени и посмотрел на спасителя исподлобья:

— Останови это.

Марк взглянул на него внимательно, сбросил пепел в сторону и спросил:

— Боишься ли ты смотреть в лицо смерти, брат?

— Боишься ли ты? — ответил Даниил. Он глядел исподлобья — равнодушно, безучастно, — словно ни вопрос собеседника, ни собственная реакция не касались его. Марк задумчиво кивнул, затянулся сигаретой, пыхнул и тут же разогнал дым перед лицом.

— Не я причина этого, — он задумчиво смотрел на приплясывающие красные искры на кончике сигареты. — И никто. Так бывает, что одни рождаются с силой человека, иные — с силой йаха. За тысячелетия крови смешивались не раз, и, хотя гены человека сильнее, случается, появляются на свет те, в ком уже немножко есть йахас. Когда-то церковь набирала в альфа только зрелых мужей-воинов, но Единая, в погоне за властью, решила на небывалое — они стали инициировать девочек, в которых подозревали кровь йахаса. Конечно, получается не всякий раз, но... Им нужна куколка, поэтому игра стоит свеч.

Даниил посмотрел на кресла, где лежала Алиса. Тонкая белая рука, свешивалась с сиденья, беззащитно и невинно.

— Она была с кровью йахаса с рождения?

— Я не слышал, чтобы к перерождению подходили те, кого просто заразили...

— Как? — Даниил потрясённо встряхнул головой и обхватил горячие виски ладонями: — Как человек может быть...

— Никак, — Марк обнажил в улыбке острые зубы, так и не поменявшиеся на человеческие. — Во всяком случае, крови и мяса они жрут не более чем иные люди. Йахас — могучая сила, подарок самой сути божественного. В теле человека, сила — быть человеком. Человеком таким, мощь и величие которого признают повсеместно. Святым, великим, вождём, творцом или примером, — тем, кто и сам взойдёт на костёр, и за которым пойдут по углям. — И усмехнулся: — Или по воде.

Скулы Даниила заострились, заходили ходуном от сдерживаемого напряжения.

— Ты хочешь сказать, — медленно начал он. — Что Он...

Марк сухо кивнул:

— И не только Он, не только святые и великомученики прошлого, брат... — и положил ладонь на локоть брата: — На крови йаха стоит храм. И потому посвящён ему.

...

Глава 44 Воспоминание о Пузырях

Сперва она почувствовала, как сверлит шею. Словно тупое, широкое сверло упёрлось в туго переплетённое жилами горло и вдавливается, с каждым следующим бесшумным оборотом срезая новую стружку, проникая глубже и разрывая сознания на части от боли.

Потом смогла дотянуться резиновыми нечувствительными пальцами до шеи и нелепо ткнуться ими в невидимое сверло. Боль стала едва терпимой. Перед глазами полыхнула белая вспышка. И это заставило её замыкать от двойного мучения.

— Не трогай! Убери руки!

Голос сестры Софьи, — обычно ласковый и спокойный, — зазвенел прямо над ухом напряжённой леской.

Сглотнув, Алиса послушно одёрнула руку от раны. Легче не стало, но показалось, что сверло остановилось, в холостую прокручиваясь на уже выгрызенной воронке.

На рану потекла вода, прохладой и зудящей щекоткой раздражая оголённый нерв. Алиса застонала и стиснула зубы. Открыть глаза всё ещё не получалось — сознание барахталось на грани между пробуждением и страстным желанием снова уплыть в бесчувственность глубокого сна. Но чутьём уже понимала — ей не кажется, рана действительно есть. Иначе бы её не промывали заботливые руки сестры Софьи, иначе бы не опаляло ноздри горьким запахом спирта.

На горло лёг лёгким, почти невесомым покрывалом бинтовой валик.

— Воды... — просипела Алиса, протягивая руки в никуда, не чувствуя ни рук, ни пространства. Только ощущение — яркое, сильное — ходящих вокруг рыбьих пузырей — радужных, раздутых, полных воздуха и плещущейся озером — в ком больше, в ком меньше — красной жидкостью. Соком? Вином?

Она облизала губы. Страстно хотелось пить. Нет, даже не так. Страстно хотелось выпить.

— Воды...

— Поднимите! — властный голос матушки Ольги спутать с другими было невозможно.

Сестра Софья послушно приподняла край бинтовой подушки.

— Да...

Алиса почувствовала — не увидела — как дородное лицо настоятельницы брезгливо кривится, как сходятся брови, создавая неуклонную ложбинку, появление которой опасался весь монастырь.

— Ах, тварь! — прошипела мать Ольга. — Ах, стерва такая! Выкормыш змеиный! Ах!

А она в ответ потянулась нечувствительными руками — словно ничего в них нет, одни резиновые перчатки на отшибленных нервных волокнах. Схватила за что-то. И даже не ощутила, что схватила. Только поняла это, чем-то иным, чем собственными руками. Будто все ощущения теперь жили не в ней, а во вне, где-то рядом с телом, где-то вне его, но транслировались в её сознание. С помехами, но транслировались.

Она схватила за нечто, мотающееся перед ней. Радужное, полое, в котором плескалась красная вода.

— А! — закричала мать Ольга.

Радужное, полое, с красным, заметалось, стремясь выскользнуть. И тогда Алиса ухватилась сильнее и распахнула рот, таща к себе. Пить, пить — билось в каждой жилке,

колотилось под черепом.

— Да отцепись же! А!

— Матушка!

Она почти уже доволокла сопротивляющийся пузырь, почти, но... Пузырь метался, тянулся обратно, тащил за собой так, что у Алисы трещали все жилы, схожие с расплавленным мороженым — тяжёлые, малоподвижные и растекающиеся под кожей вялым киселём.

— Да что это же это! Господи!

Алиса задержала схваченный ломоть почти у жадно раскрывшегося рта и задумалась: «О чём говорит матушка Ольга? Что происходит?». Но жажда была сильна. Потом узнаю... И снова потащила.

— Да чего вы стоите?! Помогите!

— Матушка! А!

И плещущемуся яростным бурлением красной воды рыбьему пузырю на помощь прикатился ещё пузырь, и ещё, и ещё. И вместе они, спихивая её руки по пальцу, коряво вцепившемуся в полый сосуд, начали отрывать добычу от её лица.

— Алиса, брось! Брось! Брось, я сказала!

Голос сестры Софьи зазвенел от напряжения. Это значило, что происходило что-то важное, особенное, где нельзя было не подчиняться. И она согласно разжала пальцы. Полый сосуд заплескал красной водой и отдалился.

— Воды... — просипела Алиса.

— Матушка? Как вы?

— Сволочь! Гадина! Дрянь такая!

Голос матушки метался вокруг неё, срываясь с металла в слёзы. И всё пространство между ними словно поляризовалось, притягиваясь и отталкиваясь.

— Она не понимает ещё, матушка. Она ещё под наркотиком. Когда очнётся — даже помнить не будет. Поймите, это не сознательные действия. Она ещё не может...

— Дрянь! — матушка Ольга сплюнула.

И Алиса почувствовала, как по лицу — резиновому, чужому, словно маска, — стекает влажное пятно.

— Значит так... Запомните! Ничего не было! Понятно?

— Матушка?

— Ничего не было! Ни укуса, ни жажды! Ясно?

Алиса зашарила по миру вокруг, упорно протягивая руки к рыбным пузырям. Но те тут же сместились, став недостижимы. Красная вода в них бурлила от сил и энергии. А она хотела пить.

— Но... по правилам...

— По правилам?

— Её нужно усыпить и передать в...

— Передать!

Матушка Ольга вдохнула, словно собиралась разразиться гневной отповедью, но вместо этого заговорила на удивление спокойным голосом:

— Это первый выпуск с нашей общины. И вы хотите, чтобы сразу мы потеряли доверие круга? Эти возможности, которые перед нами открылись? Потерять — просто, девочки. Обрести — сложнее. Достаточно кому-либо на стороне дознаться, что мы не удержали

Прото, что одна из наших самых подготовленных девушек получила укус, а не вакцину... Вы поняли меня?

— Да, но...

У Алисы задрожали губы. Боль в шее становилась тише, словно сверло решил остановиться, но ощущение стягивания под бинтами болезненно подёргивало всё вокруг раны. И страстно хотелось пить.

— Не волнуйся, Софья, — матушка настоятельница мрачно усмехнулась. — Она получила такое воспитание, что ей хватит, чтобы сдерживаться. И потом... если она не справится... Она же будет на поводке. Уничтожить всегда успеем.

Самый большой рыбий пузырь поплыл к выходу, и Алиса застонала, протягивая к нему малочувствительные руки.

— Пиииить...

...

Глава 45 Алтарь

Когда, уже сменив пару машин, они прибыли к убежищу, Марк первый вышел из машины в круг встречающих людей и кивнул Даниилу:

— Буди её. Теперь пешком.

Данила успел лишь наклониться над девушкой, как её губы растянулись в оскале, а вздыбливающаяся мускулатура сделала плечи покатыми. Руки альфы опасно выстрелили в противника, но Даниил успел. Схватил запястья в броске, не дав когтям ударить в горло.

— Это я, Аля, я.

Алиса широко распахнула глаза. Мучительная жажда и безумье стиснули зрачки в тонкие чёрточки, и разумность покинула взгляд. Но всё-таки она расслабла руки.

Даниил отпустил её и негромко позвал:

— Идём со мной, идём.

Девушка послушно встала. Щурясь на окружающих, поплелась за ним. Она смотрела на молчаливо окружающих их людей и не скрывающиеся клыки раздвигали губы в дикую усмешку. И оттого Даниилу приходилось идти рядом, словно держать её на поводке.

— Я здесь, я здесь, — ровно говорил он, и Алиса шла вперёд, за показывающим дорогу Марком. Но глаза её блуждали по лицам людей вокруг. Никто не знал, что она видела перед собой белые тела, залитые кровью, словно тяжёлым багряным желе. Только знакомый голос где-то на границе сознания напоминал ей о существовавшем когда-то запрете.

Они прошли извилистый узкий путь между брошенными зданиями, где через каждые сто метров Марк поднимал руку, давая знак настороженным постовым. И лишь после этого вышли на заброшенный полуразвалившийся рынок, за которым и оказался вход в убежище. Лагерь сопротивления находился под землей, в станции метро. Ветку, уходящую от центральной к промышленным кварталам, когда-то оставили за ненадобностью — заводы и фабрики закрылись, а люди в поисках новой работы были вынуждены разъехаться. А станция — огромная, мозаичная, добротной постройки прошлого века — стала приютом для тех, кто бежал от новой жизни.

— Двигайтесь следом, — коротко проинструктировал Марк. — Я для них первосвященник Йахаса, а вы — дети его.

Даниил промолчал, а Алиса была не в состоянии говорить.

Люди высыпали им навстречу, принимая уже у подножья лестницы. Безмолвно они тянули руки к йахам и двумя перстами, торжественно, трогали себе лбы в точке меж бровей, склоняясь. Марк величественно наклонил голову и бросив за спину:

— За мной! — двинулся через раздавшееся море людей.

Ступив за Марком в коридор молчаливо кланяющихся людей, Алиса тут же вздрогнула и потянулась вперёд.

— Аля, нет, — одёрнул Даниил. Схватил её за пальцы.

И она в ответ стиснула кулак, вонзив когти в его ладонь. Скулы Данилы побелели, но голос остался ровен:

— Я здесь. Я здесь. Идём.

Она шла, вздрагивая от каждой новой волны запахов, от каждого шага в море людей, пахнущих гнилостным потом, огнём и порохом, но и ароматом незапретной крови, — и невольно прижималась к бету всё сильнее.

Марк, не останавливаясь, провёл их через толпу до многоэтажных деревянных построек под самый потолок, на котором в десятках аквариумах, словно в лампадах, горели огни.

— Это не электричество, — разомкнул плотно сжатые губы Даниил, кивая наверх.

Марк кивнул, не оборачиваясь:

— Огонь негасимый.

Они прошли проходом под самодельным зданием, в ячейках которого ютились люди сопротивления. И оказались на другой стороне станции, где уже ждали распахнутые бронированные двери в стене — жилище Марка оказалось внутри самой защищённой части.

Бойцы сопровождения с коротким поклоном вышли, и Марк щелчком пальцев включил свет в комнате и обернулся к поражённым гостям:

— Не удивляйтесь, — снисходительно улыбнулся он. — Сопротивление религии может быть только религиозным сопротивлением. Даже если у него оружие и военная дисциплина.

— Где мы? — Даниил запрокинул голову, рассматривая потолок.

— В Храме йахаса, — развёл руками Марк. — Кровью за кровь воздаю... — и церемониально тронул двумя пальцами точку между бровей. Лёгкая насмешливая улыбка так и не сошла с его лица.

Комната, когда-то бывшая диспетчерской, оказалась тщательно выкрашена в чёрный цвет. По глянцево-краске россыпью лежали золотистые звёзды, а на потолке красовались пять лун в разных фазах. В середине помещения находилась плита белого мрамора, на которой стояла широкая глиняная чаша, размером с таз. Рядом с ней курились благовонья.

Алиса вдруг дёрнулась, напряжилась всем телом и, зашипев, рванулась вперёд.

— Аля!

Поздно. Альфа за рывок перемахнула весь зал и вцепилась в чашу — не оторвёшь.

— Не трогай её, — мягко сказал Марк, задерживая Даниила за плечо. — Ей это нужно сейчас.

Алиса подняла чашу от алтаря и захлёбываясь, начала пить. Красная маслянистая жидкость бежала по её лицу, плескала на плечи и бежала каплями-жучками по подранной рясе.

— Чья? — угрюмо спросил Даниил, поводя плечом.

Марк убрал руку и усмехнулся:

— Человечья, естественно. Это чан для пожертвований.

Даниил стремительно обернулся к Марку — тело трансформировалось, взбугрившись напряжёнными мышцами.

Марк вовремя отступил, разводя руки, и сокрушённо покачал головой:

— И опять ты не понимаешь, брат. Тут нет принуждения! И нет обмана! В этом Храме никто не утверждает, что сын божий — человек, подсовывая кровь йахаса в вине причащения. Тут всё честно: человек приносит свою кровь, чтобы кормить то, что бережёт его род и даёт ему силу. В этой церкви, — Марк раскрыл руки, словно желая обнять мир вокруг: — каждый убогий или святой может отдать частицу себя на алтарь йахаса. И каждый страждущий может получить то, чего желает. Я не делаю исключений, не делю людей на достойных и недостойных, каждый вошедший в мой дом с желанием приобщиться — достоин.

Покатав напряжение по скулам, Даниил коротко кивнул и отвернулся. Но наблюдая за тем, как насыщается Алиса — шумно дыша, захлёбываясь и тяжело поднимая плечи с каждым вдохом и глотком, он не мог вернуться в человеческое обличье.

— И что ты даёшь им взамен? — угрюмо спросил он.

Марк достал сигарету и снова закурил, задумчиво следя за дымом:

— Да то же, что и церковь. И она, и я — мы все созданы с одной целью — дать человеку опору в момент его разочарования в себе. Но вместо веры в посмертие для лучших, я даю веру в бессмертие. Я также совершаю чудеса исцелений. Даю дар ясновидения, и чувство полноценности. Ну и защищаю — приобщаю к крови йахаса причащением — они становятся, по сути, родичами по крови и инициаторам «на поводке» и истинным йахам, не проходя изменений. А у хищников, как ты понимаешь, очень развиты законы «свой-чужой»...

— Да? — почти равнодушно спросил Даниил. — Мне рассказывали, что причащение лишь снимает последствия укуса.

Марк незлобиво улыбнулся, оглядывая Алису, едва стоящую на ногах — из чаши, ходящей ходуном в её руках, всюду хлестала кровь, заливая лицо, шею и чёрное платье.

— Таким оно стало теперь. Тогда, во времена Христа, причащение делали именно кровью, в которое превращалось вино от присутствия настоящей, а не консервированной крови. Тогда ещё не было церквей, далёких друг от друга, да и в тех, что были, хранили правило — священником мог быть только тот, кто нёс в себе частицу йахов. Потому и причастие не было обманом. Первые христиане тянулись к этому обряду, даже под угрозой смерти, не отказываясь от чувства полноценности, которое возникало в миг причастия. Своим последователям я вернул это чувство. Я возвращаю истинную церковь — в этом моё право и сила!

Алиса поставила — почти уронила — тяжёлую чашу на алтарь и покачнулась. Опёрлась о каменный стол, опустила голову. Красные волосы волнами легли на опавшие плечи, когти уменьшились, начав отливать розовым блеском.

— Аля?

Даниил подошёл к альфе и взял её за плечи. Она с трудом обернулась, тяжело подняла взгляд на товарища. Её глаза вновь были живыми, и в них занозой сидела боль.

— Даня? Я... что я сделала? Я... порвала? Кого?

Даниил обнял её за вздрагивающие плечи, неловко сжал:

— Всё хорошо, всё хорошо. Это незапрещённая кровь.

Алиса облизала мокрые губы. Взгляд её был туманным, словно у человека, принявшим наркотическое лекарство.

— Незапрещённая... — повторила она. — Что это? Незапрещённая кровь...

Марк подошёл к йахам едва слышно. Попытался положить Алисе на плечо ладонь, но нежно обнимающая его рука Даниила, тут же напряглась — вены взбугрились, а ногти проростили крепкую чёрную пластинку.

Марк усмехнулся и, отодвинувшись, мягко сказал:

— Всегда есть незапрещённая кровь, сестра, потому что всегда есть «свои» и «чужие». В этом сила и право природы.

Алиса пошатнулась. Даниил поддержал, остановив падение. Марк подступил с другой стороны. Напоролся на холодный взгляд бета исподлобья, но не отступил. Даниил отвёл глаза. Вместе они бережно усадили падающую Алису возле алтаря. Та прижалась спиной к камню и вжала затылок в холодный мрамор. Стиснула руки в замок и закрыла глаза:

— Моя вера... Моя наставница учила меня, что надо любить всех. Бог — это любовь... Это говорил его сын, спасший нас своей смертью. Бог — любовь. Без границ, без различий.

За это я работала инициатором, за это пыталась остановить тебя. Я теперь ничего не знаю. И не верю. Ни в себя. Ни в Бога. Если бы Он был... Он бы не позволил.

Даниил взял в руки девушки в свои ладони, тихонько сжал, смотря на белое неживое лицо. Слез не было, но это только больше тревожило его.

Марк присел на корточки рядом с девушкой, так же прислонился затылком к алтарю и, глядя в нарисованное небо с пятью лунами, отозвался:

— Ты всё правильно знаешь. Любовь — основа всего. И йахасу это чувство не чуждо...

Он помолчал и заговорил устало:

— Было на земле много человечеств, и было множество божеств. Божества были хищниками, а человеки — стадами. И первые жрали вторых. И пили их. И брали их жён и наслаждались. И сражались друг с другом за свои стада. И клеймили своих верой, и издевались над чужими. Пока однажды не появился йах, полюбивший людей не менее, чем своих братьев. Он сошёл к ним и дал им алтарь и право приношения жертвы — выбора никчёмного для получения защиты и силы оставшимся. Божества, поставленные перед новым законом, силой и хитростью пленили этого йаха и, искалечив, выпустили обратно, чтобы люди ужаснулись. Но случилось иначе — йах сам упал в колодец-алтарь, и сила его жертвы заставила богов на многие годы отступить...

Алиса вздрогнула, прижимаясь к плечу Даниила. Она помнила колодец смерти. Белые тела в желе крови. Сдавленное рванное дыхание. Пустые глаза. И йаха...

Марк продолжил:

— Новые божества воевали с людьми и вновь загнали их в стада. И тогда вновь появился йах, который возлюбил людей как братьев. Он сошёл к людям и принёс дар, сделавший их равными богам. Он дал им огонь негасимый, не жалящий жаром, но светящийся от силы человека. Божества возмутились и поймали этого йаха и назначили ему казнь, которую и мог выдержать только бессмертный с сильной волей и любовью...

Марк замолчал, и Даниил перевёл на него равнодушный взгляд.

— Прометей, — сказал он.

— Кто? — шёпотом спросила Алиса, но ей не ответили.

— Прошли века, и снова люди были лишь стадом для тех, кто хотел есть в любое время дня и ночи. И тогда вновь пришёл йах...

Марк встряхнулся и криво усмехнулся:

— Это длинная цепочка. Век за веком среди тех, кто мог жрать людей без помех, вдруг оказывался тот, кто любил людей. Просто любил всех, не деля на своих и чужих. И любил йахов. И пытался сделать что-то особое, чтобы эта цепочка хищник-жертва нарушилась.

— Христос, — коротко сказал Даниил.

— Бессмертие, чудеса, вознесение, обряд, обращающий человечество к чудовищному, противоположному его природе каннибализму... Не сложно было догадаться, правда? — усмехнулся Марк. Усмешка быстро погасла: — Увы, когда я ещё был человеком, я не смог прийти к пониманию сам. Даже зная о существовании Прото, я был уверен, как все, кто служил церкви, что он — лишь донор для чудес, лишь артефакт, подаренный нам небесами! Я не видел в нём Человека. Не видел Жизни. Не чувствовал божественного духа! Тем страшнее для меня оказалось прозрение...

...

Как и в каждом форпосте отверженных, здесь содержалась комната, которая предназначалась Марку. За ней следили, её хранили только для йаха, воспринимая как символ его присутствия рядом, даже когда он был далеко.

Комнатка не отличалась роскошью. Да она и не была нужна утомлённым беглецам. Аскетичная обстановка — одеяла в углу, словно лежанка, стол с запечатанными кувшинчиками и вазочка с сухоцветом — всё это казалось богатством от одной мысли о том, что здесь не нужно быть вечно настороже, зная, что буфером меж тобой и неизвестными стоят люди, гарантирующие спокойствие.

Алиса тут же прошла в угол, стащила с себя влажное платье, сорвала пропитавшееся кровью бельё, и, смахнув с лежанки верхнее одеяло, упала на оставшиеся и замерла. Ощущение тишины и покоя окутало её. Угрюмый Даниил присел рядом, накинул на обнажённую девушку одеяло, подоткнул. А Марк прошёл к столу и забрался на него, сложив ноги по-турецки. Сверху ему хорошо стали видны утомлённые гости.

Глухая тишина комнаты, напоминающая отсек ушедшей на дно подводной лодки, казалось вязкой, словно разлитое масло. И появлялась уверенность, что любое сказанное слово, даже самое отчаянное и острое, останется здесь, не в силах прорваться за пределы этой глубины. И это располагало к откровенности и настраивало на трудный разговор.

— Спрашивайте, — коротко кивнул Марк.

Даниил задумчиво потёр висок под прядью отросших волос:

— Скажи...

Но его перебил расслабленный тихий голос Алисы:

— Ты убил столько людей... Ради чего?

Марк удивлённо приподнял брови — вопрос застал его врасплох, но ответил ровно и быстро:

— Освободить вас. Люди смяли кольцо. Дальше было проще.

Даниил, хмуро теребя концы порванной рубашки, спросил:

— Стоило ли это того?

— Думаю, стоило, — отозвался Марк, задумчиво оглядывая собеседников.

Алиса и Даниил глаз не поднимали и общались будто с неохотой, цедя слова и устало поводя плечами.

— Полагаю, что они сошли с ума не по своей воле...

Марк отозвался ровно:

— Конечно. Тяжело слабым идти на смерть с чистым сознанием. Требуется помощь высших сил. Смотреть в глаза своей смерти — удел сильных.

— Ты легко идёшь на смерть людей, — голос Даниила оставался ровным, но в нём зазвучала стальная нотка: — Считаешь себя вправе распоряжаться?

Марк посмотрел на него внимательно:

— А ты? Будучи командиром, исполняющим команды свыше — жалел ли своих солдат?

Скулы Даниила побелели:

— Ты говоришь о жалости или необходимости? О жалости — да, жалел. Но когда была нужда...

— Вот видишь, — улыбнулся Марк.

— Нет, не вижу! В твоём случае крайней необходимости посылать людей на смерть не было.

Марк пожал плечами:

— Будешь на моём месте — понятие крайней необходимости в тебе претерпит изменения.

— Я не на твоём месте.

— Пока, — пожал плечами Марк. — Есть миссия выше жизни. Её исполнение убивает да. Но ради чего только не умирают в нашем мире люди! Ради каких только глупостей не отдают душу и тело тлену. Так почему ты считаешь грязной смерть ради возвышенных идеалов?

— Я не верю в их возвышенность.

Марк с интересом кивнул:

— Конечно. Но почему бы не поверить в то, что каждый человек имеет право выбирать себе цели и ценности? Какими бы нелепыми они не казались тебе — для многих они высшее, достойное смерти на алтаре...

Даниил смотрел хмуро. Спросить он не успел — Алиса опередила:

— И ради чего всё это?... — она повернулась на спину и закрыла глаза.

Марк кивнул:

— Рад, что мы, наконец, пришли к самому важному... Наша с вами цель — освободить Прото.

— А разбудить все вулканы земли или десяток ядерных бомб взорвать не надо? — угрюмо поинтересовался бет.

— Иронизируешь, — поморщился старый йах. — Думаешь, это равнозначно? Или что я хочу обновить человечество умерщвлением?

— А что, Прото пойдёт цветочки кушать и дарить всем воздушные поцелуи?

Марк нахмурился, на скулах обозначились белые пятна.

— Нет, ты не понимаешь... Возможно, твои поверхностные познания религии не позволяют тебе понять... Я объясню тебе это. И постарайся постичь глубину этой истины.

— Ну?

— Прото — спаситель.

Алиса повернулась на бок, внимательно оглядывая старого йаха, а Даниил пожал плечами:

— И что? Его, кажется, распяли когда-то? И сегодня, вон, йахов с удовольствием распинают и сжигают, — он кивнул на Алису. — Керосина и гвоздей на всех хватит.

Марк кивнул благожелательно, словно не понял намёка:

— Да, его распяли. И он возродился и вознёсся. Существенное отличие от просто йаха, способного надолго впасть в состояние восстановления, схожее с клинической смертью. Но на то он и истинородный йах! На то он и Прото. На то и — спаситель, способный своей волей привести нас к процветанию. Но пока он в застенках церкви... Пока церковь на его крови творит бесправие. Йахи давно покинули нас, но жрецы — надсмотрщики и верные слуги их — до сих пор держат нас в рамках веры, сохраняя свою власть! Религия — рабское ярмо. И стоит она на том, что способно спасти нас всех.

— Спасти от чего? — задумчиво поинтересовался Даниил. — Всегда было интересно, отчего это нас надо спасти? От Гнева божьего? От второго потопа?

— От йахов, — улыбнулся Марк, обнажая узкие зубы.

— Забавно, — пробормотал Даниил, поёжившись.

— Если злых йахов больше нет, то вера скоро отпадёт, как ненужная, и Прото освободят... — вмешалась Алиса.

— Нет, сестра. Именно потому, что их власть ослабла, церковь укрепляет свои позиции. И потому держит Прото в тисках своей власти. Церковь пьёт его кровь, нужную ей для поддержания своей власти. На его крови тут всё — от защищающей инициации до чудес! Прямая речь инквизиторов — его дар! Чудеса превращений, что сейчас демонстрируют владыки — его умения. Молчаливая выносливость храмовников, врачевание наложением рук, умение исповедников отличать ложь от правды истинной... Да многое! Всё это — части его. Части, которыми владеет церковь, а не люди.

— Допустим...

— Мы должны освободить его, брат мой. Теперь, когда нас уже трое... Должны сделать это. Церковь — камень — терзающий его плоть, а её новые законы — нож — кромсающий его душу. Он — наш отец по крови, наш создатель по сути — и он достоин свободы и шанса дать этому миру новый Закон и новое Понимание судьбы! Наш долг перед ним, стоящий на крови нашего бессмертия — его свобода.

— Довольно, — Даниил отмахнулся. — Патетика. А в сухом остатке что?

Марк пожевал губами, задумчиво оглядывая пальцы рук, сплетённых на коленях в замысловатый жест.

— Тебе мало того, что беспредел Единой будет остановлен? И что люди обретут настоящие силы? Все люди, а не единицы в чёрных юбках? Сколько войн остановится, когда исчезнут барьеры меж вер? Сколько смертей обратит вспять чудесная сила йаха?

— Все станут йахам и — счастливый конец? — хмуро спросила Алиса. — А кого пить будем? Коз?

Марк усмехнулся:

— Все йахами не станут. Да и не нужно это. Попы йахами не делаются, когда получают толику его силы... Так и будет для всех людей на земле.

— Воистину — пейте кровь мою, жрите мясо моё, — передёрнул плечами Даниил.

Глянул на Алису, та задумчиво покусывала губы и смотрела в сторону, на бледный сухоцвет в вазе. Марк тоже перевёл взгляд на сухоцвет и опять улыбнулся:

— Прото — высший. Он вернётся и выполнит обещанное в последний приход. И наступит эра добродетели и благополучия.

— Перед этим обещали Апокалипсис, — меланхолично напомнила Алиса.

— Обещали. Разве вы не это видите вокруг ныне?

Даниил и Алиса мрачно покосились друг на друга.

— Как ты собираешься освободить Прото?

— Обряды зовут его. Они расшатывают клетку, в которую он заключён.

— Обряды? Клетку? Что за бред!

Марк поменял знак на коленях — пальцы вскинулись, распрямляясь, и снова упали, образуя сложный замок.

— Клетка, в которой его держат — его душа. Её захватили, её удерживают как натянутую нить. И смерти, взывающие к его справедливости и сострадательности — зовут его, прорываясь через любые преграды. Ему хватит сил разорвать путы, когда слёзы затопят мир. Когда наступит время Апокалипсиса.

Разрывая знак, Марк развёл руки и спрыгнул со стола:

— Довольно на сегодня! Отдыхайте. Завтра будет день — будет и разговор.

Когда Марк оставил их, свет в комнате поменялся. Синие тона сменились тёплыми жёлтыми, а яркость умерилась, словно подстраиваясь под уставших йахов, молчаливо сидящих в углу и смотрящих на закрывшуюся дверь.

— Даня...

Даниил развернулся. Бледное лицо Алисы с припухшими глазами и истончившаяся кожа, сквозь которую проглядывали тонкие синие жилки вен заставили его стиснуть зубы.

— Тебе нужно поспать, — взял он её за локоть.

Алиса, не сопротивляясь, легла. За последние дни она перестала ощущать реальность происходящего. Словно всё ещё лежала в склепе в подземелье храма и видела сны. Сны, в которых хватало места и страху и боли и тихому ощущению блаженной усталости. Это чувство — усталости — было хорошо знакомо ей по времени ученичества, но забыто за время служения — йахас усталости не знает, только раны, жара или жажда могли загнать в угол и заставить отлёживаться. Но теперь её угнетала именно усталость, тяжёлым сургучом заполняющая мышцы и перекатывающаяся в них ленивой волной.

Даниил помог ей опуститься на лежанку и сам сел рядом. Алиса устроилась, вытянувшись в струну, и смотря в потолок.

— Спи, я посторожу.

Даниил взял в ладонь белые холодные пальцы и, стиснув зубы, отвернулся. В теле Алисы словно не оставалось жизни.

Алиса послушно закрыла глаза, но потом облизала губы и спросила:

— Почему?

— Что — почему? — вздохнул Даниил.

— Почему ты не оставишь меня?

Даниил расправил на своей ладони её тонкие вялые пальцы, повёл мизинцем по складкам и морщинкам и задумчиво спросил:

— Всё в этом мире делается только по одной причине. Потому что мы — живые. Все мы — живые. Даже те, что как мы... мёртвые душой, умирающие телом. Жизнь толкает к поступкам, жизнь заставляет жить. Всё, что мы делаем — и есть наша жизнь. Не совершая ничего — не живёшь. И нельзя останавливаться. И невозможно не двигаться. Даже тогда, когда твоя пуля уже нашла тебя...

— Живые... — повторила Алиса.

Смотря в потолок, она оставалась равнодушной, словно происходящее не касалось её, словно не звучали слова, нужные ей как воздух, как кровь — свежая, живая, бьющаяся из взрезанной артерии по губам.

Даниил устало улыбнулся:

— Всё в мире сводится только к жизни. Или смерти. И желание быть рядом — тоже...

Она закрыла глаза и замерла.

В глубине грудной клетки стало замирать сердце, задерживаться вдох. И только сознание, заволакиваемое белым туманом, ещё металось, сиротливо ударяясь о клетку бессмысленности существования. Оно искало ответы, но вокруг оставался только туман, медленно заполняющийся красным...

...

...Белая пустыня тянулась от горизонта до горизонта. Под серым небом кружился ветер — срывал снег с места и тащил позёмкой, где-то шлифуя наст до серого, костяного цвета, а где-то укладывая взбитые рыхлые волны заносов. То проваливаясь едва ль не по пояс, то ступая на жёсткий гребень, по заснеженному пространству шла обнажённая девушка. Рыжие волосы казались седыми под снегом, а кожа белела страшным льдистым цветом покойника, уже не расцветиваясь при порывах. Но девушка шла — тяжело вырывалась из цепкого обхвата снега, выползала, в кровь стирая колени и ладони о наст и утомлённо шагала дальше, механически, безучастно.

Алиса сдавливала боль, комкала, словно салфетку, сделав маленькой, точечной, и забрасывала в ненужные в схватке и пути органы. И боль пилила внутри, точила, кусала, подрывала силы и дух, но не могла остановить совсем.

— Алиса... — ветер звал, налетая то с одной, то с другой стороны, но стоило только обернуться на знакомый голос, как ударял горстью льда, заставляя жмуриться и прятаться за задеревеневшими негнушимися руками.

А, когда она вновь начинала карабкаться через завалы, опять звал — уже с другой стороны, играя, как кошка с мышкой. И она снова и снова оборачивалась на голос.

— Алиса...

В очередной раз медленно, стыло обернувшись на зов, Алиса не прикрыла глаз — усталость и стужа выморозили желание сберечь зрение, и колкий снег ударил в лицо, ужалил под веки...

Но она увидела.

Тёмный силуэт — тонкий, хрупкий, — стоял в самом центре снежного смерча. За плотной серой завесой и не разглядеть толком — кто там, но Алиса пошла на зов. И тут же ветер усилился. Он стал уже не просто шарахающим по телу россыпью снежных игл, морозящим до костей и пронзительно-жестоким, но сшибающим с ног. Почти ложась грудью на стылый порыв, закрываясь одеревенелыми руками, Алиса тяжело шла к фигуре на горизонте.

Снежный заряд с силой шарахал в грудь.

Раз! Раз! Раз!

Повалившись лицом в снег, она замерла.

— Алиса...

Деформированные трансформацией пальцы сжались, прочёркивая борозды. Бороздки тут же замело. Алиса подняла лицо в серых ошмётках снега и посмотрела вперёд, сквозь завесу — тёмная фигура ждала. Губы девушки сжались, упрямо прогнувшись над ямочкой подбородка. Стиснутые кулаки задрожали, вдавливаясь в снежный покров. И Алиса поползла. Молча, упрямо заставляя замёрзшее тело пружинить. Вперёд! К тёмной фигуре, удаляющейся с каждым шагом всё больше.

Когда вновь упала в снег — мир вокруг бесился снежной круговертью, танцуя победу.

Тонкая фигура, закутанная в тень, словно в лоскутный плащ, оказалось рядом неожиданно. Наклонилась, свесилась лоскутками рванья. И высохшей от времени ладонью тронула её за плечо.

Алиса отняла лоб от холодной снежной массы. Липкий колкий снег, не тая, налипал на

лицо.

— Алиса...

Знакомый голос резал холодом скованное сознание, тревожил, словно язык давно замолкший колокол в чистом зимнем небе.

Тонкая рука подтолкнула смёрзшееся плечо. И девушка перевернулась, заторможено-мёрзлым взглядом оглядывая мир. И тотчас узнала.

Сестра Пелагея смотрела сквозь рванное серое полотно клубящейся тени. И её глаза лучились пониманием и лёгкой усмешкой сильного.

— Ма...ма... ту... — губы не слушались. Словно две ледышки бились друг о друга, тёрлись, срывая кожу и сочась тут же стынущей кровью.

Старая наставница улыбнулась и тронула — невесомо, нечувствительно за пелёнкой обмороженной кожи — гудящие от напряжения губы девушки.

— Йахаса, — прошептала сестра Пелагея. И так это получилось шелестяще, словно змея проползла, оставляя волновой след на каменной пустыни. Будто сама несла внутри проклятье этой крови, вечную жажду запрещённого.

— Я... я... — Алисе хотелось плакать, но на заснеженном ветру глаза костенели, набухали морозом, не способные выдавить скопившуюся внутри влагу. Целый океан безумной тоски — одиночества и отверженности.

Сестра Пелагея вздохнула и провела — невесомо, нечувствительно, нереально — по её лицу. От лба к губам, одной лёгкой волнистой линией. И повела руку дальше, вниз. И тронула — обожгла! — середину грудины.

И там побежала трещина. Словно на перезревшей дыне вдруг от лёгкого стука распахнулась корка. Крак! Чёрной молнией на белом, смороженном теле.

Алиса вздрогнула, беззащитно подняла плечи, и, приподнявшись, взгляделась с ужасом в провал. Потянулась, тронула нечувствительными кончиками пальцев ломанный край. Словно фарфоровый — острый, крепкий и холодный.

— Тссс! — Сестра Пелагея тронула свои губы за серым покрывалом тени, и поманила пальцем из трещины.

Плосколобая чешуйчатая морда высунулась за острый край и оглядела мир сонным ленивым глазом.

Алиса вздрогнула и на негнущихся руках поползла назад, дальше, словно можно было сбежать от сидящего в груди гада. Остановилась, понимая тщетность усилий, и задрожала, кусая губы.

Змеища вытолкнула из трещины голову, выкатила кольцо тяжёлого, толстого тела. Такое не могло поместиться в груди хрупкой девушки, но оно выползло, выпихивало себя на свет, в холод и тени на зов старой наставницы. Костлявый палец манил, старушечьи губы шептали беззвучно что-то, что тут же смораживал в снежинки ветер и уносил, трепля и вписывая в кружево бури. Но Алиса знала.

«Всё возможно, чему ты позволишь быть...»

И змеища, недовольно выпрастывая язык под колкий снег, выталкивала из трещины кольца. Одно за другим. Одно за другим. Жирные, с радужно-прозрачной чешуйчатой кожей, под которой булькала и переливалась кровь. Одно за другим — кольца, кольца, до самого тонкого, до самого конца.

Алиса застонала через зубы, прогибаясь. Сквозь залепленные снегом ресницы смотря в тёмное небо, измазанное строками снежных вихрей. Тяжесть от толстого противного тела,

царапающего смороженную кожу острыми чешуйками, давила, выжимая вдохи. Пока змея сползала с неё — по кольцу, осторожно, словно боясь разбиться, спускаясь на снежную простынь заметённой степи.

А сестра Пелагея улыбалась и манила, манила.

И скользкая, льдистая от охватывающего мороза, голова послушно тянулась на зов.

А Алиса дрожала, боясь пошевелиться. И смотрела, как отходит, по шагу, назад, назад, серым облаком теней, старая наставница. И не шевелилась всё время, пока змея уползала — серебряно-алой лентой по заснеженному полю. За тихо манящим костлявым пальцем, за быстро уходящей старушкой в сером рваном полотне теней.

Потом приподнялась и почувствовала, как звенит промёрзшее до нутра тело, как сбивается сердце и вязким киселём толкается по сосудам кровь. Взглянула — трещина в груди зарастала белёсой плесенью, стягивалась, срасталась, словно настоящая рана.

— Йааахаааассс!

Громовой ветер шарахнул со всех сторон, с неба, с горизонта. Сошёлся в ней порывами, раздавил зовом.

Открыв рот от оглушающего гула в голове, с трудом подняла лицо.

В небе ветры сходились. Серое, смазанное снежными зарядами, кольцо смерча вращалась над ней, и в самом центре, там, где ветра были не властны, открывалось чёрное покрывало ночного небосвода. И в нём, белым гвоздём, сидела звезда. И лёгкие индиговые разводы вокруг неё напоминали лицо. Властное, мужское... С белым светом меж бровей. Знакомое чем-то неуловимы.

Она силилась вспомнить. Тянулась. Но...

...

— Алиса! Аля!

Она открыла глаза и поперхнулась шедшей горлом массой. Склонилась в сторону. Не успела вдохнуть — горлом пошла жижка. Чёрной змеищей выползла, расплескалась по бетонному полу.

— Аля.

Всхлипнувшую, закрывающую от усталости и лихорадки глаза, её прижал к себе Даниил. Тронул губами макушку и закричал в пустоту:

— Эй, кто там!

Люди появились быстро. Сперва заглянуло двое мужчин в красных шейных платках и с автоматами в руках. Огляделись — сперва дуло, потом глаза. И лишь убедившись, что внешней опасности нет, посмотрели на йахов, а смекнув, скрылись. За ними пришли две женщины с розовыми платками на плечах. Молчаливые, они не поднимали глаз. И от этого Алисе становилось легче. От этого, а, может быть, и оттого, что останки «змеи» — красно-чёрной тошнотворной массой разлитые по полу, брызгами закапавшие постель, одежду и стены — быстро исчезали в рванных тряпках. Серых, словно тени матери-наставницы из ранившего её кошмара. Но лишь когда женщины ушли, унеся в вёдрах плескающуюся, смешивающуюся с водой грязь, она смогла вздохнуть свободно.

— Что случилось, Аля?

Даниил гладил по голове, иногда легко, почти заметно, касаясь губами рыжих волос.

— Кошмар?

Алиса зябко повела плечами и натянула выше шерстяное одеяло.

— Ага.

Её знобило, и мучила горечь во рту — тяжёлая, перехватывающая, как бывало в детстве, когда глотала взахлёб ложку мёда, и тот, нагло не желая проваливаться внутрь, сцапывал судорогой гортань и — ни туда, ни сюда.

— Что тебе снилось?

Она медленно покачала головой. Нет, это было настолько личное, что открывать не стоило.

— Ладно, — Даниил понял, вздохнул и удобнее устроил её голову у себя на коленях, поправил одеяло: — Спи, Алька. Теперь никто не помешает. Я тебя не отдам.

Лицо Алисы задрожало в неуверенной улыбке, глаза задрожали. То ли заплакать, то ли одарить счастливым поцелуем. Но, обессилив, только согласно прикрыла веки и расслабилась на тёплом теле товарища.

Что это было? Сон. Но зачем? Что вытекло из её груди на зов наставницы? Кто говорил с ней, раздвигая небо? Почему лёд и снег?

За что?

Засыпая, она чувствовало тепло бета рядом. И понимала, что теперь действительно сон будет добрым.

А Даниил прислушивался к её дыханию и поглядывал на тяжёлую дверь, за которой начинался мир. И ждал, когда альфа уснёт. Когда её грудь почти перестала вздыматься, он положил ладонь на рыжие волосы и стал нежно их расчёсывать, всё также прислушиваясь к внешнему миру.

...

— Что это?

Пробуждение ударило по ушам отчаянным многоголосьем, приглушённым плотно запертой дверью.

Спросонья глянув в широко распахнутые глаза Алисы, Данила метнулся с места за дверь.

Станция предстала с иного ракурса, не видимого вчера. Посреди огромного зала, выложенного мраморной плиткой, на двухэтажной конструкции из натащенных со всего города стройматериалов, стояла деревянная пирамида, силуэтом напоминающая египетские. На каркасе, сделанном из толстых балок, крепились этажи и винтовые лестницы, ведущие на вершину, где располагалась ажурная беседка.

Вот у основания этой пирамиды и стояла толпа — мужчины и женщины, и даже несколько подростков, — окружали плотной массой кого-то вопящего сверлящим пространство воем.

Даниил обернулся. Алиса уже привела себя в порядок после долгого сна, надев чёрный спортивный костюм, оставленный в комнате чей-то заботливой рукой, и теперь встала рядом, чуть за левым плечом, не мешая и не стремясь вперёд, но хмуро и внимательно оглядывая территорию.

— Схожу — посмотрю, — кивнул Даниил и тронулся к группе.

Если он ожидал, что девушка останется на месте, то просчитался. Алиса безмолвно, почти без отрыва, последовала за ним, а перед зданием и обогнала. На конструкцию они взлетели, презирая лестницы — сперва Алиса, не оборачиваясь, прыгнула на балку и, раскачавшись, рванула на следующую, потом Даниил повторил её путь.

На площадке перед пирамидой толпа притихла, когда пара йахов, с маху перемахнув бортик, встала, пытливо оглядывая белые перекошенные лица.

— Что здесь? — с едва приметным присвистом спросила Алиса.

Толпа раздалась в стороны, открывая площадку у дверей пирамиды.

За широким входом стоял Марк. Почти трансформированный, с оскаленным лицом и зло сощуренными глазами. У его ног лежал человек, тихо скулящий и прижимающий к груди вывихнутые кисти.

— Предательство, — просипел Марк, держась за горло, словно выжимая из него слова. — Вот что это! Этот человек... хотел покинуть нас. Тайно.

Толпа застенала, зло и отчаянно ломая руки.

— Он нёс бумаги со схемами наших домов...

Толпа захлебнулась в яростном сквернословии. Заходила ходуном от накатившей ненависти и страха.

— Но не успел! Братья йахаса задержали его!

И Марк широким жестом указал на стоящих полукругом молодых парней в тёмных куртках и красных шейных платках. Все они держали автоматы и у каждого из-под полы куртки виднелись кожаные чехлы длинных ножей.

Толпа ликующе зааплодировала, засвистела, закричала восторженные приветствия «братьям йахаса». Те, не смутившись, и даже, казалось, не заметив этого выражения чувств, остались недвижимы.

— И что мы сделаем с ним?

Йах засмеялся — лающе закашлялся — и, схватив за плечи и пах, легко оторвал скулящего человека от пола, подняв над собой. Дощатые полы прогнулись и громко закрипели в образовавшейся тишине. Толпа безмолвствовала. В этот миг йах отпустил её контроль и дал выбор. И люди замерли, не в силах решить.

Старый йах держал над головой скулящего человека, от боли мотающего головой, и криво усмехался онемевшей толпе.

Даниил дёрнулся и решительно двинулся вперёд. С каждым шагом его плечи бугрились всё больше, сгибая спину и напрягая трансформирующиеся руки. Алиса потянулась остановить его, но не успела и медленно опустила ладонь, глядя на то, каким он стал. Ощущение пугающей силы стало словно сфера защиты для бывшего бета — и от него в стороны россыпью прыснули люди, окружающие судилище. И только «братья йахаса» спокойно и отчаянно шагнули вперёд, срывая с плеч короткие автоматы.

— Нет! — приказал Даниил, вставая напротив Марка.

Тот усмехнулся:

— Мой младший брат судит, не став судьёй?

— Отпусти его.

Марк покачал головой:

— Предательство — грех больший, чем прелюбодеяние или чревоугодие. Предательство своих братьев и сестёр, своего рода или своей общины. Йахас учит этому!

Толпа за спиной гулко заворчала, с двух сторон охватывая в кольцо и Даниила и Алису:

— Йахас учит этому. Йахас!

Марк оскалился:

— Потому что это здравый смысл выживания.

Алиса, оценивающе оглядывая окруживших людей и замерших «братьев йахаса», неторопливо подступила к Даниилу и встала за его спиной в пол-оборота к старому йаху.

Почувствовав лёгкое касание её пальцев, Даниил шагнул вперёд:

— Отпусти его!

Марк едва заметно покачал головой:

— Ты хочешь этого?

— Да!

Оглядев толпу поверх голов, Марк возвестил:

— Воля гостя — превыше заповеди, но не веры!

И, уже не говоря не слова, опустил, почти бросил, плачущего человека на пол.

Даниил ошеломлено смотрел на пленника, лежащего у ног. Человек был тёмный, его лицо уродовали корчи страдания, но в его глазах читались не страх и не ненависть, а истовая жалость к себе.

— Пойдём! — Марк перешагнул через стонущего предателя и, потряхивая плечами для быстрой обратной трансформации, двинулся в сторону комнаты, из которой гости только что пришли.

Даниил пошёл следом тотчас, а Алиса задержалась, и потому увидела, как женщины в тёмных кофтах и розовых шейных платках, вчетвером подхватив предателя за руки и ноги, поволокли его куда-то в глубину постройки.

В комнате старый йах прыжком оседлал стол, едва коснувшись вазы с сухоцветом, и угрюмо посмотрел на гостей.

— Рады? — поинтересовался он. — Думаете, спасли от моего произвола ещё одну жизнь и это благо? А сколько народа погибнет, если эта змея выйдет отсюда, вы подумали? Или ещё настолько молоды, что не можете это просчитать?

Даниил рухнул на лежанку, свёл руки на поджатых коленях, и отозвался:

— Я не против убить предателя, но пытаться или устраивать из этого представление — это слишком...

Марк фыркнул. Но, помолчав, ответил спокойнее:

— Ладно. Сейчас его «сёстры йахаса» восстановят, а там уже и будем думать...

— Сёстры? — спросила Алиса, чинно усаживаясь рядом с товарищем.

— Жрицы, которым я дал силу к врачеванию, — кивнул Марк.

— Понятно.

Марк вздохнул и попросил:

— Постарайтесь больше не мешать мне. Вы — молодые, и мало ещё понимаете... Но вы нужны мне, и потому мне не хочется конфликтовать, как не хочется и лишиться вашего присутствия.

— Зачем мы тебе? Обряды ты можешь проводить и один — мы-то точно в этом участвовать не будем...

Он задумчиво потёр морщины между бровями, внимательно оглядел гостей, застывших в неподвижности в углу, словно смороженные внезапным ледяным порывом в единый ком. А потом улыбнулся.

— Вы — мои брат и сестра... И вы — настоящие.

Даниил глянул исподлобья и усмехнулся одним уголком рта, приподняв верхнюю губу — узкие хищные зубы блеснули и снова скрылись за невозмутимостью.

— Нет, — Марк покачал головой. — Ты опять не понял, брат. Все мы трое — кровь одного отца. Все мы были когда-то, каждый по своему, — созданы им. Лично. Наш общий отец — Прото.

Алиса приподнялась на лежанке и всмотрелась в йаха. Стиснула пальцами одеяло.

— Об этом знали только...

— Нет, нет, — Марк усмехнулся, — Я не знаю, о ком ты подумала, но я не искал их вен и не пробовал их память на вкус. Мне не нужно знать твоё прошлое, чтобы видеть и понимать сегодняшнее. Я вижу, что ты настоящая, что получила силу напрямую от Прото, а не обработанную сыворотку. Я чую это в твоей крови. Запрещённой крови его дочери.

Даниил посмотрел на задумчивую Алису — опустив взгляд, девушка наматывала рыжий в тёмных застывших кляксах локонов на палец. Обернулся к Марку:

— Ты просто видишь? А меня?

Тот кивнул:

— Я вижу и тебя, брат. Но более того...

— Что?

Марк улыбнулся:

— Я помню тебя, брат мой...

Даниил вздрогнул, Алиса подняла глаза.

— Тяжело жить без прошлого, брат мой...

Марк сочувственно протянул к нему руку, словно сквозь расстояния глядя по волосам. Даниил оторнул от рук, почувствовав колыхание воздуха прямо над собой. Марк продолжал:

— Я знаю... Но всё вернётся, пусть и постепенно. Ты пережил тяжкое время. Дальше

будет...

— Кто я? — рывкнул Даниил и схватился за горло, задавливая рождающийся рык. Во вспыхнувших глазах горел незнакомый огонь. Алиса вскочила с места, настороженно следя за ним.

Улыбка Марка погасла, лицо стало отстраненно-холодным.

— Я нёс послушание охраны при лагере подготовки. Там готовили принявших постриг бывших солдат на инициацию. Жатва была большая — афганский конфликт принёс нам полтора десятка страждущих нести крест воина-защитника Церкви. Мы гордились ими, хотя и знали, какая судьба их ждёт. Учили их всему, что ещё не дала война... Когда привезли Прото, с ним в здание со спящими куколками, вошли только десять храмовников-телохранителей и владыка Константин Нижегородский. Мы оставались на границе. Ночь была дождливой и тёмной... И мы стояли спинами к храму, полагая опасность где-то вовне. Но крики и шум в здании заставили нас дрогнуть... Прото выскочил на поверхность, вышибив двери выброшенным наружу храмовником. И прыжками бросился к выходу. Вырвал ворота и вылетел за границу освящённой земли...

Он закрыл глаза.

— Мы гнали его долго. Несколько часов по горам — на машинах, пешком, на лошадях. Нагнали в подгорном посёлке. Это было страшно... Мы зажали его между общежитием и домом культуры. Забыли, что загнанному зверю нечего терять. В доме культуры была паника — во двор высыпали люди и мы их косили очередями, чтобы не закрывали дорогу к Прото. И чтобы ему не давать шанса. А потом — он летел прямо на меня и я стрелял, стрелял... Но пули не брали. А когда он был уже в одном прыжке — меня сшибло с ног и выбросило в сторону. Владыка Константин оказался между Прото и выходом из ловушки. Один на один, — губы Константина скривились и он залился нервным смехом: — Глупый! Глупый поп! Между воротами и Прото!

— Дальше! — резко оторвал Даниил.

Марк остановился. В непонимающих глазах висел белёсый туман, но йах взял себя в руки.

— Дальше... Прото положил его, — с нежеланием продолжил он. — Начал рвать... Я кинулся на него с одной стороны, а ты — с другой. Меня он просто смахнул, а тебя... — и улыбнулся.

— Невозможно... — прошептал Даниил.

— Тогда я думал, что мне повезло, просто повезло — Прото пил тебя, когда на него набросили сеть. Трое храмовников-старцев перевязали его каким-то дрянным тонким полотнищем, но он утих, замкнулся и его споро увезли. А я... я сам был дурной — пытался у владыки Константина отсосать кровь со слюной йаха. Будто его ткнула змея, а не великий из великих! Ха! Про него подумал, а вот про себя — нет.

— Подожди, — взмолился Даниил. — Как там оказался я?

Марк пожал плечами:

— Я не следил за расследованием — не до того мне было с трансформацией... Ты жил в этом посёлке раньше и в тот день вернулся домой с войны. Тебя не нашли после схватки. Сперва машины забирали только своих, а тебя, видимо, отправили в обычную больницу поселяне вместе с другими людьми.

— Я не помню... — зажмурившись и стиснув кулаки, сквозь зубы шептал Даниил — Я не помню.

Алиса обняла его за плечи, прижалась губами к отросшим чёрно-белым волосам, уже начавшим виться. Забродила жаркими губами по колким кончикам, целуя.

Марк смотрел с искренним состраданием на бета:

— Всё было в такой сутолоке в ту ночь для храмовников, что отследить всех они оказались не в состоянии. Вот и пришлось твоё рождение йаха на одиночество и боль. А без поддержки мало у кого память не стирается... Без поддержки все мы — беты. Ты был обречён, брат.

Даниил рванул на груди рубашку — полетели пуговицы. Сунул руку за пазуху и вытащил медный кружок, ставший гладким и неясным от долгого ношения. На тёмной поверхности всё ещё были заметен рисунок танка и тонкие контуры почти забытых букв. «СССР».

...

Глава 49 Воспоминание о Пробуждении

— Держи руки! Держи!

Сперва возникло ощущение, лишь потом Алиса открыла глаза и скосила взгляд.

Марию — одну из сокурсниц — пытались привязать к койке несколько сестёр. Мария рычала, выгибаясь всем телом. С лица летели лоскуты пены, руки костенели от судорожного напряжения, а ногти на пальцах заметно темнели, вытягиваясь.

Алиса вздрогнула испуганно и вскочила с места.

Нет, ей только показалось, что она поднялась с постели и отшагнула в сторону. Нет. Тело взвилось над кроватью и пружинистым шариком отскочило в угол, где пришипилось, застыв на четвереньках, внимательно оглядывая мир с высоты дикой кошки. От изумления схватила воздух ртом. Выпустила. Снова схватила. Грудная клетка напряглась от мощнейшего вдоха, натянулась, почти взрываясь. От боли меж рёбер Алиса встряхнулась и выпустила выдох. Застыла, боясь пошевелиться. Дышать не хотелось — воспоминание о ненормальной боли стучало ритмом в висок. Замерла, вглядываясь в происходящее рядом.

Спальня заполнялась криками, стонами и плачем.

Мечущуюся кричащую Марию пытались привязать к кровати.

Обезумевшая Светлана бросалась на окно. Ударялась всем телом так, что решётки дрожали и со штырей, утопленных в стенах, летели камни. Падала вниз, приземляясь на руки и ноги, отбегала, словно паук, и снова с разгона кидалась. Круг замыкался. На её теле появлялись синие полосы и текла кровь, но взгляд девушки оставался тусклым, неживым.

Диана заползла под свою кровать и застыла там, словно ящерица, припав к полу и выглядывая территорию исподлобья. Она почти не шевелилась и даже движение глаз оказывались неприметны окружающим. Только странное подёргивание кожи на плечах, более похожее на то, как делает лошадь, стряхивая слепня, выдавало, что она живая.

Лилия, наоборот, успела скакнуть на стену, вцепиться когтями в каменную кладку и теперь, не в силах справиться с собственными руками, шипела, продолжая висеть, не в состоянии спуститься и не понимая, что происходит с ней. Белая пена летела с её рта, а шипение переходило в едва слышный свист.

Всегда весёлая толстушка-Наташка лежала на своей кровати и чесалась. Механически — жик, жик — черные когти сдирали кожу, шинковали мясо, вырывая струи крови. И в глазах девушки не было ни боли, ни изумления, только тупое коровье выражение потерявшей рассудок.

Настя блевала. Сидела на кровати, свесив ноги и опершись неожиданно мускулистыми руками в край постели. Молча ждала. Выплёскивала воду с кровью пополам и без выражения рассматривала лужу между ног. Потом шёл новый позыв, и снова извергалась розовая вода с чёрными сгустками.

Кто-то бесновался, кто-то впадал в одеревенелость. Но все были не в себе.

Алиса смотрела на мир вокруг и ощущала, как тело напрягается, готовясь к бою. Но, ощущая это, она поняла, что не будущая схватка и не то, что происходит вокруг, занимает сознание более всего. А вот это напряжение тела. Такое дивное, сладостное напряжение, в котором хотелось растворить сознание. Каждая жилка дрожала, словно натянутая струна, и по ней пробегал ток — щекочущий, заставляющий подрагивать и млеть от удовольствия. Это не было тем проявлением страха или ярости, что свойственны человеку неискущённому.

Напряжение вливалось мёдом в рассудок, призывая использовать эту солнечную огромную силу.

Алиса закрыла глаза, чтобы впитать в полной мере новое ощущение. И поняла, что, и с опущенными веками, продолжает чувствовать всё происходящее вокруг. Суету, страхи, апатию и брезгливость к себе. И только в себе не видела уже отражения этих чувств. Она упивалась мощью. Тело наливалось ей, словно плод под солнцем. И зрело движение. И было так хорошо и свободно!

— Сидеть, твари!

Ворон влетел в зал, широко распахнув двери. За ним почти строем вошли храмовники из числа стражей монастыря.

— Сидеть, я сказал! — рявкнул Ворон, гневно оглядывая беснующийся зал.

Мария изломанной куклой застыла в руках сестёр, споро привязывающих её к постели.

Настя задрожала, скукоживаясь на полу на разлитой тошнотной луже.

Диана замерла, выглядывая из-под края свесившейся простыни. Лилия замолчала, оборвав свист-шорох, и зависнув в неподвижности. Наташа забилась в судороге, перестав чесаться.

И только Алиса пригнула голову и прищурилась, высматривая из-за кровати тощую фигуру в рясе.

Ворон стоял, вскинув острый подбородок и с неприкрытой яростью оглядывал происходящее.

— Твари, — ненавидяще прошипел он. — Я научу вас слушаться!

И махнул рукой храмовникам. Бойцы бросились в зал — у каждого в руках палка-антенна с парой усиков. И меж ними бьются синие змейки. Один удар — и Настя забилась, с воплем сворачиваясь клубком. Одно прикосновение синей змейки — и Диана, завопив, вырвалась из-под кровати. Один укус...

Алиса кинулась на подошедшего до того, как он успел ткнуть палкой.

Удар.

Человек распахнул рот, посерел, и осел на месте. И отпустил палку из беспомощной руки. Локоть острой горкой, заливающей рукав красным, торчал вверх.

— Ах, ты, дрянь! Сидеть!

Ворон шагнул к ней. В его глазах не было сомнений в том, что она послушается.

А она оскалилась и рванула навстречу.

Удар.

Худощавое тело с грохотом свалилось на пол. Распахнув руки, словно для распятья.

Алиса прыгнула на грудь поверженного и подняла верхнюю губу, вглядываясь в мелко трепещущие артерии на белом горле.

— Стой! Сидеть!

— Внимание!

— Наставник под угрозой!

— У нас нападение! Подмога!

А артерия билась, неосязаемым обещанием блаженства притягивая взгляд...

Но что-то мешало.

Не люди. Но кто?

Она сморщилась, оскаливаясь. Может быть, оскал покажет им, что она не боится и готова биться?

Но посторонние, неясные взгляды буравили нутро. Тревожили. Пугали.

Она неохотно подняла глаза. На огромной стене высился воин — в кольчуге, в золотом куполе шлема, с копьём в руке и щитом на локте. Его взгляд был суров, а под копытом взъяренного коня, вилось, на sharpenенное на остриё копья, серое существо — человек с драконьим хвостом и крыльями летучей мыши. А ещё ниже, под изломанной болью спиной существа, лежала зелёная долина, на которой резвились сфинксы, единороги и змеи...

«Не забудь»

Голос старой наставницы качался в голове колокольным гулом.

Алиса вздрогнула и вздохнула. И расслабила пальцы...

Чёрные пластинки когтей медленно розовели.

...

Она целовала его неумело. Нежно забирая губами и колкие щёки и мягкие мочки ушей, плыла по тугой мужской коже одиноким парусником, открывающим неизвестные земли. И ярко-рыжие волосы плескались по его поднятым в детской обиде и недоумении плечам.

— Даня... Всё будет... хорошо...

Он держал её за плечи, не сдерживая, но только ощущая всякое движение, каждую следующую волну страстного прибоя, топящего его в нежности. Его слёзы давно высохли, плач и горький смех ушли, но обида на судьбу словно сточила внутри жёсткую ось, острой болью забралась, вскрыв грудную клетку, закусил змеищей сердце и не выпускает из пасти — давит, давит.

— Аля... — он осторожно убрал лицо и отодвинул девушку на вытянутых руках, сам удивившись их крепости и силе. — Аля...

Она тянулась к нему губами, тянулась, приоткрывая рот с нечеловеческими узкими зубами. Её прикрытые глаза и лёгкий болезненный румянец на белом лице заставили его испуганно стиснуть тонкие плечи в кулаках.

— Очнись!

Алиса встряхнулась, удивлённо и сердито глядя на него — вертикальные зрачки медленно приняли прежнюю форму.

Данила отпустил смятые плечи и отодвинулся к стене.

— Прости. Просто... Не до этого мне.

Закусив губу, она отвернулась. Опустилась на лежанку и легла, отвернувшись к стене.

Данила сидел, она лежала, поводя пальцем по краске, покрытой сеткой трещин. Слово нащупывая вслепую извилистый путь для дальнейшего разговора.

А Даниил мямл свои пальцы, нервно сплетая ладони. Поглядывал на лежащую рядом девушку, на сухоцвет в вазе на столе, порывался заговорить и тут же хмуро обрывал себя.

Когда стало понятно, что сил начать разговор он в себе не найдёт, Алиса приподнялась на локтях и, откинув упавший на лицо локон, улыбнулась в потолок.

— Сейчас бы в озеро, да? — спросила она. — Помнишь этот остров в ивах? Там мы нашли кувшинку...

— Помню...

— Такое слепящее было солнце, но вода словно отречение...

— Помню...

Алиса села, привалилась к стене и, взявшись за локоны, стала задумчиво счищать из волос застывшие прилипчивыми кляксами красные комочки. Смотря как тонкие белые пальцы размеренно, степенно разделяют и разглаживают волоски, Даниил угрюмо покусывал губу и не чувствовал боли.

— Ты думаешь над тем — освободить отца или нет?

Даниил вздрогнул. Глаза Алисы смотрели, словно не замечая его — прозрачные и пустые, незнакомые в тихой грусти.

— Нет, — мотнул он головой. — Я не буду участвовать в его обрядах!

— Я — тоже, — просто ответила Алиса.

— Но?

Она кивнула:

— Но освободить его нужно.

— Почему?

— Потому что он зовёт... Потому что ему плохо...

— Но — зачем?

— Чтобы стало лучше. Всем.

Даниил отвёл глаза.

— Всем. Даром. И чтобы никто не ушёл обиженным. — И стиснул кулаки, рассматривая, как белеет напряжённая кожа под темнеющими ногтями.

— Да.

Алиса всё с той же грустью и покорностью судьбе смотрела прямо перед собой и руки механически, но нежно и бережно очищали волосы.

Он разжал кулаки и на расправленных ладонях всмотрелся в линии судьбы. Белые полосы остались от вонзившихся когтей, но кожа осталась нерушимой. Кожа настоящего йаха.

— Ты изменился...

Обернулся стремительно, но Алиса всё также задумчиво смотрела в пространство перед собой и забирала в ладонь следующую прядку. Совсем не глядя на товарища.

Губы Даниила скривились:

— Ну, да. Стал таким же, как и ты.

— Нет. Не таким. — Алиса едва заметно нахмурилась, будто непокорная прядь, норовящая выпасть из пальцев, тревожила и злила её. — Ты стал сильнее.

— Я был бетом. Как и кем я стал?

Даниил закрыл глаза и опёрся затылком на прохладную стену.

— Нет, ты никогда не был бетом, — прикрыла глаза она. — Но не было рамок, в которые ты бы укладывался. Проще всего стало считать тебя бетом. И я... пошла по простому пути. Я обошла препятствия, не преодолевая их...

— Но я действительно был им, — Даниил бледно усмехнулся. — Боль, не заживающие раны, гниение заживо... Я пережил всё это. Сила появилась только теперь.

— Десятки лет... — задумчиво протянула Алиса. — Десятки лет удерживаться за старую мораль... Десятки лет без человеческой крови... Десятки лет без духовной поддержки. Истощение — вот имя твоего недуга.

Он уронил лицо в ладони. Плечи затряслись от нервного смеха, едва слышного, но пугающего своей неудержимостью.

— Йах! Господи, я просто йах! Отродье... — всхлипывал Даниил, кусая губы в попытке остановить смех и плач. — Просто йах... Грязная лунная собака...

— Не просто йах, — негромко перебила девушка. — Йах истинный. Рождённый тем, в ком вся мощь йахаса. В ком корень сил.

— Боже... Вампир...

— Не вампир. Вампир не сдерживается. Ты — выше.

Даниил отнял ладони от лица.

Теперь Алиса смотрела на него в упор. Изучающим, настороженным взглядом, словно кошка перед лохматым псом, внезапно выскочившим в подворотню. Решая — взлетать на дерево или выгибаться и шипеть перед боем.

— Аля, — в глазах бета мелькнул влажный блеск.

Даниил рывком обнял её за плечи и прижал к себе. Соппротивление альфы оказалось

неловким и несмелым — его сил и желания хватило с лихвой, чтобы его сломать. Прижал, вжался губами в бледную тонкую кожу на шее и, ощущая, как замерла, закаменела в его объятии девушка, зашептал, выписывая губами вязь признания:

— Аля... Спасибо тебе, девочка... Спасибо!

Испуганным котёнком она притихла в его руках. А губы Даниила ласкали пульсирующую артерию, дразня ожиданием боли и сладости.

Шум за дверью они слышали одновременно.

Крики. Гул. Выстрелы.

Они смотрели в глаза друг друга. И в них отражалась мука обречения.

Ещё выстрелы. Одиночные сменились очередями.

Губы обоих шептали беззвучно и никто, кроме них самих, не смог бы прочесть — молитва или признание.

Короткий взрыв. Ещё один.

Даниил отпустил девушку и рывком развернулся к входу, горбятясь перед броском. Бешенство йаха просматривалось в напряжении каждой взбухшей жилы на сильном, литом теле.

Удар потряс пол. Аквариум на потолке покачнулся — огонь негасимый затрепетал, мигая.

Двое йахов застыли в ожидании.

Дверь мощно распахнулась, с гулом ударившись о стену. На пороге вырос тёмный силуэт Марка. Зрелый йах уже полностью трансформировался.

Даниил одёрнул девушку за спину и настороженно замер.

Марк стиснул ладонью горло, чтобы голос звучал яснее и просипел:

— Уходить! Инквизиторы!

За ним в дверь скользнуло трое. Крепкие молодые люди в тёмных куртках и красных шейных платках держали по короткому автомату и смотрели уверенно.

— Выведут, — сжимая горло, сказал Марк. — Мои воины. Идите за ними.

Один из юношей подступил к гостям, коротко склонился:

— Следуйте за мной, йахас...

— А ты? — дёрнулся Даниил к Марку.

По губам старого йаха полоснула кривая усмешка:

— Задержу.

Даниил нахмурился:

— Их много? Возможно мы...

Марк качнул головой:

— Инициаторы.

Алиса стиснула ставшие острыми зубы и решительно подхватила товарища за локоть. Встретаться с бывшими подругами она не хотела.

— За мной, пожалуйста, — поторопил воин. — Время дорого.

Даниил шагнул к йаху и сжал уже бугрящееся и дрожащее от напряжения трансформации плечо:

— Будь осторожен.

Марк схватил его за локоть и просипел-прошипел уже едва ясно:

— Береги её. Помни — отец! Освободить отца! Иди! — и толкнул его к выходу.

И закрыл глаза, настраиваясь на бой.

Алиса прошла следом за Даниилом мимо йаха уже не осознающего её присутствия.

На станции властвовал хаос боя. По широкой мраморной лестнице вниз шли храмовники в бронежилетах на привычных костюмах и в сферах, защищающих лица. Автоматы размеренно стучали, с опытных ладоней точно слетали гранаты.

Негасимый огонь в лампах мигал, то разгораясь до жаркого, то теряясь за вспышками взрывов. А загнанные в угол сектанты огрызались — автоматные очереди прижимали храмовников к стенам на излишне открытой части лестницы, а пулемёт с верхнего этажа постройки лупил вдоль входа на станцию, отрезая прорвавшихся от подтягивающихся.

Чёрно-белый дым висел тугой завесой над входом, а с первых этажей жилой постройки сектантов рвалось пламя. Женщины пытались тушить его — заливая ведрами и тазами, не глядя подставляясь под пули. И падали одна за другой, с едва слышными за общей какофонией, вскриками. Огонь всё более занимался, со скоростью голодной змеи расплзаясь по первому этажу постройки. Чёрный дым шлейфом поднялся вверх, ударил удушливой волной по вершине и — пулемёт затих. Ударил вновь и — вновь замолк. А полоса дыма вдавилась в мозаичный потолок и расплзлась в стороны, накрывая мир станции уродливым тёмным зонтиком.

Храмовники на лестнице усилили натиск, подавляя огонь оставшихся в живых бойцов Храма йахаса.

— Уходить? — бледнея, прошептала Алиса и обречённо усмехнулась: — Куда?

— По туннелю, вероятно, — покосился на воина-проводника Даниил.

— В туннелях идут инициаторы.

Алиса побледнела, стискивая кулаки. С яростным прищуром глянула в чёрные зевы, давно забывшие гул поездов.

— Йахас! — позвал проводник: — Туда! — и махнул рукой в сторону горячей постройки.

Алиса и Даниил переглянулись.

— Быстрее! — поторопил провожатый и, спешно скинув с себя куртку, замотал её на голове, руками закрывая лицо. — Она скоро рухнет!

Алиса схватилась за ладонь товарища. Распахнувшиеся глаза с мучительным страхом впитывали образ горячей деревянной пирамиды, построенной из брошенных стройматериалов, чадающей горьким чёрным дымом и плюющей усиливающимся огнём. С постройки рушились, маша руками, люди — живые факелы. От неё бежали женщины с чёрными лицами — не видя, расставляя руки и распахивая пальцы, словно обгорелые звёзды.

— Даня! Нет... Я лучше в туннель...

Он стиснул её пальцы и, вдохнув полной грудью, потащил девушку за собой.

Воины охранения слаженно двинулись впереди, прикладами расчищая дорогу от летящих навстречу раненых и обгорелых товарищей.

Когда добрались почти до пирамиды — жар для людей стал нестерпим. Но воин-проводник, идущий далеко впереди, успел рвануть с пола тяжёлый люк. Один рывок — широкая стальная дверь встала торчком из горячего пола, открывая зев тайного хода. А человек упал, сворачиваясь от нестерпимой боли в единый комок страдания.

— Вперёд! — опаленной глоткой прохрипел стоящий рядом воин.

Алиса и Даниил переглянулись. Мгновения хватило для принятия решения. Они схватили людей в объятия, стискивая у груди горячие тела, опаляющий металл оружия и — прыгнули.

Два могучих прыжка — через всю площадку, залитую жаром. И — в люк.

...

Узкий туннель, увешенный перевитыми проводами, кончился довольно быстро, оказавшись соединённым с сетью коридоров, по которым проводники — «братья йахаса» — торопливо повели своих подзащитных куда-то, меняя направления и уровни лабиринта.

— Туда! — показав на потолок стволом автомата, хрипло прокашлял проводник. Его красное от ожога лицо со сгоревшими бровями смотрелось будто запечённое.

В потолке чёрной окружностью щели выделялся люк. Пока бет рассматривал его, Алиса шагнула вперёд, потеснила «брата йахаса» и схватилась за ребристую поверхность. Пальцы чутко нащупывали нужную брешь. Отогнув кисть, Алиса напряглась. Удар. Основание ладони жёстко врезалось в люк. Второй удар. Третий.

— Алиса?

— Замок с той стороны, — почти не разжимая напряжённых губ, отозвалась она.

Люк вздрагивал от ударов, чуть гнулся, но не поддавался.

— Дай я.

Алиса отошла, освобождая товарищу место. Данила положил пальцы на погнутый люк:

— Как ты это делаешь? Как чувствуешь?

— Учили, — коротко ответила она.

Даниил пожал плечами и провёл пальцем от вмятины в другую сторону круга:

— Если тут запор, то тут — петля.

И вдохнув, напрягся всем телом. Раз! Кулак вошёл в металл, и щель лопнула, раздалась, выпуская свет и запах дыма. Двумя руками надавив на люк, Даниил вышиб его внутрь следующего этажа лабиринта и прыгнул в лаз.

— Давай руку, — выглянул он из лаза.

Алиса посмотрела снизу вверх и, схватив за шиворот проводника, подтолкнула к вытянутой руке йаха. Подсадила, помогая человеку подняться. Потом также легко почти влетел второй, втащенный сильным рывком. Алиса впрыгнула вверх сама, не дожидаясь помощи. Даниил недовольно повёл плечами, но быстро двинулся вслед за молчаливыми проводниками. Теперь дорога была короткой.

Круглый зал с невысоким потолком и полом с посверкивающими кругами встретил приглушённым звуком далёких криков, очередей и взрывов. И дымом. Тонкие чёрные струйки поднимались из редких щелей в полу.

— Мы над станцией, — не оборачиваясь к йахам, проводник попытался стереть пот с лица, но тут же болезненно вздрогнул и оторвал дрожащие пальцы от кровоточащей кожи: — Марк приказал — смотреть.

И, опустившись на пол, подцепил ножом и убрал в сторону светящийся круг. Тут же поплыл клубок чёрного дыма, но быстро развеялся. Круги оказались стеклянными крышками над лампами негасимого огня. И сквозь огонёк можно было рассмотреть станцию: обгорелый завал пирамиды, шипящий противопожарной пеной, почерневшие трупы в кляксах кровавой накипи, лежащие в невообразимых позах по всей платформе, скрупулёзно добивающие ещё стонущих храмовники и — противостояние.

На краю платформы, со всех сторон зажатый кругом храмовников, держащих под прицелами, стоял Марк. Тугие мышцы, налитые силой, напряжённо прокатывались под белой кожей, но, исподлобья оглядывая противников, йах не двигался. Может быть потому,

что за спинами храмовников чёрными статуями замерли инициаторы?

— Девять, — почти беззвучно разлепила губы Алиса. Её вновь наполняла жажда. Жертвенной крови хватило не надолго, а осознание приближающейся схватки с подобными заставило со всей силой ощутить нехватку сил.

— Ты знаешь их?

Даниил рассматривал инициаторов-девушек, похожих, словно слепки с одного оригинала. У всех лица оставались отстраненно-восковыми, а апостольники чуть приподнимались под затылками, не в силах удерживать привставшие дыбом волосы. Они прекрасно осознавали, что схватка не будет простой...

— Не всех, — устало опустилась на колени Алиса, не отрывая взгляда от иллюминатора в мир схватки. — Надя, Лиля, Диана... Остальных не знаю — не из нашего потока.

— У него есть шансы?

Данила смотрел на то, как с приклеенной полуулыбкой оглядывается йах, примечая каждую закутанную в рясу фигуру, как потягивается под прицелами, словно сытый кот, игриво, уверенно.

Алиса неохотно отозвалась:

— Не знаю. В прошлый раз он просто ушёл от схватки.

— Уйти от схватки тоже требуется недюжая техника, — задумчиво пожевал губы Даниил.

А внизу храмовники, стоящие напротив йаха, чуть сдвинулись с мест, пропуская идущего по коридору вооружённых стражей владыку. Он шёл закутанный в золотое шитьё, словно сусальный ангел. Тяжёлые ткани почти не гнулись, покрывая плечи, спадая нагрудником и фартуком, и казалось, что владыка Сергей — древний рыцарь, одетый в защитные латы. Высокий чёрный посох с золотым крестом на набалдашнике размеренно и гулко стучал по мозаике пола, и с каждым его ударом на станции становилось тише, будто сам мир прислушивался к происходящему.

— Ты не успокоился... — гулко сказал отец Сергей, оказавшись ровно напротив йаха.

Марк с прищуром оглядел его:

— А ты, я смотрю, и тут, под землёй, боишься небесного гнева?

Отец Сергей повёл посохом, словно отмечая слова противника.

— Золото есть символ его!

— Расскажи о том прихожанам, — усмехнулся Марк. — А меж нами лучше не лгать...

Отец Сергей кивнул кротко:

— Где они?

Марк развёл руками:

— Значит, пока льётся кровь невинных дев — вы в стороне, а когда взросло семя — тут как тут? Слабо же вы служите ему!

— Где они? — повторил отец Сергей.

— Где-то... — пожал плечами Марк и довольно улыбнулся: — Ты отдал мне несколько десятков человек на алтарь, поп, но неужели ты думаешь, я отдам тебе хоть одного соплеменника? Много чести!

Нахмурившись, владыка прихватил меж пальцев цепочку драгоценной панагии:

— Марк, твоя наглость не имеет границ, я смотрю. Владыка Аттик дал тебе полномочия жить в миру, проводя свои бредовые обряды и собирая всякую шваль под своей рукой — и тебе было применение, и у нас контролируемая оппозиция и отвратительный пример

грехопадения для паствы...

Йах зло скривил губы, а владыка продолжил, размеренно бросая слова:

— Сейчас мы ещё можем хорошо расстаться, Марк. Территория будет зачищена, а ты перейдёшь в любое другое из своих убежищ по собственному усмотрению. Распространение слухов о том, как ты много порвал храмовников, думаю, ты возьмёшь на себя... Меня интересует одно: где они?

Усмехаясь, Марк опустил голову, словно сокрушаясь о сказанном, покачал ей. Глянул исподлобья на владыку и тут же отвёл взгляд, обежав стоящих кольцом инициаторов.

— Владыка, владыка... Вы надеетесь на свои силы или на мою дремучесть? Всерьёз считаете, что можно просто взять и вернуть всё на свои места? Что я побегу на коротком поводке пугать вашу паству, а вы благополучно продолжите насаждать свою веру, пренебрегая всеми мыслимыми духовными принципами? Бред! Семя уже создано! Оно уже зреет. Потому невозможно остановить его прорастание. Каким бы не был твёрдым камень — цветок поднимется сквозь него.

Владыка Сергей опустил глаза, рассматривая камни на панагии, и лишь потом отозвался:

— Семя, лежащее меж камней, можно раздавить... Можно лишиться дождя...

Упругая кожа йаха раздалась под закипающими силой мышцами. Он рассмеялся, словно залаял:

— Поздно, поп! Поздно! Их дорога уже стелется по степи. Она упирается в небо Упирается в камень! И четыре рва не сдержат! И сотня львов не остановит!

Владыка глянул остро из-под набухших от старости век. Короткий жёсткий взгляд пробежал по окружающему пространству. Он поднял голову, взглянул на закопчённый потолок, с которого иногда, медленно кружась в сторону выхода, к работающим вентиляторам, слетали осколки обгоревшей побелки. И снова упёрся взглядом в йаха.

— Они здесь.

— С чего бы? — презрительно фыркнул йах.

— Не перед кем больше тебе выделываться, — в сердцах ответил владыка.

Йах засмеялся:

— Выделываться перед ними? Держать их рядом, как брюхатой мамашке? Ха! Они — воины, а не дети! Как бы вам не хотелось обратного, но вы уже совершили ошибку. Как бы вы не оберегали отца нашего от возможности продлиться и найти силу в равных, вы не смогли этого сделать. Как бы не следили за чистой наивностью тех, кто вам служит — среди них выросли воины! Как бы не надеялись, что не встретятся две силы — они сошлись!

Владыка стиснул посох так, что костяшки побелели, но пристукнул острым концом по полу коротко, без ярости. Разлепил тонкие губы:

— Довольно! Последний раз спрашиваю тебя!

Марк оскалился, довольно щурясь:

— Последний раз отвечаю тебе. Не ищи дух в телесном. Он — вне тел. Он — между ними.

Опустив тяжёлые веки, владыка возвысил голос:

— Инициаторы! Уничтожить нежить йаха Марка. Во имя...

— Отца! — захохотал Марк и прыгнул.

Храмовники бросились со всех сторон одновременно, массой тел закрывая владыку.

Трассы пуль с раскачивающихся стволов в нервно стиснутых руках, прошили

пространство сотней игл.

Глаза владыки расширились, и он застыл, смотря на летящего йаха. Пока храмовники не свалили его на пол, закрывая своими телами.

Шквал пуль ударил по стремительному телу и йах свалился, не долетев до груды тел, закрывающей владыку. Поднялся на ноги, заревел, вставая на четвереньки и снова бросаясь на храмовников. Его кожу сплошь покрывали ручейки крови, и казалось, что на пятящихся людей кинулся освежеванный медведь. А со всех сторон уже мчались инициаторы — чёрные платья хлестали по ногам, словно клочья раздуваемого пламени. Бросок — ударили в кровавое месиво, впились когтями, зубами, повисли, словно собаки на затравленном звере. Покрыли чёрными тряпками тел окровавленный кусок, рвя и мяся.

— Всё, — сглотнул Даниил. — Сам он не выберется.

И обернулся к Алисе. Девушка смотрела вниз и кусала губы.

— Аля?

Она подняла глаза:

— Ты чувствуешь?

Даниил стиснул в ладони виски, с силой сжал пальцы, словно собрал в горсть глаза.

— Да. Сердце заходится и... больно...

— Родная кровь, — прошептала она и жалко улыбнулась: — Мы действительно другие... Он, ты, я. Мы — иные йахи. И мы это чувствуем.

Смотря в иллюминатор, Даниил сжал кулаки:

— Ещё чуть и...

Алиса не ответила. Её лицо уже затвердело, затяжелело в маске равнодушия, отмечая проходящую трансформацию.

Даниил вскочил на ноги, сдирая с плеч мешающую, сдавливающую куртку. И — не успел.

Белая сеть упала сверху, сверкнув в полумгле неровными квадратами.

Он рванул руками, разрывая ткань куртки, но сеть вгрызлась болью в напряжённые мышцы и прижала руки к корпусу. Он взвыл от напряжения и боли. Лицо перекорёжило, вздулось венами.

Алиса метнулась к товарищу, но ещё один серебряный невод упал, сшибая её в броске.

...

Даниил ещё оставался на ногах, а Алиса вращалась по полу, стремясь вырваться из тисков и встать. Но сети впивались в тела, обжигая и обессиливая.

— Какого чёрта!?! — шипел-рычал Даниил, бешено вращая глазами.

Его лицо стало белым, а тяжёлые жгуты сосудов на разбухших мышцах извивались, подобно водным змеям.

«Брат йахаса», висящий на нём сзади, стискивая концы сети, отдуваясь с натуги, прохрипел:

— Марк сказал — защитить! Марк сказал — вы пойдёте к нему! Марк сказал — остановить!

Даниил остановился внезапно. Тяжело дыша, так, что грудная клетка вздымалась и опадала, будто отдельно от корпуса.

— Он — знал?!

Алиса замерла мгновением позднее.

«Брат йахаса», сдерживающий Даниила, ослабил хватку сети и, тяжело дыша, ответил:

— Он знал.

Йахи молча посмотрели друг на друга и одновременно перевели взгляды на иллюминатор в полу.

— Освободи, — коротко приказал Даниил.

Человек подчинился, коротко склонившись и тронув точку меж бровей. Алиса почувствовала, как и на ней ослабла сеть. Извившись, выскользнула из распущенного невода, не дожидаясь, когда её распутает проводник. Не оборачиваясь на «брата йахаса», склонившегося в дрожащем поклоне, опустила на колени перед иллюминатором и, невольно потирала места ожогов, вгляделась в затуманенный экран. Даниил присел рядом, так же сумрачно смотря вниз.

Марка распяли на досках, оставшихся от постройки, не тратясь на новые. Да и не нужны были новые — йах лежал на кресте, наспех сколоченном на полу и агонию, судя по всему, храмовники не собирались затягивать. Но пленник смотрел вверх и улыбался разорванным ртом, непрерывно кровоточащим. Облизывался, пробуя на вкус собственную кровь, и щурился на закопчённые до сизого отлива «аквариумы» на потолке, где горел негасимый огонь. Вокруг стояли только храмовники; инициаторы, кто держался на ногах, уже отошли к выходу под руководство отца Борислава, а других — порванных, бессознательных, — тащили за ноги и сбрасывали на дрезину.

— Что он ещё говорил? — бросил Даниил стоящему рядом «брату йахаса».

Проводник присел на колени и сунул руку за пазуху:

— Письмо.

— Давай, — Даниил протянул руку, не глядя — внимание его оставалось сосредоточенным на том, что происходило внизу.

Проводник закашлялся, давясь руками громкие звуки. Сплюнул сквозь зубы кровавое месиво и, морщась, всё-таки достал из внутреннего кармана куртки бумагу.

— Не вам, — покачал головой проводник. — Ей.

Алиса вскинула глаза и тут же задумчиво опустила.

— Возьми, — Даниил посмотрел на подругу.

Конверта не оказалось — бумага была свёрнута треугольником чистой стороной наружу. Алисе пришлось умерить боевую дрожь в скривлённых яростным ожиданием пальцах, убрать когти, чтобы не разорвать, а открыть сложный пакет.

«Сестра, если ты это читаешь, значит, я либо уже убит, либо близок к этому...»

— Что это? — напрягся Даниил, — Что они...?

Алиса живо оторвалась от письма и склонилась над иллюминатором.

Пара храмовников клинками изрисовывали тело йаха символами и словами, звучание которых потерялось в веках. Марк, сдавив зубами губу, выгибался, но молчал. Серебро жалило и опаляло, но не убивало.

— Я не знаю, — ошалело застыла Алиса. — Я такое видела однажды, но...

— Ну?

— Так сатанисты проводят обряды. Сам Марк... и другие...

— Тебя не так усыпляли?

Алиса замотала головой.

Проводник, сидящий рядом, неохотно разлепил спёкшиеся губы:

— Это отчитка. Изгонят бесов.

И зажмурившись, тронул точку меж бровей. Опустил голову.

Внизу вокруг Марка уже стояло семь воинов-храмовников. Со стороны головы — Алиса узнала знакомую фигуры сразу — встал отец Борислав. Шрамы на лице оставались ещё набухшими, а из-под рукавов пиджака виднелась бахрама разлохматившихся бинтов.

— Какие, к чёрту, бесы! — проворчал сквозь зубы Даниил.

— Церковный догмат не допускает нежити — только слуг Сатаны, — глухо прошептал проводник. — А будут просто убивать дух йахаса. Спустят кровь и нарубят на части. Части сожгут.

— Гля... — процедил сквозь зубы Даниил и исподлобья глянул на Алису.

Та сидела, сжавшись в комок, и смотрела вниз широко распахнутыми глазами.

— Мы что, так и должны сидеть и смотреть? — в сердцах схватился за горло бет — голос опять ломался, срываясь в рык и шипение.

Алиса покачала головой:

— Посчитай, сколько жизней он сгубил. Скольких сейчас убили из-за его идей...

— Боже мой, Аля! — рыкнул он. — Ты всё ещё веришь церковникам? Этой банде, жаждущей власти? Этим козлам, что превращают мир в руины? Да они ради поклонения только способны...

Она закрыла глаза и отодвинулась от иллюминатора, стискивая в руках письмо:

— У каждого — своя правда. И не мы мерим, что истина...

Даниил зло сощурился:

— Но мы решаем за себя — на чьей мы стороне!

Алиса всхлипнула, сжимаясь, и стиснула поджатые колени:

— Я не знаю, Даня! Я не знаю!

Бет осёкся, замер болезненно, мучительно беря себя в руки.

— Аля?..

Один из проводников успокаивающе поднял руки:

— Он знал, на что идёт. — И почтительно склонился перед девушкой, настойчиво повторяя: — Прочтите письмо, йахаса. Прочтите!

Она утёрла глаза о колени и расправила смятый в ладонях листок.

— Сестра, если ты это читаешь, значит, я либо уже убит, либо близок к этому...

Сквозь иллюминатор глухо, издали зазвучали распевные молитвы, выводимые десятком хриплых глоток, более приученных командовать и орать, чем петь. Но йаху хватало и этого, чтобы заметаться и взвыть на кресте.

Алиса беззащитно подняла плечи и стала читать быстрее:

— Долгие годы я был один — неучтённый йах. И сперва моё героическое прошлое не давало им убить меня, а позже — подросток сын. Они рисковали, поскольку знали, что один я безопасен. Но не знали — насколько я безопасен, считая меня настоящим йахом! Но это было не так... Я — лишь тень настоящего. Много мне передано с кровью, но не всё. Мне далеко до вас, до истинных, рождённых болью и отчаянием.

Вой перешёл в крик. Алиса дёрнулась, боясь глядеть вниз, посмотрела в тёмные глаза Даниила, не отрывающегося от иллюминатора. И увидела. Марку рассекали вены. По обнажённым рукам, в оголённом паху, в подмышках, по горлу — везде полоснули умелые ножи. И кровь потекла под заунывные песнопения — ленивая, тяжёлая, густая. Неторопливо покидающая вены и артерии, не деля их на те и другие.

Алиса сглотнула и снова уткнулась в письмо:

— Для того чтобы расшатать основы существующей сферы их власти необходимо было двое свободных. Только трое, объединившись, способны поменять мир, но один — Отец, — оставался у них в плену. И теперь, по их недосмотру и великому деянию Судьбы, появились вы. В этом — знак смены эпох. И какую бы дорогу вы не выбрали дальше — вы придёте к Отцу. И сумеете освободить его. С этого начнётся новый мир для всех.

Смолк крик и только сдавленный стон тянулся низкой утробной нотой, глухо отражающейся от гулких стен и летящей, летящей... И давящей на тишину обряда. Только голос Владыки легко разрезал этот стон монотонной, едва различимой молитвой. Она казалась едва различимой в общем хоре, но ввинчивалась в уши, болезненно вгрызаясь в тело.

Алиса судорожно стиснула бумагу, когтями пробивая исписанный лист. Тут же одёрнулась, вздрогнула, расправила письмо на колене, нервно сглотнула, продолжая чтение:

— Освободите отца — его тело жрёт мир, его кровь пьёт! Но он не видит, что его свобода и сила дадут больше. Освободите отца, потому что тот, кто любит мир и отдаёт ему себя на растерзание — достоин свободы! Освободите потому, что жрецы, поймавшие своё божество в тиски и пытающие болью всего мира, достойны быть тюремщиками только своему бесчестью! Освободите потому, что он ваш отец... Освободите — и мир изменится.

Марк замолчал, словно иссяк запас воздуха.

Наставник Борислав кивнул на внимательный взгляд Владыки и обернулся — почтительно склонившийся храмовник держал на вытянутых руках топор. Длинное изогнутое топориче и остроносое лезвие делали его похожим на древнее оружие. Наставник с поклоном принял топор и повернулся к йаху. Застыл в ожидании знака владыки.

Кровь в теле Алисы клокотала, но, сдерживаясь, она лишь ускорила чтение:

— Я знаю, чего вам хочется сейчас более всего. Гарантий. Гарантий, что мир изменится к лучшему, что кончатся дни тьмы, и свобода Отца принесёт всем радость. Я не дам вам таких гарантий. За моей душой лишь вера и тексты забытых книг. Но всё, что есть этот мир — вера. Всё, что ведёт тех и иных — вера. Безоговорочная вера и однажды сделанный выбор. Я когда-то сделал свой. Теперь ваша очередь.

И боясь собственных слёз, Алиса отвернулась от иллюминатора. Но, даже не смотря,

почувствовала боль, которую не знала раньше. По телу побежали волны холода, сводящие мышцы и наполняющие их здоровой злой силой, когда отец Борислав рубанул топором по неподвижно смотрящему в потолок, в закопчённые лампы, йаху.

По лицу девушки потекли слёзы. А в глазах затанцевали зрачки, вытягиваясь.

Даниил резко обернулся — плечи сводило, посмотрел исподлобья:

— Всё?

— Нет, — Алиса облизала губы, боясь поднять взгляд. — Ещё подпись...

— Ну?

Она выдохнула, закрывая глаза:

— Во имя Отца, и Сына, и Женщины...

— Во имя, — «братья йахаса» согласно тронули меж бровей.

А в иллюминаторе лампы медленно гас негасимый огонь.

Даниил вскочил на ноги, огляделся — на всей тайной комнате свет тускнел, истончался, исчезая за сизыми круглыми окнами.

— Марк умер, — встал на ноги проводник. Второй присоединился, держась за грудь и смотря снизу вверх: — Теперь вы — старшие «детей йахаса».

Стиснув зубы, Даниил склонился над иллюминатором.

Внизу инквизиторы позаботились об освещении — несколько мощных фонарей били в перехлест по станции, делая её похожей на тщательно охраняемую зону. Части йаха грузили на тележку, собираясь вывести со станции дрезиной. С ней отправлялся десяток храмовников, и отец Борислав давал последние наставления уходящим. Его одежда влажно блестела в полумгле, а ладонь иногда вздрагивала от переутомления и раны, вызывая у наставника недовольную гримасу.

Владыка, стоящий у окровавленного креста, тяжело опершись на посох и прижавшись лбом к кресту на набалдашнике, закрыв глаза, шевелил губами. Три храмовника ждали его соизволения уходить, но отец Сергей не торопился, погружённый в молитву.

Отправив группу, Командор Борислав осмелился потревожить покой митрополита.

— Владыка?

Отец Сергей открыл уставшие глаза.

— Пожалуйста, — склонился командор.

Владыка словно очнулся — огляделся, вдохнул и, тяжело передвигая посох, двинулся к лестнице. Телохранители сопровождали, отслеживая каждый шаг, но боясь предложить помощь слишком рано.

Командор Борислав раздавал распоряжения, указывая молчаливым людям в чёрном, а потом, оглядевшись в последний раз, и сам двинулся на выход.

У самой лестницы он замедлился. Шаг, другой. Остановился. И медленно обернулся. Мгновение. Раз. Два. И поднял взгляд на закопчённые лампы под потолком.

Даниил не стал отодвигаться. Командор не мог его видеть.

И их взгляды пересеклись.

Командор Борислав взялся за ворот, словно он душил его и, не отрывая взгляда от окна, покрутил головой, ослабляя воротник. И, резко отвернувшись, ушёл.

...

Глава 53 Путь

Уходили быстро. Туннелями, шахтами, коридорами брошенной подземки и сети канализации. Вдыхали запах гнили и испражнений, протаскивая за собой проводников, жмурящихся на острые запахи и затыкающих лица рубашками.

Бываливший из очередной шахты в довольно цивильный коридор забытых подвалов, остановились — йахи тяжело дышали, прочищая лёгкие, а люди скривились у стены, освобождая желудки.

— Держись молодцом, — откашлявшись, сплюнул Даниил коричневый ошмётот.

Алиса механически запустила ладони в волосы — пригладить рыжий всполох, но тут же бессильно опустила руки. Привести себя в порядок в условиях безостановочного бега было невозможно, да и Даниил на неё не смотрел. Он разглядывал дорогу вперёд, чутко прислушиваясь к шорохам на поверхности, к которой уже почти приблизились. Ноздри его трепетали, а глаза прищуривались, разглядывая что-то невидимое за серыми бетонными стенами.

«Братья йахаса» явно замешкались.

— Ну? — Даниил нахмурился.

Один из «братьев» лежал на земле, ещё приваливаясь к стене, но уже опрокинув подбородок на грудь. Он упал бы, если бы не товарищ, прижимающий его плечи к стене. Губы его шевелились, едва слышно повторяя:

— Сашка, Сашка... Держись...

Алиса подскочила первая. Присела на корточки, тронула за плечо склонившегося.

«Брат» обернулся к ней тяжело — опалённая кожа болезненно стягивала лицо в гримасу:

— Он умирает, йахаса...

Даниил присел с другой стороны. Оглядел умирающего, хмуро констатировал:

— Амбец.

Тронув пальчиком красный, запотевший липким потом, лоб умирающего, Алиса вгляделась в ещё видимую венку на виске и облизнулась:

— Я могу укусить его... Он будет жить. Но будет ли жизнь бета — жизнью?

Её скручивала жажда, заставляя кулаки сжиматься-разжиматься, а ногти темнеть.

Даниил покатал по скулам неудовольствие и отвернулся, постаравшись не столкнуться с девушкой взглядом.

— Йахаса, — проводник склонился, тронул её за ладонь. — Данное вами сделает его альфа. А это великая честь...

Алиса вздрогнула:

— Но... — и тут же замолчала. В расширившихся глазах заметался огонёк безумия. — Значит, все, кого я... О Дьявол!

Даниил глянул на неё и, тут же отведя взгляд, пожал плечами:

— Аля, а большая ли разница меж бетом и альфой, если и меж истинным и бетом её не было? Разница не в крови... Разница в чём-то большем.

«Брат йахаса», настороженно вслушиваясь в их разговор, видел, что товарищ затихает, и потянулся к Алисе:

— Йахаса, всё так и не так... Без помощи или без внутренней силы человек сходит с ума

от укуса, кто бы его не сделал — альфа, бет или Прото. Только одно удерживает его от скатывания вниз после первого раза, когда он попробует кровь — вера. Вера в себя или что-то большее. У альф и истинных она есть, у тех, кто становится бета — нет. Пожалуйста, йахаса... Он будет вам добрым братом, если останется в живых...

— Плодим грех... — хмуро проворчал Даниил, отворачиваясь.

Алиса сглотнула, смотря на товарища, и, едва сдерживаясь, снова повернулась к проводнику:

— Есть...ну... другие способы?

«Брат» нахмурился и склонился:

— Вы — йахаса, вы — владеете... Ваша воля.

Она схватилась за виски, бессильно зашипела в опалённое лицо:

— Да говорите же! Я ничего не знаю!

Проводник смотрел в её дрожащие вздрагивающие вытягивающиеся зрачки всего несколько мгновений.

— Марк говорил, что истинным это возможно... Положите ладони на него, — тихо сказал он. — И захотите его излечить. Захотите, чтобы он жил... Если сможете перебороть желание... его крови.

Алиса сглотнула тяжёлую горькую слюну и медленно перевела глаза на лежащего. Последние судороги ударили по телу раз, другой, и он вытянулся, затихнув.

— Готов, — констатировал Даниил. — Пошли. Надо поторапливаться.

Проводник бессильно опустил плечи и обернулся к девушке:

— Пожалуйста, йахаса... — попросил он.

Даниил что-то проворчал себе под нос, угрюмо рассматривая противоположную стену. И Алиса поняла, что в этой битве осталась одна. Наедине с собой, с собственным голодом...

— Сейчас... — зашептала она. — Сейчас...

Потянула дрожащие руки к телу, тронула ещё тёплую кожу — опалённую, слящущуюся, — и почувствовала, как свело голодным спазмом нутро. Брюшина задёргалась, в такт разогнавшемуся дыханию, и рот наполнился тяжёлой горечью. Алиса задрожала, ощущая тягу. Её хотелось стремительно рвануться к податливой коже, взрезать одним кусом и, приподнимая губы, прижаться к ране, начать сосать уже вялую кровь в замерших сосудах. Она катала на языке предчувствие солёной сладости, и дрожала. Дрожала... В какой-то миг, не сдерживаясь, рванула вперёд, к самой коже и тут же одёрнула себя. Остановилась, почти касаясь дыханием опалённого горла мертвеца — ещё тёплого, ещё съедобного...

— Йахаса... — горько позвал кто-то за пределами сузившегося сознания.

— Не трогай её, брат... — потянулся вслед за ним знакомый голос: — Ей надо есть... Чтобы жить. А ему уже не поможешь...

И она вспомнила.

Открыла глаза, смотря вперёд, в замершую вену под натянутой кожей.

Он умер. Умер, потому что она сражалась с собой... Потому что собственный голод, страдания своего тела значили для неё больше, чем чужие... Умер, и поздно доказывать, что всю жизнь она стремилась делать светлые дела, защищать церковь во имя человечества. Умер. Всё.

Стиснув зубы, чтобы не зареветь, словно малолетняя девчонка над разбитой мечтой, она распрямилась. Лицо мертвеца оставалось восковым, набухшим от воспаления, и абсолютно спокойным, словно за границей познания он успел в момент смерти увидеть некую великую

истину и убедиться, что жизнь была пройдена не зря, что прошёл он её так, как следовало. Сможет ли она когда-нибудь вот так спокойно подойти к последней черте и шагнуть туда без страха и боли? Теперь — вряд ли.

— Ешь, Аля, — за плечо тронул Даниил — Ешь и пойдём.

Страхнула, даже не заметив его силы.

Теперь — когда поняла, что всю жизнь направляла силы на смерть, а не на жизнь. Когда поняла, о чём говорила сестра Пелагея, обучая её смотреть на бога, как на любовь, без страха и раболепия. О чём говорила, когда беззвучно кричала перед последней схваткой. Теперь — уже не сможет шагнуть за черту спокойно. Умер.

— Аля...

Алиса зажмурилась, не выпуская на глаза влагу, но та всё равно просочилась сквозь предательски дрожащие веки. Осела на ресницах радужными каплями, затрепетала разводами.

«Грязная йаха! — стискивая зубы, кричала в нутро Алиса: — Ты владеешь силой, не доступной большинству. Тебя обучали лучшие из лучших. И ты не можешь, просто не умеешь делать хоть что-то доброе и хорошее! Куда бы ты ни пришла — там смерть. К кому бы ни приблизилась — умертвляешь! Чего ты стоишь, дрянь...»

— Аля...

Голос Даниила был другим — тяжёлый, обрывистый, стёртый придушенным вдохом.

И она подняла веки.

Серые тусклые глаза смотрели в неё, словно заглядывали в душу.

Мёртвый «брат» вдохнул — из ноздрей покатились капля крови. Облизал губы. Поднял руки и стиснул в ладонях её дрожащие запястья.

Грудная клетка равномерно поднималась и опускалась, жилки на горле бились, а вокруг стискивающих виски Алисиных пальцев медленно, по сантиметру, расползаясь естественным розовым цветом здоровая кожа.

— Боже... — выдохнула Алиса и отпустила нервно сжатые руки.

— Йахаса... — с искренней преданностью опустил голову проводник за её спиной. Тронул пальцами меж бровей и зажмурился, пряча взгляд.

Алиса отшатнулась от ожившего мертвеца и вскочила на ноги. Воскресший медленно повернулся на бок и закашлялся, освобождая носоглотку. А по телу продолжала скользить плёнка здоровой кожи, наползая на обожжённую и затягивая её сверху.

Алиса шагнула назад, ещё раз и вздрогнула — наткнулась на Даниила. Он обнял её за плечи, приблизил к себе и прижался заросшей щекой к бешено вибрирующему виску.

— Всё хорошо, Аля, всё хорошо, — утомлённо сказал он. — Просто ты теперь это умеешь... Просто прими это. Ты теперь можешь... даже это.

А она молча, с испугом смотрела за тем, как воскресший поднимается, оттирая лицо от пота, как его, очумевшего, обнимает плачущей товарищ, крича на ухо о том, что йахаса подняла его из мёртвых, что они — настоящие, что Марк не ошибся, что они пришли... вестники прихода... И в глазах обоих братьев зажигается огонь фанатичной веры.

— Зачем? — простонала она. — Они теперь будут...

— Верить, — просто закончил Даниил. — Ага. Они будут просто верить.

Алиса развернулась и упёрлась лбом в плечо Даниила. Бывший бет обнял, губами зарылся в рыжие волосы.

— Они...

— Да, — грустно усмехнулся он, прижимаясь теснее к девушке. — Они расскажут другим, те — следующим. Скоро об этом будет говорить весь город. И город будет верить в то, что пришли освободители.

— Боже, Даня... — закусив губу, простонала Алиса.

— Мы не сможем смотреть в их горящие глаза, не сможем видеть, с каким фанатизмом они будут умирать в облавах инквизиции... Всех, ведь, не оживишь... И нам придётся освободить Прото.

— Нет! — она замотала головой, трясь лбом о жесткий шов рубашки товарища.

— Если сейчас мы не уберём их, — закончил Даниил.

Алиса отпрянула.

На лицах «братьев» погасли улыбки. Понимание ошеломило их. Но не смогло переломить верности. Переглянувшись, они медленно опустились на колени.

Даниил хмуро посмотрел на две склонённые фигуры. Потом с тоской — на Алису. Девушка встала меж ним и людьми, стискивая кулаки — в каждой ладони по клинку.

— Я не дам, — выделяя каждое слово, сказала она. — Не дам их убить. Не для этого я...

Бывший бет пожал плечами:

— Разве ты не хочешь есть? Разве не ты теперь нуждаешься только в человеческой крови?

Она облизала сухие губы и мотнула головой так, что рыжие волны расплескались по плечам тяжёлой бурей:

— К чёрту! Марк как-то жил — и я выживу!

Даниил едва заметно усмехнулся:

— Значит — мы идём путём Марка? И ты готова делать алтари и храмы с жертвенными тазиками, плодить йахов и каждое полнолуние натравливать паству на новую девчонку?

Ножи в руках Алисы нервно заплясали.

— Зачем же... — облизала она губы и снова мотнула головой, отгоняя навязчивое видение распластанных на нарисованных звёздах девушек.

Даниил поморщился:

— Потому что иначе Прото никак не освободить.

— Можно, — хрипло перебил «брат йахаса», не поднимаясь с пола.

Алиса стремительно развернулась на пятке, широко шагнула и упала на колени, всматриваясь в лицо воскресшего.

— Повтори, — одними губами показала она.

— Можно освободить Прото, — повторил он тише и суше. — Но это было не по силам Марку. Поэтому он искал другие пути.

— Как? — Даниил подошёл сзади.

Брат йахаса отозвался мгновенно, но смотрел только на девушку, судорожно пряча взгляд от бывшего бета:

— Прото содержат в одном из монастырей пригорода. Марк потому и проводил обряды здесь — так ближе к силе Истинного йаха.

— Как просто... — прошептала Алиса, задумчиво закусывая губу.

— Взломать монастырь, окружённый храмовниками? — усмехнулся Даниил. — Это просто?

Алиса распрямилась и резко развернулась.

— Просто! — зарычала она, наступая на товарища. — Это — просто! Ты! Отродье! Если бы ты хоть раз видел этих рванных девчонок! Если бы ты слышал, как просят о помощи! Ты

бы никогда! Никогда!

Даниил побелел и схватил её за локти до того, как клинки пошли в ход.

— Уймись, Аля! Уймись! — рыкнул он.

Но девушка билась, стремясь вырваться. Закушенная губа и безумный, блуждающий по его шее, взгляд.

— Алька... — Даниил болезненно прищурился: — Успокойся. Это просто — голод, девочка моя. Просто голод...

Она рванулась ещё раз, ещё, и ослабела в его железных руках. Взгляд, не задерживаясь, побежал по стенам, по потолку — подальше, подальше от людей, от жизни, от крови.

Даниил притянул её к себе, поцеловал под рыжую копну волос, и прошептал во вздрогнувшую шею:

— Конечно, мы пойдём... мы освободим его. Это просто. Конечно.

...

Глава 54 Воспоминание о Поединке

— Матушка...

— Тихо! — сестра Пелагея проскользнула внутрь комнатки, едва приоткрыв дверь. От жёлтого огонька на свече по неровностям каменных стен заплясали мокрые блики. Лицо старой наставницы в его свете казалось бледнее старых икон.

Алиса попыталась встать навстречу неожиданной гостье, но заостеневшие от долгого сидения на коленях ноги не слушались.

Свет свечи прыгал по неровностям каменной кладки, выхватывая из тьмы разломы трещин, серое копошение в углу, блики, заключённые в эмалированной кружке, и пористый замшелый камень хлебной горбушки.

Наставница, отвернувшись к двери, склонила голову и прислушалась к едва различимым звукам в коридоре.

— Это крысы. Им холодно. — Алиса оставила безнадёжные попытки встать и села по-турецки, принимая более свободную позу. Расслабилась. — Не беспокойтесь. Здесь нет сестёр.

Сестра Пелагея посмотрела на девушку рассеянно. Алиса, до кости прожимая сведённые икры, равнодушно кивнула на стены:

— В келье справа — Диана, слева — Надя, а напротив — Света... Они слышат нас, но никому не расскажут о вашем приходе, если вы сами этого не пожелаете.

Поправив тяжёлые рукава, сестра Пелагея подошла и присела рядом с девушкой. Протянула свечу, в неровном золотистом свете рассматривая лицо ученицы — белое, равнодушное, застывшее восковой маской. Только глаза — карие, с влажными искорками ещё жили, но взгляд был холодный, блёклый, словно у наркомана. А когда-то роскошные рыжие волосы казались кукольными, неживыми.

Наставница потянулась и, взяв девушку за подбородок, склонила её голову и приблизила свечу к маленькой, уже почти затянувшейся ранке на шее. Она долго рассматривала четыре точки, сделавшиеся белыми рубчиками, и свеча в её руке подрагивала.

— Матушка?... — тихо позвала Алиса, не рискуя спросить напрямую.

— Они это сделали, — безучастно прошелестело в ответ.

С тихим шорохом встряхнулся тяжёлый рукав. Сверкнуло ослепительно белым. Выстрелила распрямлением рука. И безотчётно Алиса рухнула вбок, пружиной разжимаясь и откатываясь в сторону. Лишь потом почувствовала знакомое ощущение железа.

Брякнула, отлетая, кружка.

Прокатившись по свежей луже спиной, Алиса вскочила на ноги, принимая защитную стойку.

Наставница выпрямилась — в одной руке свеча, в другой — широкий чёрный нож, с выделяющейся обрамлением ниткой лезвия.

— Тихо, — приказала она, и Алиса кивнула в ответ — да, не стоит подругам слышать и осознавать то, что здесь происходит, совсем не стоит. Ради наставницы, ради них самих.

Наставница отодвинулась на шаг и, не сводя глаз с ученицы, поставила в расщелину камней бронзовый подсвечник, на котором вздрагивала тонкая свеча. Когда она распрямилась, Алиса почувствовала, как кровь внутри сердца начала кипеть.

Старая женщина, оправдывая уважительное звание, не торопилась со вторым выпадом,

а, едва заметно раскачиваясь, начала обходить девушку по кругу. Алиса же замерла, вглядываясь в пятно силуэта противницы. Для неё как-то легко, словно тысячи раз отрепетировано, перестали существовать цвета, запахи или ощущения окружающего пространства — только кожа её жадно впитывала каждое колебание воздуха. И что бы ни означало это нападение — блажь ли старой женщины, разочарование учителя или всего лишь ещё одну проверку — она готовилась принять любой результат равно безразлично, словно победа или поражение уже ничего не значили. Это чувство безучастности где-то глубоко внутри вызывало ощущение превосходства и понимание себя новой, другой. И — пугало...

Клинок — серебряный, широкий, в полладони, — полоснул воздух, разбивая его на лоскуты, стягивающиеся ветром в одно мироздание. Алиса не увидела — почувствовала направление удара и скользнула вбок ещё до того, как клинок приблизился. Руки двумя ложными целями заплели паутину защиты перед грудью, надеясь наткнуться на локти наставницы и перехватить нож. Бесплезно — несколько пассивных и сухенькая рука в грубом тяжёлом рукаве обошла её локоть, грозя впитаться послушным железом в шею. Алиса не видела этого — ощущала странным чувством до-звука, не ведомым ей ранее. Вскинула руку, закрываясь от клинка, прогнулась, уберегая горло...

По рёбрам ударило порванной серебряной струной!

Сознание опалило почти забытым чувством боли. Вздрогнув, Алиса взорвалась изнутри, всем телом отбрасывая наставницу. Та отлетела, с силой врежаясь спиной в стену — пламя на свече, вытянувшись в нить, погасло. Левая рука воительницы оказалась вооружена меньшим ножом — им-то и полоснуло по рёбрам.

Алиса стояла, замерев, в голове у неё шумел пульс, а руки дрожали. Но что-то такое происходило внутри, названия чему она не знала. И в ней не оставалось боли, страха, сгорала даже любовь к стоящей напротив женщине, на долгих полтора года заменившей мать. А внутри, там, где рождаются чувства, всё было белым-бело и так спокойно, словно после пурги степь...

Она не видела в облепившей тьме наставницу, но слышала её дыхание — ритмичное, собранное, тренированное. Дыхание, яснее любых примет говорившее о том, что ничего не кончилось, что воительница будет атаковать до последнего.

— Почему? — прошептала Алиса, помня о договоре тишины.

Наставница не сбилась с ритма вдоха для спокойного, почти равнодушного ответа:

— Я не хочу, чтобы ты жила дальше.

Алиса сглотнула. Перед глазами всё так же стояла тьма, но она ясно видела лицо сестре Пелагеи. Может быть, потому что хорошо знала её и чувствовала, каким может быть выражение её глаз в этот момент?

— Почему?... — повторила она.

Наставница ответила также безучастно, равнодушно деля фразы на боевые вдохи и выдохи:

— Я готовила тебя воином для защиты добра и света. Но тебе преопределили другую судьбу.

— Разве это другая судьба, разве это не защита света? — шёпотом едва ль не закричала Алиса.

— Уничтожение зла и защита света — разные дороги. Тебе не хватило сердца этого понять. Всё, что тебя ждёт в жизни отребья — постоянная боль. Ты потеряла то, чем можно

любить этот мир. Ты потеряла бога.

Алиса почувствовала жжение где-то там, где разливалась молочная пустая степь:

— Я делаю это ради!

— Ты делаешь это не ради, а из-за того, что. Ты — не свободна. И уже не человек.

— Все мы — рабы его.

— Все мы — он, — отрезала наставница.

И Алиса поняла, что разговор закончен. Что-то так и осталось ею непонятым, что-то осталось такое, что одной фразой прозвучало, как величайшая тайна, на которую она, отребье, уже не имеет права. Да и имела ли, когда была человеком? Алиса не помнила.

— Вы прекрасный воитель, матушка... — прошептала она, наклоняя голову, прислушиваясь виском к ощущениям, идущим от противницы. — Опыт сражения с такими, как я, отребьями, чувствуется. Но и меня вы тренировали не для жизни нежить... Для битвы. Так пришло время проверить, насколько я готова?

Бросились они одновременно. Прыжком вперёд — в тьму, на ощущение, на звук.

Обжигающую полосой серебра сталь Алиса приняла на предплечья. Пальцы же, в мгновение ставшие костяными, жёсткими, тонкими и длинными, словно китайские палочки, направила дальше, на стук старого сердца...

...

Глава 55 Монастырь

В мощном старом бинокле хорошо просматривалась и линия защиты монастыря и его возвышающиеся крепкие стены. Здание, построенное в духе средневековых замков, стояло на каменистом берегу водохранилища, подобно маяку, призванному веками хранить неприступность береговой линии. Мощные стены под ярко-бирюзовом, накалившемся небом казались похожими на спёкшийся сахар — серый, в ярких проблесках витражей. Окон, в хаотическом порядке разбросанных по стенам, оказывалось много — маленьких, щелевых, более похожих на амбразуры дзотов. На вершинах башен на прикрытых крышами площадках, как на смотровых вышках, стояли люди. Возле колокола дежурил звонарь, чья тень периодически моталась в сплетении канатов.

Алиса смотрела в сторону монастыря хмуро. Солнце обливало его блестящим серым, но ей казалось, что она точно, до единого штришка видит его в цвете, словно сам он был нарисован как лубочная церквушка на витраже ещё большего здания. А то, в свою очередь — на окне другого. И так дальше, дальше, пока не растворялось в знакомом витраже, где красные линии складывались в клинописный иероглиф «дом». Но, чтобы дойти до него, нужно было разбить все стёкла зданий...

— Стены в полтора метра ширины у основания. Выше, конечно, тоньше, — неторопливо сообщал Александр, указывая на здание. — Из линий защиты видна только ограда с дежурными монахами, — ветхая, соплями перешибёшь, но это только иллюзия. Посмотрите туда, йахас...

Даниил переместился, не позволяя стёклам бликовать в сторону монастыря.

— Гнездо, — задумчиво покусал бет губу.

— Вот там и там — аналогично, — аккуратно, не высовываясь, указал Александр на старые островки лесопосадки вдоль линии ограды. — Стрелки простреливают все сектора. И на световом барабане иногда замечали движуху — оттуда прекрасный должен быть обзор, наверняка, сидит снайпер. А вон там, видите? Кроме массы мелких дверей у ограды двое больших ворот — главные, понятно, для въезда грузовиков и всяких торжеств. А второй проход подходит почти напрямую к стенам здания.

— Гараж лимузинов? — флегматично предположила Алиса, укладывая острый подбородок на кулачки и болезненно прикрывая глаза от солнца.

— Скорее, зенитка, — хмуро отозвался Даниил.

— БТРы, — улыбнулся Александр.

С момента воскрешения он заметно набирал силу, становясь, словно заряженным эмоциями от йахов, от самой чести, что выпало сопровождать их до монастыря и служить первым среди равных.

— Не слабо, — одобрительно кивнул Даниил. — Что у них ещё в запасе?

Александр, тут же с готовностью кивнул:

— Вертолёт на скрытой площадке за складскими помещениями и мотогруппа на дюжину машин.

— И, конечно, все — храмовники?

Александр кивнул:

— Тут база по переподготовке. Бойцы прибывают волнами. Иногда всего несколько десятков бойцов, иногда до сотни доходит.

— Сколько сейчас известно?

— Нет.

— Кроме храмовников кто-нибудь есть?

— Само монашеское братство, которое их обеспечивает. Инквизиторы, конечно. Ну и профессиональная военчасть поблизости. Вон там, за холмами, начинается их территория. Пехота, десяток боевых машин, артиллерия ещё пару лет назад пристреляла зону перед главным входом.

— Ясно, — Даниил повёл биноклем в сторону: — А там что? Где водохранилище.

— Почти вертикальный скальный обрыв. На стенах дежурные. А вон по той пологой деревянной тропинке, — видите? — они спускаются к лодкам. Станция у них своя — с пяток скоростных катеров. Бегом с боекомплектom звено храмовников из здания спускается за четыре с половиной минуты.

— Неплохо, — прикинул Даниил.

Александр усмехнулся:

— Это мы ещё не можем знать — в одних трусах они там гуляли или уже снаряжённые!

Даниил кивнул, а Алиса проворчала, отворачиваясь:

— Храмовники — всегда храмовники. Старые воины инквизиции спать ложились только собранными к ночному бою. И бегают они так, что не всегда уйдёшь...

Растерявшись, Александр склонил голову перед йахасой, а Даниил усмехнулся, отползая назад от естественного вала овражка и скрывая линзы бинокля в футляры:

— Аля, ты, кажется, готова идти на попятный?

Она тоже скатилась вниз и мрачно посмотрела на товарища:

— Я хочу, чтобы ты не обольщался. Ты видел храмовников всего пару раз и не представляешь, на что они способны.

Улыбка на лице Даниила дрогнула, скривившись в кошачий оскал. С угрожающей лаской в голосе он прошептал:

— Это пусть они не обольщаются. Они ещё не видели пары истинных йахов, которым хочется рвать.

Алиса фыркнула, отворачиваясь.

Даниил рывком приблизился и, прихватив острое плечо в ладонь, прижался лицом к рыжим волосам,пряно пахнущим после купания. Алиса замерла.

— Они защищаются от людей, Аля, — прошептал он, трясь носом о краснеющую мочку вздрагивающего под локонами ушка. — Они боятся отдать Прото другим конфессиям. А мы — это другое дело. Мы их порвём.

И отодвинувшись от девушки, отдал старшему «брату» бинокль.

— Так... Мне нужны беты.

Рассеянно укладывая бинокль в тяжёлый жёсткий кожух, Александр задумчиво повторил:

— Беты?

— Именно. — Даниил откинулся, лёг на траву и, сощурившись, начал смотреть в листву малорослой плакучей берёзки. — Сколько их в городе под вашим присмотром? Сколько в других городах? Не важно — мне нужны все.

Алиса посмотрела с подозрением:

— Данька?

На её лице явно читалось нелестное мнение об идее. Даниил из-под опущенных ресниц

посмотрел на девушку и тихо засмеялся:

— Алька! Не нужно смотреть на меня, как не дебила. Не первый мой бой — даст небо, не последний. — И посерьёзней: — Беты, конечно, весьма опущенные люди, и, как правило, нравственностью безгрешной не блещут. Но для нашей работы и не нужны святые. Мне нужны твари — тупые, испуганные и агрессивные твари, которых несколько погонщиков из «братьев» сможет навести на военчасть и на замок. Вопящие, воняющие, дикие и сумасшедшие. Твари, которые будут пугать неподготовленных.

Александр, внимательно выслушивающий йахаса, кивнул с пониманием:

— Обычные люди побегут. Останутся только храмовники.

— И святоши, — закончил Даниил. — А это уже будет наше с Алей дело. Нам главное пройти внутрь. Там Прото сам поможет нам. С его-то возможностями.

Алиса недовольно повела плечами, смотря на чистый горизонт, но не ответила. Ей одновременно было и обидно, что теперь командовал бывший бет-отребье, и, наконец-то, спокойно за принимаемые решения.

Вмешался Александр:

— И наше дело тоже, йахас, — настойчиво смотря в глаза Даниилу, сказал он.

Даниил оглянулся, посмотрел на сахарно сверкающий под жарким солнцем замок монастыря, и, задумчиво покусав губу, отозвался, не глядя на «брата»:

— И ваше... Да, и ваше, — твёрже закончил он и ткнул пальцем: — Снайпера на вашей совести. Сможете?

Александр кивнул, не глядя:

— Завалим.

— Зря не рискуйте, — строго наставил Даниил. — Толпой такие дела не делаются! Тут нужен подходец...

Склонив голову, Александр лукаво отозвался:

— Что ж мы учились по дворам да «казакам-разбойникам», что ли? — и тут же посерьёзней: — Сделаем, йахас. Сверху вас не потревожат.

Даниил кивнул, уже явно задумываясь над какой-то следующей задачей.

Алиса всмотрелась в серую громаду здания и снова перед глазами замелькали цветные линии — витраж в витраже в витраже в... Замотала головой, зажмурилась, прогоняя навязчивое видение. И открыла глаза. И чётко, почти напротив себя, увидела окно. Наверное, единственное окно монастыря, на котором пламенели алые детали рисунка. Золотой крест, словно молния, раскалывающий окно ровно посередине, голубые звёзды на чёрном фоне и красные всполохи осколков чего-то развалившегося на части проросшим сквозь него крестом. Издалека осколки складывались в лицо. Уставшее, тяжёлое лицо. Что-то знакомое было в нём. И казалось — нет, она была в этом уверена — что оно смотрит на неё.

Алиса вздрогнула и отодвинулась. Когда нашла в себе силы снова посмотреть на замок — горизонт закрывал обычный монастырь, как и все, серый, обшарпанный и древний.

Посмотрела на мужчин, разглядывающих монастырь, покосившийся погнивший забор и пропылённые степные дороги к нему. Отвернулась:

— Я пошла, — и резво перебежками ушла в ближайший островок лесополосы.

Ветки хлестнули по быстрому телу, мягко перекатывавшемуся со стопы на стопу по пыльной степной земле, колко хватающей снизу острыми кончиками сушеной за жаркое лето травы. Недовольно убрала с лица волосы, столкнула в сторону ветвь, и перешла на шаг. По земле хотелось ходить медленно, степенно, будто наполненная водой ваза — чтобы не

расплескать ни капли, не споткнуться, не упасть и не разбиться. Усталость и желание крови иссушали её. Всё рушилось вокруг, песком утекало меж судорожно сжатых пальцев. Ещё вчера она считалась лучшей в среде инициаторов, её, нежить, брали на задачи лучшие из инквизиторов, ей доверяли самые опасные задачи, и, выделяя, могли говорить как с человеком, а теперь она стала никем. Была ничем, но лучшей, а стала — кем? Отверженной, проклятой, одинокой, возле которой тёрся огромным мартовским котом бывший бет, а ныне равный. И только вспомнив о том, как заходится от волнения внутри кровь, когда Даниил приближается, прикасается, она невольно улыбнулась — горделиво и счастливо.

Он, конечно, догнал. Оставив далеко позади «брата йахаса», в десяток мощнейших прыжков перемахнул полосу пустой земли и шумным тигром ворвался в лес. Схватил за локоть.

— Аля!

Она фыркнула, смотря в его распалённое и хмурое лицо.

— Если ты будешь скакать под стенами этого кремля, то просчитать нападение йахов будет не сложно!

Даниил растерялся, а потом пожал плечами:

— Вероятно... — и отпустил локоть. Его губы сошлись, пролегая злой складкой.

Он отвернулся, смотря на то, как неторопливо, пользуясь рельефом, пробирается к ним «брат йахаса». И Алиса поняла, что обидела дважды. И своим резким уходом, и теперь тем, что не оценила его порыва. Обидела, ничего не дав взамен.

— Даня?

Не оборачиваясь, он отозвался:

— К вечеру Александр обещал собрать людей и бетов.

Алиса вздохнула:

— Значит, в ночь?

Подошла и, обняв йаха за крепкий торс, скрытый за тонкой рубашкой, прикоснулась щекой к приподнятой лопатке. Даниил шумно, по-звериному, вдохнул и схватил её ладони, прижимая к телу сильнее. Она втиснулась в податливо прогнувшуюся спину, буравясь носом в танцующий под её напором позвоночник. От жаркой кожи звучал — словно сотни смычков вмиг вспорхнуло над струнами — запах сладкой, запретной и, одновременно с этим, разрешённой крови. Крови родной, но крови, готовой литься для неё. И от этой музыки кружилась голова. И всё вокруг, словно отдалялось до самого горизонта, оставляя только солнце, топящее в мёд кожу, и небо, в котором можно раствориться без остатка.

— В ночь... — выдохнул Даниил. — Под самое утро, когда люди слабы. В наше время. В два набега. С земли и с воды.

— А если там... инициаторы? — она сжалась за его спиной — её лихорадило, но вблизи йаха становилось хорошо, спокойно.

— Не будут держать их рядом с Прото... Ради его же безопасности. Там только люди. Пусть и подготовленные. Но только люди. Это будет несложно, Аля.

Алиса вжалась лбом в его спину и не ответила. Ей вспомнилась сестра Пелагея и её ножи — два чёрных пламени в белых сухих ладонях. Ей было достаточно быть просто человеком...

...

Весь день проспали в жидкой тени подсохших за жаркое лето деревьев. Даниил поднялся, лишь только солнце стало скрываться, но Алиса лишь приоткрыла глаза и убедилась, что опасностей нет, и снова вжалась щекой в колючую траву. Солнечные дни и нарастающий голод смаривали безудержно. Ей хотелось проснуться в кирпичном саркофаге в подземелье храма и вновь ощутить прикосновение льда и оказаться в странном сне, где тяжёлые пирамиды, похожие на постаменты, и люди, чья кровь без запрета.

Александр едва заметно коснулся её тонкого запястья, и Алиса открыла глаза. Индиговое небо качалось в глазах миллиардом звёзд, тонкой пылью застилающей пространство божьего творения. А под этим небом ходили, сидели, едва слышно переговаривались люди. У каждого — шлейфом запах оружия, помноженный на разрешённый запрет крови, тёмные одежды и красный шейный платок.

А за тяжёлым земляным рвом, прикрывающим от замка, под скатом брезента, горел костёр, расплёскиваясь дрожащим пламенем по бокам пузатого чайника.

Даниил, сидя на корточках перед огнём, отражающимся в его огромных чёрных глазах, и, склонив голову, держал в руках палку, на которой висел чайник. Жар почти лизал его тело, но йах только криво усмехался на его потуги — белая кожа скукоживалась, нарастая складками в местах ожогов, и тут же, стоило пламени отступить, разглаживалась.

Алиса устало откинула со лба мокрую от лихорадочного пота прядь. Бывший бет, познавая свои новые возможности, игрался со своим телом, как кошка с мышкой — опасно, жестоко, но обучаясь правилам ещё более страшной игры, готовясь к жизни бессмертного. Алиса уже знала — доброй эта жизнь не будет.

Она откинула с ног куртку, наброшенную кем-то из «братьев», и скупой кивком поблагодарив за заботу, пошла к Даниилу.

Тот вскинул глаза — тёмные, с чёрными вертикальными чертами, они показались провалами в лице — как два пулевых ранения. Улыбнулся:

— Аля, — и тут же кинул в сторону «братьев»: — Костёр залейте. На все отряды — готовность один.

«Братья» с короткими поклонами поспешили выполнять задания.

— Болванчики, — едва разлепила Алиса сухие опухшие губы, смотря, как живо расходятся люди.

Даниил вскинул брови:

— Что тебе не нравится? — сунул ей в руки наполненную горячем чаем кружку.

Алиса села на предлагаемый безмолвным «братом йахаса» скрученный вещмешок, и взяла кружку, предварительно закрутив рукав рубашки на ладонь.

— Всё мне не нравится, — хмуро отозвалась она, глотнув чая.

В горле запершило от тошнотворной горечи медового напитка. Она скривилась, но, словно накладывая на себя епитимию, снова приложила к горячей кружке.

Даниил присел рядом. Сцепил руки в замок и посмотрел на неё неожиданно трезвым, расчётливым взглядом.

— Ты голодаешь. Ты доходишь. Ещё немного и либо ты сойдёшь с ума и будешь рвать направо и налево, не разбирая на своих и чужих, как тогда в склепе, либо твоё тело изменит тебе и впадёт в спячку.

Алиса глотнула ещё обжигающего горечью напитка и отозвалась равнодушно:

— И что?

Даниил посмотрел куда-то мимо неё, и кивнул перетаптывающемуся там человеку.

Поднялся:

— У тебя есть пять минут. Пожалуйста, пойми и прими это, как должное. Мы нужны им такими, какие есть. Мы, а не те животные, которые живут в тебе, во мне, возможно, даже в Прото... Марк был прав в одном, и это его оправдывает в моих глазах — мы не люди потому хотя бы, что для того, чтобы оставаться людьми, мы вынуждены поступать бесчеловечно...

Он отвернулся и пошёл лёгкой, упругой походкой, а Алиса продолжила смотреть в его удаляющуюся спину, чёрным пятном в сером мире ночи. Её до дрожи пронзало воспоминание о ночи, когда абсолютный, пожирающий потроха, голод заставил её хлебнуть крови тех, кого она всегда воспринимала, как своих. И теперь её крутило внутри одновременно и от ужаса перед возможностью повторения и от сладкого послевкусия того пиршества.

Она вздрогнула, когда подошедший сбоку человек опустился на колени:

— Йахаса, — он закрыл глаза и склонил голову набок, открывая вену.

Кружка выпала из задрожавшей руки Алисы и кипятком плеснула на пальцы. Она не заметила.

Сглатывая внезапно накатившую слюну, сама опустилась на колени, и, дрожа, со скрюченными трансформацией пальцами, с заплывающим белым туманом сознанием поползла к человеку. К крови, пульсирующей одним большим сердцем. К паутине сосудов, гоняющих сладко-солёную жидкость по телу. К миллиардам тоньше волоса капиллярам...

Она добралась до него, протянула скрюченные пальцы к побелевшей коже и замерла, вслушиваясь в ритм сердца. Бешено стучащее, колотящееся в грудной клетке, ходящей ходуном от рванного нервного дыхания. По белой коже струился пот, а ресницы прикрытых глаз вздрагивали.

Алиса дотянулась до кожи над бугрящимся сосудом — по пальцам ударило пульсом, а человек вздрогнул, выдавая страх.

Сглотнув горячую, иссушающую слюну, Алиса скривилась и поднялась на ноги. Тело скручивало трансформацией, сознание рвали на части желание и внутренняя убеждённость в правильности, но она ещё оставалась в силах сопротивляться себе.

— Уходи, — прохрипела она, отворачиваясь.

Человек поднялся на подгибающихся ногах и, неловко поклонившись, отошёл.

Она стояла и до слёз, до рези всматривалась в яркую звезду над горизонтом и пыталась восстановить сорванное дыхание, как учила сестра Пелагея. И не заметила подходящего «брата».

Александр встал рядом, так же всматриваясь в горизонт, и тихо заговорил:

— Это жертва, йахаса. Никто никого не принуждал. Он вызвался сам. Это наша благодарность, не более. Церковь выкачивает кровь из Прото, чтобы кормить паству чудесами, наделять священников нечеловечьими свойствами и вскармливать храмовников и инициаторов. И ничего не даёт ему взамен. В этом теряется баланс, теряется гармония, йахаса. Мы не хотим такого...

Алиса обернулась — в затвердевших, отяжелевших чертах только равнодушие йаха — и, мазнув взглядом по «брату», повела плечами:

— Пора.

Александр ещё не успел склониться, как в другой стороне лагеря Даниил легко прыгнул на ров и дал отмашку ожидавшим команды людям. Обернулся, сощурился в сторону Алисы, сквозь ночную темень и сотни метров разглядев её глаза, сверкающие огоньком будущего буйства. И кивнул, весело оскаливаясь.

Сорвались с мест одновременно. В сторону обрыва, в сторону бьющего по обострившемуся обонянию солёному ветру, пропахшему тинной и рыбой. Вдаль от пылящих по ночным дорогам грузовикам с выключенными фарами. Вдаль от живо организующихся по группам «братьям», споро и умело уходящим в сторону крепости. Вдаль от будущей крови... Наперегонки, словно дети. Друг с другом. И немного — с судьбой.

Она догнала его возле края плато. Большой опыт использования крайних возможностей или желание показать ему, кто тут первый — она не стала думать об этом. Едва мазнув краем глаз друг по другу, не сбавляя скорости, ухнули с крутого обрыва и стрелами ушли под воду.

Даниил вынырнул далеко позади, но быстро догнал её вплавь. Засмеявшись, чуть не утопил в окатившей волне, но, когда она, фыркнув, легко ушла из объёма и смачно ударила его ладонью по спине, он успокоился и, улыбаясь, махнул направление движение. Поплыли, держась рядом. А, приближаясь к тёмной громаде скалы под храмом, сбавили скорость и почти ушли под воду, вынырнув за глотком воздуха, лишь когда появилось ощущение лёгкой сонливости.

Даниил оказался возле причала первым. И тут же ушёл под воду, пробираясь меж катеров к мосткам. Алиса не успела определить его цель — та проявилась сама. Монах, пахнувший оружием, не выдержал долгой неподвижности и пошевелился. Спустя миг из воды перед ним ввысь рывком вырвался стремительный комок темноты. Последнее, что увидел охранник, — чёрные глаза над нечеловечьим оскалом.

— Можно было не рвать, — почти беззвучно прошипела Алиса, сев на мостки и выкручивая набухшую косу над волной. Она старательно смотрела на волны, усмиряя жажду и не глядя на порванного стража.

— Что ж его, — Даниил весело хмыкнул, — инициировать, что ли?

Алиса перекинула косу на спину и рывком поднялась на ноги:

— Достаточно хребет сломать. Или кадык. Или сердце пробить. Или висок. Или...

Даниил поднял руки:

— Довольно! Я знаю, как убивают.

Замолчав, Алиса с силой провела по одежде сверху вниз, прижимая к телу — с ткани поползла вниз вода, слилась по голым стопам, тут же раздалась по доскам, потекла в накатывающие волны. На море начиналось волнение.

А на плато начинался хаос.

Грузовики остановились, резко развернувшись фургонами к замку. Двери сорвались с петель и из фургонов, бешено визжа, вопя и щебеча не по-человечески вывалились беты. «Братья» уже ждали их: десятки фар на мотоциклах зажглись мгновенно, беря обезумевшую толпу в полукруг. Мотоциклы газовали, а с баков жуткой металлической какофонией надрывались динамики.

— Пошли, пошли! — заорал кто-то, и мотоциклы двинулись на суетящееся стадо.

Беты сперва легко затрусили от приближающихся огней, поскуливая и повизгивая, а потом, когда колёса стали толкать в спины, сбивая с ног, рванулись со всей силы. И сила

йахаса проявилась незамедлительно — беты неслись на замок, ревя и воя, отрываясь всё дальше от белых пятен света за спинами. И не замечали этого.

Зато в замки прекрасно видели переполох огней. И ударили в набат.

Алиса подняла голову и, щурясь, посмотрела вверх. За громадой скальной стенки замок скрывался полностью, но в небе зашарили прожектора, заливая облака светящимся индиговым цветом.

Даниил пожал плечами на её задумчивый взгляд:

— Они хорошо работают.

Она кивнула и прикрыла глаза. И увидела тут же, без подстройки.

...Люди в рясах, поднятые по тревоге, бежали по лестнице, топя армейскими ботинками. Сухие ладони срывали замок со стального шкафа. Десятки рук тянулись к цевьям автоматов, привычно прихватывая возле тела. И бегом, бегом, бегом наверх, на площадь перед зданием, под глаза уже вышедшего на суету старца...

Алиса вздрогнула и открыла глаза. Даниил внимательно смотрел на неё:

— Что там?

Она облизала губы:

— Владыка Сергей. Он тут. И отец Борислав тоже...

Даниил ковырнул носком ботинка тело на мостках, разворачивая вверх лицом. Человек с порванной глоткой, из разрыва которой торчали мослы позвоночника, тусклым взглядом застывших глаз обвёл мир. Даниил взглянул ещё раз в замершее лицо и кивнул:

— Встречались, да...

И также ногой толкнул мертвеца в воду. Волна приняла тело и тут же шибанула о борт катера.

Сплотнув, Алиса проводила взглядом белое тело с красной дырой. И потеснила товарища плечом, двинувшись к замку.

— У нас три минуты.

И первой прыгнула на скальную стенку.

...

Глава 57 Прорыв

Вверх поднялись, налипнув телами на мокрый гранит. Срываясь, когтями продирали ссадины на твёрдом камне, но успевали.

Вверху, на плато, ухнул взрыв. Где-то вдалеке загрохотало, заухало. Даниил задержался, прислушиваясь, и тут же продолжил двигаться. Пояснил на ходу:

— До военчасти добрались. Люди шугнулись.

Даниил мог себе позволить говорить, веселиться и блаженствовать от силы и радости тела, готового к войне, питающегося сладостью энергии её буйства. В миг, когда оказалась возможность зависнуть, не тратя дыхания, Алиса повернулась к товарищу:

— Ты сегодня пил?

Даниил приостановился, завис на одной руке, теща тело приятным потягиванием:

— Ага, — и сощурился.

Алиса отвернулась и вжалась лбом в холодный камень. Объяснять бесполезно. То, что так нельзя. То, что именно так и появляется боль внутри. То, что так не живут. Или это — не жизнь.

Выдохнув через зубы, она рванула выше, сходу форсируя несколько метров до вершины.

Рядом монастырь показался не таким сверкающе-красивым, как издалика. Серые мрачные стены, залитая светом территория вокруг — тюрьма. И мелькающие где-то на стенах, за стенами тени, полнокровные, сильные, живые...

По ноздрям ударил запах горячего оружия, пота и готовности. Тут не было страха. Только знакомое чувство заряженности перед схваткой.

Алиса почувствовала, как и её сердце разгоняется от желания лететь, бежать, хватать и рвать. Пить... И, останавливая темп, сама себе почти беззвучно прошептала:

— Инициатор... Найти и освободить... Во имя Отца и Сына и...

— Хорош канителиться, — прошипел-просвистел по-змеиному Даниил, выныривая из темноты. Он уже был другим. Тяжёлая фигура, переполненная мощью, искажённые черты лица, обременённого выросшей мускулатурой и исковерканные полной трансформацией руки. Он нетерпеливо вдохнул воздух и махнул рукой: — Пошли!

— И святого духа, — стиснув зубы, твёрдо закончила Алиса. И неторопливо двинулась следом.

Она оставалась тонкой, гибкой и быстрой, словно выточенной из можжевельника. Оставалась человеком, не торопясь трансформироваться.

Навстречу уже бежали люди. В тяжёлых рясах, выющихся меж ног лохмотьями ветра. С автоматами наперевес, нервно сжатыми в руках. С глазами холодными и спокойными, привитых йахасом на безмолвное несение смерти. Храмовники.

Даниил зарычал, вскидывая руки, и понёсся вперёд с силой спущенной пружины.

Автоматы заколотило судорогой в уверенных руках, повело по воздуху, рассеивая над землей веер серебристых шариков.

Алиса упала сразу, сливаясь с землей, закрутилась вдоль земли, уходя из сектора, а вот Даниил рыкнул и рванул дальше, вперёд, напролом, рассчитывая прорвать ряды. Но не удалось. Он взвыл, когда первые пули выбили фонтанчики крови из его груди. Забесновался, бросаясь из стороны в сторону большим комком скрученных мускул и желанием добраться до стрелков. А те холоднокровно опустили на колени и продолжили стрелять уже

прицельно, одиночными, гвоздя в тёмный мечущийся силуэт.

Внезапный выстрелы с замка и из леса раскроили черепа пары храмовников. Остальные залегли, но стрельбу продолжили. Отстрел продолжался. Йахов. Хранителей.

Алиса поднялась. Наступало время Инициатора.

Она перемахнула десяток метров в пару стелящихся прыжков, помогая себе руками. Кинулась сверху вниз, до конца трансформируясь уже в полёте. Клубок сплетений напряжённых мышц рухнул на воина. Храмовник развернулся и выстрелил. Пуля вгрызлась, протыкая дыру в напряжённой руке, и ушла в небо... А йахаса ударила коротко лапай, мозжа голову человека.

Выстрелы застрочили со всех сторон. Уже мало кто обращал внимание на замедлившегося где-то позади Даниила. Целились, искали.

Но Алисы над мертвецом уже не было.

В прыжке — на следующего. Не добив — в сторону, на другого.

Загородилась третьим и отбросила, когда от металла вмиг его тело затяжелело.

Труп в одну сторону, сама — в другую, на храмовника, меняющего магазин. Ударила снизу в подбородок — сломала шею. На следующего... на другого...

Губы сушило жаждой. Глаза набухали и высохли, став ломкими. Тело жаждало бьющей крови — единственно способной напитать иссыхающий организм, застывший меж жизнью и смертью. Но, с ненавистью ломая сама себя, она никого не тронула когтями, не порвала.

«Без крови. Без крови», — твердила она себе и каялась: — «Прости, Господи... Ведаю, ведаю, что творю, но иначе... не ведаю — как».

Даниил сумел подняться и догнал её уже под стенами.

Воздух резали пули. С замка стреляли храмовники, с леса — «братья», вокруг метались, отстреливаясь, монахи, оставшиеся от первой волны. И казалось, что небо вокруг внезапно обрело плотность, пронзённое сетью с мельтешащими блёснами.

Боевые машины зарычали сбоку, грязным запахом горелого масла, обдавая мир.

Даниил рыкнул, и толкнул подругу в плечо.

— Я займусь! Прорывайся к нему!

Алиса не обернулась — храмовник перед ней, пятясь к калитке, стрелял. Ей приходилось метаться перед ним, подскакивая и снова припадая к земле и скользя пауком вперёд. Пули жалили, но пока ни одна не травмировала серьёзно. Ещё рывок. И Алиса смяла воина, пробивая его горло. Кровь хлестнула, осталась на пальцах несмываемым сиропом, покатила бусинами по кисти.

— «Держаться! Держаться!»

В самом проёме Алиса на миг обернулась.

Пространство перед замком заливали метающиеся пятна света — на мотоциклах, поливая друг друга огнём, носились и «братья» и храмовники. Иногда без крика рушились тени, сваливая световые лучи в землю — свои или чужие — не понять. У всех оказывалась одна кровь внутри, одно чудо йахаса.

На монастырь серой аморфной массой ломались беты, гонимые страхом и болью. Прыгали, в надежде спрятаться за высокой стеной, но, не в состоянии одолеть высоту, выверенную для защиты от них, скатывались по каменной кладке назад, обрывая когти и царапая гниющую кожу. Беты — йахи, у которых не оказалось проводника, но оказалось достаточно воли, чтобы не жрать человечины. Алиса стиснула зубы и посмотрела дальше, туда, где две тяжёлые боевые машины, намертво встав, воткнувшись друг друга, чадили

дымом, резкими клубами в свете прожектора, казавшимся похожим на лицо... Знакомое и неизвестное.

За ними ревела битва, где — она не видела, но чувствовала — носился Даниил — ревуший и страшный, словно гризли, дорвавшийся до сладости человечины. И теперь она знала — он уже понял, нашёл предел своих сил и — не остановится.

Она толкнула дверь, не сомневаясь, что за ней будет шквал огня.

И прыгнула наудачу.

Огонь опалил тело и глаза. В крошечной темноте этой части двора белыми звёздами задрожали бьющиеся пламегасители. В полёте уже ощутила, как плющится в мышцах серебро — словно вбитые гвозди — не смертельно, но больно так, что не заставишь себя поверить в то, что этого нет. Она взвыла сквозь зубы.

Ударилась о стену замка. Сгруппировавшись, рухнула.

И тут же, снизу — снова вверх.

Прыжком на ближайшего.

Но воин уже бежал в сторону.

На другого.

Но и тот ушёл, словно желе из-под ложки.

Ещё. Ещё. Ещё.

И общая какофония выстрелов стала затихать.

Зашипела, пригибая голову. Волосы поднимались дыбом, а острые тонкие зубы нежити со свистом цедили воздух. Храмовники, один защищая другого, меняли магазины.

Прыгать тут как кошка на стаю мышей — бессмысленно. Алиса тряхнула распластавшимися по ветру волосами, и бросилась в сторону входа в замок. Через людей, над головами. Сзади забили пули.

Прыжком — на стену. Прыжком — на землю.

На стену, на землю.

Теряя силы на огромных скачках.

Но уходя из-под частой гребёнки летящего серебра.

Прыжком влетела и в двери. Сшибала налету стража. Покатилась по паркету, неловко подламывая руки. Когда остановилась, с трудом поднялась на четвереньки и замерла, тяжело дыша, — мир вокруг кружился. Светлый, яркий, цветной, словно игрушка. Мир высоких потолков, стреловидных окон с картинками, точёных колон и десятка людей в костюмах с мечами в руках. Лезвия клинков были мутными от серебра, а рёбра по центру светились полировкой.

Опустила лицо — с мокрых волос упала капля пота. Ударилась ровно в щель меж чёрной и белой плиткой паркета. Алиса подняла голову. И, сев на колени, двумя руками вцепилась в загнанный под рёбра клинок. Тяжёлый листовидный кинжал сидел в теле, вбитый падением по гарду.

Рванула, прогибаясь. Со свистом втянула воздух. И склонилась к полу, сквозь прикрытые от боли веки смотря на ручеек крови, стекающий по рясе.

Скосила глаза на руку. На пальцах тёмная кровь вперемешку с пылью прикрывала белую кожу. Давя тошноту, сунула ладонь в свою кровь, медленно сползающую вниз. А потом, решившись, впихнула в рот, слизав жёсткую тёрку горько-сладкой смеси с неё. Сглотнула, давая горькую слюну.

В глазах прояснилось. А храмовники вокруг засуетились, двинулись.

Здесь — в доме их бога — они не решались применять огнестрельное оружие. Это был шанс.

Она взметнулась в воздух за миг до ударов.

И, свернувшись клубком, тяжело упала уже за кругом. Поднялась на одно колено, как кошка, зашипев и сгорбившись.

Теперь все храмовники стояли перед ней. Знакомые и незнакомые. И один такой, что сердце заходило, предательски затрепыхавшись. Командор Борислав.

Алиса поднялась и выпрямилась, напрягая побитый корпус. Слабость показывать опасно.

Мечи двинулись к ней, мельтеша меж собой, словно лезвия газонокосилки. Не оставляя шанса. Мечтая подломить и срезать. Искрошить. Но за спинами приближающихся осталось несколько храмовников, зарядивших руки метательными ножами. Среди них и командор.

Но она не стала прыгать на стену. Поступила наперекор инстинкту.

Когда мечи замелькали почти возле корпуса, она рухнула под ноги воинам и скользнула, плечом ударяясь в корпус одного из них, под вооружённые руки, молотящие рукояткой меча по хребту, но неспособные на большее.

Она разогнулась, поднимая воина на спину, закрываясь им на мгновение — храмовник падал, разгибаясь, и никто не решался бить — так близки они стали. Человек ещё падал, а она уже бросилась на ближайшего — сбоку от разрезавшего воздух меча.

— Нет! — заорал откуда-то издалека командор.

Поздно. Она уже обхватила кисть на рукояти и дёрнула, выламывая с мясом. И отталкивая посеревшего воина, отмахнулась клинком от подскочивших противников. Достала одного, другого...

Храмовники откатились на дистанцию рывка.

Алиса выпрямилась, перехватила клинок за рукоять, стряхивая на паркет вцепившийся огрызок руки. А потом легко, играючи, закружила меч перед собой, связывая пространство в единый четырёх лепестковый цветок, как это делала когда-то лучшая мечница храма сестра Пелагея.

И засмеялась — тихо, по змеиному, присвистывая.

...

Глава 58 Командор

Секунды длился бой, но всё менялось в бешеном темпе...

Она чувствовала оружие в руках, видела, как сталь крушит то, что только что жило и целеустремлённо двигалось, отсекая его от источника жизни, расчлняя движение на осколки существования. И чувствовала пустоту внутри. Ещё несколько отнятых жизней назад ей было легко — она ощущала себя сестрой Пелагей, знала, что её руки так же тверды и быстры, как у неё, что её тело так же гибко и скоро. Но миг единения прошёл, и она поняла, как далека от старой наставницы. Не умея любить...

Может потому и убивать стала коротко и подойти к ней, вооруженной клинком, и остаться целым, оказывалось не под силу воинам Храма.

Алиса металась. А тело, ощущаемое как натянутый жгут, всё более становилось похоже на комок ваты, сердца темп рвался, жаждой скрученное нутро грызло само себя. Она надрывалась, до конца сохраняя ритм. А нужно было ещё дождаться Даниила и пройти во внутренние покои замка, найти и освободить Прото... Но Даниил всё не появлялся, хотя за пределами замка шум стал стихать и отдаляться.

Она отмахнулась от подскочившей пары храмовников, крутнулась, сбивая атаку подлетевшего со спины. Рывок — укол в горло смахнул полшеи молодому воину. Тот ещё не успел завалиться, как отмахкой в сторону она рубанула по второму. Упали они одновременно.

На их место тут же подскочили другие. Сила йаха позволяла владеть мечом, словно зубочисткой — легко и непринуждённо вонзая в корпуса и пластая тела, не страшась отдачи в руках. С силой, с мощью...

Зал заливало кровью. Она брызгала на белоснежные колонны. Текла по чёрным и белым квадратам, перемешивая шахматную доску жизни в единый поток судьбы. Она била фонтанами на лицо Алисы. И та, прикрывая веки, вдыхала солёный влажный воздух, ощущая, как кожа впитывает красный сок жизни. Губы раскрывались сами... Навстречу.

Она махнула мечом, точно зная, что достанет последнего и — промахнулась.

Распахнула глаза, стряхивая кровавые капли с ресниц.

Человек в белом балахоне держал меч в двух руках, уверенно сводя локти к корпусу и едва заметно водя кончиком клинка, описывая четырёх лепестковый цветок. Командор Борислав.

Алиса облизала окровавленные губы. Слово макнула лицо в стьлом ручье в палящий день. И пригнулась, опуская кончик меча, приглашая к атаке.

Командор сдвинулся в сторону — начал обходить по кругу. Стремился выгадать позицию, и прикрыть вход во внутренние покои. И тянул время.

Алиса сощурилась, прислушиваясь к происходящему.

Изнутри замка к ним спешили люди. Нужно было торопиться.

Командор ударил неожиданно, чутьём признав, что йахаса отвлеклась.

Но... Сталь наткнулась на сталь. И мечи вошли друг в друга, спаиваясь ударом.

Алиса опустила голову ещё ниже — волосы встали дыбом — и снизу вверх взглянула на наставника через скрещивание клинков. Командор держал меч, стремясь отодвинуть от себя дальше. На его лице смешивались напряжение и понимание конца. По лбу капал пот, а губы изгибались от натуги. Алиса давила клинком, заставляя сильные руки сдаваться, допуская

скрещивание всё ближе к горлу. Ближе к жизни.

— Вы — не причащены йахасом, — прошипела с присвистом Алиса, с прищуром смотря на наставника. — Вы — живой...

Лицо командора судорожно вздрогнуло, когда мечи приблизились серебряными нитями. На лбу взбугрились вены, заструились реками, сияющими сломать лёд. Губы распахнулись, показывая до судороги стиснутые зубы. Он оскалился и процедил, хриплым от усилия голосом:

— Живой! А ты?

Алиса вдавила его спиной в двери. Командор поднял плечо, защищаясь, выпустил рукоять и вскинул руку, закрывая предплечьем горло. Клинок Алисы мощно вдавился в плоть, засаживаясь в кость. Наставник зарычал, зажмуриваясь от боли. Но удержал.

Он стоял, подпирая двери, подложив запястье под меч — из расширяющейся от давления раны широким потоком струилась кровь. Меч царапал скулу, меч уродовал руку, в любой миг мог продавить до горла. Но командор только шипел сквозь зубы.

Неожиданно Алиса отпустила мечи. Отшагнула — клинки буквально выпали из рук командора. Наставник, пошатнувшись, рухнул на колени. Не отрывая от неё взгляда, прижил к груди раненную руку, второй шаря по полу в поисках рукояти клинка.

— Нет, — Алиса покачала головой.

Но он не внял. Ещё секунда — и он натужно встал, стискивая липкую от крови рукоять меча.

Алиса нахмурилась — со спины уже слышен был бег Даниила, а впереди, за дверями, охраняемыми наставником, кто-то приближался. И ещё ждал Прото... Она знала, что это так. Чувствовала. Раз за разом ощущая его присутствие и незримый взгляд в этой дороге, она уже просто верила, что иначе не может быть.

Долго на ногах командор простоять не мог, поэтому кинулся, не особо выверяя атаки. На удачу.

Алиса гибко ушла из-под удара и, нырнув в сторону, махнула когтистой рукой в глаза противника. Даже запах крови — тяжёлым ароматным шейфом бьющий от наставника — не мог заставить её порвать его. Командор взвыл, выпуская клинок и хватаясь липкими ладонями за лицо. Рухнул на колени, скрывая глаза в горсти. Взревел, пытаясь подняться, махнул раненой рукой, но обессиленная, она опала, так и не оттолкнув йахасу, молча застывшую в шаге от него.

Командор, яростно воя сквозь зубы бесслёзным плачем, сгорбился, утыкаясь лицом в паркет. Сжался в комок боли и ненависти. И тут же зарычал:

— Ну! Где ты, тварь? На! Рви! Ну!

Алиса осторожно отшагнула. Запах крови бил по сознанию, туманя его теперь, когда схлынули ярость и желание победы.

— Рви, паскуда! Ну! Я здесь! Кровь здесь! — вопил командор и на коленях вслепую полз к ней.

Она отшагнула ещё и почувствовала, что вышла на грань, когда остаётся либо падать на колени и тянутся к плещущей кровью на паркет ране, либо бежать отсюда, бежать... бежать...

— Ну! Ты же этого хочешь!

Алиса стиснула кулаки, закусил губы и тихо, почти беззвучно, взвыла, закрывая глаза.

— Ну! Давай!

Командор распрямылся, и кровь полилась открытой рекой.

— Ну?!

И, теряя силы, завалился на бок. Ещё миг — и рухнул, теряя сознание.

Кровь из взрезанного запястья поплыла по чёрным и белым квадратам под ногами.

Душистая, жирная, полная жизни сильного верящего человека.

Жаждой скрутило потроха, до боли сводя нутро.

Кровь. Кровь. Кровь.

А белое в красном лицо наставника медленно разглаживалось.

Вздвогнув, Алиса рванулась к нему и рухнула на колени, уже не сдерживаясь. Обхватила порванную руку, стиснула, не давая вытекать жизни, прижала к себе. Тронула короткую сивую чёлку на морщинистом лбу. Повела вздрагивающими пальцами по рваной ране над провалами глаз.

— Господи... — всхлипнула Алиса: — Нет! Не так всё... Не так...

И склонилась, лбом прижимаясь к расслабившемуся телу:

— Не хочу... Господи... Не хочу...

Шум входящих в зал людей дошёл до неё лишь спустя время.

Она распрямылась и оглянулась.

Пятеро инквизиторов. В летах, с сединами. Такие же прямые и суровые, каким был командор Борислав. И за их спинами — владыка. Так же устало упирающийся на посох и облачённый в золото, словно сусальный ангел.

Алиса медленно поднялась с колен и повернулась к ним.

Тёмный цвет порванной рясы скрывала кровь на ткани, но она капала, протекая вниз. Падала и разбивалась толстыми каплями на паркете. Во внезапно охватившей тишине. Строго размеренной капелью. Кап. Кап.

Алиса обтёрла окровавленный подбородок о приподнятое плечо и шагнула навстречу воинам.

Инквизиторы раздвинулись, вскидывая руки, накидывая на неё невидимую сеть. Воздух ударил порывом, словно сверху упал сорванный парус. Алиса изумлённо вскинулась, но это лишь невидимый поток прошёл до пола — мимо неё, по ней, сквозь неё — тихим шорохом падающих листьев.

Она шагнула ещё.

И владыка поднял руки. Зашуршали золотые одежды, словно тончайшие латы.

— Отдайте... — голос Алисы стал хриплым и пустым, вымотанным последним боем. — Отдайте Отца... И мы уйдём.

Владыка не ответил. От его рук шло золотое свечение, а глаза, направленные к высоким сводам замка, излучали силу и мудрость. Алиса шагнула ещё и осеклась. Владыка был похож на сестру Пелагею. Внутренней мощью, нестигаемой осью и седой умудрённостью.

Алиса стиснула зубы и повторила:

— Отдайте.

Но, не слушая её, Владыка начал читать.

Упало первое слово — неслышимое, невоспринимаемое, незнакомое — и Алиса ощутила, как воздух вокруг неё сгустился в прозрачный кисель. Тяжёлый, упругий, словно желе. Она вдохнула, и по ноздрям тяжелой змеей скользнул в нутро ленивый глоток воздуха. Силой вырывая руки из плена вязкого пространства, схватилась за горло. Выдохнула — змея лениво покинула лёгкие, прихватив с собой из носа кровавой поток. Расширенными глазами

Алиса смотрела на Владыку — кричать, бежать, биться уже не хватало сил.

Вот как был пленён Прото... На свете было что-то большее, чем его сила.

Или всё дело в том, что она сама так и не стала сильным, могущественным зверем — хищником — богом? Так и осталась человеком, не способным смотреть безучастно на смерть близких и родных? Или? В чём?

Стиснув зубы и ещё раз глотнув змеи-воздуха, она оторвала от пола ногу и попыталась сделать шаг навстречу инквизиторам.

Владыка выдохнул второе слово...

И тело перестало слушаться, стремясь сжаться в точку пространства, сжимающейся вселенной, где каждая галактика — клетка крови, понеслась к своему изначалью, к центру, знаменуя начало конца. Алиса смотрела застывшим взглядом на Владыку. Уже ничто не было возможным...

— Нет. Стойте.

Знакомый голос упал ударом набата. Звучно, гулко и тяжело.

Владыка опустил глаза и посмотрел на йахасу. Потом за неё, дальше, где за её спиной поднимался на ноги командор. Владыка сглотнул, сумасшедшее глядя на то, как командор отряхивается, смахивая налипшие к коже чешуйки засохшей крови.

— Командор?

Голос Владыки ломался от неслышимого до человеческого.

— Пропустите, — устало отозвался командор. — Он ждёт её.

Алиса с трудом прикрыла глаза — хотелось плакать.

Владыка в сомнении поджал губы:

— Она вас не...

Борислав скупо усмехнулся и поднял с пола меч. До крови стиснул ладонью серебряное лезвие, доказывая принадлежность к человеческому роду. Кивнул в тонкую девичью спину:

— Она не пьёт.

Владыка опустил руки — поток воздуха рванулся, словно лопнула струна. И, обессилив, Алиса, рухнула на пол.

...

Глава 59 Воспоминание о Победе

Сестра Пелагея лежала недвижимо. Плотно сжав губы, так, что скорбная складка пролегла по морщинистому рту. И молчала.

Алиса отодвинулась, села поодаль, чтобы не касаться старой наставницы. Серебряный нож, осторожно подтянув за эбонитовую рукоять, подсунула матушке под ладонь, и отвернулась, рассматривая в скорбной темноте путь крыс за кладкой стены, тепло упавшего хлеба, дрожащую плёнку воды, разлившейся по камням. И тоже молчала.

Говорить было не о чем.

Старая наставница не смогла дать ей смерть. А она не стала останавливать старое сердце.

И, свалив матушку на каменный пол, махнув почти у морщинистого горла диким оскалом — отодвинулась и села, равнодушно рассматривая узор трещин на стенах. Ждала.

Сестра Пелагея поднялась, когда вполне овладела дыханием и внутренними чувствами.

Села, уверенно перехватив нож, напротив Алисы.

Та подобралась, внимательно наблюдая за руками старой наставницы, но сестра, горько усмехнувшись, не глядя, сунула нож в ножны. И опустив глаза, нахмурилась. Трудно было простить и проститься?

— Я учила тебя...

Алиса вздохнула:

— Я никогда этого не забуду.

Сестра Пелагея мотнула головой — «не то!» — и снова повторила:

— Учила. И другие тоже учили. Сперва законам Божиим. Потом — как их нарушать... Я дала самое страшное — технику, как это делать. И теперь...

Алиса вытянулась в сторону старой наставницы.

Сестра Пелагея вздохнула, и её губы сложились в дрожащую улыбку:

— Теперь, когда я знаю... Что не ошибалась...

Алиса стиснула зубы, ощущая, что кровь приливает к лицу. В этот момент жажда исчезла, осталось желание самой взрезать вены и напоить, напоить... Если бы она была уверена, что это будет понято...

— Я хочу, чтобы две заповеди ты запомнила...

— Да, матушка...

Сестра посмотрела остро и поднялась на ноги. Коротко, уверенно стряхнула с подола каменную пыль и потянулась к выходу из кельи-клетки:

— Всё возможно, чему мы позволяем быть...

И повернулась уйти. Взялась за кольцо массивной двери.

Словно лезвием полоснуло по сердцу понимание того, что эта встреча последняя. Что сейчас сестра Пелагея отдаёт нечто большее, чем наставление последней ученице.

— Матушка! — Алиса вскочила на ноги. Замерла. Хотелось броситься на шею наставнице, стиснуть в объятиях, словно обнять собой, не дать уйти... Но вместо этого, Алиса проглотила комок слёз в горле и дисциплинированно склонилась, чтобы скромно напомнить: — Вы сказали про две заповеди, матушка...

Сестра Пелагея рванула кольцо и тихой тенью скользнула в коридор.

Стиснув кулаки, ощущая, как, отрываясь живым от живого, от неё уходит последний в её

жизни родной человек, Алиса задержала вдох. Уходит...

В узкой щели меж дверью и стеной сестра Пелагея застыла, обречённо бросив плечи. Чуть обернулась, оставаясь уже невидимой во тьме коридора. И вздохнула.

— Бог есть.

И притворила дверь.

...

Дверная створка, сорвавшись с петель, влетела в зал и оглушительно грохнула по паркету.

Даниил запрыгнул внутрь здания, едва останавливаясь на скользком от крови полу. Встал единым комком ярости и мощи.

— Второй! Внимание! Второй! — закричал кто-то.

Вокруг влетевшего в зал йаха засуетились, перегруппировываясь, инквизиторы, едва успевающие складывать руки в отвращающих жестах. Даниил лишь брезгливо вскидывал руками, закрываясь от лопающегося вокруг воздуха. И бешено крутил головой, рыща глазами по залу.

А из внутренних помещений и со двора вбегали монахи и храмовники.

Даниил нашёл взглядом Алису, лежащую бессильно у ног владыки и смотрящую на него широко распахнутыми глазами. И зарычал сквозь зубы. Отмахнулся от напавшего сбоку храмовника — отлетев, тот ударился плашмя спиной о стену и свалился на пол бесхребетной морской звездой.

А Даниил пошёл вперёд, расшвыривая встающих на пути.

Владыка вскинул руки, вдыхая полной грудью.

Алиса вскрикнула.

Поздно.

Даниил прыгнул.

А Владыка выдохнул первое слово.

Йахас влетел в невидимую стену. Рухнул стгофрированной куклой, расшибаясь об пол. И словно попал в зыбучий песок. Завяз, задрыгался, сиюсь встать. Ему почти удалось это — он поднялся на четвереньки.

Алиса с ужасом смотрела на то, как от напряжения вздулись все мускулы йаха. Как вены завились змеями под кожей. Оскаленное лицо исказилось от напряжения. Из ноздрей, вслед за долгим, тяжёлым выдохом, поползли две кровавые струйки. Он с усилием поднял голову и посмотрел на владыку. Вертикальные зрачки отливали алым.

Опершись на дрожащие руки, Алиса стала подниматься — на неё энергия молитвы владыки не действовала, но сил, чтобы двигаться, оставались крохи.

— Отдай! — зашипел Даниил, трудно выталкивая звуки из напряжённой глотки.

Воздух вокруг него завибрировал, словно закипающий бульон, когда он стал распрямляться.

— Он встаёт! Внимание! — закричал кто-то из храмовников.

Йах поднимался. Дрожа от напряжения. Скрежеща зубами. На лбу выступил красный пот. Из-под ногтей полилась кровь. Жилы вибрировали, натягиваясь до предела. Но он встал.

Командор Борислав нахмурился, перехватывая рукоять меча, и вышел вперёд. Его примеру последовали другие.

— Нет!

Алиса нашла в себе силы подняться. Смогла и оторвать сострадательный, горящий слезами взгляд от друга, раздавливаемого толщей внезапно обрушившегося на него неба. Единым словом поверженного атланта. И, обернувшись, рывком схватила владыку за горло.

Всмотрелась в расширяющиеся от осознания глаза. В дряблые веки, готовые скрыть от

человечьего сознания ужас умирания под ударами йахаса. В залегающие тяжёлыми складками понимания морщины.

За её спиной кричали храмовники. Командор Борислав быстро перестраивал их на два фронта. И Алиса слышала в его голосе, обычно твёрдом, отчаянье. Храм проигрывал. Теперь уже — проигрывал.

...А Даниил, с трудом преодолевая массу сгустившегося пространства, сделал шаг...

Она склонила голову на бок и выдохнула в лицо владыки тихо, не тратясь на эмоции:

— Вырву язык.

Её волосы поднимаясь, струились над плечами, игнорируя законы притяжения, в глазах дрожали вертикальные зрачки, но тело оставалось прежним — человеческим. И это и пустота в голосе пугали окружающих больше, чем стоящий под грузом сгустившегося неба до небывалой мощи трансформированный йах.

Владыка стиснул губы, запирая едва удержанное Слово на замок молчания.

Алиса кивнула поощрительно и приказал дальше:

— Отпусти его.

Владыка застыл, не шевелясь. На лбу гроздьями повис выступивший пот, но упрямая складка легла под дряблым ртом. Отпускать йаха он не собирался.

— Алиса! Успокойся, — сбоку осторожными шажками подходил командор Борислав. — Тебя пропустят к Прото! Понимаешь?

Она скосила глаза. Командор медленно, не отрывая от неё взгляда, положил на окровавленный паркет меч. Отпустил рукоять, так же медленно распрямился.

...Даниил, тяжело рыча, выдохнул — из ноздрей полетели красные брызги, с губ — кровавая пена... Ещё шаг.

— Алиса... Ты пройдёшь к Прото. Ты же за этим пришла? — наставник развёл руки, сделал шаг, неотрывно следя за ладонью, вцепившуюся в горло митрополита. — Отпусти его и иди. Тебе никто не помешает. Слово воина Храма!

Уголок губ йахасы дрогнул, опускаясь.

— Освободите Даниила, — негромко отозвалась она.

Голос плохо слушался, срываясь на змеиный шелест. Волосы плыли над плечами, дико топорщась. Глаза смотрели на мир вертикальными щелями. Но оставались силы сдерживаться.

— Даниила? — командор Борислав осторожно приблизился ещё на шаг: — Алиса, ты же понимаешь... Он опасен. Он мутировал. Он пьёт кровь людей и более не сможет остановиться.

Она оскалилась:

— Я пила людей! И остановилась! И он сможет!

Наставник Борислав замер, болезненно, недоверчиво вглядываясь в неё. Лицо Алисы оставалось тяжёлым, равнодушным, и лишь вздрагивающий уголок рта выдавал внутреннее напряжение.

...Роняя тяжёлую, густеющую кровь, Даниил сделал ещё шаг. До Владыки оставался один рывок...

Горло отца Сергея дрогнуло под сведёнными судорогой пальцами. Старик задушено захрипел, схватился руками за запястье йахасы и, закатывая глаза, просипел:

— Это невозможно! Пьющие не могут...

Алиса привычно отёрла щеку о плечо и зыбко усмехнулась:

— Всё возможно, чему мы позволим быть...

Сказала и поняла — так и есть...

Из ноздрей текла кровь. Кровь липкой жижей расплывалась по полу. Кровь заливала одежду. Кровь пятнала кожу. Кровь...

Но она не чувала тяги.

Нутро молчало.

Алиса прислушалась к себе и замерла. Неуверенная улыбка задрожала, то проявляясь, то исчезая под тяжестью маски равнодушия йаха. Змея — огромная, жирная змеища, напившаяся досыта и ей, и всем, к чему она прикасалась последние годы — уползала, недовольными зигзагами по снежной пустыни её равнодушия. И она понимала, что перегорела. И равнодушие сменялось упоением свободы.

— Всё возможно, — иначе, смакуя каждое слово, каждый звук катая на языке, произнесла она.

И, неловко, почти неумело улыбнувшись, медленно разжала пальцы на горле старика.

Оглядела зал, где десяток храмовников и инквизиторов, напружинившись, стояли наизготовку, ожидая её малой заминки, чтобы рвать, крушить, метать и умерщвлять. Без жажды крови, без необходимости. Но потому, что так заповедовала вера.

Тряхнула волосами. Нахмурилась.

Отец Сергей, хватая дрожащим дряблым ртом воздуха, смотрел на неё, не отрываясь.

Йахаса вскинула подбородок и громко, дробя на слова, на смыслы, процедила:

— Никто. Больше. Не. Умрёт. Сегодня.

И внимательно осмотрела окружающих — дошло ли? Поняли ли?

Командор Борислав, напружиненный для броска, настороженно распрямлялся. Инквизиторы поднимали руки, ещё готовясь набросить на йахасу невидимые сети. Но она улыбалась — осторожно, едва-едва, словно вслушиваясь в нутро и боясь расплескать случайной радостью то чувство покоя и достатка, которое вдруг появилось внутри. Она смогла преодолеть себя. В миг, когда уже ничто не стояло на пути меж ней и кровью поверженного человека, её остановил не кто-то иной, не что-то чуждое и не собственный разум, а бережность к дорогой жизни. И упоение этой победой, словно свет исходило из тела, словно волна расплёскивалось по стенам зала. Силой и свободой.

А Даниил, рыча кровавой пеной, бросался на невидимую границу густоты.

Она улыбнулась отцу Сергею, убирая руки, и обернулась к другу за миг до разрыва сферы.

— Даня...

Тот рванул пространство, словно ткань — мир дрогнул и с треском йах вылетел из скованного заклятьем воздуха. Упал на четвереньки, отряхиваясь. Грязные брызги с отросших волос полетели в стороны. Вскочил. Измотанный, раненный, уставший, но готовый бежать, рвать, сражаться. Бешено огляделся — кто первый? Ну!

Алиса смотрела с тихой улыбкой, как йах озверело пялиться по сторонам и ждёт нападения. Она уже знала, что атаки не будет. Ощущение стронувшегося неба, зарождённых ветров новых течений, нового мира будил в ней забытые чувства нежности и доверия. Поэтому она могла стоять спиной к командору, снова стискивающему меч. Могла не смотреть на Владыку, способного в любой момент вновь чудесным Словом заставить обоих йахов принять на плечи всё небо над собой.

Пошатывающийся от усталости старец склонился, закрывая лицо в ладонях, и застонал:

— Во имя...

И, шелестя богатым жёстким одеянием, зашатался, почти рушась.

Командор успел подхватить его. Владыка, шевеля губами, не в состоянии произнести ни слова, трясущейся рукой показывал на йахов, застывших среди окровавленного, заваленного телами зала. Потом вдохнул, тяжёло сглотнув, и глухо выговорил:

— Во имя Сына. Во имя Духа. Они пришли.

В зале словно лопнула натянутая струна. Пространство тонко завибрировало изумлением и усталостью.

Храмовники один за другим опускались на колени, склоняясь и прижимая вздрагивающие пальцы к точке меж бровей.

Алиса обернулась, небрежно убирая упавшую на глаза прядь. Волосы опускались, змеясь по плечам. Смотри по сторонам, и Даниил затих на вздохе, трансформируясь в человека.

— Отцу и Сыну и Духу, — от десятков хриплых мужских голосов зал загудел, резонируя каждой колонной, каждым окном.

И застыли. Мечи опущены. Руки на лбах. Никто так и не перекрестился.

Командор помог Владыке опуститься на пол. Отец Сергей, сев и отдышавшись, махнул рукой наставнику:

— Веди их к нему. Не медли! Время камня прошло.

Наставник Борислав, церемониально опустился на колени и, коснувшись ладонью пола — красной, тягучей массы, — поднял руку и тронул меж бровей, оставив красное смазанное пятно. И развернулся к йахам:

— Идите за мной.

Тяжело поднявшись, прошёл мимо оцепеневших соратников, мимо застывших инквизиторов, склонивших головы, мимо монахов, замерших у стен. К дверям во внутренние покои. И, не оборачиваясь, застыл на пороге, дожидаясь йахов.

Алиса сглотнула и посмотрела на Даниила. Хмурый и взъерошенный, с отросшими до плеч волосами, с литым, совершенным телом, он казался совсем иным человеком. Но это был он. Тёмные горячие глаза смотрели с недоверием и удивлением, словно весь мир вокруг оказывался для него нов и неизведан. Это смотрели глаза человека.

Она протянула руку и тихонько пальцами обвила его пальцы. Даниил неловко поймал её ладонь в свою и бережно обхватил.

Мимо храмовников, мимо инквизиторов, мимо монахов...

Командор дождался их на входе и шагнул за дверь.

Коридор, полный тихого света огня негасимого. За коридором — зал. За залом — коридор. За коридором...

Когда они подошли к высокой двери за красными шторами, Алиса знала, что увидит там. И всё равно — сердце рвалось от ощущения конца. И ощущения начала.

Командор Борислав без слов потянул блестящие медным боком длинные рукояти. И распахнул двери.

...

Глава 61 Конец

Всё было так, как она не раз себе представляла... Так, и не так. Никогда не чувствовала она в своих фантазиях этого воздуха. С запахом крови и трав. Одурачающего, сладостного воздуха, кружащего голову и проникающего сквозь поры. И — заполняющего тело до самого нутра. Аромата, наполняющего каждую клетку ощущением сытости и силы. Дающего больше, чем жар из только что порванного горла. Чувство святости... И этот воздух потоком шёл — бил, прошивая насквозь и истончаясь в изголодавшемся теле — из открытых дверей.

Командор, чуть обернувшись на входе, посмотрел на Алису краем глаз:

— Дальше вы одни.

И отшагнул в сторону. Почти солдатский разворот — и командор застыл в стороне от дверей стражем и постовым.

Ветер святости, сытости и силы ударил сильнее.

Переглянувшись, йахи шагнули внутрь. И замерли, найдя взглядом, внутренним чутьём источник этой силы.

Зал с портьерными шторами на высоких стреловидных окнах, стол под богатым сукном, черный ноутбук с золотой эмблемой яблока, автоматчики в серых рясах по углам комнаты...

И человек. Лицо оставалось скрытым за крышкой ноутбука, но Алиса, как всегда, видела тончайшие седые пряди, клубящиеся пухом на голове и худые, болезненно приподнятые плечи, затянутые, словно в корсет, в черный пиджак.

Человек несуетно протянул руку. Сухие пальцы, затянутые в перчатку, поверх которой светились перстни, обхватили крышку ноута. Красный камень в золотой розетке, жёлтый, зелёный, синий, чёрный... Человек неторопливо опустил крышку и поднял глаза на вошедших.

— Влад...

Влажные глаза Алисы задрожали вертикальными чертами.

Он оказался таким, каким представляла. Пожилой, но ещё вполне крепкий мужчина, в солидном красивом фраке. Только вот ни в каких фантазиях она не видела, что его кожа пергаментного цвета, в тончайшей паутине едва заметных морщин, что его глаза узки, и в них ясно проглядывают вертикальные зрачки. И что меж бровей ярким пятном сидит кровавая точка.

Человек улыбнулся.

— Я ждал вас, дети мои. Алиса... Даниил.

Его голос был тих, словно песня истёршихся друг о друга за долгое время камней.

— Прото... — Даниил шагнул вперёд. — Ты свободен!

Влад улыбнулся и осторожно покачал головой:

— Свободен? Но я не пленник, Даня. Пленник — ты.

Даниил нахмурился, обежал взглядом зал, серые вооружённые фигуры.

Алиса шагнула вслед за другом и тронула его за плечо, словно отодвигая от разговора. Она уже начала понимать.

— Ты — Гроссмейстер, — устало сказала она. — А мы — пешки?

Прото медленно и бережно, словно хрустальные, сложил пальцы перед грудью и откинулся на кресло. Задумчиво оглядел стоящих в молчаливом напряжении йахов.

— Проходная пешка. И ладья. — Наконец отозвался он.

— Тура? — хмуро переспросил Даниил. Его губы едва заметно раздвигал проявляющийся оскал трансформации.

— Пешка стала ферзём, — задумчиво отозвался Влад, смотря на свои пальцы, — А ладья защитила её, даже не стремясь к движению. Активная малоходовая фигура. И фигура, способная одним своим присутствием на доске заставить обходить значимые ей места. И это первая партия за долгие века, которую я смог выиграть. Хотя и погонять вас пришлось...

— Довольно! — рыкнул Даниил и отодвинул Алису к себе за спину. — Мы пришли не об играх говорить! Кое-кто считал, что твоё освобождение сделает мир счастливее. Я, как дурак, поверил этому! И теперь...

Влад перебил:

— И теперь ты требуешь, чтобы я... — он усмехнулся — доказал тебе это или опроверг?

— Да, чёрт побери!

После дикого рыка йаха звенящая тишина окутала зал, словно осязаемое полотнище.

Закрывая глаза, Прото глубоко вздохнул. Тронул пальцами веки, словно проверяя их на присутствие. И отозвался:

— Может статься, что от моего освобождения мир станет светлее и чище... Возможно, всё изменится настолько, что люди перестанут умирать, а мёртвые восстанут из могил, возвращаясь к родным и близким. Вероятно, что вся суша станет единым садом Эдема... Люди перестанут восставать брат на брата. Самые страшные хищники будут ластиться у ног и не будут знать иной пищи, чем трава и плоды множественных древ, встающих там, где засуха стягивала и рвала землю...

Он говорил, не открывая глаз, а Алиса стояла, беззащитно подняв плечи. Ей хотелось плакать.

Даниил стискивал кулаки, щурился, и губы не могли сойтись на узких зубах нежить.

— Да... — задумчиво продолжал Прото, держась за глаза. — Может статься, что праведники сойдут на землю с небесного свода и пойдут по городам, проповедуя любовь и веру, и все, до кого они будут касаться, станут безгрешны. И не будет государств, не станет границ, и каждый будет отдавать в мир свой труд, и получать благ по своей нужде... Может статься так.

Он убрал пальцы и посмотрел на йахов снисходительно, словно старый родитель:

— Но только при двух условиях...

— Каких? — они вздрогнули одновременно.

Губы Влада сошлись в единую линию жёсткой строгости:

— Если вы верите во всё это. И если вам хватит на это сил.

И, опершись на подлокотники, медленно, оберегая хрупкое тело, стал подниматься.

Алиса вдохнула, словно глотнула жаркого воздуха пожара. Даниил вздрогнул, зашарив глазами по сторонам, заметался, с нарастающей яростью смотря на дрожащие портьеры, на опускающиеся на колени серые фигуры воинов-стражей.

— Что это значит? — прошептала Алиса, бессильно смотря на Прото.

Истинный йах выходил из-за стола. Высушенный временем, ставший хрупким, словно пересохший лист гербария. Но величественный в каждом движении — несуетном, степенном, зрелом, выверенном тысячелетиями существования.

— Это значит, — Влад снова улыбнулся мирно и покойно: — Что вы пришли. Это значит, что вам вести дальше этот мир. Вести тех, кого вы будете по праву родной крови защищать от врагов и бедствий. Кого вы обережёте от подобных вам и от иных.

— Вести? — Алиса растерянно раскинула руками. — А как же?! Ведь ваше освобождение...

Даниил стиснул зубы и криво усмехнулся, угрюмо следя за Прото:

— Всё просто, Аля. Это не его свобода приносит изменения. Это его смена приносит изменения.

Не торопясь, Влад поощрительно качнул головой:

— Ты станешь хорошим преемником, сын мой. Твоя душа и сознание долго блуждали во тьме, и потому ты сделаешь всё, чтобы не потерять света. А ты, моя милая Аля, — Влад посмотрел на девушку ласково: — Ты смогла сохранить в себе свет, даже научившись бояться и ненавидеть. Значит, ты сумеешь сохранить и дар, которым бог наградил тебя...

Измученно вскинувшись, Алиса распахнула губы, выпуская единый вдох — беззвучный, но осязаемый. Прошедший ветром — светлым, ласковым, пряным, — по всей комнате. Прото прикрыл глаза и глубоко вдохнул, ловя цветочный аромат и солнечный свет, и могучую силу звёздного притяжения, и мягкость материнской груди, и серебряную росу на дрожащей паутине, и льдистую кромку ледника...

— Дааа... — выдохнул Прото, с наслаждением смотря поверх ошеломленно застывших йахов. — Дух говорит в тебе. Только Дух так зовёт бога по имени...

Алиса схватилась за горло, стиснула, вздрагивая испуганной мышкой. Хмуро смотря на Прото, Даниил обнял девушку за плечи, делясь силой и уверенностью. Его волосы опустились, а лицо стало вновь человеческим, задумчиво-угрюмым. Но взгляд в тревоге шарил по дрожащим портьерам.

Влад вздохнул:

— Ты научишься говорить, Алиса. Научишься мыслить, как должно. Недаром дух избирается из тех, чьи человеческие знания и силы скудны, но чьё сердце велико. У тебя будет не одно тысячелетие для этого...

— Избирается? — угрюмо переспросил Даниил.

— Бог? — справившись с горлом, произнесла Алиса.

И тут же посмотрели друг на друга. Владиславу отвечать не пришлось. Он молча провёл рукой по волосам — седой пух ломко задрезжал под пальцами и вниз, легко кружась, упали серебристые пылинки. Словно звёзды или снежинки.

— Моё время на исходе, — просто сказал он. — Я уйду, оставляя вам всё, чем владел по воле всевышнего. Возьмите Церковь мою. Этот камень теперь ваш. С рождением вашего дитя...

Алиса вздрогнула и вцепилась в ладонь Даниила — судорожно, нервно, словно его отнимали. Нахмурившись, бывший бет сжал её плечо. А Прото продолжал, витая взглядом над головами приемников:

— ...появится на земле новый Храм, новая вера. Чем она станет — решать вам. И не вам. Ибо ничто на земле не происходит без воли Его. И ничто не происходит без воли нашей. Вам отныне искать согласия меж собой, согласия меж людьми, и согласия с богом. Не обольщайтесь своей высокой миссией... — он опустил взгляд и посмотрел на них прямо: — Она выше, чем может вынести душа...

Алиса смотрела в глаза Влада, не отрываясь. И губы её дрожали. Вместо звуков, вместо слов, лился ветер с ароматом прелых красных листьев в осеннем водоёме, с благоуханием осыпавшихся яблок, оставшихся под холодным дождём несобранными, с запахом состриженных волос, падающих под ноги...

Влад улыбался ей, но она видела не его, а серую дорогу от горизонта до горизонта. И восходящее солнце. И поднятый с дороги камень. И руки, кладущие камень на гору. И камни, лежащие выше. И как камни становятся Храмом, оставаясь камнями.

Даниил же смотрел в глаза Владу и его брови сходились, рождая грозную складку, похожую на разлом молнии. Он видел дорогу от горизонта до горизонта. И меч, переломленный и отброшенный. И сотни стрел втыкающихся в тело. Протыкающих белые одежды и выплёскивающие кровь. И камни с кровью на камнях. И камни, сложенные в храм...

Прото вздохнул, отворачиваясь, чтобы уйти...

Освобождаясь от дурмана, йахи вздрогнули.

Даниил дёрнулся к уходящему:

— Нет! Мы не возьмём на себя!

Влад не повернулся, не оглянулся. Только остановился и поднял голову выше, смотря под самый потолок, смотря сквозь его каменную толщу в утреннее солнце, и выше, выше.

— Поздно, — безучастно отозвался он. — Я покинул клетку, как только вы вошли. Теперь — это ваша судьба.

— Нет!

Портьеры вздрогнули и раздалились. Даниил толкнул Алису за спину и сгорбился, собирая все силы йаха. Люди в золотых одеждах — жрецы и стражи — стояли с шести сторон. И у каждого руки были подняты и с губ тянулся невидимый звук — тонкий и тяжёлый, спутывающий время и пространство в густую массу и опускающий его над йахами тонкостенным куполом.

— Нет! — Даниил метнулся, врезался плечом в невидимую преграду и осел назад.

Рубящиеся воины...

Ядерный взрыв...

Тигр, рвущий ребёнка...

Жрец, вскрывающий грудь девушке...

Рушащийся небоскрёб...

Драка детей за хлеб...

Тонущий корабль...

Разламывающийся материк, и осколки его, плывущие навстречу новому столкновению...

Сознание мутилось от миллиардов смертей и болей. И жестокого понимания своей причастности к ним. Одним этим шагом за пределы судьбы.

Алиса подхватила друга, обняла, закрывая от проклятия. Зашептала что-то неслышимое, неосязаемое в чёрные волосы на макушке. Протяжно-нежное, густое от ласки и силы. Но Даниил не приходил в себя. Сознание бежало от страха сопричастности.

Влад вздохнул и сгорбился, спиной чувствуя дребезжание сферы. Его она не сдерживала больше.

— Вы в клетке своих душ. Потому что без йаха в корне Храма, не останется Храма, не будет духовности, не станет морали. Какой ей быть — решать вам. И не вам. Но строить это вы сможете только на себе. Только из себя. Своей силой, своей жизнью. Камень за камнем. Сердце за сердцем.

— Нет, — Алиса зажмурилась, до судороги прижав в груди голову Даниила.

— Только так, — улыбнулся в пустоту перед собой Влад.

И поднял руки.

Яркая вспышка пронзила мир. словно пятиконечная звезда вспыхнула из человека. Живая, дрожащая слепящим светом. Секунда, две. И она распалась на тихие мирные огни. Спадающие Негасимые.

Алиса вжалась лицом в волосы любимого и заплакала.

Больше книг на сайте — Knigoed.net